

ISSN 2078-5356

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА:

*Вестник
Нижегородской академии
МВД России*

2023. № 4(64)

Министерство внутренних дел Российской Федерации
The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation

Юридическая наука и практика:

Вестник Нижегородской академии МВД России

**Основан в 2001 году
Выходит 4 раза в год**

№ 4 (64)

Legal science and practice:

Journal of Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

**Founded in 2001
Published 4 times a year**

Нижний Новгород 2023

Юридическая наука и практика

Вестник

Нижегородской академии МВД России

№ 4 (64)

2023

Адрес редакции и издателя:

603144, Нижегородская область,
Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
Нижегородская академия МВД России
Редакционно-издательский отдел
Тел.: (831) 421-73-21

E-mail: vestniknamvd@mail.ru

**Включен ВАК при Минобрнауки России
в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук
(Категория К-1)**

**Включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)**

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-38354
от 11 декабря 2009 года

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России»: 80785

Главный редактор *В. М. Баранов*
Редактор *А. С. Коробова*
Компьютерная верстка *Г. А. Федуловой*
Дизайн обложки *К. А. Быкова*

Тираж 1000 экз. Заказ № 419.
Свободная цена.
Дата выхода в свет 25.12.2023

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной
печати Нижегородской академии МВД России.

603144, Нижегородская область, Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3

© Нижегородская академия МВД России, 2023

Legal science and practice

16+

Journal of Nizhny Novgorod Academy

of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 4 (64)

2023

Address of the editorial and publishing office:

Editorial and publishing department, Nizhny Novgorod
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod region,
Nizhny Novgorod, 603144, Russia
Tel.: (831) 421-73-21

E-mail: vestniknamvd@mail.ru

**The journal is included in the list of peer-reviewed
scientific journals and publications,
where main research results of doctoral dissertations
should be published
(Category K-1)**

**The journal is included in the system
of the Russian Science Citation Index**

Published 4 times a year

The Journal is registered at the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.
Certificate number PI no. FS77-38354
as of December 11, 2009

Subscription index
at the General catalogue
“The Press of Russia”: 80785

Editor-in-chief *V. M. Baranov*
Editor *A. S. Korobova*
DTP *G. A. Fedulova*
Cover design *K. A. Bykov*

1000 copies. Order no. 419.
Free price.
Release date 25.12.2023

Printed at the printing section of Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod region,
Nizhny Novgorod, 603144, Russia

Редакционный совет

Председатель:

Плясов Константин Анатольевич — начальник Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Члены редакционного совета:

Баранова Марина Владимировна — заместитель декана юридического факультета по научной работе, профессор кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Баулин Олег Владимирович — профессор кафедры гражданского права и процесса Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Бондарь Николай Семенович — судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, заведующий кафедрой конституционализма Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Белоусов Сергей Александрович — проректор по научной работе Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Власенко Николай Александрович — профессор кафедры теории государства и права юридического института Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Ершова Елена Александровна — заведующая кафедрой трудового права и права социального обеспечения Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Исаков Владимир Борисович — профессор-исследователь Департамента теории права и междотраслевых юридических дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Союза писателей Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Капустин Анатолий Яковлевич — научный руководитель, заведующий отделом международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Карагодин Валерий Николаевич — заведующий кафедрой криминалистики Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Лазарев Валерий Васильевич — главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при

Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Мацкевич Игорь Михайлович — ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, президент Союза криминалистов и криминологов, президент Международного фонда правовых инициатив, главный ученый секретарь Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Москалькова Татьяна Николаевна — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Петрянин Алексей Владимирович — директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Поляков Михаил Петрович — профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Попондопуло Владимир Федорович — заведующий кафедрой коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Санинский Роман Александрович — председатель Арбитражного суда Нижегородской области, кандидат юридических наук (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Старилов Юрий Николаевич — декан юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Супрунов Александр Германович — первый заместитель начальника Нижегородской академии МВД России (по учебной работе), кандидат юридических наук (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Тарасов Николай Николаевич — профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Терещенко Людмила Константиновна — заместитель заведующего отделом административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Тихомиров Юрий Александрович — заместитель заведующего Центра публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Editorial council

Chairman:

Plyasov Konstantin A. — Head of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Members of editorial council:

Baranova Marina V. — Deputy Dean of the Faculty of Law for Research, Professor of the Department Theory and History of State and Law of the National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Doctor of Law, Candidate of Sciences (Cultural Studies), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Baulin Oleg V. — Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Voronezh State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Bondar Nikolay S. — Justice of the Constitutional Court of the Russian Federation retired, Head of the Department of constitutionalism of the Southern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Belousov Sergey A. — Vice-rector for Research of the Saratov State Academy of Law, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Vlasenko Nikolay A. — Professor of the Department of Theory of State and Law of the Law Institute Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Yershova Yelena A. — Head of the Department of Labor and Social Security Law of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Isakov Vladimir B. — Research Professor at the Department of Legal Theory and Cross-industry Legal Disciplines of the National Research University "The Higher School of Economics", Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Writers' Union of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kapustin Anatoly Ya. — Scientific Director, Head of the International Law Department of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Karagodin Valery N. — Head of the Department of Criminalistics of the Yekaterinburg Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Lazarev Valery V. — Chief Researcher at the Center for Basic Legal Research of the Institute of Legislation and Com-

parative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Matskevich Igor M. — Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, President of the International Foundation for Legal Initiatives, Chief Scientific Secretary of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Moskalkova Tatyana N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Petryanin Alexey V. — Head of Nizhny Novgorod branch St. Petersburg Academy of the Investigative Committee Russian Federation, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Polyakov Mikhail P. — Professor of the Department of Criminal Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Popondopulo Vladimir F. — Head of the Department of Commercial Law of the St. Petersburg State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Saninsky Roman A. — Chairman of Arbitration Court of Nizhny Novgorod Region, Candidate of Legal Sciences (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Starilov Yuri N. — Dean of the Law Faculty of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Suprunov Alexander G. — The First Deputy Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for academic work), Candidate of Legal Sciences (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Tarasov Nikolay N. — Professor of the Department of Theory of State and Law of the Ural State Law University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Tereshchenko Lyudmila K. — Deputy Head of Department of Administrative Legislation and Procedure of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Tikhomirov Yuriy A. — Deputy Head of the Center for Public Law Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Баранов Владимир Михайлович — помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Заместитель главного редактора:

Смолин Алексей Юрьевич — начальник редакционно-издательского отдела Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук

Члены редакционной коллегии:

Бирюков Павел Николаевич — заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Болтанова Елена Сергеевна — заведующий кафедрой гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Булатов Борис Борисович — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Вавилин Евгений Валерьевич — заведующий кафедрой семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, член Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте Российской Федерации (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Валеев Дамир Хамитович — заместитель декана юридического факультета Казанского федерального университета по научной деятельности, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Гамбарян Артур Сиреканович — заведующий кафедрой теории права и конституционного права Института права и политики Российско-Армянского университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Горшенков Геннадий Николаевич — профессор кафедры уголовного права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Гусев Алексей Васильевич — профессор кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Демин Александр Васильевич — профессор кафедры предпринимательского, конкурентного и финансового права Юридического института Сибирского федерального университета, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Демичев Алексей Андреевич — профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Кириллов Михаил Андреевич — профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Кодан Сергей Владимирович — профессор кафедры теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профес-

сор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Корнев Аркадий Владимирович — заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Крохина Юлия Александровна — заведующая кафедрой правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Крусс Владимир Иванович — заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Кузнецов Александр Павлович — профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Кучеров Илья Ильич — первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Лушников Андрей Михайлович — заведующий кафедрой трудового и финансового права Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Мартынов Алексей Владимирович — заведующий кафедрой административного и финансового права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Милюков Сергей Федорович — профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Миронов Анатолий Николаевич — заместитель руководителя Межрегионального управления Росприроднадзора по городу Москве и Калужской области, доктор юридических наук (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Моисеев Алексей Александрович — профессор кафедры теории и истории государства и права Кабардино-Балкарского университета имени Х. М. Бербекова, доктор юридических наук, доктор права Австралии (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Нематов Акмал Рауфджонович — заместитель Главного ученого секретаря; главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Национальной академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Овчинников Алексей Игоревич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного Федерального университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Павлов Вадим Иванович — начальник кафедры теории и истории государства и права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Ромашов Роман Анатольевич — профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, док-

тор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Сафин Завдат Файзрахманович — заведующий кафедрой экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Сизимова Ольга Борисовна — заведующий кафедрой гражданского права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Соловьева Татьяна Владимировна — профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, член экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Тарасов Анатолий Михайлович — главный советник генерального директора по юридическим вопросам АО «Лаборатория Касперского», главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор

юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Терехин Владимир Вячеславович — заместитель директора по научной работе Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Толстик Владимир Алексеевич — начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Фатьянов Алексей Александрович — заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Шестерякова Ирина Владимировна — заведующая кафедрой национальной безопасности и правоохранительной деятельности Московского государственного лингвистического университета, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Editorial board

Editor-in-chief:

Baranov Vladimir M. — Assistant to Head of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Research Development, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Deputy editor-in-chief:

Smolin Aleksey Yu. — Head of the Editorial and Publishing Department of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sciences (Law)

Members of editorial board:

Biryukov Pavel N. — Head of the Department of International and Eurasian Law School of Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Boltanova Yelena S. — Head of Department of Civil Law of National Research Tomsk State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Bulatov Boris B. — Professor of the Department of Criminal Procedure of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Vavilin Evgeniy V. — Head of the Department of Family and Housing Law of Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor, Member of the Council for Codification and Improvement of Civil Legislation under the President of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Valeyev Damir Kh. — Deputy Dean of the Faculty of Law of Kazan Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Gambaryan Artur S. — Head of the Department of Theory of Law and Constitutional Law of the Institute of Law and Politics of Russian-Armenian University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Gorshenkov Gennady N. — Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of National research Lobachevsky State university of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 - criminal law)

Gusev Aleksey V. — Professor of the Department of Criminalistics of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Demin Aleksandr V. — Professor of the Department of Entrepreneurial, Competitive and Financial Law of Law Institute of Siberian Federal University, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Demichev Alexey A. — Professor of the Department of Civil Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Candidate of Sciences (History), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kirillov Mikhail A. — Professor of the Department of Criminal and Penal Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Kodan Sergey V. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ural Academy of Public Administration, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kornev Arkady V. — Head of the Department of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Krokhina Yulia A. — Head of the Department of Legal Disciplines of the Supreme State Audit School (Faculty) of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Kruss Vladimir I. — Head of Department of Theory of Law of Tver State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kuznetsov Alexander P. — Professor of the Department of Criminal and Penal Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Kucherov Ilya I. — The first Deputy Director of Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Lushnikov Andrey M. — Head of the Department of Labor and Financial Law of Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Martynov Alexey V. — Head of the Department of Administrative and Financial Law of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Milukov Sergey F. — Professor of the Department of Criminal Law of the Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Mironov Anatoly N. — Deputy Head of the Interregional Department of Rospirodnadzor for the City of Moscow and the Kaluga Region, Doctor of Law (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Moiseyev Alexey A. — Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Kabardino-Balkarian University named after H. M. Berbekov, Doctor of law (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Nematov Akmal R. — Deputy Chief Scientific Secretary; Chief Researcher of the Department of Theoretical Problems of the Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of National Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Ovchinnikov Aleksey I. — Deputy Director of the Department of Theory and History of State and Law of Southern Federal University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Pavlov Vadim I. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Sciences (law), Associate Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Romashov Roman A. — Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement Activity of Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Safin Zavdat F. — Head Department of Environmental Law, Labor Law and Civil Procedure of Kazan (Privolzhsky) Federal University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Sizemova Olga B. — Head of the Department of Civil Law and Procedure of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Solovyeva Tatyana V. — Professor of the Department of Civil Procedure of Saratov State Academy of Law, a member of the Advisory Board under the Committee of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation on Constitutional Legislation and State-Building, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Tarasov Anatoly M. — Chief Advisor of the General Director of the Kaspersky Lab JSC for the Juridical Questions, Chief Scientist of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Employee of the Internal Affairs of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Terekhin Vladimir V. — Deputy Director for Research of the Volga Branch of the Russian State University of Justice,

Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Tolstik Vladimir A. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Fatyanov Aleksey A. — Head of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of Plekhanov Russian Economic University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Shesteryakova Irina V. — Head of the Department of National Security and Law Enforcement of Moscow State Linguistic University, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Теоретико-исторические правовые науки

- Волк-Леонович С. О.** Проблемы становления Древнерусского государства в трудах Александра Магнуса Фромгольда фон Рейца **11**
- Дробышевский С. А.** Об отражении опыта прошлого в основополагающих политических решениях, направляющих правовое регулирование **17**
- Либанова С. Э.** Методологический ключ определения критериев предела ограничения конституционных прав **26**
- Плешаков Е. А.** К вопросу о сущности юридического приоритета **35**
- Ханахмедова Л. В.** Политическая система общества в трактовке теории права **44**
- Хужин А. М., Одинокова А. В.** О презумпции виновности в контексте повышенной юридической ответственности **48**
- Шафиров В. М.** Норма-предписание и норма-предложение: соотношение понятий **53**

**Публично-правовые
(государственно-правовые) науки**

- Ильгова Е. В., Заметина Т. В., Комбарова Е. В., Щербакова О. В.** Роль конституционного права России в современном образовательном процессе **59**
- Грешнова Г. В.** Административное законодательство в свете современного реформирования **65**
- Липинский Д. А., Малько А. В., Иванов А. А., Маркунин Р. С.** Имплементированные правовые конструкции в конституционном праве России как фактор усиления юридической аномии **71**
- Соколов Д. В.** Новый правовой статус средства индивидуальной мобильности и юридическая ответственность управляющих ими лиц **86**

Уголовно-правовые науки

- Афанасьев А. Ю.** Частные механизмы доказывания по уголовным делам **93**
- Дубов Е. И.** Общественная опасность криминальных посягательств в сфере деятельности по возврату просроченной задолженности **100**
- Дудниченко А. Н., Григорян Д. К.** О некоторых аспектах рекрутинга женщин террористическими организациями посредством сети «Интернет» **108**
- Кириллов М. А., Петрянин А. В., Пшеничнов И. М.** Экстремизм в учреждениях и органах, исполняющих наказание: современное состояние, направления оптимизации противодействия **115**
- Лубин А. Ф., Лубин С. А.** Некоторые тактические проблемы выявления и оценки цифровых следов компьютерных преступлений **121**
- Сверчков В. В.** Влияние несистемной модернизации российского законодательства на систему уголовного права **126**

Theoretical and historical legal sciences

- Volk-Leonovich S. O.** Problems of the formation of the Old Russian state in the works of Alexander Magnus Fromgold von Reitz
- Drobyshevsky S. A.** On reflecting the experience of the past in fundamental political decisions guiding legal regulation
- Libanova S. E.** Methodological key to determining the criteria for the limit of restriction of constitutional rights
- Pleshakov E. A.** On the issue of the essence of legal priority
- Khanakhmedova L. V.** The political system of society in the interpretation of the theory of law
- Khuzhin A. M., Odinokova A. V.** On the presumption of guilt in the context of increased legal responsibility
- Shafirov V. M.** Prescription norm and statement norm: correlation of concepts

**Public law
(state law) sciences**

- Ilgova E. V., Zametina T. V., Kombarova E. V., Scherbakowa O. V.** The role of the constitutional law of Russia in the modern educational process
- Greshnova G. V.** Administrative legislation in the light of modern reformation
- Lipinsky D. A., Malko A. V., Ivanov A. A., Markunin R. S.** Implemented legal constructions in the Constitutional law of Russia as a factor of strengthening legal anomie
- Sokolov D. V.** The new legal status of the means of individual mobility and the legal responsibility of the persons managing them

Criminal law sciences

- Afanasyev A. Yu.** Private mechanisms of proof in criminal cases
- Dubov E. I.** Social danger of criminal encroachments in the field of overdue debt repayment
- Dudnichenko A. N., Grigoryan D. K.** About some aspects of the recruitment of women carried out by terrorist organizations through the Internet
- Kirillov M. A., Petryanin A. V., Pshenichnov I. M.** Extremism in institutions and bodies executing punishment: current state, directions of optimization of counteraction
- Lubin A. F., Lubin S. A.** Some tactical problems of identification and evaluation of digital traces of computer crimes
- Sverchikov V. V.** The impact of non-systemic modernization of Russian legislation on the criminal law system

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENT

Терехин В. В., Шевченко О. А. О нормативно-правовой конструкции допустимости доказательств и возможности ее совершенствования в уголовном процессе **131**

Международно-правовые науки

Бирюков П. Н. Имплементация в Российской Федерации документов Международной организации по стандартизации **137**

Евдокимов М. А., Валиев Т. М. Правовые аспекты деятельности Европейской прокуратуры: предпосылки и правоприменение **143**

Трибуна молодого ученого

Ветчинова Ю. И. Проблемы привлечения к административной ответственности за мелкое хулиганство **152**

Дубова М. Е. Современное состояние и тенденции преступности, сопряженной с внешней дискредитацией органов внутренних дел **160**

Климов Д. В. Преступность в сети «Интернет»: новые вызовы и угрозы безопасности страны **167**

Крошилин А. Е. Проблемы привлечения к ответственности за нарушения законодательства беспилотными транспортными средствами **174**

Кушнарева А. Г. Рассмотрение стадии возбуждения уголовного дела и выделение проблемы неадекватного правового регулирования прав лиц, участвующих в этой стадии **180**

Сысоева А. С. Женская преступность в сфере экономики: современное состояние, динамика, предупреждение **185**

Телевицкая Ю. А. Объект выемки, осмотра и обыска в электронных сетях **191**

Рецензии

Джамиев М. Р. Реформирование досудебного производства всегда в центре внимания (по мотивам одной монографии о межотраслевой процессуальной конвергенции) **195**

Плешаков Е. А. Юридический приоритет: необходимость разработки доктринальной концепции. Рецензия на диссертацию Н. Н. Хрони «Приоритетная обязанность в структуре специального правового статуса» (Москва, 2023. 220 с.) **198**

Персоналии

Хужин А. М., Ильин И. В. Ученый, новатор, личность! К юбилею профессора Алексея Андреевича Демичева **209**

Terekhin V. V., Shevchenko O. A. On the regulatory and legal structure of the admissibility of evidence and the possibility of its improvement in criminal proceedings

International legal sciences

Biriukov P. N. Implementation of documents of the International Organization for Standardization in the Russian Federation

Evdokimov M. A., Valiev T. M. European legal aspects of the activities of the European Public Prosecutor's Office: prerequisites and law enforcement

A young scientist's forum

Vetchinova Yu. I. Problems of bringing to administrative responsibility for petty hooliganism

Dubova M. E. The current state and trends of crime related to external discrediting of internal affairs bodies

Klimov D. V. Crime on the Internet: new challenges and threats to the country's security

Kroshilin A. E. Problems entailing liability for violating the legislation on unmanned vehicles

Kushnareva A. G. Consideration of the stage of initiation of a criminal case and highlighting the problem of improper legal regulation of the rights of persons participating in this stage

Sysoeva A. S. Female crime in the economic sphere: current state, dynamics, prevention

Televitskaya Yu. A. The object of seizure, inspection and search in electronic networks

Reviews

Dzhamiev M. R. Reform of pre-trial proceedings is always in the spotlight (based on one monograph on intersectoral procedural convergence)

Pleshakov E. A. Legal priority: the need to develop a doctrinal concept. Review of N. N. Khroni's dissertation "Priority duty in the structure of special legal status" (Moscow, 2023. 220 p.)

Personalia

Khuzhin A. M., Ilyin I. V. Scientist, innovator, personality! To the anniversary of Professor Alexey Andreevich Demichev

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-11-16>

Проблемы становления Древнерусского государства в трудах Александра Магнуса Фромгольда фон Рейца

Волк-Леонович Станислав Олегович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, ejwolf2006@rambler.ru

Аннотация. В статье отмечены основные моменты биографии одной из ключевых фигур российской историко-правовой науки — А. М. Ф. Рейца, а также проанализирован изданный им в 1829 году труд, получивший название «Опыт истории русского права». Ученый рассматривает процесс становления признаков государства в контексте эволюции родовых институтов под воздействием ряда внешних и внутренних факторов (которые анализируются в настоящей статье). В частности, по мнению ученого, эволюция детерминирована демографическими процессами, рост численности населения, объединенного родовыми узами в границах одного поселения, влечет за собой трансформацию патриархальной власти вождя племени в коллегиальную власть старейшин родов. Ученый также указывает на острые социальные противоречия в качестве одной из значимых причин возникновения государства.

А. М. Ф. Рейц, развивая идеи, ранее высказанные его предшественниками профессорами И. Г. Нейманом и И. Ф. Г. Эверсом, видит не индивидуальную власть великого князя в Древнерусском государстве, подобно европейским монархам, а коллективный сюзеренитет; подвергает сомнению устоявшуюся в российской историографии точку зрения об утверждении в ранний период существования Древнерусского государства власти старшего в роду.

Ученый в качестве основания для легитимного транзита власти рассматривает наследование и завещание, власть удерживается в рамках одного рода и ее переход регулируется нормами, сходными с нормами наследственного права. Древнерусское государство ученый определял по форме правления как абсолютную монархию и, вслед за И. Ф. Г. Эверсом, определял Древнерусское государство по территориальному устройству союзным государством, созданным посредством договора князей, а не естественным объединением территорий. Идеи, обоснованные в трудах А. М. Ф. Рейца, нашли отклик в научном творчестве в трудах фактически всех историков отечественного права.

Ключевые слова: Древнерусское государство, исторический подход, княжеские съезды, вече, монархия, родовой быт, обычное право

Для цитирования: Волк-Леонович С. О. Проблемы становления Древнерусского государства в трудах Александра Магнуса Фромгольда фон Рейца // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 11–16. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-11-16>.

Original article

Problems of the formation of the Old Russian state in the works of Alexander Magnus Fromgold von Reitz

Stanislav O. Volk-Leonovich

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ejwolf2006@rambler.ru

Abstract. The article notes the main points of the biography of one of the key figures of Russian historical and legal science — A. M. F. Reitz, and also analyzes the work he published in 1829, called “An Experience in the History of Russian Law”. The scientist examines the process of formation of state characteristics in the context of the evolution of tribal institutions under the influence of a number of external and internal factors (which are analyzed in this article). In particular, according to the scientist, evolution is determined by demographic processes; the growth of the population united by clan ties within the boundaries of one settlement entails the transformation of the patriarchal power of the tribe leader into the collegial power of clan elders. The scientist also points to acute social contradictions as one of the significant reasons for the emergence of the state.

© Волк-Леонович С. О., 2023

A. M. F. Reitz, developing ideas previously expressed by his predecessors Professors I. G. Neumann and I. F. G. Evers, sees not the individual power of the Grand Duke in the Old Russian state, like European monarchs, but collective suzerainty; questions the established point of view in Russian historiography about the establishment of the power of the eldest in the family in the early period of the existence of the Old Russian state.

The scientist considers inheritance and will as the basis for the legitimate transit of power; power is retained within one clan and its transfer is regulated by rules similar to the rules of inheritance law. The scientist defined the Old Russian state by its form of government as an absolute monarchy and, following I. F. G. Evers, defined the Old Russian state by its territorial structure as a union state created through an agreement of princes, and not by a natural unification of territories. Ideas substantiated in the works of A. M. F. Reitz, found a response in the scientific creativity of the works of virtually all historians of Russian law.

Keywords: old Russian state, historical approach, princely congresses, veche, monarchy, tribal life, customary law

For citation: Volk-Leonovich S. O. Problems of the formation of the Old Russian state in the works of Alexander Magnus Fromgold von Reitz. *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 11–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-11-16>.

Александр Магнус Фромгольд (Александр Федорович) фон Рейц (нем. *Alexander Magnus Fromhold von Reutz*) (1799–1862) одна из ключевых фигур российской историко-правовой науки, стоявших у истоков ее создания и на многие годы определивших ее развитие, оказывающих в той или иной степени влияние и по сей день [1, с. 587].

Обращаясь к биографии этого незаслуженно забытого ученого следует отметить наиболее ключевые моменты, определившие становление А. М. Ф. Рейца как историка права. Образование Александр Федорович получил в одном из древнейших учебных заведений Российской империи, Дерптском университете, который окончил в 1820 году [1, с. 588].

В январе этого же года по предложению своего учителя, ординарного профессора И. Е. Неймана, факультет ходатайствовал о разрешении А. М. Ф. Рейцу преподавать особенную часть уголовного права. В июне 1820 года молодой ученый представляет кандидатскую работу об опеке по русскому праву и утверждается в звании кандидата права, ему поручают преподавать курс русского права. В 1824 году ему присвоено звание доктора права в Тюбингенском университете, по возвращении в Дерпт в мае 1825 года он избран экстраординарным профессором по кафедре русского права. В 1832 году ученый подготовил фундаментальный труд по истории права юго-западных славян [1, с. 588].

Но, безусловно, одной из самых выдающихся заслуг ученого является изданный им в 1829 году труд, получивший название «Опыт истории русского права». Важное значение этой книги нагляднее всего подтверждается тем, что известный ученый того времени профессор Московского университета Ф. Л. Морозов, руководствуясь идеями министра народного просвещения графа С. С. Уварова о применении

«исторической методы в раскрытии отечественных наук» [2], принимает решение о написании для своих студентов учебника истории русского законодательства; «но, убедившись в неизбежной продолжительности труда, он полезнейшим нашел издать известное в ученом свете сочинение Дерптского профессора Рейца» [3, с. 3]. Переведенный учебник увидел свет в 1836 году и благодаря этому в течение нескольких десятков лет являлся единственным университетским учебником по истории русского права, что оказало сильнейшее влияние на формирование представлений об эволюции государственно-правовых институтов Российской империи у следующих поколений российских ученых правоведов [3, с. 3].

Рассматривая основные положения труда А. М. Ф. Рейца, мы видим, что в целом они развивают и углубляют концепцию, предложенную И. Ф. Г. Эверсом. Ученый рассматривает процесс становления признаков государства в контексте эволюции родовых институтов под воздействием внешних и внутренних факторов. По мнению ученого, эволюция детерминирована демографическими процессами, рост численности населения, объединения родовыми узлами в границах одного поселения, влечет за собой трансформацию патриархальной власти вождя племени в коллегиальную власть старейшин родов. По мнению Рейца, именно данный фактор определяет естественный переход к новому типу общественного устройства. В данный период формируется система норм обычного права, регулирующих подобного рода отношения власти, где власть домовладыки определяется как абсолютная, его главенство над каждым членом рода есть переходная ступень от власти патестарной к власти публичной, что составляет закономерный этап в развитии всех обществ [4].

Вторым фактором, определяющим движение эволюции, по мнению Рейца, выступает участие актов агрессии со стороны соседних племен, находящихся в тесной связи с демографическим фактором. Каждый род стремится обезопасить свое существование и защитить как своих членов, так и экономические ресурсы, составляющие основу существования общества. Отражение агрессии сопровождается актами возмездия, уравнивающими силы противоборствующих сторон. Данные обстоятельства также генерируют нормы обычного права, определяющие месть как средство обеспечения безопасности, превращая данные институты в ключевой регулятор, консолидирующий родовую общность в борьбе за выживание. Таким образом, изменения в обществе рассматриваются ученым как «произведенные необходимостью», обуславливающие постепенное возрастание определенности отношений и влекущие за собой образование государства и верховной власти, где нормы институтов, обеспечивающих безопасность и защиту, становятся прерогативой публичной власти и одной из основных функций государства [4].

Формируется институт транзита власти, возникающий первоначально в родовой общности, проистекающий из перехода комплекса прав от умершего домовладыки родственникам. Транзит власти начинает осуществляться от отца к старшему сыну. Прерогативы правителя рассматриваются как продолжение власти старшего в роду, ученый специально подчеркивает, что в ранний период русской истории институты наследования имущества и престолонаследования не являются ни тождественными, ни даже родственными институтами, так как наследование имущества обеспечивает равные права всем наследникам, в то время как престолонаследование является продолжением власти старшего члена рода над всем племенем, таким образом, относится не к имущественному, а скорее к семейному праву [4]. Этот важный аспект будет позже развит К. Д. Кавелиным и Б. Н. Чичериным при построении ими периодизации истории русского права.

Кризис родовой организации общества определяется также демографическим фактором, предполагающим возникновение конфликта в общности. Конфликт является следствием конкуренции за господство в таком сообществе между домовладыками и поддерживающими их родичами. Это, в свою очередь, с необходимостью приводит к потребности во внешнем арбитре, как гаранте

стабильности и предотвращении взаимного уничтожения. Указанный сценарий имеет «езде более или менее подобные следствия».

Таким образом, ученый указывает на острые социальные противоречия в качестве одной из значимых причин возникновения государства. Обозначая такую причину как «внутреннее расстройство» [4], которое является следствием присвоения власти со стороны рода, обладающего большими ресурсами, при этом указывает на то, что «когда зависть различных родов нарушала согласие общинных совещаний и сильнейший род хотел господствовать над менее сильными, не столь многочисленными, тогда наступало то состояние внутреннего расстройства, которое летописи приводят как причину призвания иноплеменных князей» [4, с. 12].

Еще одной из причин выступает, на взгляд Рейца, геополитический фактор, заключающийся в потребности защитить «от нападений северных морских разбойников». Такой защитой, по мнению А. М. Ф. Рейца, могли выступить только представители «сильного народа или соседственного» [4, с. 12] славянам народа, лучшее средство для защиты от норманнов он видит в призвании таковых для осуществления защиты от нападений [4].

Таким образом, власть из потестарной окончательно превращается в публичную, и первые князья силой утверждают свое господство над прилегающей территорией, увеличивая область завоеваниями, облагая побежденных данью и оставляя без изменения механизм управления покоренными племенами. Впоследствии племенные органы управления заменяются наместниками варяжских князей [4], таким образом, племенные территории присоединяются к государству в качестве волости [4].

Подвергая анализу скудные летописные известия, А. М. Ф. Рейц наглядно показывает, каким образом формируется территория нового государства, каким образом с течением времени племенные князья лишаются своей власти в процессе отчуждения Рюриковичами городов и земель.

А. М. Ф. Рейц, развивая идеи, ранее высказанные его предшественниками профессорами И. Г. Нейманом [5] и И. Ф. Г. Эверсом [6], видит не индивидуальную власть великого князя в Древнерусском государстве, подобно европейским монархам, а коллективный сюзеренитет. Княжеская власть, по мнению ученого, — есть власть всего родового коллектива Рюриковичей, что дает основание полагать, что форма территориальной организации Древнерусского государства была союзной [4, с. 28].

Анализируя летописный материал, ученый приходит к выводу о невозможности с точностью выявить порядок престолонаследования. Выдвигается гипотеза о регулировании транзита власти нормами обычного права, сходного с нормами, регулировавшими порядок передачи наследства. Правило преимущественного права старшего в княжеском роду занимать престол выводится ученым из власти домовладыки. Также ученый рассматривает в качестве основания транзита власти волю правителя, на примере поручения Рюриком воспитания Игоря Олегу он усматривает естественное право Олега на престол. В этом же проявляется естественное право Ольги на правление государством при малолетнем Святославе. В качестве альтернативной гипотезы о правлении Ольги, ученый рассматривает приобретение статуса правителя согласно обычаю в частном праве, когда «мать одна управляла имением» [4, с. 28].

А. М. Ф. Рейц подвергает сомнению установившуюся в российской историографии точку зрения об утверждении в ранний период существования Древнерусского государства власти старшего в роду. Рюрик, по мнению ученого, своим правовым статусом ничем не отличается от своих братьев [4, с. 28]. Сыновья Святослава после смерти своего отца выступают в качестве абсолютно независимых правителей, то же наблюдается и после смерти князя Владимира. Власть старшего в роду укореняется лишь со времени правления Ярослава, который устанавливает для потомков запрет на нарушение границ чужих владений и возлагает обязанность на старшего помогать тем, кто подвергся агрессии. Ученый прямо отмечает, что «Ярослав первый определил отношение *старшинства в роду* (курсив мой. — С. О.) при разделении Государства, объявив ясными и точными словами право верховной власти старшего над союзным Государством» [4, с. 28]. Однако последующая практика показывает, что подобное правило не могло просуществовать достаточно долгий период времени, «идея наследования отеческого престола должна была противостоять идее наследования старшего в роде, а, наконец, престолонаследование и право наследства слились воедино в царствующем доме» [4, с. 28].

Таким образом, можно с уверенностью сделать вывод, что А. М. Ф. Рейц в качестве основания для легитимного транзита власти рассматривает наследование и завещание, власть удерживается в рамках одного рода и ее переход регулируется нормами, сходными с нормами наследственного права.

Власть князя представляется ученым абсолютной, «в отношении к подданным образ правления был неограниченная монархия» [4, с. 28], он не находит в летописном материале следов «ограничения Княжеской власти» [4, с. 28]. Народ лишен возможности принимать участие в управлении государством.

Вече рассматривается А. М. Ф. Рейцем как частный случай, а не норма. Рассматривая вече, ученый высказывает мнение, что вече как политическое явление есть лишь следствие слабости княжеской власти. Вече изначально представляется ученому, как «совещание глав народа, в случаях нужды, когда нет Князя, или он не в состоянии действовать». При нормальном течении дел и достаточном авторитетной власти князя сам факт его отсутствия не предполагал возможность существования вече, так как «чиновники и наместники продолжают управление» [4, с. 50, 98].

Исключение из общего правила ученый находит лишь в Новгороде и Пскове, где вече обладало верховной властью и сохраняло широкий круг полномочий, в остальных случаях вече является следствием протестных настроений, результатом конфликта между князем и населением города [4, с. 50, 98].

Также ученый обращает внимание, что институты самоуправления Новгорода и в конечном итоге Пскова основывались «на правах и вольностях, дарованных Ярославом, но о сем нет никакой грамоты» [4, с. 50, 98].

Ярослав Мудрый, давший новгородцам Русскую Правду, ограничился лишь указанием на порядок взимания податей и осуществления судопроизводства, дальнейшее расширительное толкование возникает как результат расширительного толкования норм Русской Правды и конституционной практики.

Единственным совещательным органом, функционирующим в соответствии с нормами обычного права и по воле князя, является совет бояр и старейшин, при этом власть князя не нуждается в санкции или одобрении со стороны этого органа, орган носит выражено совещательный характер, его решения носят исключительно рекомендательный характер.

При этом ученый отмечает, что посему Владимира хвалят, что князя высоко ценили мнение своей дружины: так Ярослав отказался принять христианскую веру из-за мнения дружины. «Узы, связывавшие дружину с Князем, были тесные и крепкие узы верности и обоюдной помощи на жизнь и смерть» [4, с. 50, 98]. Ученый даже выдвигает гипотезу о праве мести, которое

распространялось не только на родственников, но и на дружину. Такое предположение основано ученым на примере Варяжко, отрока великого князя киевского Ярополка Святославича, мстившего Владимиру.

По мнению ученого, Великий князь был, прежде всего, военным предводителем, однако в спорах между младшими князьями выступал верховным судьей, несмотря на то, что в своих делах они оставались суверенными правителями [4, с. 87–88]. Динамику отношений между князьями он рассматривал в контексте родовых отношений и заключил, что Древнерусское государство по форме — «союзное» государство» [4, с. 28]. В рамках родовой корпорации господствуют родственные отношения, взаимоотношение между князьями регулируются семейными нормами и основываются на равном, «братском» характере таких отношений.

В качестве регулятора отношений между князьями, таким образом, выступает не только обычай, но и ряд (договор), играющий важное значение для разрешения конфликтных ситуаций внутри родовой корпорации [4, с. 22, 28]. Предпосылкой для использования договора в качестве регулятора выступает, прежде всего, признание равного статуса и независимости князей друг от друга [4, с. 96].

Отношения между удельными князьями и Великим князем вплоть до времени правления Ярослава Мудрого, не было урегулировано.

С точки зрения ученого, отношения, которые формировались, основаны на соблюдении норм обычного права и установленных соглашений [4, с. 22, 28]. Нормы обычного права преимущественно представлены внутрисемейными нормами общежития, регулирующими взаимоотношения между членами родовой организации, которые определялись общей принадлежностью к одному предку, общностью собственности, общностью ценностей, разделяемых всеми принадлежащими к родовой организации, родственная связь и место, занимаемое индивидом в родовой организации в подобного рода отношениях, является определяющей в характере взаимодействия. Нормы, которые создавались посредством договорных отношений, являлись новацией, для появления таких норм требовалось относительное равенство сторон, суверенитет участников таких отношений друг от друга [4, с. 87]. Такая ситуация могла возникнуть лишь при условии утраты политического значения института власти великого князя, а, следовательно, и в значительной мере уменьшения эффективности обычных норм, определявших

возможности данного института разрешать межкняжеские конфликты. Это повлекло за собой возрастание роли норм конвенционального характера. Договорная практика становится определяющей в формировании норм, регулирующих отношения между князьями. Интерес ученого обращается к институту, который определял формирование таких норм. Таким институтом, по мнению А. М. Ф. Рейца, являлись княжеские съезды (снемы), возникновение которых напрямую связывается с дефицитом верховной власти и единственной возможностью обеспечить более или менее относительное единство Древнерусского государства. Решения княжеских съездов имели обязательный характер для участников. Процедура предусматривала скрепление решения взаимным принесением клятв, скрепляемых крестоцелованием. Снемы обладали достаточно широкой компетенцией, прежде всего, относящейся к вопросам внешней и внутренней безопасности. Решения определяли совместную организацию обороны или совместный поход, определяли порядок получения уделов, разрешали споры, возникавшие между князьями. Несмотря на выявление указанного института, А. М. Ф. Рейц последовательно определяет форму правления Древнерусского государства как абсолютную монархию, не допуская самой возможности ограничения княжеской власти чем-либо [4, с. 28].

Таким образом, А. М. Ф. Рейц определял Древнерусское государство по форме правления как абсолютную монархию и, вслед за И. Ф. Г. Эверсом, определял Древнерусское государство по территориальному устройству как союзное государство, созданное посредством договора князей, а не естественным объединением территорий. Несмотря на достаточно широкий круг полномочий у Великого князя как главы союзного государства, каждый князь в своем княжестве был суверенным владыкой. По форме правления — это монархия, где все князья были объединены кровным родством [4, с. 87–88].

Идеи, обоснованные в трудах А. М. Ф. Рейца, нашли отклик в научных трудах фактически всех историков отечественного права: профессоров К. Д. Кавелина, В. Н. Лешкова, И. Н. Даниловича, Н. В. Калачова, И. Д. Беляева, Б. Н. Чичерина, В. И. Сергеевича.

Научное значение изысканий А. М. Ф. Рейца трудно переоценить. Он один из первых среди отечественных историков права отказался от спекулятивных схем или простой регистрации исторических фактов [7, с. 74], выявил закономерности развития общественного быта

и указал на некоторые особенности генезиса древнерусской государственности, применил собственную методику изучения источников древнерусского права, показал, в какой степени они способны раскрыть запечатленный образ общественных отношений, проследить качественные изменения в определенные периоды истории [7, с. 80]. В научных трудах профессора Дерптского университета уделяется большое внимание процессу становления и развития государственно-правовых институтов, раскрыта широта эмпирического уровня исследования эволюции социальных институтов, показана взаимосвязь правового обычая с процессом зарождения позитивного права, раскрыты органические принципы права, обеспечивающие его внутреннее единство. Важными для отечественной юридической науки стали технологии применения сравнительно-правового метода, и то, каким образом показана специфика сравнения источников по истории права Древнерусского государства, свидетельства средневековых арабских путешественников, скандинавские саги [7, с. 80], соотношение с законодательством европейских государств.

Список источников

1. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802—1902) / под ред. Г. В. Левицкого. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1902. Т. I.
2. Уваров С. С. Избранные труды / сост., авт. вступ. статьи и коммент. В. С. Парсамов, С. В. Удалов; авт. пер. В. С. Парсамов. Москва: РОССПЭН. 719 с.
3. Морошкин Ф. Л. Ученые труды по части истории русского законодательства // Ученые записки имп. Московского ун-та. 1835. Ч. 10. С. 145—147.
4. Рейц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / перев. Ф. Л. Морошкин. Москва: Унив. Типография, 1836. XXVI, 414 с.

5. Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / перев. с нем. И. Платонова. Санкт-Петербург: печатано в Типографии Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1835.

6. Нейман И. Г. О жилищах древнейших руссов. [Письмо к Г. Эверсу]. Сочинение Г-на Н. [Неймана] и критический разбор онаго. / пер. с нем., предисл. и критич. статья М. П. Погодина. Москва, 1826.

7. Волк-Леонович С. О. Древнерусское государство в исследованиях отечественных правоведов второй половины XIX — начала XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2021. 238 с.

References

1. Biographical dictionary of professors and teachers of the Imperial Yuryevsky, former Dorpat University for a hundred years of its existence (1802–1902) / ed. by G. V. Levitsky. Yuriev: Printing house of K. Matthiesen, 1902. Vol. I. (In Russ.)
2. Uvarov S. S. Selected works / comp., author. entry articles and commentary V. S. Parsamov, S. V. Udalov; auto lane V. S. Parsamov. Moscow: ROSSPEN Publ., 719 p. (In Russ.)
3. Moroshkin F. L. Scientific works on the history of Russian legislation. *Scientific notes of the imp.* Moscow, 1835. Part 10. Pp. 145–147. (In Russ.)
4. Reitz A. Experience in the history of Russian state and civil laws / translated and published by F. L. Moroshkin. Moscow: In University Publ., 1836. XXVI. 414 p.
5. Neiman I. G. About the dwellings of the ancient Russians. [letter to G. Evers]. An essay by Mr. N. [Neumann] and a critique of it / trans. from German, preface and critical article by M. P. Pogodin]. Moscow, 1826. (In Russ.)
6. Evers I. F. G. The most ancient Russian law in its historical disclosure / transl. by I. Platonova. St. Petersburg: printed in the Printing House of the Headquarters of the Separate Corps of the Internal Guard, 1835. (In Russ.)
7. Volk-Leonovich S. O. The Old Russian state in the studies of domestic jurists of the second half of the 19th — early 20th centuries. Dissertation... candidate of legal sciences. Omsk, 2021. 238 p. (In Russ.)

Информация об авторе

С. О. Волк-Леонович — кандидат юридических наук.

Information about the author

S. O. Volk-Leonovich — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 30.09.2023; одобрена после рецензирования 25.10.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 30.09.2023; approved after reviewing 25.10.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Научная статья
УДК 341.01:327.8
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-17-25>

Об отражении опыта прошлого в основополагающих политических решениях, направляющих правовое регулирование

Дробышевский Сергей Александрович

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, sergiidrobicevski@gmail.com

Аннотация. Постановления отечественной суверенной власти относительно распада СССР и преодоления организуемой ныне некоторыми государствами международной изоляции России оценены как примеры игнорирования и отражения указанного опыта. Аргументация такова. В первом случае из-за неведения руководителей отечественной суверенной власти не учтен опыт сохранения единого государства бывшими североамериканскими английскими колониями для избежания между ними конфликтов, в том числе вооруженных, выразившийся в образовании США. Такое неведение рассмотрено как одна из причин распада СССР. Во втором случае отражен — осознанно или нет — опыт преобразования системы международных отношений после крушения Римской империи, которое дало возможность не самым сильным государствам лучше реализовывать собственные интересы, развивая связи с утвердившимися тогда в мире несколькими самыми мощными странами, что предполагает невозможность международной изоляции для каждой из последних. В силу подобия этого преобразования переходу от господства США на международной арене после распада СССР к современному «многополярному» миру не самые сильные государства ныне получили возможность лучше, чем при отмеченном господстве, реализовывать собственные интересы, общаясь со всеми «полюсами» сегодняшнего мира, включая Россию. Это объясняет нынешние успехи России во взаимодействии с очень многими странами.

Что касается борьбы с обсуждаемым игнорированием опыта прошлого, то, хотя полностью его исключить невозможно в силу фрагментарности установленной истории и физической невозможности для человека познать даже известное, предложено поднимать политическую культуру участников суверенной власти, чему залогом служит качественное политологическое и юридическое образование. Это относится не только к принимающим решения лицам, но прежде всего к их советникам-ученым, к которым вынуждены обращаться за знаниями политики из-за нехватки времени на самостоятельное познание прошлого. При этом формы обращения могут быть разными.

Ключевые слова: политическое решение, опыт прошлого, заимствование, правовое регулирование, суверенная власть, международное общение

Для цитирования: Дробышевский С. А. Об отражении опыта прошлого в основополагающих политических решениях, направляющих правовое регулирование // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 17–25. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-17-25>.

Original article

On reflecting the experience of the past in fundamental policy decisions guiding legal regulation

Sergey A. Drobyshevsky

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, sergiidrobicevski@gmail.com

Abstract. The decisions of the domestic sovereign power regarding the collapse of the USSR and overcoming the international isolation of Russia organized by some states are evaluated as examples of ignoring and reflecting this experience. The reasoning is as follows. In the first case, due to the ignorance of the leaders of the domestic sovereign power, the experience of preserving a single state by the former North American English colonies in order to avoid conflicts between them, including armed ones, expressed in the formation of the United States, is not taken into account. Such ignorance is considered as one of the reasons for the collapse of the USSR. In the second case, the experience of the transformation of the system of international relations after the collapse of the Roman Empire is taken into account, which made it possible for not the strongest states to better realize their own interests

© Дробышевский С. А., 2023

by developing ties with several of the most powerful countries established in the world at that time, which implies the impossibility of international isolation for each of the latter. Due to the similarity of this transformation to the transition from US domination in the international arena after the collapse of the USSR to the modern “multipolar” world, not the strongest states now have the opportunity to realize their own interests better than under the noted domination, communicating with all the “poles” of today’s world, including Russia. This explains Russia’s current success in interacting with so many countries.

As for the fight against the discussed ignoring of the experience of the past, although it is impossible to completely exclude it due to the fragmentary nature of the established history and the physical impossibility for a person to know even the known, it is proposed to raise the political culture of the participants of the sovereign power, which is guaranteed by a high-quality political science and legal education. This applies not only to decision-makers, but above all to their advisers-scientists, to whom they have to turn for knowledge of politics due to lack of time for independent knowledge of the past. At the same time, the forms of treatment may be different.

Keywords: political decision, reflection of experience, state, legal regulation, sovereign power, international communication

For citation: Drobyshevsky S. A. On reflecting the experience of the past in fundamental political decisions guiding legal regulation. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 17–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-17-25>.

Ясно, что рассматриваемый вопрос отчасти относится к политологии, которая призвана учить тому, как выносить политические постановления. Для такого вынесения требуется полная и достоверная информация относительно предмета, по которому требуется принять решение [1; 2, с. 224–226, 255–259, 379]. Вот почему пути достижения указанных сведений исследуются политологами [3, р. 120–122; 4, р. 102–115; 5, р. 445–455; 2, с. 406–407; 1].

Но тема данной работы может быть определена и как вопрос о преемственности и рецепции при правовом регулировании. Причина очевидна. Основополагающие политические решения реализуются через право. Каждое такое постановление оформляется как нормативный правовой акт. В нем при отражении опыта прошлого осуществляются заимствование и рецепция из ранее созданных «вместилищ» или формальных источников юридических норм. Притом «под преемственностью в праве следует понимать усвоение, сохранение национальной системой правового регулирования своего “собственного” правового опыта, накопленного предшествующим историческим развитием, под рецепцией — процесс заимствования одним государством опыта правового регулирования национальной правовой системы другого государства» [6, с. 7].

Литература по этой политико-правовой проблематике весьма обширна [7–12]. Причем в нее должны быть введены многие издания по истории государства и права, включая историю политических учений, где формулируются сведения о юридических нормах, а также об идеях прошлого, которые возможно заимствовать при правовом регулировании в условиях современности.

Ясно, что дает такое заимствование. Как заметила Ю. Н. Фильтерова, оно вводит «в жизнь новых поколений уже готовые достижения в правовой области. Такое положение... помогает законодателю избежать многих ошибок и заблуждений..., через которые прошли... государства» [13].

Понятна и методологическая роль рассматриваемого заимствования. По выражению И. П. Климова, «историческая преемственность в качестве социо-культурной модели развития должна выступать... методологической предпосылкой и основанием разработки современной... политики. Достойная будущность... обязательно должна стать продолжением и обновлением самобытной истории в общем русле всемирной истории с учетом накопленного опыта и преемственности» [14].

Отсюда видно, что исследование отражения опыта прошлого при принятии политических решений должно вести, базируясь на концепциях современных политологии и юриспруденции. При этом в политологии проблематика обеспечения полной и достоверной информации неплохо разработана в системном подходе к постижению политических явлений Д. Истона [3, р. 120–122], хотя ей уделили внимание и иные специалисты [1]. В юриспруденции же вопросы отражения опыта прошлого при вынесении юридических постановлений чаще всего являются сферой забот авторов, придерживающихся понимания права как системы норм, исходящих от суверенной власти [13].

Казалось бы, восприятие опыта прошлого при принятии основополагающих политических решений всегда осуществляется, ибо возражать против него неразумно, если опираться

на имеющиеся научные разработки в политологии и юриспруденции. Стало быть, рассуждать на эту тему неактуально. Однако сделанное предположение ошибочно. На практике отражение опыта прошлого при принятии таких политических решений иногда в нужном объеме не производится. Причем за примерами далеко ходить не приходится.

Цель данной работы — исследовать один из них и связанные с ним вопросы, а также противопоставить ему конкретный случай, когда рассматриваемое отражение — осознанно или неосознанно — осуществлено должным образом. Она также охватывает выведение из указанной конкретики общих теоретических заключений относительно того, каким образом следует обеспечивать отражение опыта прошлого при вынесении основополагающих политических постановлений.

Для достижения поставленной цели пришлось обратиться к ряду способов познания. Применение метода наблюдения помогло усвоить необходимую для написания данного сочинения информацию. Относительно нее использованы индукция, дедукция, анализ, синтез, сравнение, противопоставление, абстрагирование, обобщение для получения обоснованных выводов. Естественно, что указанные приемы познания применительно к исследуемой реальности приняли форму политологических и юридических. Например, имеется в виду сравнительно-правовой метод.

Использованный в данном сочинении пример недостаточного восприятия опыта прошлого при вынесении основополагающих политических постановлений есть решение о прекращении существования Советского Союза [15–17]. Это постановление не учло опыт прошлого, присутствовавший в Северной Америке в XVIII веке после победы североамериканских колоний Англии в их войне за независимость от указанной метрополии.

В самом деле, в ту историческую эпоху перед освободившимися колониями, ранее являвшимися частями единого государства, встала дилемма: либо продолжить прежде существовавшее общежитие в рамках одной государственной организации, правда, уже без Англии; либо распасться на отдельные государства. Этот вопрос обсуждался лучшими знатоками политики и права, жившими в отмеченный исторический период в Северной Америке.

В частности, речь идет об Александре Гамильтоне, Джеймсе Мэдисоне и Джоне Джее, написавшими так называемые «статьи

«Федералиста»» [18, с. 125]. Их также именуют «записками федералиста» [19, с. 39]. Это есть совокупность статей, опубликованных в североамериканских газетах рассматриваемого времени, каждая из которых была подписана одним словом — «Публий» [20, с. 10]. Таков «псевдоним, которым пользовались Александр Гамильтон, Джеймс Мэдисон и Джон Джей. Имя «Публий» было взято от имени Публия Валерия Публикола, одного из основателей Римской республики» [21].

Отмеченные североамериканские государственные деятели, базируясь на своих познаниях в области политики и права, сформулировали следующие идеи. В международных отношениях «ожидать сохранения гармонии между независимыми, несвязанными суверенными образованиями, лежащими поблизости друг от друга, означает игнорировать общий ход дел человеческих, бросать вызов накопленному вековому опыту» [20, с. 52]. По их словам, «в результате длительного наблюдения за прогрессом общества в политике выработалась своего рода аксиома» [20, с. 58], содержание которой в изложении аббата де Мабли «одновременно указывает на зло и предлагает средство исцеления» [20, с. 59]. Речь идет о таком заявлении упомянутого французского мыслителя: «Нации-соседи являются естественными врагами друг друга, если только их всеобщая слабость не принудит к вступлению в лигу, в конфедеративную республику, а ее конституция не сможет предотвратить возникновение разногласий, вызываемых соседством» [цит. по: 20, с. 59], и не «ликвидирует ту тайную ревность, которая побуждает любое государство расширять свою территорию за счет соседей» [цит. по: 20, с. 59].

При взаимодействии соседних государств, указано в «статьях «Федералиста»», дела обстоят следующим образом. «Как только случится (а не случится этого не может), что какая-то из наций или конфедераций вырвется вперед, опережая соседей в политическом отношении — а причины этого могут быть разными, — соседи» [20, с. 49–50] взирают на нее «с завистью и страхом. Эти чувства подтолкнут их к тому, чтобы... воздержаться от шагов, способствующих или даже гарантирующих ее процветание» [20, с. 50], и, кроме того, будут «поощрять и поддерживать все, что может хоть сколько-нибудь уменьшить ее значение... Пройдет совсем немного времени» [20, с. 50], и она, ощутив по отношению к себе вражду, «не только начнет терять доверие к соседям, но станет относиться к ним с такой же враждебностью» [20, с. 50].

Однако если лидеры стран-соседей всякого отдельного государства увидят, что его «правительство... хорошо организовано, торговля разумно регулируется» [20, с. 47], вооруженные силы дисциплинированы и, вдобавок, «ресурсы и финансы находятся в надежных руках» [20, с. 47], народ доверяет своим политическим руководителям, «свободен, доволен и един» [20, с. 47], то «они предпочтут поддерживать» [20, с. 47] с отмеченным государством «дружеские отношения и не рискнут вступать в конфликт» [20, с. 47]. Когда же правители стран, соседствующих с рассматриваемым государством, обнаружат в нем упадок жизни людей, это состояние дел, неминуемо проявляющееся в немогущи вооруженных сил страны, может «послужить причиной нападения» [20, с. 48] на нее «извне» [20, с. 48].

Исходя из изложенной аргументации, авторы «статей “Федералиста”» предложили бывшим североамериканским колониям Англии продолжать жить в рамках одного государства. Притом это предложение было принято и осуществлено на практике. В результате появились Соединенные Штаты Америки [22–24].

Более или менее полный мир в рамках этого государства в течение многих десятилетий, лишь однажды прерванный гражданской войной, дал возможность значительного социального развития, которая была использована [25; 26]. И такой итог сам по себе стал подтверждением верности решения авторами «статей “Федералиста”» ранее указанной дилеммы.

Почему же этот опыт не был учтен в Советском Союзе предпоследнего и последнего десятилетий XX века, когда СССР грозил распад? Здесь возможны разные предположения [27–32]. Одно из них таково.

Может быть, так обстояли дела потому, что только что изображенная картина этого опыта не появилась в сознании участников тогдашних исторических событий в Советском Союзе в силу ограниченности тех знаний о государстве и праве, которыми отмеченные лица располагали. И если сформулированное предположение верно, то отсюда вытекает следующий вывод. Чтобы политический опыт прошлого всегда отражался в государственно-властных решениях, нужно всячески поднимать политическую культуру участников суверенной власти, чему залогом служит качественное политологическое и юридическое образование.

Ясно, что оно при любых условиях окажется не в силах обеспечить полное отражение исторического опыта при принятии политических

решений. Причины две. Первая состоит в том, что установленная история, в том числе государства и права, как выразился Г. Еллинек, «всегда фрагментарна» [33, с. 18]. Вторая причина имеет иной характер: человеческой жизни мало, чтобы хорошо изучить и те исторические сведения, которые наукой выявлены.

Впрочем, лица, принимающие судьбоносные для государств политические решения, «едва ли имеют досуг изучить или» [34, с. 538] вспомнить даже широко известные сведения из истории государства и права, необходимые для учета опыта прошлого при вынесении таких постановлений. Поэтому им нужно обращаться к знатокам отмеченной информации. Как заметил Г. Гроций, политический руководитель «вынужден выслушивать советы мудрого... Мудрость свою сообщает царям (как и любым иным правителям. — С. Д.) сонм мудрецов» [34, с. 538]. Притом формы такого обращения могут быть разными.

Но здесь опять всплывает вопрос о качестве политологического и юридического образования. Правда, на этот раз речь идет о компетентности ученых, политологов и юристов, которая должна быть достаточной для дачи верных советов политическим руководителям.

Что касается только что раскрытой причины распада СССР, то она — если предположение о ее действии оправданно — не была единственной. Ведь отрицание того, что «каждое социальное явление имеет бесконечно много причин» [33, с. 68] есть «методологическая ошибка» [33, с. 68]. Она «заключается... не в утверждении, что при результате x, вытекающем из причин a, b, c, d... a есть причина x» [33, с. 68], а в суждении, которое гласит: «Причиной служит только a» [33, с. 68].

Из этой идеи Г. Еллинека нужно исходить при установлении того, почему распался СССР. Причем соответствующие причины нужно не только выявлять, но и ранжировать по их степени влияния на конечный результат.

Разумеется, должное восприятие опыта прошлого обязательно для современных решений отечественной суверенной власти. И в этом контексте уместно поставить, например, такие вопросы. Имеет ли шансы на успех проводимая ныне политика российского государства, направленная против изоляции его на международной арене? Можно ли считать, что эта политическая линия современной России в необходимом объеме отражает опыт прошлого?

Для верного ответа на них необходимо принять во внимание суждения, сформулированные

в конце XIX века российским мыслителем Борисом Николаевичем Чичериным. Он написал следующее.

«Каждая народность как реальная духовная сила стремится к самостоятельному проявлению своих особенностей в исторической жизни, и это сознание своей самостоятельности она находит только в установлении независимой, верховной государственной власти. Поэтому распадение человечества на различные независимые друг от друга государства составляет... необходимое явление» [35, с. 329]. Но «государств на земле много, и между ними постоянно происходят столкновения, которые, за отсутствием высшего судьи, разрешаются войнами, то есть правом силы» [35, с. 326]. Причем «если бы два государства, сильное и слабое, стояли друг против друга без всякого отношения к другим, то последнее всегда находилось бы во власти первого. Но в действительности рядом существуют многие, более или менее равносильные государства, которые сдерживают друг друга. Как скоро одно из них хочет усилиться и расширить свои владения» [35, с. 330] за «счет слабейших, так другие соединяются, чтобы дать ему отпор. На этом основана система политического равновесия, которая играет первенствующую роль в международных отношениях» [35, с. 330].

Указанная «система не существовала в древнем мире. Там обыкновенно боролись два соперничающих государства, из которых одно окончательно получало перевес и становилось безграничным властителем окружающей среды. Таким способом Рим покорил своему владычеству почти весь известный тогда мир. В новое время, напротив, европейские государства, развиваясь самостоятельно на почве общей культуры при постоянных взаимных сношениях, служат друг другу сдержкою, вследствие чего слабые могут существовать рядом с сильными, сохраняя свою независимость и служа уравновешивающим элементом при взаимных столкновениях» [35, с. 330].

Как отметил Б. Н. Чичерин, «не всегда эта система действует успешно; иногда могучие державы, преследуя свои интересы, делят между собою слабого соседа, как и случилось с Польшей. Но и тут участники дележа стараются сохранить между собою равновесие так, чтобы ни одно (государство. — С. Д.) не усилилось чрезмерно, в ущерб другим. Система равновесия все-таки сохраняется, и это заставляет каждое государство руководствоваться в своей внешней политике не исключительно своими

собственными интересами, а также и вниманием к интересам других. Кто этого не понимает, тот всегда рискует возбудить против себя грозную коалицию и, преследуя мелкие интересы, лишиться весьма крупных выгод. Такая политика менее всего может рассчитывать на успех» [35, с. 330–331].

Как известно, после распада Советского Союза на международной арене сложилась система межгосударственных отношений, подобная той, которая существовала в ситуации, когда, выражаясь словами Б. Н. Чичерина, Древний Рим покорил своему владычеству почти весь известный тогда мир». Правда, в роли Древнего Рима на этот раз выступили США [36, с. 38].

В условиях отмеченного мирового господства Соединенных Штатов Америки возможности проведения самостоятельной политики для любого другого государства и тем самым для реализации его собственных интересов были ограничены волей суверенной власти США. Отступления от этой воли карались разнообразными средствами, в том числе военной агрессией.

Но когда в мире усилились вместе с рядом иных стран [37, с. 427; 38, р. 335] КНР и Россия, отказавшиеся, выражаясь образно, «плясать под американскую дудку», система международных отношений оказалась подобна отмеченной Б. Н. Чичериным «системе политического равновесия». В такой ситуации возможности проведения самостоятельной политики для остальных государств и поэтому для осуществления их собственных интересов расширились.

Вот почему разумно ожидать, что не самые сильные участники международных отношений станут поддерживать ныне сложившуюся систему общения между странами или многополярный мир. А это предполагает, что они станут активно развивать связи со всеми его «полюсами», в том числе с Россией.

Отсюда очевидны ответы на поставленные вопросы о современной политической линии отечественной суверенной власти. Нынешняя политика России, направленная на преодоление международной изоляции, имеет шансы на успех, если исходить из политического опыта прошлого. Так что глубоко закономерны сегодняшние очевидные успехи этой политической линии.

Если обратиться к выводам данной работы, то чтобы политический опыт прошлого всегда учитывался в государственно-властных решениях в должном объеме, нужно всячески поднимать политическую культуру участников

суверенной власти, чему залогом служит качественное политологическое и юридическое образование. Ясно, что оно при любых условиях окажется не в силах обеспечить полное отражение исторического опыта при принятии политических решений. Причины две. Первая состоит в том, что установленная история, в том числе государства и права, всегда фрагментарна. Вторая причина имеет иной характер: человеческой жизни мало, чтобы хорошо изучить и те исторические сведения, которые наукой выявлены.

Впрочем, лица, принимающие судьбоносные для государств политические решения, едва ли имеют досуг изучить или вспомнить даже широко известные сведения из истории государства и права, необходимые для учета опыта прошлого при вынесении таких постановлений. Поэтому им нужно обращаться к знатокам отмеченной информации. Притом формы такого обращения могут быть разными.

Но здесь опять всплывает вопрос о качестве политологического и юридического образования. Правда, на этот раз речь идет о компетентности ученых, политологов и юристов, которая должна быть достаточной для дачи верных советов политическим руководителям.

Только что сформулированные выводы сделаны в ходе рассмотрения двух примеров, а именно отражения и игнорирования опыта прошлого при принятии основополагающих политических решений. Притом логика мышления при обсуждении этих примеров сама по себе также может служить в качестве выводов данного сочинения.

Если излагать ее кратко, то пример игнорирования есть непринятие во внимание при вынесении постановления о сохранении или о прекращении существования СССР того, как подобного рода проблема решалась в Северной Америке в XVIII веке после победы североамериканских колоний Англии в их войне за независимость от указанной метрополии. Тогда перед освободившимися колониями, ранее являвшимися частями единого государства, встала дилемма: либо продолжить прежде существовавшее общежитие в рамках одной государственной организации, либо распасться на отдельные государства. Бывшие английские колонии приняли первый отмеченный вариант, а не второй, чтобы не осуществился обязательный результат принятия второго варианта, а именно истощение бывших колоний в их взаимной борьбе, в том числе вооруженной. Руководящие деятели СССР не учли этого опыта в силу ограниченности тех знаний о государстве

и праве, которыми располагали. Такой неучет выступает одной из причин прекращения существования СССР наряду с иными.

Пример отражения есть то, что политические решения современного российского государства о преодолении изоляции его на международной арене учитывают опыт прошлого — независимо от того, знали его их авторы или нет. Имеется в виду опыт преобразования системы международных отношений после крушения Римской империи, которое дало возможность не самым сильным государствам лучше реализовывать собственные интересы, развивая связи с утвердившимися тогда в мире несколькими самыми мощными странами, что предполагает невозможность международной изоляции для каждой из последних. В силу подобия этого преобразования переходу от господства США на международной арене после распада СССР к современному «многополярному» миру не самые сильные государства ныне получили возможность лучше, чем при отмеченном господстве, реализовывать собственные интересы, общаясь со всеми «полюсами» сегодняшнего мира, включая Россию. И они предпринимают соответствующие усилия. Это объясняет нынешние успехи России во взаимодействии с очень многими странами.

Список источников

1. Бойцова О. Ю. Политика как наука принятия решений (К вопросу о теоретических основах менеджизма в политической мысли). Электронное научное издание Альманах Пространство и Время, 2015. Т. 9. Вып. 2. Пространство и время принятия решений. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/15370836/> (дата обращения: 16.11.2023).
2. Дегтярев А. А. Принятие политических решений: учебное пособие. Москва: КДУ, 2004. 416 с.
3. Easton D. A. Framework for Political Analysis. Chicago: University of Chicago Press, 1979. 142 p.
4. Anderson J. E. Public Policymaking: An Introduction. Boston: Houghton Mifflin. 1994. Pp. 102–115.
5. Parsons W. Public Policy: An Introduction to the Theory and Practice of Policy Analysis. Cheltenham, U. K., Northampton, MA, USA, 1995. XVIII. Pp. 445–455.
6. Фильтерова Ю. Н. Преемственность и рецепция в конкурсном процессе стран Западной Европы и России: историко-сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 20 с.
7. Литвинович Ф. Ф. Преемственность в праве: вопросы теории. Уфа: Вост. Ун-т, 2003. 83 с.
8. Губайдуллин А. Р. Преемственность в развитии правовой системы // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 4. С. 81–90.

9. Рыбаков В. А. Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические вопросы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009. 38 с.
10. Васильева С. М. Обновление права посредством рецепции // Актуальные проблемы современного российского права: материалы международной научно-практической конференции. Невинномысск, 29–30 января 2009 года. Ч. 1 Невинномысск: Изд-во НГГТИ, 2009. С. 6–13.
11. Рыбаков В. А. Рецепция права: общетеоретический аспект // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2007. № 4 (13). С. 5–12.
12. Чернышев Б. В. Урок опыта истории как методологическая категория научного познания и усвоения опыта пережитого в политической практике В. И. Ленина в 1918–1922 гг. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2020. № 4-5 (83). С. 115–122.
13. Филтерова Ю. Н. К вопросу о понимании преемственности в праве и рецепции. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznое/27345-voprosponimaniipreemstvennosti-prave-receptii> (дата обращения: 13.11.2023).
14. Климов И. П. К вопросу о применении советского государственно-правового опыта в современной России (историографический анализ проблемы) // Современное право. 2015. № 2. С. 156–160. URL: <https://ruscont.ru/efd/391033> (дата обращения: 13.11.2023).
15. Кислицын С. А. К вопросу о геополитическом значении и уроках распада СССР // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 2. С. 17–25.
16. Кожевина М. А. Причины распада СССР как проблема современной историко-правовой науки // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2013. № 1 (24). С. 24–25.
17. Федотов А. А. Из истории распада СССР // На пути к гражданскому обществу. 2014. № 2 (14). С. 84–86.
18. Каневский П. С. Дуалистическая природа института лоббизма в современных демократиях // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. С. 125–134.
19. Елфимова А. П. Записки федералиста как основа для ратификации конституции США 1787 г. // Моя профессиональная карьера. 2020. Т. 1. № 9. С. 39–46.
20. Федералист. Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея. Москва: изд. Группа «Прогресс», «Литера», 1993. 592 с.
21. Тайна Публия в «Федералистских книгах»: Revealed. URL: <https://t-fakt.ru/tajna-publiya-v-federalistskih-knigah-revealed/> (дата обращения: 10.11.23).
22. Согрин В. В. Образование североамериканского государства: новое прочтение // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С. 54–61.
23. Гуляков А. Д., Саломатин А. Ю. Основание федеративного государства в США (историко-государствоведческий очерк) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 1 (33). С. 20–31.
24. Миряшева Е. В. Становление и развитие североамериканских штатов в период формирования американского федерализма: XVII — середина XX вв.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. С. 31–32.
25. Саломатин А. Ю. Рождение индустриальной экономики в США // Вопросы истории. 1998. № 3. С. 104–115.
26. Cross, G., Szostak, R. Technology and American Society: A History. N.Y.: Routledge, 2018. 388 p.
27. Белозерцев С. М. Причины распада СССР // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1 (11). С. 106–110.
28. Дегтярев А. Я. Исследование фундаментальных причин распада СССР — актуальная задача нашей науки // Российская история. 2021. № 6. С. 36–39.
29. Крайнов Г. Н. К вопросу о причинах распада СССР // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2023. № 19. С. 46–56.
30. Lynch A. C. Deng's and Gorbachev's Reform Strategies Compared // Russia in Global Affairs. 2012. Vol. 10. No. 2 (April-June). Pp. 118–130.
31. Лукашевич Д. А. Роль общесоюзных нормативных правовых актов в разрушении организации государственного единства Союза ССР // Ученые записки Орловского государственного университета. 2012. № 4 (48). С. 340–346.
32. Станкевич З. А. История крушения СССР: политико-правовые аспекты. Москва: Изд-во МГУ, 2001. 320 с.
33. Еллинек Г. Общее учение о государстве. Санкт-Петербург: Издание Юридического книжного магазина Т. К. Мартынова, 1908. XXIV, 599 с.
34. Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт, с изд. 1956 г. Москва: Ладомир, 1994. 868 с.
35. Чичерин Б. Н. Философия права. Москва: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1900. 337 с.
36. Дугин А. Г. Теория многополярного мира. Москва: Евразийское движение, 2013. 532 с.
37. Солуянов В. С. Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 3. С. 424–445.
38. Blagden D. Global Multipolarity. European Security and Implications for UK Grand Strategy: Back to the Future, Once Again//International Affairs.2015. 91 (2). pp. 333–350.

References

1. Boitsova O. Y. Politics as the science of decision-making (On the question of the theoretical foundations of managerism in political thought). Electronic scientific publication Almanac Space and Time, 2015. Vol. 9. Issue 2. Space and time of decision-making. URL: <https://>

istina.msu.rupublications/article/15370836/ (accessed 16.11.2023). (In Russ.)

2. Degtyarev A. A. Political decision-making: text-book. Moscow: KDU Publ., 2004. 416 p. (In Russ.)

3. Easton D. A. Framework for Political Analysis. Chicago: University of Chicago Press Publ., 1979. 142 p.

4. Anderson J. E. Public Policy making: An Introduction. Boston: Houghton Mifflin Publ., 1994. 291 p.

5. Parsons W. Public Policy: An Introduction to the Theory and Practice of Policy Analysis. Cheltenham, U.K., Northampton, MA, USA, 1995. XVIII + 652 p.

6. Filterova Yu. N. Continuity and reception in the competitive process of the countries of Western Europe and Russia: historical and comparative analysis. Dissertation... candidate of legal sciences. Saratov, 2008. 20 p. (In Russ.)

7. Litvinovich F. F. Continuity in law: questions of theory. Ufa: East. University Publ., 2003. 83 p. (In Russ.)

8. Gubaidullin A. R. Continuity in the development of the legal system. *Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGU)*, 2017, no. 4, pp. 81–90. (In Russ.)

9. Rybakov V. A. Continuity in domestic law in the transitional period: general theoretical issues. Author's abstract... doctor of legal sciences. Omsk, 2009. 38 p. (In Russ.)

10. Vasilyeva S. M. Updating law through reception. Actual problems of modern Russian law: materials of the international scientific and practical conference. Nevinnomyssk, January 29–30, 2009. Part 1. Nevinnomyssk, NGGTI Publ., 2009. Pp. 6–13. (In Russ.)

11. Rybakov V. A. Reception of law: a general theoretical aspect. *Bulletin of Omsk University. The series "Law"*, 2007, no. 4 (13), pp. 5–12. (In Russ.)

12. Chernyshev B. V. Lesson of the experience of history as a methodological category of scientific knowledge and assimilation of the experience experienced in the political practice of V. I. Lenin in 1918–1922. *Bulletin of the Saratov State Socio-economic University*, 2020, no. 4-5 (83), pp. 115–122. (In Russ.)

13. Filterova Yu. N. On the understanding of continuity in law and reception. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/27345-voprosponimani-preemstvennosti-prave-receptii> (accessed 13.11.2023). (In Russ.)

14. Klimov I. P. On the issue of the application of the Soviet state-legal experience in modern Russia (historiographical analysis of the problem). *Modern law*, 2015, no. 2, pp. 156–160. URL: <https://rucont.ru/efd/391033> (accessed 13.11.2023). (In Russ.)

15. Kisilitsyn S. A. On the question of the geopolitical significance and lessons of the collapse of the USSR. *State and Municipal Administration. The scientific notes of SKAGGS*, 2013, no. 2, pp. 17–25. (In Russ.)

16. Kozhevina M. A. The causes of the collapse of the USSR as a problem of modern historical and legal science. *Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 1 (24), pp. 24–25. (In Russ.)

17. Fedotov A. A. From the history of the collapse of the USSR. *On the way to civil society*, 2014, no. 2 (14), pp. 84–86. (In Russ.)

18. Kanevsky P. S. The dualistic nature of the institution of lobbying in modern democracies. *Vestnik Moscow. Univ. Ser. 18. Sociology and Political Science*, 2018, vol. 24, no. 4, pp. 125–134. (In Russ.)

19. Elfimova A. P. Notes of a federalist as a basis for the ratification of the US Constitution of 1787. *My professional career*, 2020, vol. 1, no. 9, pp. 39–46. (In Russ.)

20. Federalist. Political essays by Alexander Hamilton, James Madison and John J. Moscow: ed. Progress Group, Litera Publ., 1993. 592 p. (In Russ.)

21. The secret of Publius in "Federalist books": Revealed. URL: <https://t-fakt.ru/tajna-publiya-v-fe-deralist-skih-knigah-revealed/> (accessed 10.11.2023). (In Russ.)

22. Sogrin V. V. Formation of the North American state: a new reading. *New and recent history*, 2007, no. 5, pp. 54–61. (In Russ.)

23. Gulyakov A. D., Salomatin A. Yu. The foundation of a federal state in the USA (historical and state history essay). *Izvestiya of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences*, 2015, no. 1 (33), pp. 20–31. (In Russ.)

24. Miryasheva E. V. Formation and development of the North American states during the formation of American federalism: XVII — mid-XX century. Author's abstract... doctor of legal sciences. Saratov, 2015. 43 p. (In Russ.)

25. Salomatin A. Y. The birth of the industrial economy in the USA. *Questions of history*, 1998, no. 3, pp. 104–115. (In Russ.)

26. Cross G., Szostak, R. Technology and American Society: A History. N. Y.: Routledge Publ., 2018. 388 p.

27. Belozertsev S. M. The reasons for the collapse of the USSR. *Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 1 (11), pp. 106–110. (In Russ.)

28. Degtyarev A. Ya. The study of the fundamental causes of the collapse of the USSR is an urgent task of our science. *Russian history*, 2021, no. 6, pp. 36–39. (In Russ.)

29. Krainov G. N. On the causes of the collapse of the USSR. *Position. Philosophical problems of science and technology*, 2023, no. 19, pp. 46–56. (In Russ.)

30. Lynch A. C. Deng's and Gorbachev's Reform Strategies Compared. *Russia in Global Affairs*, 2012, vol. 10, no. 2 (April–June), pp. 118–130.

31. Lukashevich D. A. The role of all-Union normative legal acts in the destruction of the organization of the state unity of the USSR. *Scientific notes of the Orel State University*, 2012, no. 4 (48), pp. 340–346. (In Russ.)

32. Stankevich Z. A. The history of the collapse of the USSR: political and legal aspects. Moscow: Moscow State University Publ., 2001. 320. (In Russ.)

33. Jellinek G. General doctrine of the state. St. Petersburg: Edition of the Legal bookstore of T. K. Martynov Publ., 1908. XXIV. 599 p. (In Russ.)

34. Grotius G. On the law of war and peace: reprint, ed. 1956, Moscow: Lodomir Publ., 1994. 868 p. (In Russ.)

35. Chicherin B. N. Philosophy of law. Moscow: Type lit. T. I. N. Kushnerev and Co., 1900. 337 p. (In Russ.)

36. Dugin A. G. Theory of a multipolar world. Moscow: Eurasian Movement Publ., 2013. 532 p. (In Russ.)

37. Soluyanov V. S. The concept of multipolarity: a variety of approaches and interpretations. *Vestnik RUDN. Series: Political Science Publ.*, 2021, vol. 23, no. 3, pp. 424–445. (In Russ.)

38. Blagden D. Global Multipolarity. European Security and Implications for UK Grand Strategy: Back to the Future, Once Again. *International Affairs*, 2015, no. 91 (2), pp. 333–350. (In Russ.)

Информация об авторе

С. А. Дробышевский — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

S. A. Drobyshevsky — Doctor of Sciences (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 25.09.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Научная статья

УДК 342.7

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-26-34>

Методологический ключ определения критериев предела ограничения конституционных прав

Либанова Светлана Эдуардовна

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, libany@rambler.ru

Аннотация. Целью настоящего исследования является предложение модели универсального методологического ключа для определения критериев предела ограничения конституционных прав в нормотворчестве и правоприменении, позволяющего успешно преодолевать возникающие неожиданные катаклизмы, в первую очередь вызванные появлением в нашей жизни пандемии и частичной мобилизации на территории Российской Федерации, требующие быстрого и законного решения. Исходя из корреляции критериев предела ограничения конституционных прав с высшими конституционными ценностями, составляющими культурный код народа России, понятный как правоприменителям, так и правоисполнителям, объединенным не только знанием конституционных базовых (базальных) принципов-гарантий Конституции Российской Федерации: человек как высшая ценность (ст. 2, 17, 18), народовластие (ст. 3; 32), верховенство права (ч. 1. ст. 4, ст. 15), но и прямой обязанностью их соблюдать, автором обосновывается возможность признания именно их универсальным методологическим ключом законотворчества и правоприменения, на основе которого возможна разработка структурированного механизма регулирования таких сложных конституционных правоотношений, как определение критериев предела ограничения конституционных прав.

Ключевые слова: предел, ограничение конституционных прав, критерии предела ограничения конституционных прав, конституционные ценности, правовая культура и культурный код народа России, базовые (базальные) принципы-гарантии Конституции Российской Федерации, методологический ключ

Для цитирования: Либанова С. Э. Методологический ключ определения критериев предела ограничения конституционных прав // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 26–34. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-26-34>.

Original article

Methodological key to determining the criteria for the limit of restriction of constitutional rights

Svetlana E. Libanova

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russian Federation, libany@rambler.ru

Abstract. The purpose of this study is to propose a model of a universal methodological key for determining the criteria for limiting constitutional rights in rulemaking and law enforcement, which makes it possible to successfully overcome unexpected cataclysms that arise, primarily caused by the appearance of a pandemic in our lives and partial mobilization on the territory of the Russian Federation, requiring a quick and legal solution. Based on the correlation of the criteria of the limits of restriction of constitutional rights with the highest constitutional values that make up the cultural code of the people of Russia, understandable to both law enforcement and law enforcement officers, united not only by knowledge of the constitutional basic (basal) principles-guarantees of the Constitution of the Russian Federation: man as the highest value (Articles 2, 17, 18), democracy (Article 3, 32), the rule of law (part 1. art. 4, art. 15), but also a direct obligation to comply with them, the author substantiates the possibility of recognizing them as the universal methodological key of lawmaking and law enforcement, on the basis of which it is possible to develop a structured mechanism for regulating such complex constitutional legal relations as determining the criteria for limiting constitutional rights.

© Либанова С. Э., 2023

Keywords: limit, limitations of constitutional rights, criteria for limits of limitations of constitutional rights, constitutional values, legal culture and cultural code of the people of Russia, basic (basal) principles-guarantees of the Constitution of the Russian Federation. methodological key

For citation: Libanova S. E. Methodological key to determining the criteria for the limit of restriction of constitutional rights. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 26–34. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-26-34>.

12 декабря 2023 года наша страна отметит 30-летие со дня принятия Конституции Российской Федерации, по которой Российское государство живет все эти сложные экономически и политический три десятка лет. Любой юбилей как правило связан с подведением итогов, и конечно 30-летний юбилей Конституции Российской Федерации не является исключением. Более того, обязывает к подведению итогов и сравнению с советским периодом и предыдущей Конституцией СССР, впервые провозгласившей Советский Союз «социалистическим общенародным государством» в отличие от ранее существовавшей характеристики Советского государства в качестве государства рабочих и крестьян, принятой на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года и впоследствии принятой в 1978 году Конституцией Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

По сравнению с ранее действовавшими конституциями РСФСР 1918, 1925 и 1937 годов Конституция РСФСР 1978 года с 1988 года неоднократно подвергалась существенным изменениям и дополнениям и действовала чуть больше 15 лет, из которых 5 лет находилась в режиме постоянного пересмотра ее положений. После разгона Верховного Совета 3–4 октября 1993 года политико-государственные отношения регулировались чрезвычайными указами Президента Российской Федерации. В день официального опубликования 25 декабря 1993 года Конституции Российской Федерации 1993 года действие Конституции 1978 года было прекращено.

Относительная стабильность и долгосрочность действия «Юбилярши» (Конституции Российской Федерации 1993 года), несмотря на множество содержащихся в ней противоречий, вызывает уважение и гордость. Более точно, и емко, чем великий ученый-конституционалист В. Т. Кабышев, охарактеризовать действующую Конституцию и отношение к ней сложно: «Конституция РФ 1993 г. есть высшая правовая ценность, она ориентирована на будущее, на прогрессивное развитие общества и государства в целом, носит программно-целевой характер.

Лучше Конституции 1993 года в обозримом времени ничего не предвидится. Будущее России во многом зависит от верности Конституции, умения жить по Конституции» [1, с. 83].

Представляется, что для реализации умения жить по Конституции Российской Федерации 1993 года еще несколько десятилетий необходимо эффективное развитие информированного и юридически грамотного гражданского общества.

Множественные дискуссии по поводу лучшей жизни народа в СССР не являются предметом рассмотрения и не очень уместны в юбилей. С момента принятия Конституции Российской Федерации в 1993 года ведутся научные дискуссии о полноте конституционного регулирования, необходимости внесения поправок, нормативных моделях режимов модернизации и т. д. Представляется концептуально важным тезис о том, что действующую Конституцию требуется исполнять, обеспечив конституционное правоприменение через развитие гражданского общества, способного сохранить конституционные ценности и заставить органы системы публичной власти их обеспечивать в соответствии с принципами и гарантиями, закрепленными в самой Конституции Российской Федерации. Подтверждением этого авторского тезиса является мнение С. В. Кабышева, депутата Государственной Думы, председателя комитета по науке и высшему образованию с 12 октября 2021 года, справедливо утверждающего, что Конституция живет только тогда, когда ее установления реализуются в законодательной, судебной и иной правоприменительной, надзорно-контрольной деятельности, в поведении всех субъектов общественных отношений. Для обеспечения их постоянной правовой защиты Конституцией необходимы такие средства и формы реализации конституционных норм, которые бы исключали возможность их неисполнения, поэтому стоит задача — создать механизм реализации конституционных ценностей, способный работать «автоматически», что является шансом на конституционное спасение отношений [2].

Исследование системы конституционных принципов и гарантий защиты прав человека сегодня требует не углубления в анализ конституционного

закрепления, а выявления конституционных возможностей неизбежности обеспечения их реальной защиты. Приверженность конституционным ценностям играет стабилизирующую роль, поэтому обеспечение их гарантированной реализации должно стать неизбежным. Требуют глубокой проработки методологические, гносеологические и системные подходы к принципам права, в первую очередь к основополагающим принципам Конституции Российской Федерации, способным обеспечить неизбежность реализации конституционно-гарантированных прав через конституционно-правовые механизмы конституционализации России. В эпоху разобщенности, раскола ценностей, множественности подходов к определению конституционных ценностей, увеличения разницы в уровне жизни граждан России и иных противоречий и сложностей существования социума, вызванных появлением в нашей жизни в 2020 году пандемии и связанных с ней ограничений конституционных прав, а в 2022 году объявленной 21 сентября Указом Президента Российской Федерации № 647 частичной мобилизации на территории Российской Федерации с запретом выезда с места жительства без разрешения военного комиссара, как неожиданных катаклизмов, особую значимость приобретают научные исследования, посвященные поиску механизма определения критериев предела ограничения конституционных прав.

Полагаем возможным рассмотреть критерии предела ограничения конституционных прав в свете вечных конституционных ценностей: справедливость, свобода, равенство, высшая ценность человек, его права и свободы, законность, нравственность, объединяющих органы системы публичной власти и институты гражданского общества, не только понятных, но и жизненно важных для каждого человека не зависимо от его социального статуса и уровня жизни.

Проблемы определения современных ценностей всего общества и способы их обеспечения в эпоху цифровизации и глобальных изменений, все больше интересуют как государство, так и гражданское общество в XXI веке, поэтому требуется их решение путем определения критериев допустимого предела ограничения конституционных прав в рамках требований статьи 55 Конституции Российской Федерации.

Защищаемые ограничениями социальные ценности — основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы человека, оборона страны, безопасность государства (ч. 3 ст. 55 Конституции

Российской Федерации) [3] — нуждаются в конкретизации понимания их содержания для единообразного понимания правотворческими и правоприменительными органами.

Определим критерии предела ограничения конституционных прав через их корреляцию с высшими конституционными ценностями, подлежащими обеспечению со стороны государства на основании базовых принципов-гарантий Конституции Российской Федерации.

Целью настоящего исследования является предложение модели универсального методологического ключа для определения критериев предела ограничения конституционных прав в нормотворчестве и правоприменении, позволяющего успешно преодолевать возникающие катаклизмы, понятного как правоприменителям, так и правоисполнителям, объединенным знанием конституционных базовых (базальных) принципов-гарантий Конституции Российской Федерации: человек как высшая ценность (ст. 2, 17, 18), народовластие (ст. 3, 32), верховенство права (ч. 1. ст. 4, ст. 15) [4].

Реально работающей на основании предлагаемых трех базовых принципов-гарантий Конституции Российской Федерации при определении критериев предела ограничения конституционных прав может стать конституционно-правовая основа, позволяющая сочетать использование экономики и информационного прогресса для обеспечения конституционных ценностей человечества в целом и каждого человека в отдельности, а вводимые государством ограничения конституционных прав должны быть необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений, коррелирующим конституционным ценностям, в соответствии с предлагаемым автором методологическим ключом определения критериев предела ограничения конституционных прав (далее — МКОКПОКП).

Методологическая база, заложенная в основу статьи, предопределила основные исследовательские подходы — системность и комплексность. Диалектико-материалистический метод познания конституционно-правовой действительности позволил предложить авторский методологический ключ для определения критериев предела ограничения конституционных прав.

Общенаучные методы познания (анализа и синтеза, аналогии и сравнения, логические выводы), а также частно-научные методы (историко-правовой, догматический, сравнительно-правовой, статистический) дали возможность соизмерить точки зрения, теории и взгляды

на существующие юридические проблемы в определении критериев предела ограничения конституционных прав. Характер проблем, выявленных, поставленных и исследуемых автором, обусловил системно-структурный подход к разработке универсального методологического ключа, состоящего из трех базальных принципов-гарантий Конституции Российской Федерации для определения критериев предела ограничения конституционных прав, основанного на обеспечении важнейших конституционных ценностей, понятных всему обществу.

Для аргументированного обоснования заявленного тезиса представляется целесообразным проанализировать следующие категории: предел, ограничение конституционных прав, критерии предела ограничения конституционных прав, конституционные ценности, правовая культура и культурный код народа России, базовые (базальные) принципы-гарантии Конституции Российской Федерации.

Про ограничение конституционных прав и связанных с этим проблем в различных сферах жизнедеятельности написано множество научных трудов. Несмотря на востребованность анализа этого вопроса, особенно в последнее время, пределам ограничения конституционных прав (*the limit of limitation of constitutional rights*) посвящено меньшее количество работ и само определение такого предела носит дискуссионный характер. По-английски это даже звучит как лимит лимитации, поэтому точнее будет определить предел как лимит ограничения, в том числе как лимит доверия в ограничениях между властью и обществом для решения общих целей в экстренных ситуациях без нарушения конституционных прав как человека, так и гражданского общества.

Наибольшую сложность представляет выработка современной наукой критериев определения предела ограничения конституционных прав и тем более структурированного механизма регулирования таких сложных конституционных правоотношений. Автором предпринята робкая попытка моделирования проекта возможного механизма на основе методологии и поиска методологического ключа для эффективного регулирования такого универсального правового явления.

Аристотель в своем труде «Метафизика» впервые дал определение пределу как границе. Согласно его определению «предел — это понятие обозначающее границу каждой вещи, за которой нет ничего, что относилось бы к данной вещи; всякие очертания величины или того, что

имеет величину». Более того, это и цель каждой вещи (таково то, на что направлены движение и действие, но не то, из чего они исходят, хотя иногда это, и то, и другое, то, из чего они исходят, и то, на что они направлены, а именно конечная причина). Более того, по Аристотелю, сущность каждой вещи и суть ее бытия, ибо суть бытия вещи — предел познания вещи; а если предел познания, то и предмета [5; 6].

Но предел как граница и лимит, с точки зрения лингвистики, существенно разнятся во значении и понимании.

Во французской экзистенциальной постгегелевской философии *пределом* называют то, что ограничивает беспредельную активность трансгрессивных состояний [7]. Представляется, что такое восприятие термина «предел» значительно ближе к лимиту лимитированного явления.

Предел потенциально призван предотвратить беспредел, а ограничение должно быть познано, понято и принято всем обществом, не порождая антагонистические противоречия между гражданским обществом и системой органов государственной власти, обеспечивая конституционное доверие сторон регулирования и исполнения.

Согласно указаниям части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации конституционные ограничения — это установленные в Конституции границы, реализуемые через обязанности, запреты, приостановления и ответственность, в рамках которых субъекты могут использовать свои права и свободы, ограниченные федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [3].

Определяющим признаком этих ограничений является их связь с неблагоприятными условиями, заключающимися в угрозе или лишении определенных ценностей для осуществления собственных интересов индивида или большей части общества. Обязательно наличие лимитационных (особых) условий для применения лимитов и ограничений, которые имеют предел активности уменьшения и ущемления ранее имеющихся и гарантированных прав.

Российские ученые А. В. Малько, Б. С. Эбзеев, В. И. Гойман, а также другие исследователи, объясняют феномен правовых ограничений через такие слова, словосочетания, конструкции, как «барьер», «граница», «грань», «дополнительное условие», «изъятие», «исключение

определенных возможностей», «лимит», «мера», «обременение», «преграда», «предел», «препятствие», «рамки», «рубеж», «сдерживание», «стеснение», «сужение объема права», «сужение свободы», «удержание», «уменьшение объема возможностей» пределах [8; 9].

Такое терминологическое разнообразие призвано выразить суть вопроса и главную идею о том, что права и свободы человека могут реализоваться в определенных границах, рамках, лимитах при очень конкретных ситуациях, отличающихся от общепризнанных и ранее доступных, и гарантированных. Но опять же возникает вопрос о степени ограничений и лимита на их увеличение. Противоречия в реальной жизни являются неизбежностью. Проблема кроется в механизме, способном исключать в них (ограничениях) антагонизм посредством понятных всем критериев, базирующихся на действующей Конституции Российской Федерации, принятой всеобщим голосованием. Ограничения служат мерой свободы, у которой есть границы, несмотря на то, что права и свободы человека приоритетны для государства (ст. 2, 17, 18 Конституции Российской Федерации), но они не являются абсолютными и безграничными. Общепризнанно, что право признается мерой свободы, поэтому требуются ограничения, как защиты общества, прав и свобод других лиц от произвола правопользователя. Реализация прав и свобод в общественной жизни неизбежно сталкивается с индивидуальными и публичными интересами. Обеспечение конституционных прав человека и гражданского общества и поиск баланса между властью и обществом требует выработки критериев пределов ограничения.

В Конституции Российской Федерации 1993 года термин «ограничение» применительно к правам и свободам человека и гражданина упоминается неоднократно и зафиксирован в статьях 19, 23, 55, 56, 74, 79, 133 [3]. Возможность ограничений была провозглашена во Всеобщей декларации прав человека 1948 года [10]. Впервые в российском законодательстве положения об условиях ограничения прав и свобод появилась в Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 года, часть 2 статьи 2 «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, законных прав и интересов других людей в демократическом обществе» [10]. Только в апреле 1992 года это положение было включено в

статью 33 Конституции РСФСР 1978 года [11]. До этого периода в советских конституциях такое положение закреплено не было, что свидетельствует об особой ценности действующей сегодня Конституции Российской Федерации 1993 года, которой в этом году исполнится 30 лет.

«Более того, наша «Юбиллярша» живая. Еще в 2018 году на приеме по случаю празднования Дня российской Конституции Президент Российской Федерации В. В. Путин сказал: «Текст конституции не содержит пустых деклараций, ее положения действующие, работающие. Однако это не застывшая правовая конструкция, а живой развивающийся организм» [12].

Особой ценностью «Юбилярши» следует признать тот факт, что краеугольную основу всей отечественной правовой системы составляет Конституция Российской Федерации 1993 года, составляющая принципиально новую, сопрягающуюся с ценностями современной цивилизации парадигма, согласно которой человек, его права и свободы признаются высшей ценностью и, следовательно, обязанностью государства является реализация гарантий по их признанию, соблюдению и защите. Интересы и ценности государства как относительно самостоятельного и самодостаточного института не являются решающими. Таковыми являются только интересы и ценности самого общества, что усиливает важность решаемого вопроса и увеличивает его сложность.

Определяющий критерий — соразмерность конституционным целям, пределов ограничения конституционных прав выделил Конституционный Суд Российской Федерации. По его мнению, ограничение является соразмерным: 1) если оно вызвано исключительно необходимостью защиты социальных ценностей, перечисленных в части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, и иными средствами защитить указанные ценности невозможно [13]; 2) если, устанавливая ограничения, государство использует не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные конституционными целями меры, то есть вводимые федеральным законодательством ограничения не должны затрагивать само существо того или иного права и приводить к утрате их реального содержания [14]. Также Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил, что существует общественная нравственность, нравственность ребенка, конституционно значимые нравственные ценности, общепринятые в российском обществе нравственные ценности; что общественную нравственность необходимо

воспринимать в ее понимании, сложившемся в российском обществе.

Для обеспечения конституционного ограничения прав и свобод должны быть стабильные и устойчивые конституционные основы — принципы Конституции Российской Федерации, позволяющие соблюсти баланс интересов, воплощающие концепцию пределов прав и свобод как индивида, так и общества, не порождающие антагонистических противоречий. Некоторые способы ограничения прав и свобод прямо отражены в Конституции Российской Федерации (ч. 5 ст. 13, ч. 2 ст. 22, ч. 2 ст. 23, ст. 25, ч. 2 и ч. 4 ст. 29, ч. 3 ст. 32, ч. 2 ст. 34, ч. 3 ст. 35, ч. 2 ст. 36) [3]. Например, запрет реализации права (временный или постоянный; а также обусловленный местом, временем или способом действия) — временный запрет на выезд за границу в связи с объявленной мобилизацией; вторжение или вмешательство государственно-го органа, лишение права, обязанность, ответственность.

Проблема, требующая решения, заключается в выборе законного и эффективного способа ограничения, не выходящего за предел в конкретной жизненной ситуации, способного предотвратить беспредел и не вызвать раскол общества. Полагаем что юридически основанное на конституционных принципах и гарантиях ограничение будет этому способствовать.

Очевидно, что пределы ограничения права отражают некую грань, за которую нельзя заступить. Пределы можно рассматривать как совокупность сложившихся на основе существующих в обществе социальных ценностей, критериев и ориентиров, очерчивающих границы использования гражданами конституционных прав и свобод, а также осуществления в пределах Конституции Российской Федерации и законов, принятых в соответствии с ее принципами, деятельности органов системы публичной власти.

Цель ограничения прав, как правило, совпадает с представлениями общества о его высших ценностях, нормальном и безопасном функционировании, защита которых обеспечит введение ограничительных мер, позволяющих соблюсти баланс интересов сторон на основе нравственной культуры и культурного кода российского народа.

Правовая культура, относящаяся к третьей сфере и соответствующая осевому принципу развития общества, способна явиться ответом гражданского общества на вызов века, обеспечив его развитие и обобщенность.

Под культурным кодом народов России мы предлагаем понимать непреходящие тысячелетиями жизненные ценности, воплощенные, как правило, в сказках и сказаниях: добро всегда побеждает зло, все тайное становится явным и т. п., служащие истоками народной силы, воспитанием идеалов и духовных ориентиров, патриотизма и гордости за свою родину.

Самобытная культура народа России, русский характер, позволяющий не сдаваться и побеждать в невероятно сложных жизненных условиях, воспитанный практически с рождения полноценной семьей с мамой и папой, а не родителем номер 1 и номер 2, семьей, хранящей родовые традиции, обеспеченные системой государственного образования, дающего фундаментальные, а не клиповые знания, позволяющие каждому человеку и гражданину выработать в себе силу духа и привиться культурным кодом нации.

Исходим из преюдиции о том, что конституционные ценности потенциально содержат в себе культурный код народа России и важны для всего народа, включая представителей власти.

На основании вышеизложенного предлагаем следующее определение ограничения прав и свобод человека и гражданина — это ограниченное базовыми принципами-гарантиями Конституции Российской Федерации, отраженное правовыми актами, принятыми компетентными органами для достижения законной цели, необходимое и соразмерное умаление прав гражданина и его свобод (установление пределов юридически дозволенного поведения, полный запрет определенных действий), обусловленное необходимостью защиты охраняемых общественных интересов как высших ценностей всего общества, основанных на нравственно-культурном коде российского народа.

Стратегически ограничение прав человека обусловлено необходимостью защиты конституционных ценностей и призвано обеспечить баланс между интересами личности, государства и общества. При реализации ограничения государством должны применяться меры, не приводящие к большему ограничению прав, чем это необходимо для достижения цели, с которой вводится ограничение, что реально возможно именно при помощи предлагаемого нами в данной статье МКОКПОКП.

Полагаем целесообразность использования этого методологического универсального ключа правоприменения, состоящего из конституционных базовых (базальных) принципов-гарантий Конституции Российской Федерации: человек как высшая ценность (ст. 2, 17, 18),

народовластие (ст. 3, 32), верховенство права (ч. 1. ст. 4, ст. 15). Более того, все принципы и гарантии, составляющие этот ключ, напрямую зафиксированы высшем нормативным правовым актом уже 30 лет.

Неэффективность правоприменения конституционных принципов и гарантий, принципов и гарантий самой Конституции Российской Федерации, позволяет автору аргументировать необходимость введения принципиально новой понятийной категории «базовых принципов-гарантий Конституции РФ» как организационно-правовой основы интегрирования институциональных систем государства и гражданского общества при обеспечении неизбежности гарантирования конституционных прав и определении критериев пределов их ограничения. Так, 48 статей «Юбилейши» (Конституции Российской Федерации 1993 года) посвящены определению основных прав и свобод человека и гражданина, принципу их нерушимости. Они закрепляют задачу государственных и муниципальных органов и должностных лиц по обеспечению их защиты, особенно в условиях модернизации российского общества и глобализации современного мира. Признавая Конституцию Российской Федерации юридически узаконенным балансом интересов всех социальных групп общества и юридическим выражением социальной солидарности [15, с. 72], полагаем возможным обеспечить конституционное правоприменение (обеспечение реализации конституционных ценностей), руководствуясь тремя базовыми (базальными) принципами-гарантиями закрепленными в высшем законе Российской Федерации: человек как высшая ценность (ст. 2, 17, 18), народовластие (ст. 3, 32), верховенство права (ч. 1 ст. 4, ст. 15), представляющими универсальный методологический ключ конституционного нормотворчества и правоприменения, предлагаемый нами в качестве универсального методологического ключа определения критериев предела ограничения конституционных прав.

Отдельные принципы, закрепленные в Конституции Российской Федерации, могут эффективно реализоваться только в единстве с однопорядковыми, по сути конституционными гарантиями. Это позволяет объединить их в единую доктринальную категорию — «принцип-гарантия Конституции РФ».

Именно принципы конституционного права лежат в основе конституционно-правового обеспечения конституционных гарантий. «Эти принципы, — как указано в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации

от 27 января 1993 года, — обладают высшей степенью нормативной обобщенности, предопределяют содержание конституционных прав человека, отраслевых прав граждан, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений. Общеобязательность таких принципов состоит как в приоритетности перед иными правовыми установлениями, так и в распространении их действия на все субъекты права». Принципы имеют объективный характер, они обусловлены природой и обществом.

Понятие принципов рассматривается учеными как специфичный универсальный методологический ключ к решению той или иной научной задачи. Тесная взаимосвязь принципов и гарантий Конституции Российской Федерации прослеживается в статье 18 [3], отражающей принцип гарантированного осуществления прав и исполнения обязанностей, имеющий генетическую связь с международно-правовым принципом уважения прав человека и его основных свобод, выраженным во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году [16, с. 8, с. 69; 17; 18; 19, с. 91].

Исходя из изученных и проанализированных автором научных определений категории «гарантии» [20], полагаем возможным дать авторское комплексное определение гарантий, как правовых средств и способов обеспечения реализации прав и исполнения обязанностей, используемых в деятельности институциональных систем общества в целом, состоящего из институтов гражданского общества и органов системы публичной власти, соответствующих конституционным принципам, обусловленных закономерностями политического строя, состоянием экономической и правовой систем. Именно в таком понимании они используются нами, с учетом специфики гарантий, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, выделенных из всех остальных правовых гарантий.

Исследование системы принципов права, в первую очередь основополагающих конституционных принципов и корреспондирующих им конституционных гарантий сегодня требует не углубления в анализ нормативного (конституционного) закрепления, а выявления возможностей неизбежности обеспечения их реальной защиты, в первую очередь, как с позиции теории, так и правоприменительной практики. Приверженность конституционным ценностям,

позволяющим осуществить поиск конституционного критерия пределов ограничения конституционных прав, играет стабилизирующую роль, поэтому их обеспечение должно стать неизбежным.

Термин «обеспечение» отличается от термина «гарантирование» степенью и качеством деятельности, исходя из лингвистического смысла.

Лингвистический подход свидетельствует о том, что введение термина «обеспечение» конституционных прав человека в правоприменение может сделать его неизбежным при наличии четких обязанностей правоприменителей, в первую очередь государственных служащих, при наличии неизбежности их ответственности за нарушения и ущемления этих прав.

Критерии пределов ограничения конституционных прав прямо коррелируют с высшими конституционными ценностями, составляющими культурный код народа России и могут быть обеспечены органами системы публичной власти. Авторский МКОКПОКП позволяет разработать структурированный механизм регулирования этих сложных, но значимо-актуальных именно сегодня, конституционных правоотношений, в первую очередь, вызванных появлением в нашей жизни пандемии и частичной мобилизации на территории Российской Федерации, как неожиданных катаклизмов, требующих быстрого и законного решения.

Список источников

1. Кабышев В. Т. 25 лет Конституции Российской Федерации: итоги конституционного диалога Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 2 (127).
2. Кабышев С. В. Диалог в конституционной системе власти // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 6 (125). С. 40–47.
3. Конституция РФ. Актуальное законодательство. Москва: Эксмо, 2020. 96 с.
4. Либанова С. Э. Демократия: монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. 256 с.
5. Аристотель. Метафизика / пер. с древнегреч. А. В. Кубицкого (1934). Сочинения в 4-х томах. Т. 1. Москва: «Мысль», 1976 (Философское наследие, т. 65).
6. Никулин Д. В. Предел и беспредельное / История философии. Запад-Россия-Восток. Кн. 1. Философия древности и средневековья. Москва: Греко-латинский кабинет, 1995. С. 207–209.
7. Подорога В. А. ТРАНСГРЕССИЯ И ПРЕДЕЛ // Новая философская энциклопедия. 2-е изд., испр. и допол. Москва: Мысль, 2010.

8. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2013.

9. Гойман В. И. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву: материалы «круглого стола» журнала «Государство и право» // Государство и право. 1998. № 7. С. 20–42.

10. Всеобщая декларация прав человека 1948 года: принята Верховным Советом РСФСР 22 января 1991 года. URL: <https://base.garant.ru/183126/> (дата обращения: 15.08.2023).

11. Декларация прав и свобод человека и гражданина: принята Верховным Советом РСФСР 22 января 1991 года. URL: <https://base.garant.ru/183126/> (дата обращения: 15.08.2023).

12. Конституция РСФСР 1978 года. URL: <https://base.garant.ru/183126/> (дата обращения: 15.08.2023).

13. Российская газета. 2018. № 12.

14. По делу о проверке конституционности п. 5 ч. 2 ст. 371, ч. 3 ст. 374 и п. 4 ч. 2 ст. 384 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан К. М. Кульнева, В. С. Лалуева, Ю. В. Лукашова и И. П. Серебренникова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1996 года № 4-П // Собрание законодательства РФ. 1996. № 7, ст. 701.

15. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 года № 15-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 44, ст. 4358.

16. Зорькин В. Д. Россия и ее Конституция // Журнал российского права. 2003. № 11.

17. Невинский В. В. Конституция Российской Федерации: обновление ценностных ориентиров и проблемы их адаптации.

18. Конституционное право России: учебник / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. И. Кукушкин. Москва, 2003.

19. Эбзеев Б. С. Сущность Конституции Российской Федерации // Конституция и законодательство: сборник статей по материалам междунар. науч.-практ. конф. Москва, 2004.

20. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году. URL: <https://base.garant.ru/183126/> (дата обращения: 15.08.2023).

References

1. Kabyshev V. T. 25 years of the Constitution of the Russian Federation: results of the constitutional dia-

logue. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2019, no. 2 (127). (In Russ.)

2. Kabyshev S. V. Dialogue in the constitutional system of power. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2018, no. 6 (125), pp. 40–47. (In Russ.)

3. Constitution of the Russian Federation. Current legislation. Moscow: Eksmo Publ., 2020. 96 p. (In Russ.)

4. Libanova S. E. Demokuria: monograph. Kurgan: Kurgan State University Publ., 2014. 256 p. (In Russ.)

5. Aristotle. *Metaphysics* / trans. from Ancient greek by A. V. Kubitsky (1934). Works in 4 volumes. Vol. 1. Moscow: "Thought" Publ., 1976 (Philosophical Heritage, vol. 65). (In Russ.)

6. Nikulin D. V. Limit and the infinite / History of philosophy. West-Russia-East. Book one. Philosophy of antiquity and the Middle Ages. Moscow: Greco-Latin Cabinet Publ., 1995. Pp. 207–209. (In Russ.)

7. Podoroga V. A. TRANSGRESSION AND LIMIT. *New philosophical encyclopedia*. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Mysl Publ., 2010. (In Russ.)

8. Ebzeev B. S. Man, people, state in the constitutional structure of the Russian Federation: monograph. 2nd ed., revised. and add. Moscow: Prospekt Publ., 2013. (In Russ.)

9. Goiman V. I. Principles, limits, grounds for limiting human rights and freedoms under Russian legislation and international law: materials of the "round table" of the magazine "State and Law". *State and Law*, 1998, no. 7, pp. 20–42. (In Russ.)

10. Universal Declaration of Human Rights 1948: adopted by the Supreme Council of the RSFSR of January 22, 1991. URL: <https://base.garant.ru/183126/> (accessed 15.08.2023). (In Russ.)

11. Declaration of the Rights and Freedoms of Man and Citizen: adopted by the Supreme Council of the RSFSR of January 22, 1991. URL: <https://base.garant.ru/183126/> (accessed 15.08.2023). (In Russ.)

12. Constitution of the RSFSR 1978. URL: <https://base.garant.ru/183126/> (accessed 15.08.2023). (In Russ.)

13. *Russian newspaper*, 2018, no. 12. (In Russ.)

14. In the case of checking the constitutionality of clause 5, part 2, art. 371, part 3 art. 374 and paragraph 4, part 2, art. 384 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in connection with complaints from citizens K. M. Kulnev, V. S. Laluev, Yu. V. Lukashov and I. P. Serebrennikov: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 4-P of February 2, 1996. *Collection of legislative acts of the RF*, 1996, no. 7, art. 701. (In Russ.)

15. In the case of checking the constitutionality of certain provisions of the Federal Law "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" in connection with a request from a group of deputies of the State Duma and complaints from citizens S. A. Buntman, K. A. Katanyan and K. S. Rozhkova: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 15-P of October 30, 2003. *Collection of legislative acts of the RF*, 2003, no. 44, art. 4358. (In Russ.)

16. Zorkin V. D. Russia and its Constitution. *Journal of Russian Law*, 2003, no. 11. (In Russ.)

17. Nevinsky V. V. Constitution of the Russian Federation: renewal of value guidelines and problems of their adaptation. (In Russ.)

18. Constitutional law of Russia: textbook / rep. ed. by A. N. Kokotov, M. I. Kukushkin. Moscow, 2003. (In Russ.)

19. Ebzeev B. S. The essence of the Constitution of the Russian Federation // Constitution and legislation: collection of articles based on materials from the international. scientific-practical conf. Moscow, 2004. (In Russ.)

20. Universal Declaration of Human Rights: adopted by the UN General Assembly in 1948. URL: <https://base.garant.ru/183126/> (accessed 15.08.2023). (In Russ.)

Информация об авторе

С. Э. Либанова — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

S. E. Libanova — Doctor of Sciences (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 25.09.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-35-43>

К вопросу о сущности юридического приоритета

Плешаков Евгений Александрович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, law_pleshakov@mail.ru

Аннотация. Автор предпринимает одну из первых попыток определения сущности феномена «юридический приоритет» не только с позиции отдельных форм его проявления, но и через призму философии права, лингвистического восприятия данного явления, а также существующих по поводу него доктринальных позиций и нормативного воплощения. Анализируется современная политико-правовая концепция объективизации юридического приоритета в общественных отношениях, на основании чего делается вывод о позиционировании его в двух проекциях: как предпочтение, то есть наиболее желаемый для государства и общества вариант регулирования, а также как правовое преимущество, то есть конкретная модель улучшения правового положения субъекта. Доказывается, что юридический приоритет выступает средством дифференциации и иерархичного построения различных элементов правовой системы. Обосновывается значение ценностей, которые позиционируются автором в качестве формально-юридического и нравственно-этического критерия установления юридического приоритета в правовом регулировании. Делается вывод о потребности полноценного, общетеоретического исследования юридического приоритета, формирования его доктринальной концепции.

Ключевые слова: сущность права, природа юридического приоритета, правовая дифференциация, ценности, предпочтение, правовые преимущества

Для цитирования: Плешаков Е. А. К вопросу о сущности юридического приоритета // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 35–43. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-35-43>.

Original article

On the issue of the essence of legal priority

Evgeny A. Pleshakov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, law_pleshakov@mail.ru

Abstract. The author makes one of the first attempts to determine the essence of the phenomenon of “legal priority” not only from the perspective of individual forms of its manifestation, but also through the prism of the philosophy of law, linguistic perception of this phenomenon, as well as the doctrinal positions and normative implementation that exist about it. The modern political and legal concept of objectification of legal priority in public relations is analyzed, on the basis of which it is concluded that it is positioned in two projections: as a preference, i. e. the most desirable regulatory option for the state and society, as well as a legal advantage, i. e. a specific model for improving the legal status of the subject. It is proved that legal priority acts as a means of differentiation and hierarchical construction of various elements of the legal system. The author substantiates the significance of the values that are positioned by the author as a formal legal and moral-ethical criterion for establishing legal priority in legal regulation. The conclusion is made about the need for a full-fledged, general theoretical study of legal priority, the formation of its doctrinal concept.

Keywords: the essence of law, the nature of legal priority, legal differentiation, values, preference, legal advantages

For citation: Pleshakov E. A. On the issue of the essence of legal priority. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 35–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-35-43>.

© Плешаков Е. А., 2023

Познание сущности феноменов, окружающих нас, выступает одной из вечных проблем философии. Категория сущности, будучи отражением внутреннего содержания какого-либо предмета, неразрывно связана с внешней формой его существования, что в науке принято именовать явлением.

Юристы нередко обращаются к вопросам познания сущности права и его форм выражения, хотя фундаментальных работ на этот счет не так и много. С определенной долей условности период творчества советских авторов можно охарактеризовать возрождением идеи сущности права, попыткой активизации научного интереса к нему. Такие авторы, как Н. Г. Александров, П. Т. Полежаи, А. К. Стальгевич, И. Е. Фарбер, Б. В. Шейндлин [1–5] и другие, значительно обогатили сферу юридического знания, вывели проблематику сущностного подхода на новый уровень. Одной из немногих современных работ, действительно раскрывающих многообразие форм права, диалектическую связь его понятия и содержания, логики и структуры, является исследование М. И. Байтина [6; 7].

На страницах научной статейной публикации по конкретной проблеме вряд ли целесообразно, а, главное, возможно предпринимать попытку освещения сущности такого многогранного феномена как право. Однако объем публикации не препятствует осуществить постановку проблемы о познании сущности отдельных правовых феноменов, не первый год заслуживающих этого внимания к себе со стороны органов публичной власти и институтов гражданского общества. Речь, в частности, идет о юридическом приоритете.

В различных вариациях он прочно вошел в тезаурус политиков, государственных служащих, экономистов. В результате этого приоритеты стали не только фрагментарно появляться в текстах нормативных правовых актов, закрепляя первенство в содержании отдельных правоотношений (полагаем всем известно о существовании приоритетных прав, первостепенных обязанностей). Подзаконными нормативными актами при помощи лексемы «приоритет» стали позиционироваться в качестве главных, основополагающих магистральные направления деятельности государства и его органов [8]. Несмотря на это, полноценного теоретико-правового исследования юридического приоритета до настоящего времени проведено не было. В последнее время стали появляться отдельные диссертации [9], раскрывающие лишь некоторые стороны юридического приоритета,

что не только актуализирует предпринятую нами попытку, но и обуславливает ее теоретическую и практическую значимость.

Познание сущности любого явления предполагает первоначальное обращение к многообразию имеющихся в окружающем мире форм его проявления, которое впоследствии открывает возможность установить его понятие через единство внутреннего строения. В юриспруденции правовая интерпретация начинается с юридико-лингвистического подхода. Установление общезыкового понимания феномена «приоритет» логично предваряет его исследование как общеправового феномена.

Так, сущностительное «приоритет» в русском языке появилось благодаря процессу заимствования языковых конструкций и изначально имеет латинские корни (от лат. *prior*). В современных языковых группах, в частности в немецком языке, имеется его полный аналог “*prioritet*”, буквально означающий первенство [10, с. 532]. В общенаучном значении «приоритет» (если не брать во внимание толкование его как первенство в научном открытии, содержащееся в большинстве словарей и справочников), интерпретируется как преобладающее значение чего-либо [11, с. 985].

Достижения марксистско-ленинской философии обогатили понимание философской категории сущность в паре с явлением, придав им свойство универсальных и объективных характеристик предметного мира. Поскольку с этих позиций сущность означает нечто стабильное, сохраняющееся во всех изменениях, то явление предполагает элемент случайного, особенные черты какого-либо предмета применительно к различным отношениям. Не лишен этого и феномен «юридический приоритет».

В проекции к общественным отношениям, регулируемым правом, он приобретает весьма разнообразные характеристики и свойства, отталкивающиеся тем не менее от общенаучного значения в виде первенства.

Обратившись к доктрине права, стоит признать, что на сегодняшний день имеются лишь несколько отдельных попыток рассмотрения сущности юридического приоритета, и те изложены преимущественно на страницах научных статей, что само по себе не предполагает глубокого, всестороннего характера исследования. Вряд ли подобная ситуация соответствует уровню развития теории государства и права, потребностям практики реализации юридических норм.

Одним из первых свое внимание на сущность юридического приоритета обратил А. Г. Репьев,

который, однако, рассмотрел его лишь в проекции к системе правовых преимуществ. В частности, автор позиционирует правовой приоритет в качестве разновидности преимущественного права как способа реализации особой правовой процедуры, обусловленной необходимостью учета публичных и частных интересов и особенностей специальных статусов отдельных субъектов, предусматривающей дополнительные процессуальные гарантии и организационные меры по первоочередному, предпочтительному получению благ, реализации прав и законных интересов [12, с. 16–17; 13, с. 10]. В такой интерпретации понимание юридического приоритета также далеко от проявления во всем своем многообразии. Более того, теоретическое познание сущности какого-либо феномена непременно связано с установлением законов его развития. Опираясь на взгляды В. И. Ленина о сущности [14, с. 227], А. Г. Репьев раскрыл лишь сущность первого порядка, скорее вытекающую из наиболее популярной интерпретации приоритета законодательства.

Действительно, нормативные правовые акты сегодня содержат несколько десятков упоминаний о приоритете в синонимичном значении преимущественному праву: покупки доли недвижимого имущества; заключения договора аренды на новый срок; приобретения дополнительных акций и эмиссионных ценных бумаг; приема на прежнюю должность и др. Мы убеждены, что это лишь одна сторона сущности юридического приоритета.

При этом юридический приоритет соотносится не только с преимущественным правом, а скорее с правовыми преимуществами в целом. Конкретнее — приоритет связан с системой улучшения правового положения субъектов как минимум в двух проекциях.

Во-первых, правовое преимущество (в любой из имеющихся форм, будь то правовой иммунитет, привилегия, льгота или иное) выступает особой формой объективации юридического приоритета, направленной на улучшение правового положения участника общественных отношений (физического или юридического лица). В зависимости от ценностей, на основании которых строятся общественные отношения, тех интересов, которые преследует государство, оно при помощи нормативного установления субсидий, дотаций, преференций проявляет заботу об отдельных категориях граждан, улучшая их правовое положение, предоставляя им дополнительные возможности, послабления в обязанностях, ограничениях и запретах. Так,

принимая во внимание основы государственной молодежной политики, направленной на создание условий для развития, самореализации в различных сферах жизнедеятельности, «граждане из числа молодежи в возрасте до 30 лет имеют приоритетное право на участие в мероприятиях» по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию [15].

Во-вторых, на основании юридического приоритета дифференцируется сама система правовых преимуществ. Будучи сложной, многоуровневой основой для реализации стимулирующей, поощрительной политики государства, льготы, привилегии и иные формы улучшения правового положения отдельных субъектов должны являться следствием индивидуализации, отвечать потребностям общества и государственным вызовам, насущным и наиболее актуальным задачам воплощения в жизнь принципов социального государства. К примеру, в текущем году Правительством Российской Федерации была улучшена система предоставления мер государственной поддержки в рамках социальной газификации. В частности, ранее на основании решения о приоритетности обеспечения и использования природного газа отдельные категории потребителей получили соответствующие льготы, освобождающие их от «взимания с них средств» [16]. К их числу, среди прочих, относятся субъекты, использующие природный газ для обеспечения постоянного горения Вечного огня и периодического горения Огня памяти на воинских захоронениях, а кроме того — граждане Российской Федерации, проживающие в сельской местности и использующие газ лишь в бытовых целях. Поскольку юридический приоритет обеспечивает не только дифференциацию общественных отношений, но и иерархичность системы средств и способов правового воздействия на общественные отношения в зависимости от текущей потребности, решением органов исполнительной власти для последней из выше обозначенных категорий пользователей установлены дополнительные правовые преимущества в виде упрощенной системы оформления «догазификации» [17].

Нормативное закрепление за конкретным субъектом правовых преимуществ — одна из форм объективации юридического приоритета в общественных отношениях, но не единственная. В частности, не вполне удачную попытку раскрыть иные сущностные стороны такого сложного феномена как юридический приоритет предпринял С. А. Чиркаев. Автор предложил

чрезмерно лаконичную трактовку его понятия, рассматривая названное явление как правовое средство регулирования общественных отношений, которое предопределяет первоочередность решения каких-либо задач и необходимость учета в первоочередном порядке каких-либо интересов отдельных субъектов [18, с. 82].

Интерпретация юридического приоритета, сделанная С. А. Чиркаевым, актуализирует его рассмотрение сквозь призму сущностного подхода. Сущность — категория многогранная. Определяя сущность феномена, исследователь, конечно, обязан свести ее к главному значению, но сделать это необходимо, не «обревая» его иных граней, необоснованно упрощая общее восприятие. Метко о сущности в проекции к праву высказался В. П. Малахов, говоря о том, что она позволяет сформировать «много-смысловой «куст» понятий» [19, с. 147].

В нашем понимании «средство» — это способ действия, прием достижения чего-либо. Представленная С. А. Чиркаевым интерпретация приоритета как средства позволяет, по логике автора, обеспечить первоочередность. Однако состояние первоочередности — лишь один из результатов выстраивания иерархичности, то есть такое расположение элементов, в рамках которого сложилась очередность и один из элементов системы в этой очередности первый. Между тем упускаются иные варианты иерархии, например, отсутствие очередности, то есть внеочередность.

К примеру, сфера охраны здоровья граждан предполагает дифференцированный подход, как минимум в двух проекциях: клиническом и статусном. В частности, в зависимости от того, какую степень угрозы работоспособности, жизни и здоровью представляет собой конкретное заболевание, а также учитывая категорию пациента (в формально-юридическом смысле — правовой статус), медицинская помощь может быть оказана как во внеочередном порядке [20; 21], так и в первоочередном [22].

Представленная цепочка рассуждения позволяет выдвинуть гипотезу, что юридический приоритет по своей природе представляет собой средство дифференциации и иерархичного построения различных элементов правовой системы. При помощи юридического приоритета государство не только находит различия относительно важности, значимости таких элементов правовой системы, как норма права, правовой институт, правовое отношение, правовое сознание, но и выстраивает внутреннюю иерархию. В качестве примера: в законодательстве,

в зависимости от приоритетности одних общественных отношений над другими, значимости отдельных ценностей, закрепляются не только общие нормы, но и специальные, предполагающие установление правил поведения, основанных на первенстве, преобладании чего-либо.

Как известно дифференциация в общенаучном смысле предполагает разделение целого на части, расщепление общего на ступени и формы. Применительно к юриспруденции, дифференцированно подходить к правовому воздействию — это значит учитывать различия. Так, профессор И. Н. Сенякин рассматривал дифференциацию в качестве первичной стадии общего процесса специализации законодательства, заключающуюся в «расщеплении нормативного материала в ходе правового упорядочивания определенных групп общественных отношений» [23, с. 17]. Взяв концепцию автора за основу, можно предположить, что наличие юридических приоритетов свидетельствует о многоступенчатой дифференциации законодательства, в рамках которой происходит расщепление нормативного материала на узкие, видовые предписания, закрепляющие дифференцированное построение общественных отношений и систему приоритетов внутри них на: уровни первенства первого, второго, третьего и последующего порядков.

Проиллюстрируем тезис на конкретном примере. Благополучие человека, забота о гарантиях реализации его прав и свобод — определены в качестве высшей ценности Конституцией Российской Федерации, что, безусловно, означает приоритетность деятельности органов государственной власти и местного самоуправления по воплощению названных постулатов в жизнь. Будем считать это положение в качестве базовой (или фундаментальной) ступени юридического приоритета, которым обеспечивается дифференциация и иерархия ценностей в обществе. Следующей ступенью можно считать нормативное закрепление стратегических национальных приоритетов развития России, произошедшее на уровне подзаконного нормотворчества. Речь идет о Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400, в которой:

— во-первых, дано понимание словосочетанию «стратегические национальные приоритеты» через такое качество, как «важнейшее направление»;

— во-вторых, в числе таковых направлений, преобладающих над иными, названы:

«сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан» [24].

Представленный нормативный срез вполне допустимо позиционировать в качестве следующей, а конкретнее — организационно-правовой ступени дифференциации и иерархичного построения различных элементов правовой системы на основании юридического приоритета. Поскольку, например, на данном уровне сформированы такие стратегические направления для общества и государства, как научно-технологическое развитие, реализовываться они будут при помощи третьей ступени. Ее главная задача — конкретизировать и детализировать иерархическое построение ценностей, заложенное в рамках базовой и организационно-правовой ступеней. Для этого государство устанавливает конкретные механизмы реализации, ключевым из которых будут стимулирование и поощрение (в том числе, посредством предоставления субъектам правовых преимуществ). В частности, для студентов, обучающихся по направлениям подготовки, соответствующим приоритетным направлениям модернизации и технологического развития российской экономики, учреждаются именные стипендии Президента Российской Федерации [25].

Подобная многоступенчатая система дифференциации и иерархичного построения различных элементов правовой системы (норм права, источников (форм) права, законодательных актов, методов и средств правового регулирования, правовых статусов субъектов и прочее), предполагает установление критериев, на основании которых общественные отношения расщепляются и происходит их упорядочение. Предположим, что формально-юридическими и нравственными критериями установления юридического приоритета в правовом регулировании являются ценности. В зависимости от того, какие из них не только провозглашаются обществом и гарантируются государством, но и имеют главенствующее значение — зависит установление органами законодательной власти соответствующих прав и дозволений, имеющих приоритетный характер перед иными, а субъектами правоприменения данные нормативные положения защищаются и охраняются.

Обратимся для иллюстрации к сфере службы в органах внутренних дел, к правовому статусу сотрудника органов внутренних дел.

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2023 года № 51-П «По делу о проверке конституционности

пункта 9 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Я. Ю. Бычковой» развернуто раскрывается понятие «повышенные репутационные требования к сотрудникам органов внутренних дел» как носителям публичной власти. Эти требования, на наш взгляд, относятся к приоритетному элементу правового статуса сотрудника органов внутренних дел. Повышенные репутационные требования в трактовке Конституционного Суда Российской Федерации «представляют собой совокупность основывающихся на принятых в российском обществе нравственных принципах и ценностях, лучших профессиональных традициях органов внутренних дел Российской Федерации этических норм, правил и требований к служебному поведению сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации при осуществлении служебной деятельности, а также во внеслужебное время, применяемых наряду с нормативными предписаниями, определяющими государственно-правовой статус сотрудника органов внутренних дел, ограничения, требования к нему, обязанности и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел Российской Федерации» [26].

Как видим, именно ценности, как духовная и материальная первооснова общества, выступают базой целой группы законодательных и ведомственных юридических норм, приоритетов служебной деятельности и внеслужебного поведения сотрудников органов внутренних дел.

Попутно заметим: специального рассмотрения заслуживает проблема приоритета в иерархии российских традиционных ценностей. Сделать это сложно, ибо саму иерархию названных ценностей «выстроить» непросто. Кроме того, приоритетной может быть не одна какая-то ценность, а две или три. Но не только в этом дело. Ныне традиционные ценности России в отдельных сферах жизнедеятельности **конкурируют** (конечно, не антагонистически) друг с другом, что не может не влиять на их иерархию.

Непосредственно с ценностями связан и интерес. Последний выступает детерминантом установления дифференцированности общественных отношений и иерархичности, реальной причиной возникновения юридического приоритета. Осознавая и оценивая собственный интерес, субъект может понять — что действительно ценно (для общества, государства и пр.), а что является мнимой ценностью. Следовательно,

объективирование юридического приоритета в конкретных правоотношениях на основе ценности и с учетом интереса происходит через предпочтение. Данный термин означает признание и утверждение преимущества перед кем-либо. В качестве предикатива «предпочтение» выступает оценочным термином, свидетельствующим о главенствующем значении чего-либо [27, с. 967].

Предпочтение, как форма объективации юридического приоритета весьма разнообразна. При помощи нормативного закрепления предпочтения, государство:

— формирует идеологическую основу существования общества (например, запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных предпочтений) [28];

— закрепляет основополагающие принципы и начала видовых общественных отношений (например, условия оказания предпочтения одному из кредиторов по делам о несостоятельности (банкротстве)) [29];

— устанавливает отраслевые правовые институты и определяет порядок реализации прав и обязанностей граждан в рамках них (например, совокупность юридических норм, регламентирующих порядок установления опекуна, совершения сделок от имени недееспособного лица, основывающиеся на его предпочтениях) [30];

— обеспечивает индивидуальный подход в рамках социальной политики и заботы о наименее защищенных группах граждан, находящихся в социально-опасном положении (например, реализуя долговременный уход за инвалидами на основании их предпочтений) [31].

Как форма проявления юридического приоритета в правоотношениях, предпочтение — наиболее идеализированно и менее императивно указывает на желаемый (рекомендуемый), интересный для государства и общества вариант дифференциации и иерархического построения общественных отношений. В этом смысле предпочтение, как форма объективации юридического приоритета, в меньшей степени влияет на правовое положение субъекта, практически не изменяя его (не открывает возможности для получения дополнительных прав, не освобождает от юридических обязанностей и т. д.), чего нельзя сказать о правовых преимуществах, рассмотренных ранее.

Вышеизложенное позволяет прийти к следующему умозаключению. Тиражирование лексемы «приоритет» в политической, экономической и иных сферах общественной жизни не

приблизило юридическое сообщество к концептуальному восприятию юридического приоритета. Вполне уместно заявить об отсутствии полноценного, общетеоретического исследования юридического приоритета, сформированной его доктринальной концепции. Научная общественность понимает юридический приоритет весьма поверхностно, лишь в качестве организационно-правового инструмента, в лучшем случае — инструмента правового регулирования. Это, несомненно, обедняет данный общеправовой феномен, который даже относительно своего регулятивного потенциала направлен далеко не только на упорядоченность очередности реализации субъективных прав и (или) законного интереса.

Диалектическое восприятие юридического приоритета должно выходить за рамки дихотомии «приоритет — очередность», оно предполагает рассмотрение и иных форм его проявления. Полагаем уместным и перспективным обратить внимание на такие парные связи, как «приоритет — паритет», «приоритет — преимущество», «приоритет — иерархия», «приоритет — индивидуализация», «приоритет — дифференциация». Юридический приоритет — это сложный, неоднозначный феномен, нуждающийся в собственном относительно самостоятельном общеправовом исследовании.

Резюмируя, можно констатировать: *юридический приоритет*, по своей сущности, выступает как *средство дифференциации и иерархического построения различных элементов правовой системы, на основе которого государство не только находит различия относительно важности, значимости элементов правовой системы, но и выстраивает внутреннюю иерархию, опираясь на ценности общества и преследуемый интерес.*

Список источников

1. Александров Н. Г. Сущность права (К вопросу о сущности исторических типов права). Москва: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. 54 с.
2. Стальевич А. К. Сущность советского социалистического права. Москва, 1955. 52 с.
3. Полежа П. Т. Сущность права. Харьков, 1964. 73 с.
4. Фарбер И. Е. О сущности права / отв. ред. Н. Б. Зейдер. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1959. 76 с.
5. Шейндлин Б. В. Сущность советского права. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 140 с.
6. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков).

Саратов: Изд-во «Саратовская государственная академия права», 2001. 416 с.

7. Сущность права: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / под ред. В. М. Баранова, С. А. Белоусова, И. Н. Сенякина. Саратов: Изд-во «Саратовская государственная юридическая академия», 2022. 312 с.

8. Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг: указ Президента Российской Федерации от 8 августа 2016 года № 398 (в ред. от 1 июля 2017 года) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 33, ст. 5164; 2017. № 27, ст. 4023.

9. Хрони Н. Н. Приоритетная обязанность в структуре специального правового статуса: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. 220 с.

10. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. Москва: Аделант, 2014. 800 с.

11. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1194 с.

12. Репьев А. Г. «Преимущественное право» и «правовой приоритет» в юридической доктрине и законодательстве // Вестник РПА Минюста РФ. 2019. № 1. С. 14–20.

13. Репьев А. Г. «Приоритет» и «паритет» как парные правовые категории (доктринальное толкование с содержательных и технико-юридических позиций) // Вестник РПА Минюста РФ. 2021. № 1. С. 7–15.

14. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Москва: Госполитиздат, 1969. Т. 29. Философские тетради. 782 с.

15. О реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан на период до 2024 года (вместе с «Положением о реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан на период до 2024 года»): постановление Правительства Российской Федерации от 27 мая 2021 года № 800 (в ред. от 5 октября 2023 года), пункт 5 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 23, ст. 4049; 2023. № 42, ст. 7493.

16. О государственном регулировании цен на газ, тарифов на услуги по его транспортировке, платы за технологическое присоединение газоиспользующего оборудования к газораспределительным сетям на территории Российской Федерации и платы за технологическое присоединение к магистральным газопроводам строящихся и реконструируемых газопроводов, предназначенных для транспортировки газа от магистральных газопроводов до объектов капитального строительства, и газопроводов, предназначенных для транспортировки газа от месторождений природного газа до магистрального газопровода: постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2000 года № 1021 (в ред. от 30 ноября 2022 года) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2, ст. 175; 2023. № 29, ст. 5440.

17. Кабмин упростил получение господдержки льготниками для социальной газификации // Российская газета. 2023. 13 ноября.

18. Чиркаев С. А. Приоритет как особое средство правового регулирования // Евразийский юридический журнал. 2022. № 4 (167). С. 79–82.

19. Малахов В. П. Сущность вопроса о сущности права // Сущность права: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / под ред. В. М. Баранова, С. А. Белоусова, И. Н. Сенякина. Саратов: Изд-во «Саратовская государственная юридическая академия», 2022. С. 147–161.

20. Об утверждении Правил внеочередного оказания медицинской помощи отдельным категориям граждан в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в медицинских организациях, подведомственных федеральным органам исполнительной власти: постановление Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2015 года № 123 (в ред. от 1 октября 2018 года) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 8, ст. 1170.

21. Об организации внеочередного оказания медицинской помощи отдельным категориям граждан (вместе с «Порядком рассмотрения врачебной комиссией федерального учреждения здравоохранения медицинских документов, представляемых органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере здравоохранения, и осуществления очной консультации для решения вопроса о внеочередном оказании медицинской помощи»): приказ Минздрава России от 1 апреля 2005 года № 249 // Российская газета. 2005. 11 мая.

22. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2023 года), статья 2 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48, ст. 6724; 2023. № 1. Ч. I, ст. 76.

23. Сенякин И. Н. Специализация и унификация российского законодательства (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1993. 34 с.

24. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400, пункт 25 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ч. II, ст. 5351.

25. О стипендиях Президента Российской Федерации для студентов и аспирантов, обучающихся по направлениям подготовки (специальностям), соответствующим приоритетным направлениям модернизации и технологического развития российской экономики: указ Президента Российской Федерации от 14 сентября 2011 года № 1198 (в ред. от 24 августа 2016 года) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 38, ст. 5369; 2016. № 35, ст. 5300.

26. По делу о проверке конституционности пункта 9 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе

в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Я. Ю. Бычковой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2023 года № 51-П // Российская газета. 2023. 29 ноября.

27. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: ок. 160 000 слов. Москва: АСТ: Астрель, 2006. Т. 2: М–П. 1160 с.

28. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12 октября 2023 года), статья 6.21 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ч. 1, ст. 1; 2023. № 16, ст. 2749.

29. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2023 года), статья 61.3 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43, ст. 4190; 2023. № 1. Ч. I, ст. 3.

30. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 октября 2023 года), ст. 29, 36, 37 и др. // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2023. № 31. Ч. III, ст. 5777.

31. О реализации в отдельных субъектах Российской Федерации в 2023 году Типовой модели системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, нуждающимися в уходе: приказ Минтруда России от 15 декабря 2022 года № 781 (в ред. от 27 марта 2023 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2023).

References

1. Alexandrov N. G. The essence of law (On the question of the essence of historical types of law). Moscow: State of Legal Lit. Publ., 1950. 54 p. (In Russ.)
2. Stalgevich A. K. The essence of Soviet socialist law. Moscow, 1955. 52 p. (In Russ.)
3. Polezhay P. T. The essence of law. Kharkiv, 1964. 73 p. (In Russ.)
4. Farber I. E. On the essence of law / ed. by N. B. Zeider. Saratov: Saratov University Publ., 1959. 76 p. (In Russ.)
5. Sheindlin B.V. The essence of Soviet law. Leningrad: Leningrad University Publ., 1959. 140 p. (In Russ.)
6. Baitin M. I. The essence of law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries. Saratov: Saratov State Law Academy Publ., 2001. 416 p. (In Russ.)
7. The essence of law: a collection of articles on the 100th anniversary of the birth of Professor M. I. Baytin / ed. by V. M. Baranov, S. A. Belousov, I. N. Senyakin. Saratov: Saratov State Law Academy Publ., 2022. 312 p. (In Russ.)

8. On approval of priority areas of activity in the provision of socially useful services: decree of the President of the Russian Federation no. 398 of August 8, 2016 (as amended of July 1, 2017). *Collection of legislative acts of the RF*, 2016, no. 33, art. 5164; 2017, no. 27, art. 4023. (In Russ.)

9. Khroni N. N. Priority duty in the structure of a special legal status. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2023. 220 p. (In Russ.)

10. Egorova T. V. Dictionary of foreign words of the modern Russian language. Moscow: Adelant Publ., 2014. 800 p. (In Russ.)

11. The great explanatory dictionary of the Russian language / comp. and chief ed. by S. A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint Publ., 2000. 1194 p. (In Russ.)

12. Repyev A. G. "Preemptive right" and "legal priority" in legal doctrine and legislation. *Bulletin of the RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation*, 2019, no. 1, pp. 14–20. (In Russ.)

13. Repyev A. G. "Priority" and "parity" as paired legal categories (doctrinal interpretation from substantive and technical-legal positions). *Bulletin of the RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation*, 2021, no. 1, pp. 7–15. (In Russ.)

14. Lenin V. I. Full. sobr. soch. 5th ed. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1969. Vol. 29. Philosophical notebooks. 782 p. (In Russ.)

15. On the implementation of measures for the organization of vocational training and additional vocational education of certain categories of citizens for the period up to 2024 (together with the "Regulations on the implementation of measures for the organization of vocational training and additional vocational education of certain categories of citizens for the period up to 2024"): decree of the Government of the Russian Federation no. 800 of May 27, 2021 (as amended from October 5, 2023), item 5. *Collection of legislative acts of the RF*, 2021, no. 23, art. 4049; 2023, no. 42, art. 7493. (In Russ.)

16. About state regulation of gas prices, tariffs for its transportation services, fees for Technological connection of gas-using equipment to Gas Distribution Networks on the Territory of the Russian Federation and fees for technological Connection to main Gas Pipelines of gas pipelines under Construction and under reconstruction intended for gas transportation from main gas Pipelines to Capital Construction Facilities, and gas pipelines Intended for gas transportation from natural gas deposits to the main gas pipeline: resolution of the Government of the Russian Federation no. 1021 of December 29, 2000 (as amended of November 30, 2022). *Collection of legislative acts of the RF*, 2001, no. 2, art. 175; 2023, no. 29, art. 5440. (In Russ.)

17. The Cabinet of Ministers simplified the receipt of state support by beneficiaries for social gasification. *Rossiyskaya Gazeta*, 2023, 13 November. (In Russ.)

18. Chirkaev S. A. Priority as a special means of legal regulation. *Eurasian Law Journal*, 2022, no. 4 (167), pp. 79–82. (In Russ.)

19. Malakhov V. P. The essence of the question of the essence of law. The essence of law: a collection of articles for the 100th anniversary of the birth of Professor M. I. Baytin / ed. by V. M. Baranov, S. A. Belousov, I. N. Senyakin. Saratov: Saratov State Law Academy Publ., 2022. Pp. 147–161. (In Russ.)

20. On approval of the Rules for the Extraordinary Provision of Medical Care to Certain Categories of Citizens within the framework of the program of state guarantees of Free Provision of Medical care to Citizens in medical organizations Subordinate to Federal executive Authorities: decree of the Government of the Russian Federation no. 123 of February 13, 2015 (as amended from October 1, 2018). *Collection of legislative acts of the RF*, 2015, no. 8, art. 1170. (In Russ.)

21. On the organization of extraordinary medical care for certain categories of citizens (together with the “Procedure for consideration by the medical commission of the federal healthcare institution of medical documents submitted by the executive authorities of the subjects of the Russian Federation in the field of healthcare, and the implementation of face-to-face consultations to resolve the issue of extraordinary medical care”): order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation no. 249 of April 1, 2005. *Rossiyskaya Gazeta*, 2005, May 11. (In Russ.)

22. On the basics of public health protection in the Russian Federation: federal law no. 323-FZ of November 21, 2011 (as amended. from July 7, 2023) (with amendments and additions, intro. effective from September 1, 2023), article 2. *Collection of legislative acts of the RF*, 2011, no. 48, art. 6724; 2023, no. 1, part I, art. 76. (In Russ.)

23. Senyakin I. N. Specialization and unification of Russian legislation (problems of theory and practice). Author's abstract... doctor of legal sciences. Saratov, 1993. 34 p. (In Russ.)

24. On the National Security Strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation no. 400 of July 2, 2021, item 25. *Collection of legislative acts of the RF*, 2021, no. 27, part II, art. 5351. (In Russ.)

25. On scholarships of the President of the Russian Federation for students and postgraduates studying in training areas (specialties) corresponding to priority ar-

eas of modernization and technological development of the Russian economy: decree of the President of the Russian Federation no. 1198 of September 14, 2011 (as amended. of August 24, 2016). *Collection of legislative acts of the RF*, 2011, no. 38, art. 5369; 2016, no. 35, art. 5300. (In Russ.)

26. In the case of checking the constitutionality of paragraph 9 of Part 3 of Article 82 of the federal law “On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” in connection with the complaint of citizen Y. Y. Bychkova: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 51-P of November 8, 2023. *Rossiyskaya Gazeta*, 2023, November 29. (In Russ.)

27. Efremova T. F. Modern explanatory Dictionary of the Russian language. In 3 volumes: approx. 160 000 words. Moscow: AST: Astrel Publ., 2006. Vol. 2: M–P. 1160 p. (In Russ.)

28. The Code of the Russian Federation on Administrative Offences no. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended. from August 4, 2023) (with amendments and additions, intro. effective from October 12, 2023), article 6.21. *Collection of legislative acts of the RF*, 2002, no. 1, part 1, art. 1; 2023, no. 16, art. 2749. (In Russ.)

29. On insolvency (bankruptcy): federal law no. 127-FZ of October 26, 2002 (as amended. from August 4, 2023) (with amendments and additions, intro. effective from September 1, 2023), art. 61.3. *Collection of legislative acts of the RF*, 2002, no. 43, art. 4190; 2023, no. 1, part I, art. 3. (In Russ.)

30. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) of no. 51-FZ November 30, 1994 (as amended. from July 24, 2023) (with amendments and additions, intro. effective from October 1, 2023), articles 29, 36, 37, etc. *Collection of legislative acts of the RF*, 1994, no. 32, art. 3301; 2023, no. 31, part III, art. 5777. (In Russ.)

31. On the implementation in certain Subjects of the Russian Federation in 2023 of a Standard model of a system of long-term Care for Elderly Citizens and Disabled people in need of care: order of the Ministry of Labor of Russia no. 781 of December 12, 2022 (ed. from March 27, 2023). Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 15.09.2023). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 01.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Научная статья

УДК 340.1

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-44-47>

Политическая система общества в трактовке теории права

Ханахмедова Людмила Викторовна

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Рязань, Россия, milars-19@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ понятия политической системы общества, исследуются и рассматриваются функции и элементный состав данного правового института. Делается вывод, что политическая система общества представляет собой совокупность взаимосвязанных инструментов, в рамках которой осуществляется политическая жизнь общества и реализуется политическая власть разрешенных на законодательном уровне органов и учреждений государства, политических институтов, обеспечивающих основы функционирования государственной власти. Отмечается, что в настоящее время необходимы теоретические разработки, способные помочь всем звеньям политической системы рационально адаптироваться к изменяющимся нормам и формам общественной жизни.

Ключевые слова: государство, система, политическая система общества, политические отношения и нормы, функции политической системы, политический институт

Для цитирования: Ханахмедова Л. В. Политическая система общества в трактовке теории права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 44–47. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-44-47>.

Original article

The political system of society in the interpretation of the theory of law

Lyudmila V. Khanakhmedova

Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Ryazan, Russian Federation, milars-19@mail.ru

Abstract. The article analyzes the concept of the political system of society, examines and examines the functions and the elemental composition of this legal institution. It is concluded that the political system of society is a set of state bodies and institutions authorized at the legislative level, political institutions that provide the basis for the functioning of state power. It is noted that theoretical developments are currently needed that can help all parts of the political system rationally adapt to changing norms and forms of public life.

Keywords: state, system, political system of society, political relations and norms, functions of the political system, political institution

For citation: Khanakhmedova L. V. The political system of society in the interpretation of the theory of law. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 44–47. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-44-47>.

На сегодняшний день вопрос о понятии и сущности политической системы не решен однозначно, имеются различные позиции по данной проблеме, отличающиеся своими достоинствами и недостатками.

Прежде всего, необходимо вспомнить, что в науке система понимается как совокупность элементов, объединенных по определенному критерию и взаимосвязанных между собой.

Обычно к признакам системы относят: множественность составляющих компонентов, наличие внутренних и внешних связей между ними, функциональность.

Категорию «политическая система» по общему правилу надлежит понимать как систему государственных и негосударственных институтов различного уровня, объединенных нормами и отношениями политико-правовой

© Ханахмедова Л. В., 2023

направленности и принимающих участие в формировании и реализации политической власти [1, с. 148].

Для научной литературы свойственны и иные определения рассматриваемой дефиниции. Так, например, с точки зрения Л. П. Рассказова, политическую систему общества следует определять с позиции узкого и широкого подходов. В узком смысле политическая система представляет собой комплекс политических институтов, в число которых автор включает: органы государства, политические партии, политические движения, профсоюзы, экономические структуры. Предполагается, что такой подход не отображает всей сути и назначения политической системы, более того, не включает все ее составляющие элементы. Однако, несомненным является утверждение о том, что именно в рамках политической системы формируется и функционирует государственная власть. С точки зрения приведенной позиции политическая система по своей сути представляет политическую организацию общества. Не согласимся с данным утверждением, поскольку политическая организация общества представляет только институциональную часть политической системы общества и не тождественна ей.

С одной стороны, перечень политических институтов предполагает, что именно они влияют на содержание и назначение политической системы в государстве, но, с другой стороны, указание перечня субъектов, принимающих участие в политической жизни государства, не охватывают всех общественных процессов.

В этой связи отметим, что существуют и другие важные структурные элементы рассматриваемого правового института — политическая основа, включающая в себя политическое сознание субъектов, а также экономическая и нормативная подсистемы. Например, нормативность политической системы заключается в принципах и правилах, регулирующих политические отношения и поведение субъектов политики.

Таким образом, очевидно, что политическая система охватывает не только субъектов политической жизни, но и политические нормы, политические отношения и т. д.

В широком смысле политическая система должна определяться как совокупность присущих обществу политических процессов [2, с. 60], включает в себя следующие структурные элементы:

а) политическое сознание субъектов политики, включая политическую идеологию и психологию;

б) формы политической деятельности, которые могут быть разнообразными и включать выборы, референдум и иные формы выражения политической воли;

в) экономическую, политическую и социальную основы политической системы, определяющие влияние разнообразных факторов на политическую организацию общества;

г) нормативную основу политической системы, которая включает принципы и правила регулирования политической деятельности и взаимодействия политических институтов.

Таким образом, очевидно, что в целом политическая система общества представляет собой сложную структуру, определяющую организацию и функционирование политической жизни общества.

Похожую позицию занимает А. В. Малько, обозначающий политическую систему как регламентированную правовыми и иными социальными нормами совокупность институтов, в числе которых органы государства, политические партии и движения, общественные организации и др. Отмечается, что именно в рамках политической системы протекает жизнь общества и реализуется политическая власть [3, с. 89].

Так, В. Я. Любашиц, А. Ю. Мордовцев, А. Ю. Мамычев высказывают точку зрения, согласно которой политическую систему следует трактовать как совокупность норм и политических институтов, которые определяют реализацию политической власти и характеризуются постоянным взаимодействием [4, с. 110].

В то же время Л. А. Морозова обозначает исследуемую категорию как систему институтов государственного и негосударственного уровня, в процессе реализации которых осуществляется политическая власть и управление обществом [1, с. 119].

Исходя из приведенных определений следует, что назначение политической системы общества состоит в обеспечении функционирования института политической власти.

Т. А. Алексеева представляет вниманию более широкое назначение политической системы, выражающееся в обеспечении единства деятельности участников общества в политических процессах, а также во взаимосвязи населения и государства [5, с. 57].

О единстве деятельности в сфере функционирования политической власти высказывался и Г. Лассуэлл. Ученый отмечал, что рассматриваемая категория представляет собой систему общества, в рамках которой власть рассредоточена между всеми составляющими ее элементами.

Тем самым предполагается, что в такой системе достигается равновесие сил, которые устремляются к власти и добиваются ее. Нарушение такого равновесия, когда происходит сосредоточение власти одних сил, является предпосылкой разрушения политической системы. В связи с чем задача государства состоит в сохранении баланса политических сил в обществе.

Э. Фромм в определении назначения политической системы общества исходил из того, что она служит инструментом для раскрытия способностей участников общества [5, с. 62]. Так, согласно теории общественного договора, допускается возможность достижения анонимного соглашения между участниками общества, не наделенными властными полномочиями, об основах организации социальной и политической системы.

С данной точки зрения политическая система общества может быть определена как система взаимосвязанных государственных и общественных учреждений, задачи которых состоят в обеспечении организационной обособленности и политической активности участников в ходе функционирования политической власти.

Очевидно, что данная позиция не совсем точно отражает сущность политической системы. Отметим, что ее предназначением является осуществление политической власти, а не обозначение активности отдельной личности. Хотя, конечно, стоит признать, что в отдельных случаях причиной политической жизни отдельных групп является потребность в реализации в сфере власти.

В большинстве работ, посвященных рассматриваемой проблематике, структура политической системы включает в себя: политические институты, политические отношения, политические принципы и нормы, политическое сознание, политическую культуру [2, с. 59].

Представляется правильным включение в структуру политической системы политического сознания и политической идеологии.

В аргументации целесообразности указания в числе структурных элементов политической системы политического сознания и идеологии стоит отметить, что сознание человека отражает его отношение к процессам в обществе, следовательно, в некоторой степени оказывает влияние на политическую систему общества.

Так, например, осознание отдельной личностью необходимости принятия участия в выборах позволяет обеспечить реализацию политических и правовых норм.

Д. И. Ахметова и К. А. Грандонян отмечают, что в состав политической системы входят: политические отношения, политическое сознание,

политическая культура, политическая идеология, политические и правовые нормы, политические организации [6, с. 43].

Б. М. Емельянов обозначает следующую вариацию состава структуры политической системы: государство, политические партии и движения, общественные организации, трудовые коллективы, политическое сознание, социально-политические и правовые нормы, политические отношения, политическая практика, включающая в себя политическую деятельность и политический опыт [3, с. 83].

Л. А. Морозова замечает, что в структуре политической системы общества следует различать такие подсистемы, как:

- а) организационный (государство, политические партии, общественно-политические организации и движения и др.);
- б) регулятивный (правовые нормы, политические нормы и традиции, обычаи и др.);
- в) функциональный;
- г) коммуникативный [1, с. 123].

В. М. Сырых к структурным элементам политической системы относит избирателей, должностных лиц органов и учреждений государства, государственный режим и др. [2, с. 60].

Полагаем, что данная точка зрения не отражает специфику политической системы общества, поскольку отражает лишь перечень отдельных политических институтов.

Проанализировав приведенные позиции авторов по вопросу определения структуры политической системы, предполагается возможным выделить следующие срезы (уровни), раскрывающие ее внутреннее строение: институциональный (организационно оформленные институты, участвующие в политической жизни общества); регулятивный (нормы и принципы, регламентирующие политические процессы); духовный (политическое сознание, политическая культура и идеология) и коммуникативный (информационно-пропагандистская деятельность социальных субъектов по распространению социально-политической информации, направленной на формирование, стабилизацию или изменение образа мыслей и действий других социальных субъектов).

Резюмируя вышесказанное, заметим, что под политической системой общества представляется возможным понимать совокупность взаимосвязанных институтов и норм, в рамках которой осуществляется политическая жизнь общества и реализуется политическая власть.

Как и любая правовая категория, «политическая система» обладает признаками,

раскрывающими ее сущность. По мнению К. А. Грандоняна, к таковым относятся: непосредственная связь с государственной властью; принятие законных мер к ее достижению и реализации; выражение политических интересов всех слоев общества и социальных групп; закрепление организованных форм обозначения политических интересов, регламентация отношений между элементами политической системы [6, с. 42].

Л. А. Морозова признаки политической системы общества определяет следующим образом: связь с государственной властью; отражение в ней политических процессов, характерных для общества; осуществление управляющего и регулирующего воздействия на общество; регулирование основ функционирования политической системы нормами социальной и правовой направленности [1, с. 120].

Заметим, что в данный перечень признаков политической системы необходимо включить выражение интересов отдельных групп населения, поскольку политическая власть призвана отстаивать и выражать такие интересы. Об этом говорит и практическая деятельность политических партий, входящих в состав политической системы, которые в ходе реализации политической власти устанавливают, на решение каких вопросов и проблем отдельных групп населения будет направлена их деятельность.

Резюмируя вышесказанное, представляется возможным сформулировать определение политической системы как совокупности разрешенных на законодательном уровне органов и учреждений государства, политических институтов, призванных обеспечивать основы функционирования государственной власти.

Безусловно, политическая система любого государства должна быть относительно самостоятельной, иметь различные точки опоры, внутренние гарантии самосохранения и быть устойчивой к изменяющимся международным отношениям.

Изучение политической системы и полученные теоретические разработки будут способствовать поддержанию ее стабильности и при необходимости приведению в соответствие с современным уровнем развития общественных отношений.

Список источников

1. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. 464 с.
2. Бондарь Н. Н. Политическая система: понятие, сущность, структура, функции // Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 59–61.
3. Емельянов Б. М. Теория государства и права: курс лекций. Москва: Норма, 2004. 344 с.
4. Любашин В. Я., Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Теория государства и права: учебник. Москва: РИОР, 2014. 450 с.
5. Алексеева Т. А. Современные политические теории. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 479 с.
6. Ахметова Д. И., Грандонян К. А. Политическая система и гражданское общество в современной России // Правовая культура. 2013. № 2 (15). С. 41–46.

References

1. Morozova L. A. Theory of state and law: textbook. 6th ed., reprint. and add. Moscow: Norma: INFRA-M Publ., 2023. 464 p. (In Russ.)
2. Bondar N. N. The political system: concept, essence, structure, functions. *Society and Law*, 2012, no. 5 (42), pp. 59–61. (In Russ.)
3. Emelyanov B. M. Theory of State and law: course of lectures. Moscow: Norm Publ., 2004. 344 p. (In Russ.)
4. Lyubashits V. Ya., Mordovtsev A. Yu., Mamychev A. Yu. Theory of state and law: textbook. Moscow: RIOR Publ., 2014. 450 p. (In Russ.)
5. Alekseeva T. A. Modern Political Theories. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2000. 479 p. (In Russ.)
6. Akhmetova D. I., Grandonyan K. A. The political system and civil society in modern Russia. *Legal culture*, 2013, no. 2 (15), pp. 41–46. (In Russ.)

Информация об авторе

Л. В. Ханахмедова — кандидат юридических наук.

Information about the author

L. V. Khanakhmedova — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 10.11.2023; одобрена после рецензирования 31.11.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 10.11.2023; approved after reviewing 31.11.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Научная статья

УДК 34.13

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-48-52>

О презумпции виновности в контексте повышенной юридической ответственности

Хужин Альфир Мисхатович¹, Одиноква Анастасия Владимировна²

^{1,2}Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

¹alfirhuzhin@mail.ru

²happygirl2101@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема применения презумпции виновности при привлечении лица к повышенной юридической ответственности. Анализируются различные доктринальные взгляды на природу, сущность и содержание презумпции виновности. Рассматриваются примеры судебной практики с обоснованием повышенной юридической ответственности в контексте применения презумпции виновности. В статье внесены предложения по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения в аспекте решаемой научно-практической проблемы.

Ключевые слова: презумпция виновности, повышенная юридическая ответственность, вина, ответственность независимо от вины

Для цитирования: Хужин А. М., Одиноква А. В. О презумпции виновности в контексте повышенной юридической ответственности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 48–52. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-48-52>.

Original article

On the presumption of guilt in the context of increased legal responsibility

Alfir M. Huzhin¹, Anastasia V. Odinkova²

^{1,2}Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹alfirhuzhin@mail.ru

²happygirl2101@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of applying the presumption of guilt when bringing a person to increased legal responsibility. Various doctrinal views on the nature, essence and content of the presumption of guilt are analyzed. Examples of judicial practice with justification of increased legal responsibility in the context of the application of the presumption of guilt are considered. Proposals are made to improve the current legislation and the practice of its application in the aspect of the solved scientific and practical problem.

Keywords: presumption of guilt, increased legal responsibility, guilt, responsibility regardless of guilt

For citation: Khuzhin A. M. Odinkova A. V. On the presumption of guilt in the context of increased legal responsibility. *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 48–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-48-52>.

Современная юридическая доктрина не всегда способна решать проблемы практического характера, используя свою методологию

познания. Инстинктивно практика и теория всегда находятся «в одном диапазоне» проблемного поля, но средства и методы могут быть

© Хужин А. М., Одиноква А. В., 2023

разные. В таких случаях на помощь приходит научно-практический подход, позволяющий в синтезированном виде рассмотреть возникающую проблему и предложить пути ее решения. Постараемся на примере учения о повышенной юридической ответственности показать научно-прикладную применимость презумпции виновности, используемой в судебно-арбитражной практике.

Теоретическая часть. Изучив феномен повышенной юридической ответственности, мы установили, что он представляет собой особый вид претерпевания неблагоприятных последствий лицом, в случаях прямо предусмотренных законом. Вина относится к наиболее принципиальному условию повышенной юридической ответственности. При этом «в одних случаях вина выступает в качестве обязательного условия, в других же — вина является факультативным условием» [1, с. 9]. Данная юридическая ответственность характерна для сферы частного права, а ее обоснование является предметом научной дискуссии уже не одно столетие.

Для начала анализа обоснования применения повышенной юридической ответственности, приведем ряд примеров. Так, в сфере *предпринимательской деятельности* лицо несет повышенную юридическую ответственность, если не докажет наличие факта непреодолимой силы (п. 3 ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)). Во всех остальных случаях возникает повышенная юридическая ответственность, то есть независимо от вины лица-предпринимателя. Аналогичная технико-юридическая конструкция предусмотрена нормой статьи 1079 ГК об ответственности за вред, причиненной деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, где освобождением от повышенной юридической ответственности будет также выступать доказанный факт непреодолимой силы и дополнительно — умысел самого потерпевшего. И еще один яркий пример — повышенная юридическая ответственность независимо от вины должностных лиц органов дознания, следствия и прокуратуры за незаконные процессуальные действия, предусмотренные пунктом 1 статьи 1070 ГК РФ.

Доктринальных обоснований применения повышенной юридической ответственности в вышеуказанных и иных, предусмотренных законодательством случаях, множество. Это и существовавшие обоснования советской юридической науки, построенные на теориях виновного начала (О. А. Красавчиков, М. М. Агарков,

Т. С. Хаскина, Л. С. Явич), вины с исключением (О. С. Иоффе, В. Т. Смирнов, И. С. Самощенко, М. Х. Фарукшин), широкого признания ответственности без вины (С. С. Алексеев, Е. А. Флейшиц), риска (В. А. Ойгензихт) обязательного страхования (Н. С. Малеин), повышенной бдительности (С. Н. Братусь) и др. Это и современные мнения ученых, где предлагаются решения проблемы ответственности посредством признания принципа справедливости (Д. Е. Богданов), экономического баланса сторон (О. В. Дмитриева), «двух начал» (А. А. Андреев), субъективного риска (В. В. Мамчун). Все подходы были предметом нашего пристального научного анализа, поэтому в рамках настоящей статьи откажемся от их конструктивной критики и поиска рациональных идей.

Так, В. А. Толстик видит решение проблемы в терминологии и четком разграничении последствий, где «правовой формой возмещения вреда при виновном причинении будет ответственность, а при невиновном — меры защиты (правовосстановительные меры)» [2, с. 327]. Идея на самом деле заманчивая, и мы ее разделяем в своих работах. Однако остаются вопросы: «Как и кто будет устанавливать факты виновного и невиновного поведения в каждом случае на практике, например в сфере предпринимательских отношений?». И самая каверзная проблема доктринального плана, что считать виной лица и ее отсутствием? Здесь как раз и следует обратиться к судебной практике и проанализировать ее на предмет применения повышенной юридической ответственности.

Практическая часть. Возьмем за основу несколько типовых решений с обоснованием судов о применении мер повышенной юридической ответственности к лицу. Так, в сфере предпринимательских отношений мы можем встретить следующие формулировки судебных инстанций относительно рассматриваемой проблемы: «ответчик не представил доказательств того, что при той степени заботливости и осмотрительности он принял все меры для надлежащего исполнения обязательства, а поэтому не опроверг установленную законом презумпцию виновности нарушителя обязательства» [3]. Чаще в решениях арбитражных судов можно наблюдать более общую формулировку: «Ссылки ответчика на отсутствие вины правового значения не имеют, поскольку в силу пункта 3 статьи 401 ГК РФ ответчик как субъект предпринимательской деятельности несет ответственность независимо от вины» [4]. Судебная практика четко опирается на

презумпцию виновности нарушителя в сфере предпринимательских отношений, не принимая аргументов в пользу отсутствия вины в деяниях лица, кроме возможности доказывания обстоятельств непреодолимой силы как основания для исключения юридической ответственности.

Если обратиться к судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, то здесь наблюдается примерно такая же ситуация.

Необходимо акцентировать внимание, что при применении положений статьи 1079 ГК РФ суды в качестве основания для исключения или уменьшения размера возмещения вреда и опровержения презумпции виновности причинителя принимают только прямо предусмотренные законом обстоятельства, исключаящие вину лица. К таковым фактам относятся обстоятельства непреодолимой силы или умысел самого потерпевшего. При этом субъективная невозможность предотвратить ДТП в качестве обстоятельств непреодолимой силы не признается. Так, например, Ковернинский районный суд Нижегородской области в своем решении от 25 мая 2023 года указал, что даже наезд в ночное время на лицо, находившееся на автомобильной дороге в состоянии сильного алкогольного опьянения, не может рассматриваться в качестве обстоятельства непреодолимой силы. В сложившейся ситуации на водителя, как владельца источника повышенной опасности, возлагается прямая обязанность по предотвращению вреда, вплоть до остановки транспортного средства [5]. Практикой устанавливается так называемая неопровержимая презумпция виновности лица, где любое субъективное отношение к действиям и негативным последствиям не могут быть опровергнуты.

Принцип неопровержимости презумпции виновности действует и по категории дел по незаконным действиям должностных лиц органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры, предусмотренными нормами статьи 1070 ГК РФ. Приведем характерный пример.

Так, Шегарский районный суд Томской области в открытом судебном заседании рассмотрел гражданское дело по иску Ф. к Управлению Федерального казначейства Российской Федерации по Томской области о компенсации морального вреда, причиненного в результате незаконного уголовного преследования. В отношении Ф. приговор был отменен, Ф. полностью оправдан. Мера процессуального принуждения в виде подписки о невыезде отменена.

Как было установлено судом, за время уголовного преследования в отношении Ф., которое продолжалось 3 года 11 месяцев 19 дней, он испытал и продолжает испытывать моральные переживания, обусловленные глубокими и тяжелейшими переживаниями, вызванные незаконными действиями следователя и руководителя Шегарского МСО СУ СК по Томской области, которые не установили истину по делу и подошли формально к его расследованию. Также за время уголовного преследования у Ф. ухудшилось общее состояние здоровья, упало зрение, он стал раздражительным, потерял стабильную работу, у него пропал сон и аппетит, что привело к потере 10 кг веса, снизилась работоспособность, а на нервной почве появилась быстрая утомляемость. Изложенное указывает на то, что у истца возникло право на получение компенсации морального вреда в связи с незаконным уголовным преследованием. С учетом вышеизложенных обстоятельств, исходя из установленных при рассмотрении дела характера и степени понесенных истцом физических или нравственных страданий, руководствуясь требованиями разумности и справедливости, суд полагает, что моральный вред, причиненный истцу, подлежит возмещению в размере 600 000 рублей [6]. Согласно статье 1100 ГК РФ компенсация морального вреда при таких обстоятельствах взыскивается независимо от вины причинителя вреда на условиях неопровержимой презумпции виновности.

Таким образом, вышеприведенные примеры из судебной практики свидетельствуют о том, что применяемая презумпция виновности в частноправовых отношениях в обстоятельствах повышенной юридической ответственности носит безусловный и неопровержимый характер. Лишь прямо указанные факты в виде обстоятельств непреодолимой силы, умысла или грубой неосторожности самого потерпевшего могут выступать в качестве оснований для исключения или уменьшения ответственности.

Научно-практическая часть. Теоретический анализ применения мер повышенной юридической ответственности в контексте применения презумпции виновности в сфере частноправовых отношений с учетом практического опыта судебной практики позволяет нам сделать ряд выводов относительно данного вопроса.

Первое. Повышенная юридическая ответственность имеет место в строго определенных законом случаях (например, в отношениях предпринимателей и потребителей, владельцами источника повышенной опасности и

потерпевшими; незаконными действиями процессуального характера отдельных должностных лиц). Все эти обстоятельства обусловлены *повышенными* требованиями к лицам и их поведению в конкретных ситуациях, где одна сторона, являясь более сильной с точки зрения закона должна максимально учитывать права и законные интересы более слабой стороны отношений. По сути, предъявляются повышенные требования к вине данных лиц в случаях, строго предусмотренных законом, где любой факт причинения вреда или иного нарушения прав и законных интересов другого лица рассматривается в качестве виновного поведения. Лицо, не допуская такого нарушения, должно проявлять максимальную степень заботливости и осмотрительности в таких ситуациях, а в случае нарушения нести юридическую ответственность за свое виновное поведение.

Второе. В целях оптимизации цивилистического процесса и освобождения истца от бремени доказывания вины со стороны ответчика, в данной сфере отношений применяется технико-юридический прием презумпции виновности нарушителя.

Как справедливо отмечает В. К. Бабаев, «элемент фактического состава предположения вины причинителя вреда выступает в качестве предпосылки возникновения субъективных прав и юридических обязанностей...» и далее: «Предположение виновности в данном случае мобилизует причинителя вреда изыскать все средства, чтобы опровергнуть данную презумпцию. В случае невозможности такого опровержения причинивший вред обязан возместить его» [7, с. 73–74]. Если для обычных ситуаций для ответчика доказывание отсутствия в своих деяниях вины служит основанием освобождения либо уменьшения размера ответственности, то в ситуациях повышенной юридической ответственности в действие включается неопровержимая презумпция вины, когда единственными обстоятельствами невиновного поведения могут выступать предусмотренные в законе обстоятельства (непреодолимая сила, вина третьих лиц, вина самого потерпевшего).

Третье. Данный подход объясняет и негативные последствия, которые применяются к лицу за совершенные деяния. При не опровержении презумпции виновности лицо признается виновным, и к нему применяются меры юридической ответственности (возмещение убытков, упущенной выгоды, компенсации морального вреда). При опровержении презумпции виновности лицо признается невиновным, и возможным

негативным последствием по факту причинения вреда или иного нарушения могут выступать иные меры защиты. К этим мерам защиты мы можем отнести возврат незаконно полученного имущества, опровержение недостоверных сведений, компенсации, возмещение издержек и иное. Данный вывод применим и к случаям повышенной юридической ответственности только в ситуации, когда нарушение произошло по обстоятельствам, не зависящим от нарушителя, к лицу могут быть применены иные меры защиты, тогда как в иных случаях применяются меры юридической ответственности.

Таким образом, презумпция виновности в контексте повышенной юридической ответственности выступает в качестве элемента фактического состава нарушения (условия ответственности), направлена на защиту прав и законных интересов слабой стороны участника частноправовых отношений путем применения мер юридической ответственности к нарушителю, может быть опровергнута лишь доказыванием обстоятельств, прямо предусмотренных законом, с возможностью применения иных мер защиты.

Список источников

1. Одинокова А. В. Повышенная юридическая ответственность специального субъекта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2020. 30 с.
2. Толстик В. А. Принцип ответственности за вину и невиновная юридическая ответственность: проблема совместимости // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 324–327.
3. Постановление Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 9 июля 2023 года по делу № А81-2803/2023. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.08.2023).
4. Решение Арбитражного суда Архангельской области от 27 января 2023 года по делу № А05-11769/2022. URL: sudact.ru (дата обращения: 10.08.2023).
5. Решение Ковернинского районного суда Нижегородской области от 25 мая 2023 года по делу № 2-62/2023. URL: <https://koverninsky--nnov.sudrf.ru> (дата обращения: 10.08.2023).
6. Решение Шегарского районного суда Томской области от 21 ноября 2022 года по делу № 2-232/2022. URL: sudact.ru/regular/doc/uErfdkdeH7Zb/ (дата обращения: 10.08.2023).
7. Бабаев В. К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. 124 с.

References

1. Odonikova A. V. Increased legal responsibility of a special subject. Author's abstract of the dissertation of

the candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2020. 30 p. (In Russ.)

2. Tolstik V. A. The principle of responsibility for guilt and innocent legal responsibility: the problem of compatibility. *Legal technique*, 2020, no. 14, pp. 324–327. (In Russ.)

3. Resolution of the Arbitration Court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug in case no. A81-2803/2023 of July 9, 2023. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (accessed 10.08.2023). (In Russ.)

4. Decision of the Arbitration Court of the Arkhangelsk region in case no. A05-11769/2022 of January 27, 2023. URL: <https://sudact.ru> (accessed 10.08.2023).

5. The decision of the Verkhnepyshminsky City Court of the Sverdlovsk region in case no. 2-994/2020 of July 24, 2020. URL: <https://sudact.ru> (accessed 10.08.2023). (In Russ.)

6. The decision of the Koverninsky District Court of the Nizhny Novgorod region in case no. 2-62/2023 of May 25, 2023. URL: <https://koverninsky--nnov.sudrf.ru> (accessed 10.08.2023). (In Russ.)

7. The decision of the Shegarsky District Court of the Tomsk region in case no. 2-232/2022 of November 21, 2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uErfdkdeH7Zb> (accessed 10.08.2023). (In Russ.)

8. Babaev V. K. Presumptions in Soviet law. Gorky, 1974. 124 p. (In Russ.)

Информация об авторах

А. М. Хужин — доктор юридических наук, доцент;

А. В. Одинокова — кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. M. Khuzhin — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

A. V. Odinokova — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 25.10.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 10.09.2023; approved after reviewing 25.10.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-53-58>

Норма-предписание и норма-предложение: соотношение понятий

Шафиров Владимир Моисеевич

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, vshafiroff@gmail.com

Аннотация. В правоведении устоялся взгляд на любую норму как должное, обязательное, подкрепленное государственным принуждением предписание. С таким видением согласиться нельзя. В Конституции Российской Федерации особо выделены высшая ценность человека, его права и свободы, которые являются непосредственно действующими, определяющими смысл, содержание и применение законов. Положения о правах и свободах не вписываются в узкие рамки нормы-предписания. Не учет этого ведет к ошибкам в право-творчестве и правоприменении. Обосновывается необходимость выделения в качестве самостоятельного правила наряду с нормой-предписанием (закрепляющей обязанности) норму-предложение (закрепляющей права и свободы). В статье проводится их сравнительный анализ, делается вывод, что ни одна из норм не может претендовать на роль родового понятия. Они виды общего понятия «норма права».

Ключевые слова: право, права, свободы, обязанности, норма права, норма-предписание, норма-пред-ложение

Для цитирования: Шафиров В. М. Норма-предписание и норма-предложение: соотношение понятий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 53–58. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-53-58>.

Original article

Prescription norm and statement norm: correlation of concepts

Vladimir M. Shafirov

National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russian Federation, vshafiroff@gmail.com

Abstract. In jurisprudence there is a firm view on any norm as a compulsory, mandatory citation, which is backed by unlawful force. One ought not to assent to the opinion. The Constitution of the Russian Federation emphasizes the highest value of a person, his rights and freedoms. Rights and freedoms are directly applicable, governing import of the law, its purview, and administration. Legislative acts concerning rights and freedoms are out of narrow bounds of regulatory provisions. Failure to take this into account leads to mistakes in law-making and law enforcement. The necessity of distinguishing statement norm (fixing rights and freedoms) as an independent rule, along with prescription norm (fixing duties), is explained. In the article, their comparative analysis is made, the conclusion is generalized that none of the norms can claim to be a generic concept. They are types of the general concept of legal norm.

Keywords: law, rights, freedoms, obligations, legal norm, prescription norm, statement norm

For citation: Shafirov V. M. Prescription norm and statement norm: correlation of concepts. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 53–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-53-58>.

В научной и учебной литературе распростра-нено мнение, что «живой», реальной клеточкой системы права является норма-предписание. Именно она и закрепляется в текстах право-вых документов. Причем норма-предписание

практически выдается за родовое понятие. По мнению Н. Н. Вопленко, нормативное право-вое предписание «...является более широким и родовым понятием, в то время как норма пра-ва — особая его разновидность» [1, с. 213].

© Шафиров В. М., 2023

Норма-предписание определяется как государственно-властное, общеобязательное, формально-определенное правило поведения, имеющее представительно-обязывающий характер, обеспеченное государственным принуждением. Выделяются следующие признаки нормы-предписания:

1. Государственно-властное предписание, то есть независимо от словесной формулировки, в которой выражена та или иная правовая норма (закрепляются в ней права или обязанности), она всегда представляет собой властный императив государства относительно возможного и должного поведения людей.

2. Общеобязательность. Этот признак исходит из того, что любая норма по содержанию своего предписания есть настоятельное требование неукоснительной ее реализации (использование, соблюдение, исполнение). Отсюда утверждение — всякая норма несет на себе печать необходимого и должного.

3. Представительно-обязывающий характер. Иными словами, всякая норма права имеет указание на права и обязанности. Аргумент такой: права не могут существовать без корреспондирующих им обязанностей и, наоборот, обязанности не мыслимы без соответствующих им прав.

4. Формальная определенность. Она означает, что норма закрепляется в официальных юридических источниках, является строго формализованным правилом поведения, с конкретным, точным описанием должных и возможных действий (бездействий). Следовательно, формально правильное может быть несправедливым: «Закон суров, но это закон».

5. Принудительный характер реализации. Для нормы-предписания такой признак оправдан. Конечно, модель должного поведения ориентирована, прежде всего, на добровольное осуществление обязанностей. Это сглаживает категоричный (приказной) характер нормы-предписания. Иное дело, когда нормы, устанавливающие обязанности, не соблюдаются и не исполняются, то есть нарушаются. В таких случаях без мер государственно-правового принуждения не обойтись.

Такое видение нормы-предписания сформировалось в рамках теории позитивного права, ее важнейшего направления — нормативной школы правопонимания. Однако оно не учитывает изменения, которые произошли после принятия в 1993 году Конституции Российской Федерации. В ней заложены не только идеи юридического позитивизма, но и «...достаточно

четко сформулированы... концептуальные основы, базирующиеся на естественно-правовом подходе к пониманию права» [2]. Конституционная концепция правопонимания имеет четко выраженный интегративный характер [3]. В Основном правовом документе страны установлено: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2); «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ч. 2 ст. 17); «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими; «они определяют смысл, содержание и применение законов...» (ст. 18).

Изложенные конституционные положения о правах и свободах не вписываются в узкие рамки нормы-предписания. О нормах предписаниях можно говорить только относительно к обязанностям. Возникает очевидный вопрос: «Правильно ли считать, что всякая норма права — это норма-предписание»? Безусловно, нельзя. Следовательно, норму-предписание не оправдано отождествлять с нормой права как родовым понятием, поскольку в должном затеваются права и свободы, что не приемлемо.

Для раскрытия правила поведения, закрепляющего права и свободы следует использовать понятие «норма-предложение» или «управомочивающая норма». Управомочивающая норма — определенное правило предложение, наделяющее субъектов посредством формулировок «вправе», «может» свободой распоряжаться своими правами, обеспеченное обществом и государством. Признаки управомочивающей нормы:

1. Правило-предложение. Оно не является жестким императивом, приказом к подчинению, не предписывает каких-либо действий (бездействий) тем, кому адресованы права и свободы, не ограничивает их поведение. Управомочивающая норма лишь содержит выверенные ориентиры желательного, предпочтительного и выгодного для субъектов поведения.

2. Определенное правило поведения. Во-первых, в нем закрепляются только права, свободы. Во-вторых, определенность прав и свобод может быть, как полной (из нормы четко вытекает содержание, объем прав и свобод), так и относительной. В частности, это относится к конституционному правилу о непосредственном действии прав и свобод. Их признание, соблюдение защита должна проводиться независимо от того, конкретизированы, содержащие их принципы и нормы Конституции в отраслевом законодательстве или нет.

3. Побуждает субъектов посредством мягких формулировок: «вправе», «может» свободно проявлять свою волю, действовать правомерно, то есть активно распоряжаться своими правами. Здесь работает не властный императив, а доверие государства к личности.

4. Реализация правила предложения непосредственно зависит от признания и принятия ее субъектом, а, следовательно, от его развитого внутреннего правового настроя. Тем самым эффективность «работы» управомочивающей нормы напрямую связана с ее способностью воздействовать на субъективную сторону поведения. Одного внешнего, формального закрепления в норме прав и свобод недостаточно, поэтому ошибочно мнение, что для права, его норм безразлично, из каких внутренних побуждений реализует их индивид. Напротив, важно, чтобы, используя права и свободы, зафиксированные в норме, субъекты действовали инициативно, разумно и добросовестно. В части 5 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации указано, что «добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются», поэтому норма-предложение регулирует как внешнее, так и внутреннее поведение людей.

5. Обеспечивается обществом и государством. Обеспечительную роль выполняют, как отдельные члены общества — личности, так и социальные институты. Внутренняя готовность личности (адресата, носителя прав и свобод) к правомерному, а желательна к активному правомерному действию — главное обеспечительное условие (средство) жизнеспособности управомочивающей нормы. Личностный обеспечительный аспект действенности нормы-предложения связан также с поведением обязанной стороны правоотношения. В обеспечении эффективной реализации норм-предложений участвуют социальные институты (например, общественные организации, политические партии и т. д.) и государство, в лице своих органов. Их гарантирующее воздействие является не ограничивающим или принуждающим, а положительно побуждающим. В этих целях применяются позитивные средства обеспечения (моральное, правовое стимулирование, содействие правомерному поведению, нравственное и правовое обучение и воспитание и т. д.). В защите прав особое место занимает государство. Ему принадлежит решающее значение в применении, например, юридической ответственности. Она необходима для восстановления нарушенных прав, возмещения вреда потерпевшему.

Итак, правовое принуждение нельзя считать универсальным признаком нормы права. Оно недопустимо в отношении тех, кто отказывается следовать нормам, закрепляющим права и свободы.

Теперь относительно признаков формальная определенность и представительно-обязывающий характер. Формальность, добавляемая к определенности при характеристике нормы-предписания, ничего полезного не вносит. Да, с одной стороны, формальный означает свойственный форме, согласный с формой, характерный для нее. Но, с другой стороны, формальный — это далекий от истинного смысла, дающий предпочтение форме над содержанием. В результате создается ложное представление о главенстве нормы (формы), над содержащимися в ней правами и обязанностями. Что и ведет к буквоедству, формализму и ошибкам в толковании и применении норм. Настала пора отказаться от неудачного позитивистского признака «формальная определенность».

Вызывает критическое отношение признак: представительно-обязывающий характер нормы. Его смысл сводится к тому, что права и обязанности должны совмещаться всегда только в одной правовой норме. Надо различать реально имеющий место элемент содержания нормы-предложения (права) и виртуальный (воображаемый — обязанности), который, безусловно, должен быть закреплен, но уже в самостоятельных обязывающих (запрещающих) нормах. Так, управомочивающей норме (ст. 37 Конституции Российской Федерации), устанавливающей право на оплачиваемый ежегодный отпуск, корреспондирует обязывающая норма (ст. 122 Трудового кодекса Российской Федерации), в которой указано, что «оплачиваемый отпуск должен предоставляться работнику ежегодно», поэтому более предпочтительно говорить не о представительно-обязывающем характере управомочивающей нормы, а о признаке системности права, который и связывает между собой различные по содержанию юридические правила поведения. Благодаря системности и происходит связь, взаимодействие разных по содержанию (закрепляющих права и обязанности) юридических правил поведения.

Отличаются нормы-предписания и норма-предложение по элементам структуры. Здесь более заметно различие по диспозициям и санкциям. Диспозиция нормы-предписания определяет конкретные обязанности субъектов, возникающие при наличии предусмотренных в гипотезе условий. Санкция нормы-предписания

с позиций конституционного (естественно-положительного) правопонимания должна быть двух видов: негативная санкция и положительная санкция. Негативная санкция устанавливается за несоблюдение и неисполнение обязанностей и влечет неблагоприятные последствия (юридическая ответственность). Позитивная санкция нормы-предписания устанавливается за добросовестное и активное исполнение (соблюдение) обязанностей и влечет заслуженные благоприятные последствия. Например, в части 1 статьи 75 УК РФ установлено, что «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный этим преступлением, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным». Здесь освобождение от уголовной ответственности предусмотрено в качестве меры поощрения за активное правомерное поведение обязанного лица (правонарушителя).

Диспозиция нормы-предложения определяет права и свободы субъектов, возникающие при наличии предусмотренных в гипотезе условий. Позитивная санкция нормы-предложения устанавливается за активное правомерное поведение, за которое предусмотрены заслуженные благоприятные последствия. Ее предназначение — поддержать, поощрить добровольное, добросовестное, инициативное, творческое использование прав и свобод как в своих личных, так и общественных интересах, поэтому она может быть только позитивно-побуждающей. Примером может служить Указ Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 года № 1099 (редакция от 19 ноября 2021 года) «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации», в соответствии с которым: «...Орденом Почета награждаются граждане Российской Федерации: за особо плодотворную..., благотворительную и общественную деятельность». Здесь орденом награждаются граждане, плодотворно занимающиеся благотворительной и общественной деятельностью. Такая деятельность не относится к обязанности, ее проведение строится на добровольной, самостоятельной основе и является правом гражданина.

Негативная санкция в норме-предложении (в отличие от нормы-предписания) отсутствует,

поскольку, как уже указывалось ранее, принуждать к реализации прав и свобод нельзя.

Есть разница в классификации соотносимых норм. Особенность норм-предписаний проявляется, в частности, по таким критериям: степень жесткости регулирования и по форме выражения поведения. По первому основанию самый жесткий вариант — выделение абсолютно-императивных норм-предписаний. Это категоричные, строго обязательные правила, не допускающие отклонений от установленных в них вариантов действий (бездействий), выражающиеся в формуле: «Только так, а не иначе». Такие абсолютно-императивные нормы-предписания имеются в трудовом, семейном, земельном законодательстве, однако преобладают в уголовном и административном законодательстве. По форме выражения поведения нормы-предписания делятся:

а) на обязывающие, то есть требуют совершать положительные действия. Например, в соответствии со статьей 60 Воздушного кодекса Российской Федерации «командир воздушного судна, принявший сигнал бедствия от другого воздушного судна, морского судна или судна внутреннего плавания, а также обнаруживший судно, терпящее или потерпевшее бедствие, зону экологического бедствия либо находящихся в опасности людей, обязан оказать помощь, если это не сопряжено с опасностью для вверенных ему воздушного судна пассажиров и экипажа, отметить на карте место (зону) бедствия и сообщить об этом соответствующему органу обслуживания воздушного движения (управления полетами)»;

б) запрещающие (запреты), то есть требуют не совершать определенных общественно опасных действий. Например, в статье 27 Лесного кодекса Российской Федерации установлено, что «...допускается установление следующих ограничений использования лесов:

1) запрет на осуществление одного или нескольких видов использования лесов, предусмотренных частью 1 статьи 25 настоящего Кодекса;

2) запрет на проведение рубок...».

Нормы-предложения не могут быть императивными. Они содержат права и свободы, которые формулируются словосочетаниями «вправе», «имеет право», «по своему усмотрению». Отсюда требовать использования прав и свобод не допустимо. Главной разновидностью норм-предложений является их вычленение в зависимости от уровня индивидуального правового регулирования (саморегуляции). По данному критерию управомочивающие нормы можно

разделить на следующие группы: определенные управомочивающие нормы; управомочивающие нормы, позволяющие выбор вариантов поведения; управомочивающие нормы, позволяющие свою конкретизацию в зависимости от сложившейся ситуации (ситуационные); управомочивающие нормы, позволяющие принятие правила поведения, отличного от имеющегося (диспозитивные нормы); рекомендательные нормы.

Проделанный сравнительный анализ дает основание утверждать, что не любая норма проявляет себя как должное, подкрепляемое государственным принуждением, обязательное правило поведения. Только юридические нормы, закрепляющие обязанности, и могут быть названы общеобязательными предписаниями. Нормы, содержащие права, предписаниями должного не являются.

Непринятие во внимание отличительных особенностей норм-предписаний и норм-предложений приводит к ошибкам в правотворчестве и правоприменении (умалению прав, отождествлению прав и обязанностей, не правильному выбору способа правового регулирования, неверному определению, когда лицо управомочено, а когда оно обязано и т. д.). В частности, вызывает недоумение предложенная законодателем модель выбора способа управления многоквартирным домом (или иначе способа правового регулирования). В части 2 статьи 161 Жилищного кодекса Российской Федерации установлено: «Собственники помещений в многоквартирном доме **обязаны** (выделено мной. — В. Ш.) выбрать один из способов управления многоквартирным домом...». Выбор, прежде всего и главным образом, связан с правами, то есть дозволением.

Возьмем пример из правоприменительной практики. Гражданин Г. купил лодку в интернет-магазине, но она оказалась с браком. Между ним и продавцом возник спор о том, кто должен доставить некачественный крупногабаритный товар. Городской суд поддержал гражданина, но апелляционная и кассационная инстанции встали на сторону продавца. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила определения апелляционной и кассационной инстанций. В определении Судебной коллегии (от 23 марта 2021 года № 57-КГ20-16-К1) разъяснено: «...Положения статьи 18 Закона о защите прав потребителей не содержат обязанности покупателя по направлению за свой счет продавцу некачественного товара для его

проверки. При этом направленное Г. предложение о доставке лодки продавцу для проверки ее качества не является доказательством исполнения ответчиком обязанности по надлежащей организации за свой счет доставки крупногабаритного товара к месту проведения его проверки. Напротив, данная обязанность лежит на продавце, в связи с чем вывод суда апелляционной инстанции о том, что истец, злоупотребив своим правом, лишил продавца возможности своевременно организовать проверку качества товара, является незаконным и противоречит приведенным нормам права, содержащимся в Законе о защите прав потребителей».

Из процитированного определения Верховного Суда Российской Федерации следует, что вышестоящие к городскому суду инстанции неверно истолковали управомочивающую норму, неправильно определили, какому лицу принадлежат права, а какому обязанности. Права же принадлежали по Закону покупателю, поэтому, если ему неудобно и затратно доставлять бракованный товар, то он может это не делать.

Приведенные примеры из Закона и правоприменительной практики, хотя и по-разному, но в очередной раз доказывают «живучесть» восприятия всякой правовой нормы в качестве обязательного предписания.

Таким образом, норма-предписание и норма-предложение самостоятельные правила поведения. Каждое из них имеет свое содержание, особенности структуры, виды и предназначение в регулировании общественных отношений. Они друг друга не заменяют и не дублируют. Однако ни одна из норм не может претендовать на роль родового понятия. Они лишь виды нормы права вообще, которая и является родовым понятием. Несмотря на различия, на них распространяются общие черты, присущие понятию «норма права» в целом. Можно дать следующее определение норме права — закрепленное (санкционированное) в статье официального юридического источника общее, определенное, структурно организованное правило возможного и должного поведения, обеспеченное обществом и государством.

Список источников

1. Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 898 с.
2. Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. Москва: РГУП, 2018. 625 с.
3. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. Москва: Норма: ИНФРА, 2011. 719 с.

4. Лазарев В. В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 5–19.

5. Шафиров В. М. Интегративное правопонимание и жесткий позитивизм // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 24–33.

2. Ershov V. V. Legal and individual regulation of public relations: monograph. Moscow: RGU Publ., 2018. 625 p. (In Russ.)

3. Zorkin V. D. Constitutional and legal development of Russia. Moscow: Norma: IN-FRA Publ., 2011. 719 p. (In Russ.)

4. Lazarev V. V. Integration of law and implementation of integrative approaches to law in court decisions. *Journal of Russian Law*, 2017, no. 7, pp. 5–19. (In Russ.)

5. Shafirov V. M. Integrative legal understanding and hard positivism. *Journal of Russian Law*, 2017, no. 7, pp. 24–33. (In Russ.)

References

1. Voplenko N. N. Essays on the general theory of law: monograph. Volgograd: VolGU Publ., 2009. 898 p. (In Russ.)

Информация об авторе

В. М. Шафиров — доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Information about the author

V. M. Shafirov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 10.10.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Научная статья

УДК 342.413

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-59-64>

Роль конституционного права России в современном образовательном процессе

Ильгова Екатерина Владимировна¹, Заметина Тамара Владимировна², Комбарова Елена Валерьевна³, Щербакова Ольга Васильевна⁴

^{1, 2, 3, 4}Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

¹rector@ssla.ru

²zametina_saratov@mail.ru

³kombarova_ev@mail.ru

⁴olgascherbakowa@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из актуальных вопросов современного юридического образования — возрастанию роли конституционного права России в сфере формирования национально-ориентированного, профессионального мировоззрения обучающихся. В условиях реформирования системы высшего образования и нарастания угроз и вызовов современной российской государственности изучение Конституции России, основ конституционного строя приобретает особое значение. В целях реализации задач по выстраиванию суверенной, национальной системы образования и воспитания подрастающего поколения специалистов в статье обосновывается необходимость унификации ФГОС ВО по УГСН 40.00.00 Юриспруденция в части изучения конституционного права России в рамках образовательных программ юридического профиля, а также изучения дисциплины, отражающей конституционные основы профессиональной деятельности в образовательных программах неюридического профиля.

Ключевые слова: конституционное право России, образование, основы российской государственности, национально-культурные традиции, духовно-нравственные ценности

Для цитирования: Ильгова Е. В., Заметина Т. В., Комбарова Е. В., Щербакова О. В. Роль конституционного права России в современном образовательном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 59–64. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-59-64>.

Original article

The role of the constitutional law of Russia in the modern educational process

Ekaterina V. Ilgova¹, Tamara V. Zametina², Elena V. Kombarova³, Olga V. Scherbakowa⁴

^{1, 2, 3, 4}Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

¹rector@ssla.ru

²zametina_saratov@mail.ru

³kombarova_ev@mail.ru

⁴olgascherbakowa@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to one of the topical issues of modern legal education — the increasing role of constitutional law of Russia in the formation of a national-oriented, professional worldview of students. In the context of reforming the higher education system and the growing threats and challenges of modern Russian statehood, the study of the Constitution of Russia, the foundations of the constitutional system, is of particular importance. In order to implement the tasks of building a sovereign, national system of education and education of the younger generation of specialists, the article justifies the need to unify the Federal State Educational Institution of Higher Education under the UGSN 40.00.00 Jurisprudence in terms of studying the constitutional law of Russia within the framework of educational programs of a legal profile, as well as studying the discipline reflecting the constitutional foundations of professional activity in educational programs of a non-legal profile.

© Ильгова Е. В., Заметина Т. В., Комбарова Е. В., Щербакова О. В., 2023

Keywords: constitutional law of Russia, education, foundations of Russian statehood, national-cultural traditions, spiritual and moral values

For citation: Ilgova E. V., Zametina T. V., Kombarova E. V., Scherbakova O. V. The role of the constitutional law of Russia in the modern educational process. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 59–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-59-64>.

Изменение государственно-правовой конфигурации современного миропорядка в условиях глобализации, угрозы и вызовы национально-культурной идентичности государств, а также влияние санкционного давления на их социально-экономическое развитие обуславливают важность защиты государствами конституционных ценностей, формирования устойчивых экономической и политической систем, суверенного национального высшего образования.

Развитие юридического образования напрямую связано с историческими, социальными и национально-культурными основами конкретных государств. Юридическая профессия предъявляет высокие требования не только к совокупности знаний, навыков и умений, но и к морально-нравственным установкам личности, среди которых центральное место занимает патриотизм с осознанием собственной ответственности за развитие России как демократического правового государства.

По справедливому замечанию С. В. Кабышева, философская квинтэссенция современной национальной модели юридического образования «может быть представлена в виде следующего логического квадрата: 1) правопонимание, то есть системно-целостное юридическое мышление, направленное на понимание смысла, идеи, цели права; 2) правдолюбие, то есть безусловное стремление к правде, добру, справедливости; 3) патриотизм, то есть служение в любой юридической ипостаси своему Отечеству; 4) прогрессизм, то есть ориентация на востребованность современных технологий в праве и одновременно на развитие, инновации в обществе посредством права» [1, с. 112].

Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 года № 996-р [2], направлена на решение задач развития высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности; формирование высокого уровня духовно-нравственного развития, чувства причастности к историко-культурной общности российского народа и судьбе России; поддержки единства и

целостности, преемственности и непрерывности воспитания, а также общественных институтов, которые являются носителями духовных ценностей.

Конституция Российской Федерации выступает основой формирования российской правовой доктрины и правовой политики, оказывает определяющее влияние на правотворчество и правоприменение. В соответствии с действующей Конституцией Российской Федерации государство обязывается создавать условия для воспитания гражданственности и патриотизма (ч. 4 ст. 67.1 [3]). В пункте 5 Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [4] определены традиционные ценности, такие как жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Данные ценности нашли свое непосредственное отражение в преамбуле, статьях 20, 21–44, 57–59, 67, 67.1, 68, 69, пунктах «а», «б», «в», «е» статьи 71, пунктах «а», «б», «е», «ж. 1» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации и др., что обуславливает важную роль конституционного права как ведущей отрасли российского права в формировании политических и духовно-нравственных ценностей подрастающего поколения. Соответственно, на образовательные организации высшего образования возлагается функция подготовки специалистов с твердой мировоззренческой позицией, сформированными методологическими и инструментально-прикладными навыками, учитывающими ценностные ориентиры отечественного конституционного права.

ФГБОУ ВО «СГЮА» было изучено мнение самих обучающихся относительно изучения дисциплин «Конституционное право России» и

«Конституционное право зарубежных стран». С этой целью был проведен социологический опрос среди обучающихся Саратовской государственной юридической академии всех курсов, форм обучения, направлений подготовки и специальностей. (Социологический опрос «Отношение обучающихся к роли и месту отрасли конституционного права в российской правовой системе, а также удовлетворенности объемом полученных знаний по дисциплинам «Конституционное право России» и «Конституционное право зарубежных стран»: период проведения — февраль 2023 года. Метод: онлайн-опрос с использованием платформы «Яндекс.Формы». Количество респондентов: 1 170 обучающихся ФГБОУ ВО «СГЮА».)

Результаты проведенного исследования показали, что 96,7 % участников опроса считают, что конституционное право относится к фундаментальным для изучения дисциплинам, который закладывает базис для дальнейшего изучения отраслевых дисциплин. Минимальное количество обучающихся 3,3 % считают, изучение конституционного права никак не влияет на возможность освоения отраслевых дисциплин и без изучения дисциплины вполне можно обойтись (рис. 1).

Так, 93,2 % обучающихся уверены в том, что изучение курса «Конституционное право

России» пригодится им в будущей профессиональной деятельности юриста. По мнению участников опроса, без знания Конституции Российской Федерации и понимания концептуальных основ конституционного строя невозможно представить работу в юридической сфере. В то время как 6,8 % обучающихся высказывают противоположную точку зрения, считая, что «для профессиональной деятельности необходимо лишь глубокое изучение конкретной отрасли права, по которой будет специализироваться юрист, например, гражданское право или уголовное право» (рис. 2).

Относительно необходимости изучения курса «Конституционное право зарубежных стран» мнения обучающихся разделились. Так, 77,4 % считают, что изучение конституций зарубежных государств предоставляет возможность получения первичных навыков сравнительного правоведения и необходимо для качественной оценки и возможного совершенствования российского законодательства. 22,6 % высказывают мнение, что изучение данной дисциплины бесполезно и только увеличивает нагрузку на студентов (рис. 3).

Мнение участников опроса относительно целесообразности увеличения сроков и учебных часов, отведенных для прохождения курса «Конституционное право России» разделилось следующим образом, 24,5 % обучающихся

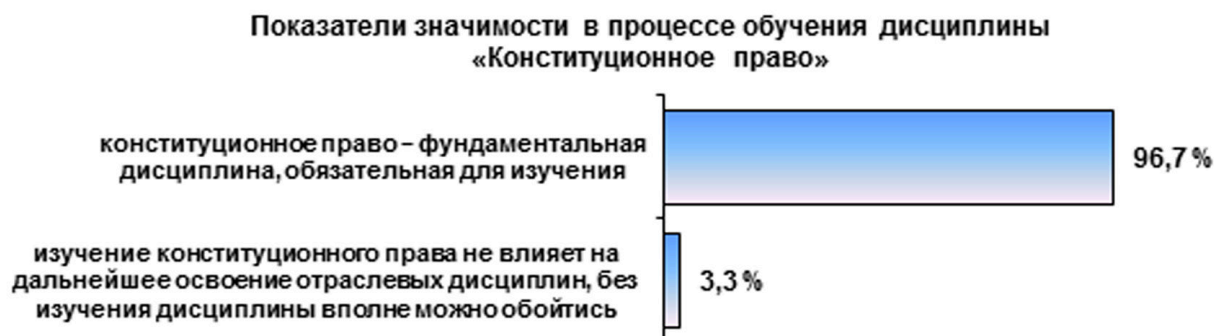

Рис. 1. Показатели значимости в процессе обучения дисциплины «Конституционное право»

Рис. 2. Востребованность знаний по курсу «Конституционное право России» в будущей профессиональной деятельности

Рис. 3. Необходимость знаний по курсу «Конституционное право зарубежных стран» в будущей профессиональной деятельности

Рис. 4. Целесообразность увеличения сроков прохождения курса «Конституционное право России», количества учебных часов

считают недостаточным для получения необходимых знаний изучение курса в течение одного семестра; 55,6 % высказываются за увеличение количества учебных часов по курсу, однако предпочитают его изучение в течение одного семестра; 19,7 % обучающихся вполне удовлетворены существующим положением, их устраивают и сроки прохождения курса, и количество выделенных на его изучение учебных часов (рис. 4).

Результаты проведенного исследования представляют интерес в нескольких позициях. С одной стороны, полученные сведения способствуют рефлексии о содержательном и методическом совершенствовании реализации курсов «Конституционное право России» и «Конституционное право зарубежных стран» и конституционно-правового наполнения современных образовательных стандартов. С другой стороны, показывают неподдельный интерес обучающихся к изучению конституционного права России и конституционного права зарубежных стран. И этот устойчивый результат обнаруживается для обучающихся разных уровней образования и форм обучения.

Также был проведен анализ ценностных установок современной молодежи, проведенный в

рамках социологического опроса¹, который показал на необходимость усиления социально-воспитательного компонента в образовательном процессе и неоднозначные тенденции в ценностных ориентирах современного молодого поколения (табл. 1).

Следует отметить, что результаты социологического опроса свидетельствуют о недостаточном приоритете в молодежной среде таких ценностных установок, как патриотизм, гражданская ответственность, служение людям.

Результаты проведенных исследований показали, что вузам необходимо усиливать или

¹ Социологический опрос «Ценностные представления современной молодежи». Исполнитель: Центр социально-политических исследований Института законотворчества ФГБОУ ВО «СГЮА». Период проведения: январь 2023 г. Метод: онлайн-опрос. Количество респондентов: 6 270 обучающихся по программам ВО и СПО. Вузы — участники исследования: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина, Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова, Саратовская государственная юридическая академия.

Таблица 1

Структура ценностных установок современного обучающегося

Ценностные установки		Средние оценки значимости по 5-балльной шкале
1-й уровень	Здоровье	4,48
	Образование	4,15
2-й уровень	Интересная работа	3,67
	Карьера	3,40
	Престижная работа	3,38
	Материальная обеспеченность	3,37
	Семейная жизнь	3,28
	Самостоятельность и независимость	3,20
	Верные друзья	3,17
3-й уровень	Свобода слова	2,99
	Гражданская ответственность	2,67
	Патриотизм (любовь и уважение к Родине)	2,66
	Общественное признание	2,37
	Служение людям	2,00

даже перестраивать социально-воспитательный компонент в образовательном процессе, в том числе посредством изучения конституционного права России и конституционного права зарубежных стран как основополагающих учебных дисциплин, которые дают ключевые ценностные ориентиры и установки для современного молодого поколения, а также установление единого компетентностного подхода к изучению данных дисциплин.

Не стоит забывать, что в условиях компетентностного подхода значительная роль отводится формированию правовой компетенции обучающихся по образовательным программам неюридического профиля. Необходимость рассмотрения проблем формирования правовой компетенции обучающихся неюридических направлений подготовки и специальностей продиктована наличием правовой компетенции во всех ФГОС ВО по программам бакалавриата, а именно универсальной компетенции УК-2: способен определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений. Безусловно, процессы освоения правовой компетенции способствуют развитию личности, становлению у нее фундаментальных знаний будущего специалиста, а также формированию правовой грамотности будущих выпускников, что невозможно без знаний Основного Закона России в рамках реализации дисциплин, касающихся правовых основ профессиональной

деятельности. Полагаем, что образовательным организациям высшего образования, реализующим образовательные программы неюридического профиля, необходимо рассмотреть вопрос о включении модуля, отражающего конституционные основы определенной сферы деятельности, при освоении образовательной программы в рамках учебных дисциплин, направленных на формирование правовых компетенций.

С учетом изложенного, в целях реализации задач по выстраиванию суверенной, национальной системы образования и воспитания, учитывая важность подготовки высококвалифицированных национально-ориентированных юридических кадров: будущих судей, прокуроров, следователей, руководителей государственного аппарата, а также специалистов, обладающих высоким уровнем правовой культуры, полагаем необходимым:

— унифицировать федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования по УГСН 40.00.00 Юриспруденция в части изучения конституционного права России путем внесения изменений и включения в рамках Блока 1 «Дисциплины (модули)» обязательной реализации дисциплины (модуля) «Конституционное право России» в объеме не менее 8 зачетных единиц (288 часов), при этом объем контактной работы обучающихся с педагогическими работниками должен составлять в очной форме обучения не менее 60 %;

— формировать на основе обсуждения содержания дисциплины «Конституционное право

России», «Конституционное право зарубежных стран» с представителями ведущих научных школ конституционного права, учеными-конституционалистами единой концепции преподавания дисциплины «Конституционное право России», основанной на российской конституционной доктрине, практике Конституционного Суда Российской Федерации;

— включить в процессе формирования правовой компетентности у обучающихся образовательных организаций высшего образования, реализующих образовательные программы неюридического профиля, модуль, отражающий конституционные основы определенной сферы деятельности, при освоении образовательных программ в рамках дисциплин, направленных на изучение правовых основ профессиональной деятельности.

Список источников

1. Кабышев С. В. Формула современного юридического образования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 112–121.
2. Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 года № 996-р. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.06.2023).
3. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 года всенародным голосованием

(с изм. от 4 октября 2022 года) // Российская газета. 2020. 4 июля.

4. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.08.2023).

References

1. Kabyshev S. V. Formula of modern legal education. Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023, no. 3 (63), pp. 112–121. (In Russ.)
2. On Approval of the Strategy for the Development of Education in the Russian Federation for the Period until 2025: published of June 2, 2015 on the official Internet portal of legal information: decree of the Government of the Russian Federation no. 996-r of May 29, 2015. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 01.06.2023). (In Russ.)
3. Constitution of the Russian Federation: adopted of December 12, 1993 by popular vote (as amended on October 4, 2022). *Rossiyskaya Gazeta*, 2020, July 4. (In Russ.)
4. On the approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: decree of the President of the Russian Federation no. 809 of November 9, 2022: published of November 9, 2022 on the official Internet portal of legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 05.08.2023). (In Russ.)

Информация об авторах

- Е. В. Ильгова** — кандидат юридических наук, доцент;
Т. В. Заметина — доктор юридических наук, профессор;
Е. В. Комбарова — кандидат юридических наук, доцент;
О. В. Щербакowa — кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors

- E. V. Ilgova** — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;
T. V. Zametina — Doctor of Sciences (Law), Professor;
E. V. Kombarova — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;
O. V. Scherbakowa — Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.10.2023; одобрена после рецензирования 05.11.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 01.10.2023; approved after reviewing 05.11.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-65-70>

Административное законодательство в свете современного реформирования

Грешнова Галина Владимировна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, Galina.q2014q@yandex.ru

Аннотация. В статье акцентируется внимание на административном законодательстве как важной части правовой системы и его реформировании. Отмечается, что в современном мире обеспечение защиты информации о гражданах при использовании электронных сервисов и систем является важнейшим аспектом реформы. Автор обращает внимание на незавершенность некоторых проводимых в России преобразований, в частности на законодательство в области административного и административного процессуального законодательства, поднимается вопрос о необходимости доработки проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях как важного инструмента государственного контроля за соблюдением законов и порядка в России. Предлагаются дополнения, которые целесообразно учесть законодателю с целью улучшения эффективности нового нормативного правового акта, его адаптации к изменяющимся условиям общественной жизни. Выделяются факторы, затрудняющие реализацию административной реформы. Подчеркивается важность широкого общественного обсуждения и необходимость консолидации усилий различных представителей научного сообщества по поиску оптимальных путей реформирования.

Ключевые слова: административное законодательство, информационные технологии, кодекс, конфиденциальность, оптимизация, персональные данные, преобразования, проект, реформа, реформирование, управление, функционирование, электронное правительство

Для цитирования: Грешнова Г. В. Административное законодательство в свете современного реформирования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 65–70. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-65-70>.

Original article

Administrative legislation in the light of modern reformation

Galina V. Greshnova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, galina.q2014q@yandex.ru

Abstract. The article focuses on administrative legislation as an important part of the legal system and its reform. It is noted that in the modern world, ensuring the protection of information about citizens when using electronic services and systems is the most important aspect of the reform. The author draws attention to the incompleteness of some of the reforms carried out in Russia, in particular, lawmaking in the field of administrative and administrative procedural legislation, raises the question of the need to finalize the draft Code of the Russian Federation on Administrative Offenses as an important tool of state control over compliance with laws and order in Russia. The amendments are proposed, which should be taken into account by the legislator in order to improve the effectiveness of the new regulatory legal act, its adaptation to changing conditions of public life. The factors complicating the implementation of administrative reform are highlighted. The importance of a broad public discussion and the need to consolidate the efforts of various representatives of the scientific community to find optimal ways of reform are emphasized.

Keywords: administrative legislation, information technology, code, confidentiality, optimization, personal data, transformation, project, reform, reform, management, functioning, e-government

For citation: Greshnova G. V. Administrative legislation in the light of modern reformation. *Legal Science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 65–70. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-65-70>.

© Грешнова Г. В., 2023

Административное законодательство является важной частью правовой системы. Оно регулирует отношения между государственными органами и гражданами, включает в себя нормы, которые определяют компетенцию государственных органов, порядок их деятельности, права и обязанности государственных служащих, процедуру принятия административных решений, права и обязанности граждан в их отношениях с государственными органами, а также меры ответственности за нарушение административного законодательства. Целью административного законодательства является обеспечение эффективного функционирования государственных органов, защита прав и интересов граждан, обеспечение законности и справедливости в административных отношениях. Оно также служит средством контроля за деятельностью государственных органов и представляет механизм обжалования административных решений.

По мнению К. В. Давыдова, в современном мире реформирование системы публичного управления является объективно неизбежным процессом [1, с. 100]. Это связано с происходящими изменениями в обществе, экономике, технологиях, политическими и социальными событиями. Административная реформа необходима для решения различных проблем и вызовов, с которыми сталкивается государство, повышения эффективности и ответственности государственных органов, прозрачности и открытости процессов принятия решений, адаптации к новым технологиям и вызовам цифровой эры, укрепления правового государства и защиты прав граждан.

Именно в целях оптимизации функционирования государственных органов Президентом Российской Федерации было дано указание о проведении необходимых преобразованиях [2; 3]. Одна из основных тенденций реформирования административного законодательства заключается в укреплении прозрачности, ответственности и эффективности государственных органов, упрощение процедур, сокращение бюрократической нагрузки и повышение доступности государственных услуг для граждан и предпринимателей.

По мнению А. В. Клименко, реализация мероприятий административной реформы дали определенный положительный результат [4; 9].

Безусловно, в настоящее время достигнуты позитивные сдвиги во внедрении электронного правительства и цифровизации административных процедур [5, с. 127], использование

информационных и коммуникационных технологий (далее — ИКТ) в различных аспектах государственного управления. Среди некоторых ключевых моментов внедрения ИКТ можно выделить:

— оказание электронных услуг: получение паспорта, регистрация автомобиля, подача налоговой декларации. Граждане и предприниматели могут воспользоваться электронными каналами связи для взаимодействия с государственными органами, что, безусловно, облегчает процедуры и сокращает бюрократию;

— электронное управление процессами и ресурсами, которое включает в себя электронный документооборот, электронное планирование и мониторинг;

— предоставление возможности гражданам и заинтересованным сторонам активно участвовать в принятии государственных решений через электронные платформы: общественные обсуждения, онлайн-консультации и другие формы электронного участия.

Таким образом, использование ИКТ значительно улучшает эффективность и доступность государственных услуг, вместе с тем нельзя забывать о другом важном направлении административного реформирования — защите прав граждан.

По мнению В. Д. Зорькина, «в настоящее время общество столкнулось с техническими вызовами, которые изначально едва ли предполагали какое-то правовое вмешательство, что со временем тем не менее оказалось заблуждением... Стремительно развивающиеся информационные технологии приводят к определенным сложностям, изменениям, например, в структуре правонарушений» [6, с. 10].

Социальные, экономические и технологические изменения требуют адаптации государственных органов и их процедур. Так, в цифровую эпоху возникают новые вызовы, связанные с кибербезопасностью, защитой персональных данных.

Обеспечение защиты информации о гражданах при использовании электронных сервисов и систем является важнейшим аспектом реформирования. Несмотря на принимаемые меры, в настоящее время не удается в полном объеме обеспечить конфиденциальность, защитить от несанкционированного доступа к персональным данным, электронной подписи.

В этой связи считаем целесообразным принять следующие меры:

1. Шифрование данных. Для защиты конфиденциальности информации передача данных между пользователем и государственными системами должна быть зашифрована.

Это позволит предотвратить несанкционированный доступ к данным, так как только авторизованный пользователь с правильными ключами сможет расшифровать информацию.

2. Аутентификация и управление доступом. Системы электронного правительства должны иметь надежные механизмы аутентификации пользователей, чтобы гарантировать, что только уполномоченные лица смогут получить доступ к сервисам и информации. Может использоваться многофакторная аутентификация, например, с помощью пароля и одноразового кода, чтобы повысить безопасность.

3. Защита от вредоносных программ и хакерских атак. Государственные системы должны быть защищены от вредоносных программ и хакерских атак. Это может быть достигнуто с помощью регулярного обновления программно-обеспечения, использования антивирусных программ, межсетевых экранов и других технологий безопасности.

4. Соответствие нормам и законодательству. Разработка и внедрение электронного правительства должны соответствовать законодательству о защите персональных данных и нормам безопасности. Государственные органы должны соблюдать требования по обработке и хранению персональных данных граждан.

5. Обучение и осведомленность. Важно обучать государственных служащих и пользователей электронных сервисов о методах защиты данных и о мерах предосторожности при использовании электронных систем. Регулярные курсы и информационные материалы могут повысить осведомленность и содействовать безопасному использованию электронных сервисов.

При сборе, обработке, хранении и передаче персональных данных граждан необходимо соблюдать высокие стандарты конфиденциальности и безопасности. Они должны быть частью всей системы электронного правительства, чтобы гарантировать доверие и безопасность для граждан.

На важность общественной поддержки административной реформы акцентируют внимание С. Е. Нарышкин и Т. Я. Хабриева, отмечая вовлечение граждан в процесс государственного управления как важнейшую составляющую «активного» правового статуса гражданина, предоставляющего возможность «действовать для государства», а тем самым для общественного блага [7, с. 12].

Участие гражданского общества в реформировании имеет важное значение для обеспечения прозрачности, эффективности и

легитимности процесса, так как позволяет учесть мнение и потребности населения, обеспечить открытость и снизить риск коррупции.

В целом можно отметить, что в России были предприняты определенные шаги по улучшению эффективности управления, однако отдельные направления реформирования требуют дальнейшего совершенствования.

Так, Ю. Н. Старилов отмечает, «законотворчество в области административного и административного процессуального законодательства является ныне системной проблемой» и «именно эти крупнейшие правовые институты находятся сегодня в России в неполноценном юридическом развитии и противоречивом соотношении как друг с другом, так и с другими отраслями российского законодательства» [8, с. 6–7].

Необходимость повышения эффективности борьбы с административными правонарушениями, устранения противоречий и неясностей в законодательстве, усиления гарантий прав и свобод граждан, совершенствования процедур рассмотрения дел об административных правонарушениях и других производств, все это обуславливает реформирование законодательства об административных правонарушениях.

В настоящее время можно констатировать незавершенность проводимых в России преобразований [9, с. 153].

Реформа административного законодательства — это, в том числе и процесс изменения законов и нормативных актов, регулирующих административные правоотношения в государстве. Необходимость принятия нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) — потребность в современной и обновленной системе административного правосудия, которая лучше соответствует современным вызовам и требованиям общества, повышает гарантии защиты прав и свобод граждан, а также усиливает ответственность государственных органов и должностных лиц за нарушения правил и законов. После вступления в законную силу КоАП РФ (2001) появилось множество критических замечаний и предложений по его улучшению, связанных, в том числе, с недостаточным качеством его применения в практике административного правосудия [10].

На основании распоряжения премьер-министра Дмитрия Медведева о подготовке нового КоАП РФ было разработано несколько его проектов, однако ни один из них не был принят в законодательном порядке [11].

Работа над проектом, подготовленным Минюстом России ведется уже пятый год [12]. Этот проект закона находится на стадии разработки и обсуждения в Правительстве и Парламенте России.

Среди новых правил, которые предлагаются в проекте, можно выделить следующие:

1. Введение административной ответственности за совершение административных правонарушений в сфере экологии и охраны природы, в том числе за незаконный сброс отходов в водоемы и нарушение правил использования природных ресурсов.

2. Ужесточение наказания за нарушение правил дорожного движения, включая увеличение размеров штрафов и сроков лишения водительских прав.

3. Введение административной ответственности за нарушение правил работы в интернете, в том числе за распространение запрещенной информации и нарушение правил использования персональных данных.

4. Ужесточение мер административной ответственности за нарушение правил обращения с наркотиками и психотропными веществами, в том числе за незаконный оборот наркотиков и нарушение правил использования лекарственных средств.

Кроме того, предполагалось, что в результате реформы в России должны появиться два кодекса: КоАП РФ и ПКоАП (процессуальный кодекс об административных правонарушениях), что разграничит материальное и процессуальное право.

Проект нового КоАП РФ вызывает различные мнения среди экспертов и общественности. Некоторые критикуют предложения, считая их слишком жесткими и несправедливыми, а другие высказываются в пользу ужесточения мер административной ответственности, чтобы снизить уровень преступности в обществе [13–15].

По нашему мнению, в проекте КоАП РФ целесообразно учесть следующие изменения с целью адаптации к изменяющимся условиям общественной жизни:

— ужесточить наказание за определенные административные правонарушения, например, увеличить границы штрафа за повторное привлечение к административной ответственности родителей (иных законных представителей несовершеннолетних), не выполняющих обязанности по воспитанию, содержанию, обучению детей, предусмотреть обязательные работы как наказание для лиц, систематически не оплачивающих штраф;

— ввести новые виды административных правонарушений, связанные с изменением общественных отношений и потребностей, таких как нарушение правил информационной безопасности в сети «Интернет»;

— расширить полномочия правоохранительных органов, например, предоставить им право на принудительный доступ к электронным устройствам, связанным с нарушением административного законодательства;

— ввести механизм ускоренного и упрощенного рассмотрения дел о правонарушениях.

Важно отметить, что реформирование системы публичного управления должно основываться на широком общественном диалоге, учете мнения граждан и заинтересованных сторон, а также соблюдении принципов законности, прозрачности и участия.

Важно понимать, что административные преобразования — это сложный и многогранный процесс, а достижение полного успеха может занять продолжительное время. Безусловно, как и во многих других странах, на реформирование в России влияют различные факторы, которые могут замедлить реализацию или привести к незавершенности реформы:

— политические факторы. Административные преобразования требуют поддержки со стороны политических структур. Неустойчивость политической ситуации, смены приоритетов или недостаточная поддержка от политических руководителей могут затруднить или замедлить процесс реформ. Изменения в административной системе могут затрагивать интересы различных групп и вызывать споры и дебаты;

— бюрократические преграды. Внедрение административных преобразований может сталкиваться с сопротивлением со стороны бюрократических структур, которые могут быть не заинтересованы в изменениях или опасаться потери власти или ресурсов;

— отсутствие ресурсов. Недостаток финансирования, квалифицированных кадров и технических ресурсов может затруднить реализацию административных преобразований;

— сложность задачи. Некоторые административные преобразования могут быть сложными и многомерными, требовать изменения законодательства и политик, а также культурных и организационных преобразований. Такие изменения могут занимать гораздо больше времени, чем простые реформы;

— недостаток консенсуса. Процесс преобразований может затрудниться в случае, если разные заинтересованные стороны имеют

различные взгляды на необходимость и форму проведения реформ. Важно достичь широкого консенсуса среди заинтересованных сторон относительно необходимости и направления административных преобразований. В случае отсутствия единства между политическими силами, экспертами и обществом в целом, реформы могут затягиваться или быть неполноценными [16, с. 47];

— непредвиденные препятствия. Неконтролируемые события, такие как политические кризисы, экономические сдвиги или социальные конфликты, затрудняют административные преобразования;

— слабое использование потенциала правовой науки. Правовое обеспечение административной реформы должно опираться на прочную научную базу, «отсутствие до сих пор научной концепции реформы — явное упущение» [7, с. 13]. Юридическая наука не должна быть в стороне от обсуждения вопросов реформирования.

Подводя итог, можно сделать вывод, что реформа административного законодательства является непрерывным процессом, направленным на улучшение правового регулирования в данной области, повышение эффективности и прозрачности государственного управления, обеспечение равенства перед законом и защите прав граждан и бизнеса, реформирование должно быть основано на широком общественном обсуждении и учете мнений заинтересованных сторон. В настоящее время ключевые моменты реформы рассматриваются в основном учеными — административистами, однако только консолидированные усилия специалистов различных областей права смогут помочь найти оптимальные пути реформирования и совершенствования управления.

Список источников

1. Давыдов К. В. Административная реформа и административные процедуры: перспективы развития российского законодательства // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-reforma-i-administrativnye-protsedury-perspektivy-razvitiya-rossiyskogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 24.06.2023).
2. О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах: указ Президента Российской Федерации от 23 июля 2003 года № 824 // Собрание законодательства РФ. 2003. № 30, ст. 3046.
3. Об одобрении концепции административной реформы в РФ в 2006–2008 годах и плана мероприятий по проведению административной реформы в РФ в 2006–2008 годах: распоряжение правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 года № 1789-П // Собрание законодательства РФ. 2005. № 46, ст. 4720.
4. Клименко А. В. Десятилетие административной реформы: результаты и новые вызовы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 1.
5. Павлютенкова М. Ю. Электронное правительство как вектор инновационных государственных преобразований в России // Вестник РУДН, серия Политология. 2016. № 4. С. 121–129.
6. Зорькин В. Д. PROVIDENIA или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 7–19.
7. Нарышкин С. Е., Хабриева Т. Я. Административная реформа в России: некоторые итоги и задачи юридической науки // Журнал российского права. 2006. № 11. С. 3–13.
8. Стариков Ю. Н. О двух главных современных направлениях развития российского административного и административного процессуального законодательства (тезисы) // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2014. № 3. С. 6–10.
9. Гришконец А. А. Административная реформа Российской Федерации: истоки, современное состояние, перспективы // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 2. С. 135–157.
10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ч. 1, ст. 1.
11. Медведев поручил представить концепцию нового КоАП к 1 июня // Российская газета. RG.RU. URL: <https://rg.ru/2019/03/23/medvedev-poruchil-predstavit-konceptsiu-novogo-koap-k-1-iunia.html> (дата обращения: 04.04.2023).
12. Проект Кодекса об административных правонарушениях. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 04.04.2023).
13. Андриянов В. Н. Новая кодификация законодательства об административных правонарушениях: состояние и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-kodifikatsiya-zakonodatelstva-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-sostoyanie-i-perspektivy> (дата обращения: 04.04.2023).
14. Кабытов П. П., Стародубова О. Е. Ученые обсуждают проект обновленного Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Журнал российского права. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchenye-obsuzhdayut-proekt-obnovlennogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah> (дата обращения: 04.04.2023).
15. Лаврентьев А. Р., Елисеева В. С. Заключение 1 по результатам обсуждения 2 проекта Федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (законопроект

№ 957581-6) // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaklyuchenie-1-po-rezultatam-obsuzhdeniya2-proekta-federalnogo-zakona-kodeks-rossiyskoy-federatsii-ob-administrativnyh> (дата обращения: 04.04.2023).

16. Сунгуров А. Ю., Тиняков Д. К. Административная реформа и ее проекты в современной России: были ли коалиции поддержки? // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 39–51.

References

1. Davydov K. V. Administrative reform and administrative procedures: prospects for the development of Russian legislation. *Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA)*, 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-reforma-i-administrativnye-protse-dury-perspektivy-razvitiya-rossiyskogo-zakonodatelstva> (accessed 24.06.2023). (In Russ.)

2. On measures for administrative reform in 2003–2004: decree of the President of the Russian Federation of July 23, 2003 no. 824. *Collection of legislative acts of the RF*, 2003, no. 30, art. 3046. (In Russ.)

3. On the approval of the concept of administrative reform in the Russian Federation in 2006–2008 and the action plan for administrative reform in the Russian Federation in 2006–2008: decree of the Government of the Russian Federation no. 1789-R of October 25, 2005. *Collection of legislative acts of the RF*, 2005, no. 46, art. 4720. (In Russ.)

4. Klimenko A. V. Decade of administrative reform: results and new challenges. *Issues of state and municipal administration*, 2014, no. 1. (In Russ.)

5. Pavlyutenkova M. Yu. Electronic government as a vector of innovative state transformations in Russia. *Bulletin of the RUDN, series of Political Science*, 2016, no. 4, pp. 121–129. (In Russ.)

6. Zorkin V. D. PROVIDENIA or on the law of the future in the era of digitalization. *State and Law*, 2020, no. 6, pp. 7–19. (In Russ.)

7. Naryshkin S. E., Khabrieva T. Ya. Administrative reform in Russia: some results and tasks of legal science. *Journal of Russian Law*, 2006, no. 11, pp. 3–13. (In Russ.)

8. Starilov Yu. N. On the two main modern trends in the development of Russian administrative and admin-

istrative procedural legislation (theses). *Bulletin of the VSU. Series: Law*, 2014, no. 3, pp. 6–10. (In Russ.)

9. Grishkovets A. A. Administrative reform of the Russian Federation: origins, current state, prospects. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2020, vol. 15, no. 2, pp. 135–157. (In Russ.)

10. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: federal law no. 195-FZ of December 30, 2001. *Collection of legislative acts of the RF*, 2002, no. 1, part 1, art. 1. (In Russ.)

11. Medvedev instructed to submit the concept of the new Administrative Code by June 1. *Rossiyskaya Gazeta. RG.RU*. URL: <https://rg.ru/2019/03/23/medvedev-poruchil-predstavit-konceptiiu-novogo-koap-k-1-iunia.html> (accessed 04.04.2023). (In Russ.)

12. Draft Code of Administrative Offences. Access from the reference legal system “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (accessed 04.04.2023). (In Russ.)

13. Andriyanov V. N. New codification of legislation on administrative offenses: State and prospects. *Siberian Legal Bulletin*, 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-kodifikatsiya-zakonodatelstva-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-sostoyanie-i-perspektivy> (accessed 04.04.2023). (In Russ.)

14. Kabytov P. P., Starodubova O. E. Scientists discuss the draft of the updated Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. *Journal of Russian Law*, 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchenye-obsuzhdayut-proekt-obnovlennogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah> (accessed 04.04.2023). (In Russ.)

15. Lavrentiev A. R., Eliseeva V. S. Conclusion 1 based on the results of discussion 2 of the draft federal law “Code of the Russian Federation on Administrative Offenses” (Bill no. 957581-6). *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaklyuchenie-1-po-rezultatam-obsuzhdeniya2-proekta-federalnogo-zakona-kodeks-rossiyskoy-federatsii-ob-administrativnyh> (accessed 04.04.2023). (In Russ.)

16. Sungurov A. Yu., Tinyakov D. K. Administrative reform and its projects in modern Russia: were there coalitions of support? *Social Sciences and modernity*, 2016, no. 2, pp. 39–51. (In Russ.)

Информация об авторе

Г. В. Грешнова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

G. V. Greshnova — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.07.2023; одобрена после рецензирования 17.11.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 05.07.2023; approved after reviewing 17.11.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Научная статья

УДК 342.4

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-71-85>

**Имплементированные правовые конструкции
в конституционном праве России как фактор усиления
юридической аномии**

**Липинский Дмитрий Анатольевич¹, Малько Александр Васильевич²,
Иванов Александр Александрович³, Маркунин Роман Сергеевич⁴**

^{1, 2, 3, 4}Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

¹dmitri8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1870-069X>

²alex25-58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3204-9696>

³ale_iv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6171-7214>

⁴markunin88@yahoo.com

Аннотация. Рассматривается проблема юридической аномии через призму формирования текста Основного закона Российской Федерации. Отмечено, что Конституция Российской Федерации была подготовлена в соответствии с классическими западными образцами, однако существующая в российском государстве общественно-политическая ситуация не была учтена должным образом. Многие положения принятой Конституции Российской Федерации имели декларативный характер, не отвечали фактически сложившемуся состоянию социальных отношений с учетом их исторического развития, в связи с чем многие требования Основного закона могли бы быть выполнены только в будущем. Установление конституционных норм в условиях отсутствия в Российской Федерации сложившегося действенного механизма их обеспечения с неизбежностью привело к усилению уже существующего в обществе состояния юридической аномии.

Ключевые слова: имплементация, иностранное законодательство, конституционное право, правовые конструкции, юридическая аномия

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176/>

Для цитирования: Липинский Д. А., Малько А. В., Иванов А. А., Маркунин Р. С. Имплементированные правовые конструкции в конституционном праве России как фактор усиления юридической аномии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 71–85. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-71-85>.

Original article

**Implemented legal constructions in the Constitutional law of Russia
as a factor of strengthening legal anomie**

Dmitry A. Lipinsky¹, Alexander V. Malko², Alexander A. Ivanov³, Roman S. Markunin⁴

^{1, 2, 3, 4}Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation

¹dmitri8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1870-069X>

²alex25-58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3204-9696>

³ale_iv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6171-7214>

⁴markunin88@yahoo.com

Abstract. The problem of legal anomie is considered through the prism of the formation of the text of the Basic Law of the Russian Federation. It is noted that the Constitution of the Russian Federation was prepared in accordance with classical Western models, but the existing socio-political situation in the Russian state was not properly taken into account. Many provisions of the adopted Constitution of the Russian Federation were of a declarative nature and did not correspond to the actual state of social relations, taking into account their historical development.

© Липинский Д. А., Малько А. В., Иванов А. А., Маркунин Р. С., 2023

In this connection, many of the requirements of the Basic Law could only be fulfilled in the future. The establishment of constitutional norms in the absence in the Russian Federation of an established effective mechanism for ensuring them inevitably led to the strengthening of the already existing state of legal anomie in society.

Keywords: implementation, foreign legislation, constitutional law, legal constructions, legal anomie

Funding: the study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176/>

For citation: Lipinsky D. A., Malko A. V., Ivanov A. A., Markunin R. S. Implemented legal constructions in the Constitutional law of Russia as a factor of strengthening legal anomie. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 71–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-71-85>.

Действующая в России в настоящий момент Конституция может рассматриваться как веха в процессе модернизации, рационализации и европеизации существующего права. Речь идет о том, что в 1993 году государство (правящая элита) выразило стремление преобразовать традиционно сложившиеся устои посредством «реформ сверху». Дилемма, однако, заключается в том, что крупная социально-политическая реформа не может быть успешно проведена посредством тех политических институтов, которые опираются на традиционные носители власти, как это во многом произошло в российском государстве начала 1990-х годов. При этом политики не могут быть выведены из системы государственного управления без радикальных изменений социального строя, носящих революционный характер [1, с. 6].

Перед властью стоял выбор между разрешением социальных или политических противоречий в жизни общества, приоритет был отдан противоречиям политическим. К сожалению, этот подход с неизбежностью породил непреодолимое в условиях действия принятой Конституции состояние юридической аномии — разнообразные нарушения в ценностно-нормативной системе российского общества, возникшие в результате соответствующей конституционализации. Термин «конституционализация» характеризует влияние Конституции на все сферы общественной жизни [2]. Объектом конституционных отношений является власть, и они носят политический, идеологический, мировоззренческий и даже духовный характер [3].

Если говорить о действующей Конституции Российской Федерации, то она явилась плодом коллективного труда. Первоначально ее проект разрабатывался конституционной комиссией, позже существующие наработки были учтены аппаратом Президента Российской Федерации. Проблемы Конституции можно видеть в общем подходе к организации публичной власти, в

частности, закрепляя принцип разделения властей, она ничего не говорит о президентской власти, хотя полномочия Президента в России весьма велики.

В статье 15 Конституции Российской Федерации закреплено ее прямое действие, однако осуществить это в российских реалиях не всегда возможно. Скорее, речь идет не о прямом действии норм Конституции, а о реализации идей, из них проистекающих. Речь, следовательно, идет о соответствующей интерпретации указанных положений.

Критика принятой Конституции Российской Федерации как имеющей ряд пробелов не обязательно состоятельна в особенности, если придерживаться позиции, в соответствии с которой проблема пробелов в принципе не может возникать в тех ситуациях, когда акт был предназначен для основополагающего и общеустановочного регулирования. В отличие от пробелов, дефекты конституции рождаются не как последствия оплошности или недосмотра, но при осознанном выборе варианта регулирования, недостатки которого видны сразу или несколько позже. Возникают дефекты и в связи с увлечением прекраснотворными конституционно-правовыми проектами, которые не могут быть применимы на отечественной почве, поскольку одно с другим несовместимо. Дефект может быть связан и с сознательным отказом от конституционно-правового регулирования какого-либо вопроса, в частности в Конституции Российской Федерации отсутствует указание на возможность правотворческой инициативы граждан, что противоречит как ее преамбуле, так и статье 3 Основного закона [4].

Действующая редакция Конституции Российской Федерации обычно критикуется как имеющая не пробельный, а именно дефектный характер. К недостаткам ее принятия можно отнести то, что прошел достаточно короткий срок — лишь 15 лет — с момента утверждения

предшествующей Конституции РСФСР. Несмотря на многочисленные изменения, внесенные в Основной закон 1978 года, которые исказили его систему и сущность, возможно, что более правильным с точки зрения практики конституционного строительства было бы все же выждать определенное время, чтобы в стране успели сформироваться соответствующие общественные отношения. В реальности в государстве отсутствовали социальные силы, которые могли бы составить широкую социальную базу, в интересах которой была бы разработана и принята новая конституция. Основной закон изначально формировался как конституция капиталистического государства, однако класс предпринимателей, как таковой, в 1993 году еще отсутствовал. В связи с этим многие положения принятого Закона изначально носили декларативный характер, способствующий возникновению юридической аномии в российском обществе.

**Зарубежное влияние на формирование
положений Конституции
Российской Федерации 1993 года
как признак юридической аномии**

Приступая к исследованию возможного зарубежного влияния при принятии Конституции Российской Федерации 1993 года, необходимо будет говорить о взаимодействии и взаимоискусствовании различных правовых систем. В качестве предварительного условия необходимо отметить богатое историческое и культурное разнообразие форм права и источников, существующих в мире [5]. В зарубежной литературе отмечается, что правовая культура находится вне рамок эмпирического исследования. Такой подход согласуется с теорией правового плюрализма и проецирует право на более широкое поле культурных проблем [6].

Имплементация положений международного или зарубежного права в законодательство конкретной страны может быть обусловлена в первую очередь стремлением «приобщиться» к достижениям иной правовой системы, уровень которой воспринимается авторами проектов имплементации как более высокий (субъективные причины). Кроме того, необходимость имплементации может быть обусловлена также и стремлением соответствующего государства войти в определенную международную организацию или заключить выгодные межгосударственные соглашения. Это бывает в тех случаях, когда приведение национального законодательства в соответствие с конкретными нормативными

положениями было объявлено в качестве обязательного условия межгосударственного взаимодействия (объективные причины).

Отметим, что учет зарубежных образцов конституционного строительства при подготовке проекта Конституции Российской Федерации 1993 года мог быть определен, прежде всего, восприятием условного Запада как более прогрессивного социально-экономического образования и стремлением подражать ему посредством осуществления «европеизации» российского государства. Наблюдалось также и реформирование, направленное на организацию желаемого международного сотрудничества. В частности, к имеющим конституционный характер решениям, направленным на активизацию взаимодействия с международными организациями, можно отнести введение моратория на смертную казнь, что являлось обязательным условием для вхождения в Совет Европы. Если, например, обратиться к опыту Турции — государства, дающего наиболее яркий пример подобной практики, выделяется целый ряд крупных конституционных изменений, которые оно пережило с 1950 года. Конституционные изменения были ускорены в связи с процессом демократизации 1990-х годов, обозначенным в качестве предварительного условия для членства в ЕС [7].

В постсоветский период подобный опыт получили все бывшие союзные республики — с обретением суверенитета и переходом к новым общественным отношениям правовая политика государств СНГ характеризовалась принятием Основного закона — новой Конституции, государственных стратегических программ развития внутренней и внешней политики, значительного массива нормативных правовых актов как комплекса политико-правовых средств с целью преобразования общества и осуществления поэтапных законодательных реформ. В условиях суверенитета решались задачи реформирования правовой системы с учетом новых потребностей [8].

Соответствующие исследования правового и гражданского сознания, восприятие идеи верховенства закона, обусловленное историческим развитием и психологическими аспектами индивидуального и общественного правосознания, проводятся также и в постсоциалистических странах Восточной Европы, таких, например, как Венгрия [9] или Румыния, опыт которой показывает, что трансплантация международных моделей конституционных институтов временами была довольно противоречивой. Это

касалось многих новых положений конституционного права. В качестве примера можно назвать институт уполномоченного по правам человека (омбудсмена), значение и роль которого в странах восточной Европы не всегда соответствует традиционным западным практикам [10].

Говорится в зарубежных исследованиях также и о значительных изменениях политических и правовых систем в немецкоговорящих регионах. Данные процессы были детерминированы попыткой объединить политические и конституционные культуры и экономики двух частей Германии, образовавших единое государство поколение назад, но до сих пор остающихся разными по своей сути [11].

Не будет правильным связывать все изменения в конституционном регулировании общественных отношений в России именно с Конституцией Российской Федерации 1993 года, поскольку в период с 27 октября 1989 года по 10 декабря 1992 года наша страна уже пережила восемь конституционных реформ, в рамках которых изменения вносились в Конституцию РСФСР 1978 года. Реформирование Конституции включало исключение из ее текста упоминания о государстве как общенародном и социалистическом, отказ от руководящей роли коммунистической партии, закрепление многообразия форм собственности. В Конституцию 21 апреля 1992 года была добавлена глава о правах и свободах человека, основанная на положениях Декларации прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 года. 27 октября 1989 года в ней появились предпосылки образования двухпалатного парламента, 15 декабря 1990 года — Конституционного Суда Российской Федерации, 21 мая 1991 года — института местного самоуправления в России, 24 мая 1991 года — поста Президента Российской Федерации [12].

Принятие действующей Конституции Российской Федерации было определено в значительной степени Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 года № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» [13], который нарушал действующую в момент его принятия Конституцию, то есть разработка этого акта характеризовалась высокой степенью юридической аномии. В частности, предполагалось прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, закреплялось положение, что Конституция

Российской Федерации, законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Федерации продолжают действовать в части, не противоречащей этому Указу.

В условиях социально-политических изменений, через которые проходило российское государство, соответствующая правовая, в том числе, конституционная культура менялась, демонстрируя механизмы своей адаптации в ответ на изменение профессиональной идентичности представителей юридической профессии [14], логичным образом делались попытки найти новые правовые идеалы взамен утраченных за рубежом.

В принципе, уже в рассматриваемый период действующая Конституция содержала много заимствованных терминов, преимущественно латинского происхождения. В качестве примера такой терминологии можно указать на «многонациональный народ» (от лат. *natio* — «народ»), «президент» (от лат. *praesidens* — «председательствующий»), «прокуратура» (от лат. *procurare* — «надзирать»), «сенатор» (от лат. *senatus* — «орган верховной власти в древнем Риме»), федерация (от лат. *foederatio* — «союз» [15]) и т. д.

Однако данные термины могли рассматриваться уже в качестве традиционных для российского правового порядка, их использование не вызывало никаких вопросов у правоприменителя и общества. Иным образом необходимо оценивать включение в Конституцию Российской Федерации правовых конструкций и институтов, ранее в российском законодательстве не использующихся.

Что касается использования западной юридической литературы, а следовательно, и терминологии, то это практиковалось с самого начала становления юридического образования в России. Впервые такая практика закрепилась еще в Славяно-греко-римской академии в XVIII веке [16]. В современных исследованиях отдельным образом исследуется лингвокультура, выражающая языковые и культурные различия, встречающиеся в каждом языке права. Их сохранение в переводном тексте требует хорошего знания юриспруденции и глубокого сравнительного анализа [17]. Сам юридический перевод — сложная задача, в рамках выполнения которой системно связанные юридические концепции / понятия, глубоко укоренившиеся в языке, истории и общественной эволюции одной страны, трансформируются и интегрируются в язык другой страны и, как следствие, меняются с течением времени [18]. Любая правовая

культура изобилует терминами и утверждениями, которые считаются важной частью юридического языка и, следовательно, юриспруденции. Такие юридические термины никогда не могут быть юридически истолкованы, если переводчик полностью не знаком с соответствующей правовой культурой [19]. Это означает, что формальная имплементация иностранных юридических терминов не обязательно будет означать имплементацию правовых смыслов, в них заложенных.

Также следует поддержать мнение, в соответствии с которым конституционная идентичность может быть правдоподобной, если могут быть даны удовлетворительные ответы на вопросы о том, чьей именно идентичностью она выступает, каков ее источник, кто и как может определять ее содержание и какова конституционная функция этой идентичности [20].

Конституционализм, рассматриваемый в качестве сложного политико-правового явления, отражает общие закономерности национального общественно-политического развития. При этом следует различать конституционализм как явление и требования конкретной Конституции, принятой в том или ином государстве. Необходим очень осторожный подход при формировании содержания Основного закона. Такая работа требует учета соответствующих исторических предпосылок и текущих социальных реалий, расстановки политических сил в государстве. Отказ от учета соответствующих условий способен вызвать значительный и имманентный рост состояния юридической аномии, с которым столкнулась Российская Федерация в 1990-е годы.

Некритичная ориентация на западные образцы конституционного строительства в последующем была продолжена, в связи с чем достаточно справедливыми были упреки ряда исследователей, в соответствии с которыми органы государственной власти Российской Федерации не всегда проводят собственно национальную политику. Отмечены попытки продвижения в России различными иностранными государствами и организациями не только своих экономических интересов, но также, что, возможно, выступает более опасным — своей культурной экспансии, своего понимания демократии, прав, свобод и обязанностей человека.

Очень часто, если речь идет о представителях Запада, эти попытки являют собой новое выражение идей европейского и американского превосходства. Некритичное отношение к внешнему воздействию в 1990-е годы нанесло

значительный ущерб российским интересам, породило социальные, национальные и религиозные конфликты.

С осторожностью следует подходить также и к имплементации положений не только зарубежного, но и международного права, поскольку оно само может в определенной степени рассматриваться как отражение конкретных национальных правовых культур [21], прежде всего западного происхождения.

Дефекты содержания Конституции Российской Федерации 1993 года

Анализ всех конституций советского периода показывает, что олицетворение государства, общества и личности длительное время оставалось как содержанием государственной политики, так и конституционного в целом правового регулирования [22]. В свою очередь, толкование статьи 2 действующей Конституции Российской Федерации допускает говорить о приоритете прав личности над государством, однако подобное их противопоставление является ненужным, более рациональным было бы говорить не о приоритете, а об уважении соответствующего правового статуса.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов, связанных с содержанием Конституции Российской Федерации 1993 года, выступает вопрос о возможном примате международного права над правом национальным, который проистекает из содержания части 4 статьи 15 Основного закона. Весьма показательным является то, что впервые формула о приоритете норм международного права над внутригосударственным (национальным) правом, изначально продиктованная США как страной-победительницей, была включена в конституции суверенных государств, потерпевших поражение во Второй мировой войне: Конституцию Италии 1947 года, Конституцию Японии 1947 года, Основной закон ФРГ 1949 года. Постсоветская Россия в 1993 году также закрепила этот принцип в своей правовой системе, что, однако, входит во внутреннее противоречие с частью 1 указанной статьи (высшая юридическая сила Конституции Российской Федерации), а также частью 1 статьи 3 (российский народ как источник власти) [23].

Проект Конституции Российской Федерации прошел экспертизу за рубежом, что подчеркивалось в докладе Президента Российской Федерации о проекте Конституции, опубликованном в «Российской газете» от 10 октября

1993 года, чего, например, в добровольном порядке никогда бы не сделало любое суверенное государство. Сам факт организации этой экспертизы свидетельствует о высоком уровне анонии в высших слоях государственного управления, отсутствии у них правильных представлений о суверенном государстве, «безгосударственность», которая в это время укоренялась в российском обществе.

С другой стороны, некоторыми авторами такой подход рассматривается как часть нормального процесса конституционного строительства в современном мире, отличительной чертой которого выступает рост числа одинаковых положений в конституциях различных государств, которые затрагивают демократические стандарты, права человека и статус международного права в национальной системе права [24, с. 9].

В литературе отмечается, что, несмотря на такие преимущества у норм национального права, как их обеспеченность государственным принуждением, соответствие национальным правовым традициям и социально-экономическим реалиям, полностью организовать механизм защиты прав человека на основании только норм национального права в настоящее время представляется невозможным [25], а права и свободы человека в современных условиях перестали быть внутренним делом государства.

Применение во внутригосударственной сфере норм международного права должно основываться на факте их имплементации — включении в правовую систему соответствующей страны. Механизм имплементации разрабатывается на национальном уровне и включает в свой состав как правовые, так и организационные средства. На первом месте находятся конституционные нормы, принципиальным образом закрепляющие порядок соотношения и взаимодействия норм национального и международного права, а также систему государственных органов, участвующих в соответствующем процессе.

Другие авторы, в свою очередь, отмечают, что наделение международных норм высшей юридической силой позволило укрепить позиции нашего государства на международной арене, расширить ее участие в международных организациях, например, вступив в Совет Европы в 1996 году, во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2012 году, и т. д. При этом, однако, признается, что повышение благосостояния граждан и процветание государства — вот основная задача, которую необходимо учитывать при изменениях национального законодательства.

Для этого необходим правовой суверенитет, то есть независимость при формировании и функционировании правовой системы как составной части государственного суверенитета.

В литературе все предлагаемые способы решения вопроса о том, каким образом будет взаимодействовать внутригосударственное и международное право, склоняются к одной из трех концепций. Монистические концепции исходят из примата какой-либо одной системы права — международного (Г. Кельзен) или внутригосударственного (А. Лассон), но при этом рассматривают данные системы как составные части единой надсистемы права. Дуалистическая концепция (Г. Трипель) рассматривает международное право и внутригосударственное право как самостоятельные равнопорядковые правовые системы, которые тем не менее активно взаимодействуют [26, с. 146]. Взаимодействие внутригосударственного и международного права, например В. С. Хижняк определяет «как согласованное действие двух правовых систем, обусловленное существованием общих для них целей и необходимое для их взаимного развития, а также предполагающее или не исключающее возможности существования у них общих сфер деятельности» [27].

Оправданным выглядит при этом первоначальный процесс согласования норм международного права с нормами национального законодательства. Для установления международного сотрудничества государство и его правовая система в общих значимых чертах должны соответствовать иным участникам этих отношений.

Значительное число научных работ, посвященных проблеме имплементации норм международного права в правовую систему России, связано с анализом судебной практики Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ).

Ссылаясь на статью 27 Венской конвенции о праве международных договоров [28], данный суд отстаивал юридическую позицию, в соответствии с которой участники судопроизводства не вправе ссылаться на нормы своего национального права, пусть даже и конституционного характера. Предполагалось, что при возникновении разногласий с положениями Европейской конвенции по правам человека [29], в том числе в их интерпретации Европейским судом, приоритет будет отдан соответствующим европейским актам.

Исходя из этого, ЕСПЧ посчитал возможным, например, предложить властям Российской Федерации устранить из национальной правовой системы общее автоматическое ограничение избирательных прав, предусмотренное в

отношении всех, кто отбывает наказание в виде лишения свободы [30], которое предусмотрено в статье 32 Конституции Российской Федерации, не подлежащей изменению без принятия новой конституции. Несмотря на это, ЕСПЧ предложил российским властям рассмотреть вопрос: «Достигнуто ли соблюдение статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции за счет "некой формы политического процесса или истолкования Конституции России компетентными органами, в первую очередь российским Конституционным Судом, в соответствии с Конвенцией таким образом, который позволит координировать их действия и избежать конфликта между ними"?».

В принятом по данному запросу постановлении от 14 июля 2015 года № 21-П Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что сосуществование европейского и российского конституционного правопорядков должно осуществляться в условиях не субординации, а диалога [31]. Конституционный Суд Российской Федерации обязал государственные органы в тех случаях, когда в конституционности постановлений ЕСПЧ возникают сомнения (неопределенность), инициировать конституционное судебное разбирательство для решения обозначенного вопроса. Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 года № 7-ФКЗ предоставил Конституционному Суду Российской Федерации соответствующее полномочие [32].

К числу иного рода проблем, проистекающих из взаимодействия российского государства с ЕСПЧ, можно обозначить расхождение в понимании некоторых прав личности, в особенности касающихся сексуальных меньшинств и межполовых отношений, что можно связать с расхождением в складывающихся культурно-правовых традициях в государствах Европы и в России, в конкретных национальных ценностях.

Следует упомянуть и то обстоятельство, что в России судебные прецеденты в принципе не признаются официально в качестве источника права, непонятно, почему для решений ЕСПЧ должно было бы быть сделано исключение.

Длительная история юридического противостояния Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации завершилась в 2022 году — отныне постановления Европейского Суда по правам человека, вступившие в силу после 15 марта 2022 года, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

Значимой проблемой выступает то обстоятельство, что в России не существует такого федерального конституционного закона, который

бы регламентировал работу Конституционного Собрания, предусмотренного в статье 135 Основного закона в качестве органа, способного разработать проект новой конституции, что в очередной раз создает коллизию. Нелишним будет вспомнить, что одной из причин конституционного кризиса 1993 года послужило отсутствие в Конституции 1978 года положений, позволяющих урегулировать противоречия между Президентом и Парламентом. Отсутствие соответствующего положения о порядке созыва и функционирования Конституционного Собрания в определенных условиях способно вызвать конституционный и политический кризисы уже в современной России. При этом в отдельных субъектах Российской Федерации в рамках принятия их конституций, орган с таким названием создается. Фактически изменение указанной статьи, входящей в главу 9 Конституции Российской Федерации, невозможно. Федеральный конституционный закон о Конституционном Собрании, принятие которого предполагалось авторами Основного закона, несмотря на тридцатилетний юбилей его действия, до сих пор не принят. Все указанные обстоятельства дают право признать Конституцию России недоработанной, она содержит ряд дефектных положений, фактическое воплощение которых в жизнь является невозможным.

Представляется необходимым полное использование существующих и создание новых как парламентских, так и общественных механизмов учета российской специфики при имплементации норм международного и зарубежного права в правовую систему России. Это требует одновременного учета культурных, психологических, исторических, идеологических, религиозных, морально-нравственных и иных ценностных ориентаций российского социума, что позволит юридическому сообществу более осмысленно подходить как к имплементации правовых конструкций, так и к «рядовой» правотворческой деятельности. Предполагается также, что изложенные меры окажут благотворное влияние на состояние юридической анонии в обществе.

Попытки компенсировать дефекты Конституции Российской Федерации 1993 года как фактор усиления юридической анонии в российском обществе

Действующая российская Конституция уникальна в том отношении, что она не вписывается в общий ряд конституций современных стран, которые уделяют особое внимание развитию

свободы и демократии, но отличается она и от конституций советского периода, стоящих на позициях классового подхода и отрицающих частную собственность. Попытки усовершенствовать первоначальную редакцию Основного закона в 2020 году привели к его многочисленным изменениям. Так, понятия «публичная власть» или «сенатор», которые использовались ранее в журналистике или в качестве научных терминов в политологии, в настоящее время приобрели конституционный характер. Роль Президента Российской Федерации в соответствии с изменениями 2020 года дополнительным образом была усилена.

Одна из основных проблем конституционализма заключается в том, что основные правила эффективного осуществления государственной власти и защиты индивидуальных прав человека должны быть стабильными и предсказуемыми и не должны подлежать легкой смене. Это важно для легитимности конституционного строя. В то же время даже вполне фундаментальное изменение конституции иногда необходимо для того, чтобы улучшить демократическое управление или приспособиться к политическим, экономическим и социальным преобразованиям [33].

Как это было отмечено в выступлении В. Д. Зорькина, представления о том, что путем радикальной конституционной реформы можно развернуть ход событий в каком-то более правильном направлении — не просто поверхностны и недальновидны, но и опасны, поскольку чреваты резкой социально-политической дестабилизацией. Такие мнения выступают проявлением юридического идеализма. Заложенный в Конституции глубокий смысл позволяет адаптировать этот текст к меняющимся социально-правовым реалиям [34]. В качестве примера обозначенного подхода можно привести Конституцию США, принятую 17 сентября 1787 года. С немногочисленными поправками данный документ действует до настоящего времени. Будучи весьма кратким и абстрактным документом, Конституция США дает простор для его толкования и изменения — подход, за который ратуют некоторые отечественные конституционалисты и в отношении Конституции Российской Федерации.

Но, рассматривая Основной закон в качестве системы взаимосвязанных норм, указанный подход к его совершенствованию следует признать порочным. В российской практике конституционного реформирования не уделяется надлежащего внимания тому обстоятельству,

как внесенные изменения будут соотноситься с логикой, выраженной в структуре Конституции, с выделением конституционных принципов, обладающих высшей императивностью и позволяющих раскрыть содержание других норм и институтов, зафиксированных в тексте Основного закона [35].

Действующий период эволюции конституционного права Российской Федерации включает два важнейших события — разработку и принятие Конституции Российской Федерации 1993 года и конституционную реформу 2020 года, которая с точки зрения диалектики может рассматриваться в качестве «антитезиса» к первоначальной версии Основного закона.

Критикуя позиции авторов Конституции Российской Федерации 1993 года как характеризующиеся высокой степенью юридической аномии, в их оправдание необходимо указать на то, что возникновение состояния юридической аномии носит не злонамеренный, а обусловленный историческими процессами объективный характер. В определенные моменты истории состояние юридической аномии в период масштабных реформ бывает свойственно не только политикам или обществу, но, в том числе, и представителям юридической профессии. Как тут не вспомнить, например, предложения С. С. Алексеева, который в 1997 году предлагал отход от понятия «законность» в пользу понятия «правозаконность», предполагающего неукоснительное приведение в жизнь не любого и всякого, а только гуманитарного права — неотъемлемых прав и свобод человека [36, с. 132]. Точно так же ведущий отечественный конституционалист С. А. Авакьян в 1997 году по поводу следования зарубежным стандартам конституционного строительства писал: «в качестве отрицательной предпосылки в развитии российской государственности выступает наличие так называемого «двойного стандарта», заключающегося в том, что Российская Федерация имеет право на какое-то особенное развитие государственных институтов, нехарактерное для других стран» [37]. В работе 2010 года этого же ученого уже отмечается, что «свойства конституции как политико-юридического документа предполагают учет фактора глобальной роли социальных институтов как для содержания конституции, так и в качестве предпосылки ее стабильности... субъективистский подход к формированию ее положений будет неизбежным. Принципиальное соответствие Основного закона тем общественным отношениям, которые сложились в государстве, является необходимым для того, чтобы он не приобрел фиктивный характер» [38].

Так, первоначально записанное в Конституции Российской Федерации отделение местного самоуправления от государственной власти призвано было способствовать установлению демократии на местном уровне. Тем самым отечественный законодатель дал, казалось бы, однозначный ответ на спор о месте местного самоуправления в структуре отечественной власти, начало которому было положено еще полтора столетия назад. В результате, однако, данная норма привела к искусственному разрыву системы власти в государстве. При недостатке финансовых, материальных и кадровых ресурсов местное самоуправление осталось наедине со своими многочисленными проблемами. В 2020 году посредством введения в часть 3 статьи 132 указания на вхождение местного самоуправления в единую систему публичной власти данная проблема была формально купирована. Теперь, однако, можно усмотреть фактическое противоречие указанной нормы со статьей 12 Конституции Российской Федерации, закрепляющей самостоятельность местного самоуправления и его невхождение в систему органов государственной власти.

Одной из наиболее дискуссионных проблем Конституции Российской Федерации 1993 года выступает запрет обязательной или государственной идеологии в соответствии с требованиями части 2 статьи 13. Но государство, не имеющее своей идеологии, есть нонсенс, именно идеология рождает единение граждан страны [39, с. 58].

В специальной литературе идеология (от греч. *idea* — «понятия», и *logos* — «учение») понимается как система взглядов и представлений [40, с. 375], идей и понятий [41, с. 204], характеризующих определенное общество, выступающих как основа конкретных действий и решений, которые принимаются в процессе развития данного социума. К основным функциям идеологии относят ориентационную, мобилизационную, интеграционную, коммуникативную [42, с. 101].

Так, М. И. Клеандров пишет, что национальная идея как стержень внятной идеологии нашего общества будет (должна стать) основой, фундаментом, ориентиром всех положений новой Конституции Российской Федерации. Любое общество и государство не могут существовать без сколь-нибудь внятной идеологии, а если такое происходит, то длится недолго. Общество без идеологии — как пустой сосуд, который с неизбежностью будет заполняться какой-либо идеологией [43], не всегда полезной для развития соответствующего социума.

В качестве одного из многих проявлений деструктивной идеологии иностранных государств может быть указано, например, требование включать в руководство акционерных обществ не наиболее профессиональных и опытных субъектов, а лиц нетрадиционной ориентации. Это может выступать в качестве обязательного условия для размещения их акций на бирже [44]. Разрушительное воздействие подобных требований не только для национальной морали, но и для национальной экономики очевидно. При этом в условиях отсутствия четкой национальной идеологии, на которую могут опереться (и сослаться при возникновении спора) российские компании, противостоять неприемлемым с точки зрения общих принципов российского правопорядка предписаниям западных акционеров и бирж им будет сложнее.

То, каким образом правовые акторы оценивают область своей деятельности, находится под сильным влиянием их социальной и политической среды, а также исторически сложившихся доминирующих культурных стереотипов [45]. В литературе отмечается, что господствующая в обществе политическая идеология находит свое выражение, например, в правозащитном поведении судей [46], немаловажное значение она может иметь для определения линии поведения, решений, принимаемых и иными должностными лицами.

Конституционная реформа 2020 года явилась нечто большим, чем просто принятие Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [47].

Данная реформа может рассматриваться как пусть важная, но всего лишь составная часть более обширного изменения отечественного законодательства, в том числе в сфере контрольно-надзорной деятельности, осуществлении стратегического планирования или обеспечения национальной безопасности. Была сделана попытка фактического установления государственной идеологии, пусть даже сам этот термин законодателем и не использовался.

Поэтому именно с попыткой обойти неустранимый дефект части 2 статьи 13 Конституции Российской Федерации, запрещающей устанавливать идеологию в качестве государственной или обязательной, можно связать включение в состав Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, принятой 2 июля

2021 года, раздела, посвященного защите российских «духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти». Государством было официально заявлено, что в будущем оно будет противостоять угрозе утраты «традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов», что в настоящее время осуществляются нападки на них. Попытка распространения «социальных и моральных установок, противоречащих традициям, убеждениям и верованиям народов Российской Федерации» должна быть пресечена как угроза культурному суверенитету государства. При этом Российская Федерация рассматривает свои базовые, формировавшиеся на протяжении столетий отечественной истории духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, нормы морали и нравственности в качестве основы российского общества. Опора на такие социальные установки фундаментального характера позволяет сохранять и укреплять суверенитет Российской Федерации, строить будущее и достигать новых высот в развитии общества и личности.

Были названы в тексте Стратегии и конкретные традиционные духовно-нравственные ценности, в число которых вошли патриотизм, служение Отечеству, крепкая семья, созидательный труд, справедливость и т. д. [48].

На органы публичной власти была возложена обязанность руководствоваться положениями Стратегии в своей деятельности.

Считаем, что в указанном документе, а также в развивающем его положения Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» была по факту зафиксирована государственная идеология современного российского государства. Обозначение соответствующих ценностей в качестве «традиционных» позволяет прийти к заключению, что российская официальная идеология носит консервативный характер.

В Основах содержится и легальное определение «традиционных ценностей», под которыми понимаются «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [49]. В данном определении

термина «традиционные ценности» существует возможность заменить его термином «идеология», и это не повлияет на логичность соответствующей дефиниции.

Возникшее противоречие заключается в том, что в Стратегии национальной безопасности говорится о том, что Конституцией Российской Федерации закреплены фундаментальные ценности и принципы, формирующие основы российского общества, безопасности страны, дальнейшего развития России. При наличии в Основном законе запрета на государственную идеологию с сожалением приходится признать, что желаемое было выдано за действительное.

В Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в свою очередь, говорится о том, что их нормативную правовую базу, кроме иных нормативных правовых актов, составляет Конституция Российской Федерации.

Считаем, что подобное несоответствие реальности положений, содержащихся в указах Президента Российской Федерации, может лишь усилить состояние юридической аномии в соответствующей сфере общественных отношений. Обозначение государственной идеологии в качестве неких аморфных «ценностей» девальвирует ее содержание, а Указ Президента Российской Федерации — это не тот акт, который должен закреплять определяющие направления развития российского государства.

Можно прийти к выводу, что в российском государстве находят свое проявление определенные попытки движения в естественном направлении государственного строительства. Но с точки зрения конституционного права соответствующие механизмы носят ненадлежащий характер. Несоответствие между поставленными целями и инструментами их достижения способно усилить состояние юридической аномии в российском государстве и обществе.

Любое государство, в котором достаточно длительное время существует конституция, бывает вынуждено вносить в нее изменения и дополнения. Это обусловлено техническим и социальным прогрессом, сопутствующим развитием государственных институтов в сторону повышения их эффективности.

Ситуация, при которой объективная потребность в многочисленных уже внесенных изменениях в главы с третьей по восьмую Основного закона возникла, а главы первую, вторую и девятую менять не требуется, выглядит ущербной с точки зрения банальной логики.

Учитывая системность Конституции Российской Федерации, невозможным представляется и то, чтобы внесенные изменения не вошли в логическое и юридическое противоречие с теми положениями Основного закона, изменить которые невозможно. В качестве примера можно сослаться, например, на противоречие между частью 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, закрепляющей примат международного права, с одной стороны, и статьей 79 и частью 5 статьи 125 Конституции Российской Федерации, призванных купировать ее действие, с другой стороны. Между этими сторонами не следует искать сближения, часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации подлежит безоговорочной отмене полностью [50].

Конституцию Российской Федерации 1993 года можно рассматривать как принятую на переходный период, разработанную в условиях нехватки времени и довольно небрежно, имеющую целью служить интересам конкретного лица, занимающего пост Президента Российской Федерации в его противостоянии с постсоветским парламентом. Устранение ставших очевидными дефектов можно было бы оценивать как средство политического очищения системы [51]. Принятие нового Основного закона завершило бы сложную и противоречивую эпоху в политическом развитии России. Кроме того, это помогло бы оставить в истории споры о легитимности Конституции Российской Федерации 1993 года [52].

Считаем, что некритично перенесенные ранее на отечественную почву конституционные ценности не были в должной мере восприняты населением, разошлись с теми социальными нормами, которые исторически существуют в общественном сознании. И если приоритет государственных интересов перед частными заложен в общественном сознании, задача юриспруденции заключается в том, чтобы служить обществу, а не переделывать общество в интересах неких абстрактных конструкций.

Заключение

Некритичное заимствование образцов иностранного законодательства при формировании текста Конституции Российской Федерации 1993 года, дефектность ряда конституционных положений, содержащихся в неподлежащих изменению главах первой, второй и девятой Основного закона, привели к их фактическому противоречию складывающейся практике государственного управления в России. Попытка купировать соответствующее расхождение в

рамках масштабной конституционной реформы 2020 года носила лишь тактический характер. Приблизив текст Конституции Российской Федерации к требованиям практики, она вместе с тем привела к нарушению ее системности.

Список источников

1. Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России XVIII — начала XX века. Москва: Росспен, 2010. 640 с.
2. Авдеев Д. А. Конституционализация юридического мышления граждан как условие обеспечения прав человека // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 3. С. 19–22.
3. Бабурин С. Н. Конституционно-правовое и духовное: русская (российская) нация перед историческим выбором // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 8–13.
4. Авакьян С. А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 3–12. О дефектах в Конституции Российской Федерации 1993 года см. также более раннее произведение: Малько А. А. Конституционно-правовая политика России: понятие и основные направления // Конституционные чтения: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Г. Н. Комковой. Саратов, 2001. Вып. 2. С. 5–14.
5. Bengoetxea J. Legal institutions and the comparison of legal cultures // Onati Socio-Legal Series. 2022. 12 (6). Pp. 1647–1673.
6. Quiroz Vitale M. A. Criminal Laws and prostitution: The legal experience challenge for the concept of Legal Culture // Onati Socio-Legal Series. 2022. 12 (6). Pp. 1622–1646.
7. Akinci M. The right to good administration under Turkish law: The process of integrating with the legal culture of the council of Europe (Book Chapter) // Good Administration and the Council of Europe: Law, Principles, and Effectiveness. 2020. Pp. 277–300.
8. Aidarbekova G. B., Urmatova A. D., Batyrbaev B. S., Salybekova T. S., Umetov K. A. Legal Policy and Legal Culture in the Field of Unification of Legal Terminology, Reforms in Criminal Proceedings in the Conditions of the Sovereignty of Kyrgyzstan // Lecture Notes in Networks and Systems. 2022. 372. Pp. 325–330.
9. Szilágyi I. H., Kelemen L., Hall S. G. Changing Legal and Civic Culture in an Illiberal Democracy: A Social Psychological Survey of the Hungarian Legal System. London: Routledge, 2021. 125 p.
10. Dragos D. C. The Romanian ombudsman — A legal transplant moulded by the domestic legal culture // Review of European Administrative Law. 2021. No. 14 (1). Pp. 185–206.
11. Petersen H. Biased Reflections on German Legal Cultures — An Essay from Corona Times // German Law Journal. 2022. No. 23 (4). Pp. 532–558.

12. Авакьян С. А. Конституция России: сложный юбилей // Российская Федерация сегодня. 2003. № 22. С. 10–12.
13. О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации: указ Президента от 21 сентября 1993 года № 1400 // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации от 27 сентября 1993 года. № 39, ст. 3597.
14. Cooke E. The Working Culture of Legal Aid Lawyers: Developing a “Shared Orientation Model” // Social and Legal Studies. 2022. No. 31 (5). Pp. 704–724.
15. Локшина С. М. Краткий словарь иностранных слов. Москва: Рус. яз., 1979. 352 с.
16. Ayvazyan O. O. Sociological Foundations of Legal Education and Legal Communication... as Mechanism for the Formation of Communicative-Legal Culture of a Person in a Modern Social and Cultural Society // Radovi Zavoda za Znanstvenoistrazivacki i Umjetnicki Rad u Bjelovaru. 2021. No. 15. Pp. 161–170.
17. Iluk Ł. Language And Legal Culture Peculiarities in Selected Swiss Constitutional Acts including a Translational Perspective // Comparative Legilinguistics. 2021. No. 46 (1). Pp. 91–109.
18. Matulewska A., Wagner A. Third Space of Legal Translation: Between Protean Meanings, Legal Cultures and Communication Stratification // International Journal for the Semiotics of Law. 2021. 34 (5). Pp. 1245–1260.
19. Alwazna Rafat Y. Culture and law: The cultural impact on islamic legal statements and its implications for translation // International Journal of Legal Discourse. 2017. No. 2 (2). Pp. 225–241. URL: <https://doi.org/10.1515/ijld-2017-0013>.
20. Zoltán S. Constitutional identity as a normative constitutional concept // Hungarian Journal of Legal Studies. 2022. No. 63 (1). URL: <https://doi.org/10.1556/2052.2022.00390>.
21. Marissal A. Legal cultures and the internationalization of legal elites. The judges of the international court of justice as a case study // Droit et Societe. 2020. No. 105 (2). Pp. 343–359.
22. Авакьян С. А. Государство: взгляд с позиций конституционного права // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 2 (54). С. 52–61.
23. Миннихахметова К. И. К вопросу об имплементации норм международного права в российское законодательство // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 1 (35). С. 97–102.
24. Рыхтикова Л. Ю. Конституционно-правовые основы имплементации норм международного права в Российской Федерации: монография. Москва: Грааль, 2004. 88 с.
25. Семенов Б. С. Проблемы имплементации норм международного права в правовую систему Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 2. С. 220–224.
26. Бирюков П. Н. Международное право. Москва: Юрайт, 2011. 793 с.
27. Хижняк В. С. Конституционный механизм взаимодействия национального и международного права // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 4. С. 35–37.
28. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 26.08.2023).
29. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Рим, 4 ноября 1950 года. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (дата обращения: 26.08.2023).
30. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года. Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04 и № 15162/05) (Первая секция). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70539826/?ysclid=lltiyh03194500577> (дата обращения: 26.08.2023).
31. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 21-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/?ysclid=lltiw3cj45993221523 (дата обращения: 26.08.2023).
32. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 года № 7-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 51. Ч. I, ст. 7229.
33. О конституционных поправках: доклад: принят Венецианской комиссией на 81-м пленарном заседании (Венеция, 11–12 декабря 2009 года). URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2010\)001-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2010)001-rus) (дата обращения: 26.08.2023).
34. Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 9 октября.
35. Джагарян А. А. Исправленному верить? Субъективные заметки в связи с Заключением Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года № 1–3 // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 9–17. DOI 10.18572/1812-3767-2020-8-9-17.
36. Алексеев С. С. Философия права. Москва: Норма, 1997. 336 с.

37. Авакьян С. А. Практика российской государственности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 1997. № 1. С. 44–54.

38. Авакьян С. А. Стабильность Конституции и конституционные реформы: некоторые вопросы теории и практики // Конституция — основа демократического развития государства: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции Республики Казахстан (27–28 августа 2010 года). Астана, 2010. С. 81–87.

39. Боброва Н. А., Хачатуров Р. Л. Формирование и развитие отраслей прав в исторической и современной правовой реальности России. в 12 т. Т. VI. Конституционное право России. Москва: Юрлитформ, 2021. 560 с.

40. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.

41. Политический словарь / под ред. Г. Александрова, В. Гальянова, Н. Рубинштейна. Москва: Госполитиздат, 1940. 674 с.

42. Новейший политологический словарь / авт.-составители Д. Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. Ростов н/Дону: Феникс, 2010. 318 с.

43. Клеандров М. И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть (Окончание) // Государство и право. 2022. № 3. С. 7–18.

44. Злобин А. Goldman Sachs отказался готовить IPO компаний без женщин или геев в руководстве. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/391843-goldman-sachs-otkazalsya-gotovit-ipo-kompaniy-bez-zhenshchin-ili-geev-v?ysclid=llryqz71ao364482834> (дата обращения: 26.08.2023).

45. Mantovan C. Antigypsyism, legal culture and sentencing in Italy: A dialogue between sociology of law and critical Romani studies // *Onati Socio-Legal Series*. 2022. No. 12 (6). Pp. 1518–1546.

46. Ansolabehere K. M., Botero S., Ocantos E. G. Conceptualizing and Measuring Legal Culture: Evidence from a Survey of Mexican Federal Judges Conceptualizar y medir la cultura legal // *Política y Gobierno*. 2022. No. 29 (2).

47. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2020. № 11, ст. 1416.

48. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // *Собрание законодательства РФ*. 2021. № 27. Ч. II, ст. 5351.

49. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 // *Собрание законодательства РФ*, 2022. № 46, ст. 7977.

50. Клеандров М. И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // *Государство и право*. 2022. № 1. С. 7–18.

51. Авакьян С. А. Политические отношения и конституционное регулирование в современной России: проблемы и перспективы // *Журнал российского права*. 2003. № 11. С. 43–54.

52. Авакьян С. А. Нужна ли конституционная реформа в России // *Конституционное и муниципальное право*. 2012. № 9. С. 2–9.

References

1. Medushevsky A. N. Constitutional projects in Russia of the XVIII — early XX century. Moscow: Rosspen Publ., 2010. 640 p. (In Russ.)

2. Avdeev D. A. Constitutionalization of legal thinking of citizens as a condition for ensuring human rights. *Constitutional and municipal law*, 2017, no. 3, pp. 19–22. (In Russ.)

3. Baburin S. N. Constitutional-legal and spiritual: the Russian (Russian) nation before a historical choice. *Constitutional and municipal law*, 2017, no. 4, pp. 8–13. (In Russ.)

4. Avakian S. A. Gaps and defects in constitutional law and ways to eliminate them. *Constitutional and municipal law*, 2007, no. 8, pp. 3–12. (In Russ.)

5. Bengoetxea J. Legal institutions and the comparison of legal cultures. *Onati Socio-Legal Series*, 2022, no. 12 (6), pp. 1647–1673.

6. Quiroz Vitale M. A. Criminal Laws and prostitution: The legal experience challenge for the concept of Legal Culture. *Onati Socio-Legal Series*, 2022, no. 12 (6), pp. 1622–1646.

7. Akinci M. The right to good administration under Turkish law: The process of integrating with the legal culture of the council of Europe (Book Chapter). *Good Administration and the Council of Europe: Law, Principles, and Effectiveness*, 2020, pp. 277–300.

8. Aidarbekova G. B., Umatova A. D., Batyrbaev B. S., Salybekova T. S., Umetov K. A. Legal Policy and Legal Culture in the Field of Unification of Legal Terminology, Reforms in Criminal Proceedings in the Conditions of the Sovereignty of Kyrgyzstan. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2022, no. 372, pp. 325–330.

9. Szilágyi I. H., Kelemen L., Hall S. G. Changing Legal and Civic Culture in an Illiberal Democracy: A Social Psychological Survey of the Hungarian Legal System. London: Routledge Publ., 2021. 125 p.

10. Dragos D. C. The Romanian ombudsman — A legal transplant moulded by the domestic legal culture. *Review of European Administrative Law*, 2021, no. 14 (1), pp. 185–206.

11. Petersen H. Biased Reflections on German Legal Cultures — An Essay from Corona Times. *German Law Journal*, 2022, no. 23 (4), pp. 532–558.

12. Avakian S. A. Constitution of Russia: a difficult anniversary. *The Russian Federation today*, 2003, no. 22, pp. 10–12. (In Russ.)

13. On phased constitutional reform in the Russian Federation: presidential decree no. 1400 of September 21, 1993. *Collection of Acts of the President and Government of the Russian Federation*, 1993, no. 39, art. 3597. (In Russ.)
14. Cooke E. The Working Culture of Legal Aid Lawyers: Developing a "Shared Orientation Model". *Social and Legal Studies*, 2022, no. 31 (5), pp. 704–724.
15. Lokshina S. M. A concise dictionary of foreign words. Moscow: Rus. yaz. Publ., 1979. 352 p. (In Russ.)
16. Ayvazyan O. O. Sociological Foundations of Legal Education and Legal Communication... as Mechanism for the Formation of Communicative-Legal Culture of a Person in a Modern Social and Cultural Society. *Radovi Zavoda za Znanstvenoistraživački i Umjetnički Rad u Bjelovaru*, 2021, no 15, pp. 161–170.
17. Iluk Ł. Language And Legal Culture Peculiarities in Selected Swiss Constitutional Acts including a Translational Perspective. *Comparative Legilinguistics*, 2021, no. 46 (1), pp. 91–109.
18. Matulewska A., Wagner A. Third Space of Legal Translation: Between Protean Meanings, Legal Cultures and Communication Stratification. *International Journal for the Semiotics of Law*, 2021, no. 34 (5), pp. 1245–1260.
19. Alwazna Rafat Y. Culture and law: The cultural impact on islamic legal statements and its implications for translation. *International Journal of Legal Discourse*, 2017, no. 2 (2), pp. 225–241. URL: <https://doi.org/10.1515/ijld-2017-0013>.
20. Zoltán S. Constitutional identity as a normative constitutional concept. *Hungarian Journal of Legal Studies*, 2022, no. 63 (1). URL: <https://doi.org/10.1556/2052.2022.00390>.
21. Marissal A. Legal cultures and the internationalization of legal elites. The judges of the international court of justice as a case study. *Droit et Societe*, 2020, no. 105 (2), pp. 343–359.
22. Avakian S. A. The State: a view from the standpoint of constitutional law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2016, no. 2 (54), pp. 52–61. (In Russ.)
23. Minniakhmetova K. I. On the question of the implementation of the norms of international law in Russian legislation. *The rule of law: theory and practice*, 2014, no. 1 (35), pp. 97–102. (In Russ.)
24. Rykhtikova L. Yu. Constitutional and legal foundations of the implementation of the norms of international law in the Russian Federation: Monograph. Moscow: Grail Publ., 2004. 88 p. (In Russ.)
25. Semenov B. S. Problems of implementation of norms of international law in the legal system of Mongolia. *Bulletin of the Buryat State University*, 2011, no. 2, pp. 220–224. (In Russ.)
26. Biryukov P. N. International Law. Moscow: Yurayt Publ., 2011. 793 p. (In Russ.)
27. Khizhnyak V. S. Constitutional mechanism of interaction of national and international law. *Constitutional and municipal law*, 2004, no. 4, pp. 35–37. (In Russ.)
28. Vienna Convention on the Law of Treaties of May 23, 1969. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (accessed 26.08.2023). (In Russ.)
29. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Rome, November 4, 1950. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (accessed 26.08.2023). (In Russ.)
30. Judgment of the European Court of Human Rights of July 4, 2013 in case "Anchugov and Gladkov (Anchugov and Gladkov) against the Russian Federation" (complaint no. 11157/04 and no. 15162/05) (First Section). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70539826/?ysclid=lltiyh03194500577> (accessed 26.08.2023). (In Russ.)
31. On the case of checking the constitutionality of the provisions of article 1 of the federal law "On Ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and fundamental freedoms and protocols thereto", paragraphs 1 and 2 of article 32 of the federal law "On International treaties of the Russian Federation", parts one and four of article 11, paragraph 4 of part four of article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of article 13, paragraph 4 of part 3 of article 311 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of article 15, paragraph 4 of part 1 of article 350 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and paragraph 2 of part four of article 413 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Duma: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 21-P of July 14, 2015. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/?ysclid=lltiw3cj45993221523 (accessed 26.08.2023). (In Russ.)
32. On Amendments to the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation": federal constitutional law no. 7-FKZ of December 14, 2015. *Collection of legislative acts of the RF*, 2015, no. 51, part I, art. 7229. (In Russ.)
33. The report "On Constitutional Amendments" was adopted by the Venice Commission at the 81st plenary meeting (Venice, December 11–12, 2009). URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2010\)001-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2010)001-rus) (accessed 26.08.2023). (In Russ.)
34. Zorkin V. D. Letter and spirit of the Constitution. *Rossiyskaya Gazeta*, 2018, October 9. (In Russ.)
35. Dzhangaryan A. A. To believe the corrected? Subjective notes in connection with the Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 1-Z of March 16, 2020. *Constitutional and Municipal Law*, 2020, no. 8, pp. 9–17. DOI 10.18572/1812-3767-2020-8-9-17. (In Russ.)
36. Alekseev S. S. Philosophy of Law. Moscow: Norm Publ., 1997. 336 p. (In Russ.)
37. Avakian S. A. Practice of Russian statehood. *Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*, 1997, no. 1, pp. 44–54. (In Russ.)

38. Avakyan S. A. Stability of the Constitution and constitutional reforms: some questions of theory and practice. *Constitution — the basis of democratic development of the state: materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 15th anniversary of the Constitution of the Republic of Kazakhstan*, August 27–28, 2010. Astana, 2010. Pp. 81–87. (In Russ.)

39. Bobrova N. A., Khachaturov R. L. Formation and development of branches of rights in the historical and modern legal reality of Russia: in 12 vol. Vol. VI. Constitutional Law of Russia. Moscow: YurLitform Publ., 2021. 560 p. (In Russ.)

40. Kuznetsov S. A. The Great Explanatory Dictionary of the Russian language. St. Petersburg: Norint Publ., 2000. 1536 p. (In Russ.)

41. Political Dictionary / ed. by G. Alexandrov, V. Galyanov, N. Rubinstein Moscow: Gospolitizdat Publ., 1940. 674 p. (In Russ.)

42. The newest political dictionary/ author-comp. D. E. Pogorely, V. Y. Fesenko, K. V. Filippov. Rostov n/A: Phoenix Publ., 2010. 318 p. (In Russ.)

43. Kleandrov M. I. On the inevitability of the development and adoption of a new Constitution of the Russian Federation and what should be in it (Ending). *State and Law*, 2022, no. 3, pp. 7–18. (In Russ.)

44. Zlobin A. Goldman Sachs refused to prepare IPOs of companies without women or gays in the management. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/391843-goldman-sachs-otkazalsya-gotovit-ipo-kompaniy-bez-zhenshchin-ili-geev-v?ysclid=llryqz71ao364482834> (accessed 26.08.2023). (In Russ.)

45. Mantovan C. Antigypsyism, legal culture and sentencing in Italy: A dialogue between sociology of law and

critical Romani studies. *Onati Socio-Legal Series*, 2022, no. 12 (6), pp. 1518–1546.

46. Ansolabehere K. M., Botero S., Ocantos E. G. Conceptualizing and Measuring Legal Culture: Evidence from a Survey of Mexican Federal Judges Conceptualizing y medir la cultura legal. *Politica y Gobierno*, 2022, no. 29 (2).

47. On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power: law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation no. 1-FKZ of March 14, 2020. *Collection of legislative acts of the RF*, 2020, no. 11, art. 1416. (In Russ.)

48. On the National Security Strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation no. 400 of July 2, 2021. *Collection of legislative acts of the RF*, 2021, no. 27, part II, art. 5351. (In Russ.)

49. On approval of the Fundamentals of State Policy on conservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: decree of the President of the Russian Federation no. 809 of November 9, 2022. *Collection of legislative acts of the RF*, 2022, no. 46, art. 7977. (In Russ.)

50. Kleandrov M. I. On the inevitability of the development and adoption of a new Constitution of the Russian Federation and what it should contain. *State and Law*, 2022, no. 1, pp. 7–18. (In Russ.)

51. Avakian S. A. Political relations and constitutional regulation in modern Russia: problems and prospects. *Journal of Russian Law*, 2003, no. 11, pp. 43–54. (In Russ.)

52. Avakian S. A. Is constitutional reform necessary in Russia. *Constitutional and municipal law*, 2012, no. 9, pp. 2–9. (In Russ.)

Информация об авторах

Д. А. Липинский — доктор юридических наук, профессор;

А. В. Малько — доктор юридических наук, профессор;

А. А. Иванов — кандидат юридических наук;

Р. С. Маркунин — кандидат юридических наук.

Information about the authors

D. A. Lipinsky — Doctor of Sciences (Law), Professor;

A. V. Malko — Doctor of Sciences (Law), Professor;

A. A. Ivanov — Candidate of Sciences (Law);

R. S. Markunin — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 18.09.2023; одобрена после рецензирования 23.10.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 18.09.2023; approved after reviewing 23.10.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Научная статья
УДК 342.951
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-86-92>

Новый правовой статус средства индивидуальной мобильности и юридическая ответственность управляющих ими лиц

Соколов Дмитрий Вячеславович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, sokolov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1057-8741>

Аннотация. В статье рассматривается правовой статус лиц, управляющих средствами индивидуальной мобильности в Российской Федерации. С учетом последних изменений, внесенных в Правила дорожного движения Российской Федерации, сравнивается статус лица, управляющего средством индивидуальной мобильности (далее — СИМ) и других участников дорожного движения. На основе анализа правоприменительной практики оценивается сложившаяся квалификация нарушений Правил дорожного движения Российской Федерации, совершаемых лицами, управляющими средствами индивидуальной мобильности. Делаются обобщающие выводы относительно конкретных составов административных правонарушений и преступлений, ответственность за которые установлена российским законодательством.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, средство индивидуальной мобильности, транспортное средство, механическое транспортное средство, участник дорожного движения

Для цитирования: Соколов Д. В. Новый правовой статус средства индивидуальной мобильности и юридическая ответственность управляющих ими лиц // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 86–92. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-86-92>.

Original article

The new legal status of the means of individual mobility and the legal responsibility of the persons managing them

Dmitry V. Sokolov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, sokolov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1057-8741>

Abstract. The article considers the legal status of persons managing means of individual mobility in the Russian Federation. Taking into account the latest changes made to the Traffic Rules of the Russian Federation, the status of the person managing the SIM and other road users is compared. Based on the analysis of law enforcement practice, the existing qualification of violations of the Traffic Rules of the Russian Federation committed by persons operating means of individual mobility is evaluated. Generalizing conclusions are made regarding the specific elements of administrative offenses and crimes, the responsibility for which is established by Russian legislation.

Keywords: road safety, means of individual mobility, vehicle, mechanical vehicle, road user

For citation: Sokolov D. V. The new legal status of the means of individual mobility and the legal responsibility of the persons managing them. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 86–92. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-86-92>.

Развитие техники неизбежно оказывает влияние на общественные отношения, в частности, связанные с правилами и процедурами ее использования. В качестве примера следует привести получившие активное развитие как за рубежом, так и в Российской Федерации,

технические устройства, оборудованные электродвигателем и колесами, предназначенные для перевозки одного человека: средства индивидуальной мобильности. Длительное время статус участников дорожного движения, управляющих этим видом устройств, Правилами

© Соколов Д. В., 2023

дорожного движения в Российской Федерации (далее — ПДД РФ) не устанавливался. Впервые статус новых участников дорожного движения был установлен постановлением Правительства Российской Федерации от 6 октября 2022 года № 1769 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» (далее — постановление Правительства Российской Федерации от 6 октября 2022 года № 1769) [1].

Справедливости ради следует отметить, что сам термин «средство индивидуальной мобильности» был введен немного раньше. Так, в ГОСТ Р 59483-2021 под средством индивидуальной мобильности понимается устройство, не являющееся велосипедом или инвалидной коляской, предназначенное для передвижения одного человека посредством использования его мускульной силы или электродвигателя [2]. В постановлении Правительства Российской Федерации от 6 октября 2022 года № 1769 средство индивидуальной мобильности (далее — СИМ) рассматривается как транспортное средство, имеющее одно или несколько колес (роликов), предназначенное для индивидуального передвижения человека посредством использования двигателя (двигателей) [1]. При этом в рассматриваемой норме приводится перечень подобных устройств, не являющийся закрытым: электросамокаты, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и иные аналогичные средства.

Сравнивая приведенные определения следует обратить внимание на тот факт, что в ГОСТ Р 59483-2021 содержится более широкая трактовка средств индивидуальной мобильности, поскольку по способу приведения их в движение они делятся этой нормой на приводимые в действие мускульной силой и приводимые в действие электродвигателем. В постановлении Правительства Российской Федерации от 6 октября 2022 года № 1769 качественной характеристикой средства индивидуальной мобильности является наличие двигателя. Тип двигателя прямо нормой не указывается, но, как следует из приводимого в определении перечня относящихся к СИМ устройств, электродвигатель является основой такого технического устройства.

Наличие двигателя у СИМ тем не менее не позволяет относить их к механическим транспортным средствам, поскольку постановление Правительства Российской Федерации

от 6 октября 2022 года № 1769 дает однозначную трактовку рассматриваемого понятия. Кроме СИМ, к механическим транспортным средствам не относятся также и велосипеды. Речь идет в том числе о электровелосипедах, то есть велосипедах, имеющих электродвигатель номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки, не превышающей 0,25 кВт, который должен автоматически отключаться при достижении скорости 25 км/ч.

Таким образом, в Правилах дорожного движения Российской Федерации (далее — ПДД РФ) транспортные средства, оборудованные электродвигателем, могут относиться либо к механическим транспортным средствам (например, электромобиль, мотоцикл, мопед), либо к средствам индивидуальной мобильности, либо к велосипедам [3]. Участие механических транспортных средств и велосипедов в дорожном движении было четко регламентировано, чего нельзя сказать о СИМ, поскольку до постановления Правительства Российской Федерации от 6 октября 2022 года № 1769 отсутствовал не только термин, но и регламентация их участия в дорожном движении. Фактически лица, управляющие СИМ, приравнивались к пешеходам. В редакции правил дорожного движения, вступающих в силу с 1 марта 2023 года, определено, что лицо будет являться пешеходом только в случае, когда оно ведет СИМ.

Если провести анализ вносимых постановлением Правительства Российской Федерации от 6 октября 2022 года № 1769 изменений в правила дорожного движения, то следует отметить сближение правового статуса участника дорожного движения, управляющего СИМ, с велосипедистами. В первую очередь, об этом свидетельствует внесение в раздел 24 ПДД РФ соответствующих дополнений, касающихся участия в дорожном движении лиц, использующих для передвижения СИМ.

В частности, нормативно установлено разделение лиц, управляющих СИМ, на возрастные группы, в соответствии с которыми определяются участки дорог, где разрешается их движение. Таких групп три: до 7 лет; с 7 до 14 лет, старше 14 лет. Возможность движения по велосипедным и велопешеходным дорожкам присуща всем этим возрастным категориям. При этом использование проезжей части для лиц в возрасте старше 14, управляющих СИМ, строго регламентировано пунктом 24.2.(1) ПДД РФ, в соответствии с которым существенно ограничена возможность их передвижения по дорогам общего пользования и обочинам.

Также ограничена возможность движения этой категории лиц, управляющих СИМ, по тротуарам, пешеходным дорожкам, в пешеходной зоне с учетом массы СИМ, которая не должна превышать 35 кг.

Отметим, что пунктом 24.6. ПДД РФ скорость СИМ ограничена 25 км/ч, однако речь идет о соблюдении этого ограничения самим лицом, управляющим СИМ, а не об автоматическом ограничении скорости, заложенном в конструкцию транспортного средства. Важным новшеством в обеспечении безопасности дорожного движения при эксплуатации СИМ является внедрение ограничения скорости при совместном движении этого вида транспорта и пешеходов с приоритетом движения пешеходов. Таким образом, в новой редакции ПДД РФ, вступающей в силу с 1 марта 2023 года, намечилось четкое выделение СИМ в качестве нового вида транспортных средств, обладающих сходством с электровелосипедами, но при этом не являющимися механическими транспортными средствами. Также следует выделить разграничение лиц, управляющих СИМ, и пешеходов. С учетом нового правового статуса лиц, управляющих СИМ, возникает вопрос об их юридической ответственности. Речь идет в первую очередь об административной и уголовной ответственности.

Рассматривая вопрос административной ответственности лиц, управляющих СИМ, с учетом положений постановления Правительства Российской Федерации от 6 октября 2022 года № 1769 следует обратиться к примечанию статьи 12.1 КоАП РФ, где дается определение транспортного средства. В соответствии с ним к транспортным средствам относят автомототранспортные средства с рабочим объемом двигателя внутреннего сгорания в 50 см³ либо с электродвигателем максимальной мощностью 4 кВт в сочетании с возможностью достижения таким транспортным средством максимальной скорости более 50 км/ч, подлежащие государственной регистрации, и прицепы к ним. Также к транспортным средствам относятся устройства, включая трактора, самоходные машины, на управление которыми законодательством о безопасности дорожного движения предусмотрено получение специального права.

На наш взгляд, лица, управляющие СИМ, не подпадают в настоящее время по своим конструктивным особенностям в категорию водителей транспортных средств, на которых распространяется действие примечания к статье 12.1 Кодекса об административных

правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ). Расширительное толкование этого перечня с учетом пункта 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 года № 20 не допустимо [4]. Таким образом, нарушение лицом, управляющим СИМ, требований ПДД, в частности раздела 24, следует рассматривать с точки зрения формулировок КоАП РФ как правонарушение, совершенное не водителем или пешеходом, а другим участником дорожного движения. Соответствующая административная ответственность для этой категории участников предусмотрена в настоящее время в части 2 и 3 статьи 12.29 КоАП РФ и части 1 и 2 статьи 12.30 КоАП РФ.

Несомненно, вызывает вопрос, как расценивать поведение лица, управляющего СИМ, если характеристики последнего близки к тем, что есть соответствующих транспортных, например у мопеда. Само понятие «мопед» содержится в пункте 1.2. ПДД РФ. В число ключевых характеристик этого вида механических транспортных средств относят скорость, которая должна составлять не более 50 км/ч, а также номинальная максимальная мощность электродвигателя в режиме длительной нагрузки более 0,25 кВт и менее 4 кВт (в случае использования электродвигателя), а также конструкция, предусматривающая наличие двух или трех колес. То есть в ПДД РФ не содержится дополнительных характеристик этого вида механических транспортных средств, относящихся к их конструкции. В соответствии с пунктом 1 статьи 25 Федерального закона от 10 декабря 1995 года № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» для управления этим видом транспортных средств предоставляется специальное право [5].

Обращаясь к техническим нормам, следует отметить определение мопеда, что содержится в ГОСТ Р 59483-2021, где под мопедом понимается как двух, так и трехколесное транспортное средство, снабженное двигателем внутреннего сгорания, запуск которого осуществляется педалями, с объемом цилиндров, не превышающим 50 см³ [2]. Таким образом, к мопедам не относятся транспортные средства с электродвигателем, исходя из данного определения. Однако в этом же акте содержится определение мотороллера, к которым относятся механические транспортные средства, имеющие как два, так и три колеса, и имеющие в качестве главной отличительной особенности способ посадки водителя, при котором его ступни опираются на площадку, а колени могут быть сведены до соприкосновения.

Ни скоростные характеристики, ни тип двигателя для мотороллера в определении в качестве существенных характеристик не приводятся. При этом в отдельных исследованиях, например А. В. Афанасьевской, Н. А. Ивановой, указывается на наличие сиденья в качестве отличительного признака мопеда [6, с. 30].

Введение термина СИМ позволит, на наш взгляд, несколько упорядочить правоприменительную и судебную практику в части квалификации деяний лиц, ими управляющих. Так как в настоящее время можно встретить ситуации, когда отсутствие определения СИМ позволяет правоохранительным органам и судебным инстанциям относить рассматриваемые нами технические устройства к мопедам, руководствуясь определением этого механического транспортного средства, приводимого в пункте 1.2. ПДД РФ, а также фактическими характеристиками транспортного средства, приводимыми в технической документации на эти изделия, например, мощность электродвигателя и скорость. На существующие противоречия указывают и некоторые исследователи, например, Д. В. Роженикова [7, с. 81–84], Д. В. Соколов [8, с. 11–14].

Так, в постановлении Первого кассационного суда общей юрисдикции содержится вывод о возможности отнесения электросамоката к мопедам на основании пункта 1.2 ПДД РФ и технических характеристик, приводимых в руководстве пользователя средства передвижения, в том числе размещаемых в сети «Интернет» на сайте официального производителя (поставщика) [9]. Сходная позиция в части отнесения электросамоката с мощностью электродвигателя свыше 250 Вт к мопедам прослеживается в постановлениях 2022 года Третьего кассационного суда общей юрисдикции [10–11] и Седьмого кассационного суда общей юрисдикции [12]. Однако в постановлениях Пятого кассационного суда общей юрисдикции и Шестого суда общей юрисдикции электросамокат либо не признается транспортным средством, на которое распространяется действие примечания к статье 12.1 КоАП РФ [13], либо не рассматривается как таковое ввиду отсутствия соответствующих доказательств [14].

Таким образом, даже в материалах судебной практики наблюдается различие в подходах при определении понятия электросамокат, если номинальные его характеристики, заявленные заводом-изготовителем либо импортером, совпадают с характеристиками, которые перечислены в определении «мопед», приводимом

в пункте 1.2 ПДД РФ. Введение в ПДД РФ определения СИМ позволит, если не исключить, то в значительной степени сузить разнообразие судебной и правоприменительной практики в части квалификации деяний лиц, ими управляющих, так как электросамокат прямо поименован в числе этих средств передвижения.

При этом следует отметить, что при управлении лицами другими разновидностями СИМ, например моноколесом, гироскутером, электроскейтбордом, следует учитывать их новый правовой статус, близкий к велосипедистам, позволяя говорить о возможности привлечения к ответственности по частям 2, 3 статьи 12.29, статьи 12.30 КоАП РФ за соответствующие нарушения ПДД РФ. С учетом технических характеристик этих изделий затруднительно говорить об их отнесении к транспортным средствам. Соответственно, и нормы, устанавливающие административную ответственность для водителей транспортных средств, в частности касающиеся наличия специального права для управления этими устройствами, обязательности прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, управляющего транспортным средством, не распространяются.

В диспозиции части 1 статьи 264 УК РФ в качестве условия наступления уголовной ответственности является управление лицом автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, технические характеристики которых в примечании 1 к статье 264 УК РФ не приводятся, однако указывается, что к ним относятся трактора, самоходные машины, самоходные дорожно-строительные машины, иные транспортные средства, на управление которыми предоставляется специальное право в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В абзаце 2 пункта 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 года № 25 дается понятие механического транспортного средства, к которому относят автомобили, автобусы, троллейбусы, трамваи, мотоциклы, квадрициклы, мопеды, а также иные транспортные средства, на управление которыми предоставляется специальное право [15]. К механическим транспортным средствам в соответствии с данным актом относят также трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины. В абзаце 3 пункта 2 указанного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации нарушения правил эксплуатации транспортных средств или

правил безопасности движения лицами, управляющими транспортными средствами, не отнесенными к категории механических транспортных средств, подлежат квалификации по частям 1–3 статьи 268 УК РФ с учетом наличия последствий, предусмотренных диспозицией этих норм.

На наш взгляд, квалифицировать действия лиц, ими управляющих, с учетом наступивших последствий от нарушения правил обеспечения безопасности дорожного движения следует также по частям 1–3 статьи 268 УК РФ, поскольку эти правоотношения складываются в сфере общественных отношений, складывающихся в процессе перевозки по дорогам людей и грузов с использованием транспортных средств в самом широком их понимании.

Верховный Суд Российской Федерации, давая оценку жалобе о необходимости отмены абзацев 18, 40, 58 пункта 1.2 ПДД РФ, указывает на несколько существенных моментов: участвовавшую практику использования СИМ с техническими характеристиками, находящимися в пороговых значениях мопедов и мотоциклов; высокую опасность причинения вреда здоровью и жизни граждан такими средствами [16], указывая при этом на достаточность признаков предмета преступления, ответственность за которое устанавливается статьей 264 УК РФ.

Тем не менее в судебной практике встречаются ситуации, когда оценка наступивших последствий в результате эксплуатации СИМ происходит с учетом такого родового объекта преступления, как личность. Так, Шестым кассационным судом общей юрисдикции были оставлены без изменения приговоры нижестоящих судебных инстанций, квалифицировавших действия подсудимой при передвижении на электросамокате с пристегнутым к себе ребенком по части 1 статьи 118 УК РФ, что привело к падению, повлекшему причинение тяжкого вреда здоровью последнего [17]. То есть факт участия в дорожном движении лица, управлявшего электросамокатом, не всегда рассматривается как определяющий квалификацию последствий, наступивших в процессе такого перемещения. На нелогичность такой квалификации указывает в своем исследовании и А. С. Саядова, отмечая, что «возможное наказание не соответствует тяжести совершенного деяния и его сути, поскольку причинение вреда произошло с использованием средства передвижения (транспортного средства)» [18, с. 108].

Оценивая необходимость компенсации вреда, причиненного в процессе эксплуатации электросамоката, следует, на наш взгляд,

руководствоваться как нормой статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации, так и позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации, установившего открытость перечня источников повышенной опасности с учетом вероятности причинения вреда от такой деятельности из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека [19]. Процесс использования СИМ в дорожном движении, по нашему мнению, безусловно, следует отнести к такому виду деятельности.

Таким образом, введение в ПДД РФ новой категории участников дорожного движения стало закономерным результатом признания массовости использования электрофицированных транспортных средств в дорожном движении и адекватной оценки растущей угрозы охраняемым законным интересам личности, общества и государства от этого процесса. При этом некоторая терминологическая неопределенность в отношении электрических самокатов и мопедов создает условия разной трактовки, как отнесения этих устройств к той или иной группе транспортных средств, так и оценки правовых последствий управления ими. В целом же в правоприменительной практике следует отметить тенденцию к оценке фактических технических характеристик СИМ для принятия решения об отнесении его к тому или иному виду транспортных средств.

Список источников

1. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 6 октября 2022 года № 1769 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41, ст. 7100.
2. ГОСТ Р 59483-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Колесные транспортные средства. Термины и определения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 13 мая 2021 года № 344-ст). Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 27.01.2023).
3. О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»): постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 года № 1090. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.01.2023).
4. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об админи-

стративных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 года № 20 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9.

5. О безопасности дорожного движения: федеральный закон от 10 декабря 1995 года № 196-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.01.2023).

6. Афанасьевская А. В., Иванова Н. А. Правовые отношения, связанные с использованием электросамокатов: зарубежный опыт и перспективы применения в российском законодательстве // Международное публичное и частное право. 2022. № 4. С. 29–31.

7. Роженикова Д. В. Особенности административно-правового регулирования использования электросамокатов. Правовые риски и пути их преодоления // Административное право и процесс. 2022. № 10. С. 81–84.

8. Соколов Д. В. Проблема юридической ответственности новых участников дорожного движения // Транспортное право. 2021. № 3. С. 11–14.

9. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25 апреля 2022 года № 16-3388/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2023).

10. Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17 июня 2022 года № 16-3260. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2023).

11. Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 7 декабря 2022 года № 16-6058/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2023).

12. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 сентября 2022 года № 16-5397/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2023).

13. Постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 18 августа 2022 года № 16-1943/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2023).

14. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21 февраля 2022 года № 16-760/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2023).

15. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 года № 25. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2023).

16. Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими абзацев восемнадцатого, сорокового и пятьдесят восьмого пункта 1.2 Правил

дорожного движения Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 года № 1090: решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 марта 2022 года № АКПИ22-66. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2023).

17. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 13 июля 2022 года № 77-3280/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2023).

18. Саядова А. С. Электросамокаты — экологическая революция или криминальная угроза? // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. № 3. С. 106–113.

19. О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 года № 1 // Российская газета. № 24. 2010. 5 февраля.

References

1. On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation and Invalidation of Certain Acts of the Government of the Russian Federation and Certain Provisions of Certain Acts of the Government of the Russian Federation: resolution of the Government of the Russian Federation no. 1769 of October 6, 2022. *Collection of legislative acts of the RF*, 2022, no. 41, art. 7100. (In Russ.)

2. GOST R 59483-2021. National Standard of the Russian Federation. Wheeled vehicles. Terms and definitions (approved and put into effect by Order of Rosstandart no. 344-st of May 13, 2021). Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 27.01.2023). (In Russ.)

3. On Traffic Rules: decree of the Government of the Russian Federation no. 1090 of October 23, 1993 (together with the "Basic Provisions for the admission of vehicles means of operation and duties of officials to ensure road safety"). Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 27.01.2023). (In Russ.)

4. On some issues arising in judicial practice when considering cases of administrative offenses provided for in Chapter 12 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 20 of June 25, 2019. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2019, no. 9. (In Russ.)

5. On Road traffic safety: federal law no. 196-FZ of December 10, 1995. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 27.01.2023). (In Russ.)

6. Afanasyevskaya A. V., Ivanova N. A. Legal relations related to the use of electric scooters: foreign

experience and prospects of application in Russian legislation. *International public and private law*, 2022, no. 4, pp. 29–31. (In Russ.)

7. Rozhenchikova D. V. Features of administrative and legal regulation of the use of electric scooters. Legal risks and ways to overcome them. *Administrative law and process*, 2022, no. 10, pp. 81–84. (In Russ.)

8. Sokolov D. V. The problem of legal responsibility of new road users. *Transport law*, 2021, no. 3, pp. 11–14. (In Russ.)

9. Resolution of the First Cassation Court of General Jurisdiction no. 16-3388/2022 of April 25, 2022. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 21.01.2023). (In Russ.)

10. Resolution of the Third Cassation Court of General Jurisdiction no. 16-3260/2022 of June 17, 2022. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 21.01.2023). (In Russ.)

11. Resolution of the Third Cassation Court of General Jurisdiction no. 16-6058/2022 of December 7, 2022. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 21.01.2023). (In Russ.)

12. Resolution of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction no. 16-5397/2022 of September 30, 2022. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 21.01.2023). (In Russ.)

13. Resolution of the Fifth Cassation Court of General Jurisdiction no. 16-1943/2022 of August 8, 2022. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 21.01.2023). (In Russ.)

14. Resolution of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction no. 16-760/2022 of February 21, 2022.

Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 21.01.2023). (In Russ.)

15. On judicial practice in cases of crimes related to violation of traffic rules and operation of vehicles, as well as their unlawful seizure without the purpose of theft: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 25 of December 9, 2008. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 21.01.2023). (In Russ.)

16. The decision of the Judicial Board for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation no. AKPI22-66 of March 30, 2022 on the refusal to satisfy the application for invalidation of paragraphs of the eighteenth, fortieth and fifty-eighth paragraph 1.2 of the Rules of the Road of the Russian Federation, approved. By Decree of the Government of the Russian Federation no. 1090 of October 23, 1993. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 21.01.2023). (In Russ.)

17. Resolution of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction no. 77-3280/2022 of July 13, 2022. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 21.01.2023). (In Russ.)

18. Sayadova A. S. Electric scooters ecological revolution or criminal threat? *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*, 2022, no. 3, pp. 106–113. (In Russ.)

19. On the application by courts of civil legislation regulating relations on obligations due to harm to the life or health of a citizen Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 1 of January 26, 2010. *Rossiyskaya Gazeta*, no. 24, 2010, February 5. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. В. Соколов — кандидат юридических наук.

Information about the author

D. V. Sokolov — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 05.12.2023.

The article was submitted 10.09.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 05.12.2023.

Научная статья

УДК 343

<http://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-93-99>

Частные механизмы доказывания по уголовным делам

Афанасьев Алексей Юрьевич^{1, 2}

¹Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, afanasev_alexey@bk.ru

Аннотация. Статья продолжает развивать идеи автора о механизме доказывания по уголовным делам. На этот раз под исследовательски прицелом — частные механизмы доказывания. Здесь выдвигаются и подтверждаются гипотезы об их существовании, а также о месте частных механизмов в общем механизме доказывания. Автором представлена масштабная классификация по 13 основаниям, где системообразующим фактором в разграничении механизмов доказывания является категория преступлений, наглядно продемонстрировано соотношение между двумя механизмами — преступной деятельностью и деятельностью по доказыванию в виде трехуровневого «зеркального» отображения: механизмов, характеристик и методик. Установлено, что классификация частных механизмов доказывания позволит продвинуться в построении «концептуального моста» между указанными механизмами, внести ясность в их сущность и выявить огрехи для дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: преступная деятельность, деятельность по доказыванию, механизм доказывания, механизм преступной деятельности, частные механизмы доказывания, методика расследования преступлений, криминалистическая характеристика преступной деятельности, криминалистическая методика доказывания преступлений, уголовно-процессуальная характеристика преступной деятельности

Для цитирования: Афанасьев А. Ю. Частные механизмы доказывания по уголовным делам // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 93–99. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-93-99>.

Original article

Private mechanisms of proof in criminal cases

Alexey Yu. Afanasyev^{1, 2}

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

²National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, afanasev_alexey@bk.ru

Abstract. The article continues to develop the author's ideas about the mechanism of proof in criminal cases. This time, private mechanisms of proof are under the research scope. Here hypotheses about their existence are put forward and confirmed, as well as about the place of private mechanisms in the general mechanism of proof. The author presents a large-scale classification on 13 grounds, where the system-forming factor in distinguishing the mechanisms of proof is the category of crimes, clearly demonstrates the relationship between two mechanisms — criminal activity and evidence activities in the form of a three-level “mirror” display: mechanisms, characteristics and techniques. It is established that the classification of private mechanisms of proof will allow us to advance in the construction of a “conceptual bridge” between these mechanisms, clarify their essence and identify flaws for further improvement.

Keywords: criminal activity, proving activity, mechanism of proof, mechanism of criminal activity, private mechanisms of proof, methods of investigation of crimes, criminalistic characteristics of criminal activity, criminalistic methods of proving crimes, criminal procedural characteristics of criminal activity

For citation: Afanasyev A. Yu. Private mechanisms of proof in criminal cases. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 93–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-93-99>.

© Афанасьев А. Ю., 2023

Исследование любого механизма представляется одновременно сложным и интересным занятием. Усиливается это ощущение, если иметь в виду, что механизм — это не просто система, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности [1, с. 292], а «пóнятая организация» [2, с. 137]. Существованием такого подхода мы обязаны талантливому ученому, основателю всеобщей организационной науки — тектологии — А. А. Богданову. В своей одноименной работе он привел принципиальную позицию, позволяющую связать такие понятия, как «организация», «функция», «деятельность», «механизм». Он писал: «...всякий раз, как в живом организме удается объяснить какую-нибудь его функцию, она уже рассматривается как «механическая»... «Механическая сторона жизни» — это просто все то, что в ней объяснено. «Механизм» — пóнятая организация и только» [2, с. 137].

Очевидно, что подобная интерпретация не является общепринятой. На это есть свои причины. Значительно проще рассуждать о таких категориях, как порядок или алгоритм деятельности, чем объяснить то, как все организовано. Объяснять всегда сложнее: будь то преподаваемая учебная дисциплина или же определенные явления, процессы и закономерности. Понятие «механизм» всплывает именно тогда, когда сталкиваемся с процессом не вполне ясной природы [3, с. 15–26].

Своего рода «черным ящиком» выступает и уголовно-процессуальное доказывание. Строго формализованная и универсализированная уголовно-процессуальная деятельность по доказыванию предусматривает более чувствительную архитектуру, нежели мы можем себе представить. Несмотря на то, что современный уголовный процесс все больше принимает шаблонный, конвейерный тип, не следует забывать, что состязательный процесс должен предполагать интеллектуальную борьбу за доказательства двух сторон — обвинения и защиты. А прежде чем доказывать, мы должны понять, как доказывать. Правила и порядок доказывания, предложенные в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ), еще не есть механизм. Процессуальная регламентация не объясняет, как организовано доказывание и как реализуется функция доказывания. Это лишь часть того, что мы в настоящий момент поняли о доказывании и представили в кодифицированном акте.

Ранее мы попытались обосновать само существование механизма уголовно-процессуального

доказывания и необходимости его изучения [4]. По большому счету это удалось. Был сформирован выводной тезис: «...зная, как совершалось преступление (механизм преступной деятельности), мы можем выяснить, как его доказать (механизм доказывания), то есть объясняя функционирование преступной деятельности, объясняется и функция доказывания. Тем самым для того, чтобы установить закономерности уголовно-процессуального доказывания, следует исследовать закономерности механизма преступной деятельности...» [4, с. 80]. Следовательно, понимание функции доказывания невозможно без понимания функционирования преступной деятельности.

Из этого вероятностного суждения вытекают **две гипотезы**:

— во-первых, *для того, чтобы понять организацию уголовно-процессуального доказывания в целом, следует понять организацию доказывания по различным категориям преступлений*;

— во-вторых, *существует общий механизм доказывания по уголовным делам в целом, а также частные механизмы доказывания по уголовным делам различной категории преступлений*.

Очевидно, что понимание функции доказывания по отдельным видам преступлений не означает понимания по умолчанию всей организации доказывания. Здесь работает правило: целое всегда больше суммы своих частей [2, с. 113]. Элементарным сложением не обойтись — требуется путем выделения и исследования частных механизмов построить механизм доказывания более высокого порядка. Возможен и другой, более сложный сценарий, предполагающий порядок изучения от общего механизма доказывания к механизмам доказывания более низкого ранга. Очевидно, этот путь невозможен без определения места частного в общей системе: «...не может быть аналитического изучения какого-то частичного объекта без точной идентификации этого частного в большой системе» [5, с. 20]. Предпримем экспериментальную попытку идентификации частных механизмов доказывания в общем механизме доказывания по уголовным делам.

При первом приближении существование частных механизмов можно объяснить тем, что несмотря на единый перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также на универсальную систему доказательств по УПК РФ, у каждого преступления имеется своя уголовно-процессуальная характеристика,

предполагающая специфику в предмете доказывания. Мы ранее говорили о том, как Е. Н. Петухов в рамках своего исследования предложил такую характеристику относительно преступной деятельности в финансово-кредитной сфере, которая гораздо шире, чем по делам общеуголовной направленности [4]. Пожалуй, идею можно распространить и на другие преступления экономической направленности. В унисон этому также звучат мнения о том, что каждое доказательство по различным уголовным делам может иметь разное значение и должно оцениваться только в контексте конкретных обстоятельств [6, с. 106].

В таком подходе спорным является то, что первично в данном случае: механизм доказывания или уголовно-процессуальная характеристика? Здесь весьма уместной может выступить экстраполяция взаимосвязи механизма преступной деятельности с криминалистической характеристикой преступной деятельности, где первое является средством, а второе — результатом изучения преступной деятельности. Так, А. Ф. Лубин в свое время выдвинул и доказал гипотезу о том, что преступная деятельность предстает как объект, механизм — как средство ее изучения, а криминалистическая характеристика является конечным результатом [7, с. 104]. Следовательно, результат не может появиться раньше средств, необходимых для его получения. Также и в нашем случае: с помощью моделирования механизма доказывания по уголовным делам создается уголовно-процессуальная характеристика преступлений. При этом мы предполагаем, что они взаимообусловлены и что разная уголовно-процессуальная характеристика предусматривает разные механизмы доказывания в зависимости от категории преступления, и наоборот.

Это исходит из двух аксиоматичных утверждений.

Первое. Преступная деятельность и деятельность по выявлению и расследованию преступлений имеют изоморфные структуры [8, с. 251], закономерности преступной деятельности объективно и «зеркально» обуславливают закономерности расследования [7, с. 54]. М. К. Каминский указывал на симметричность их структур, а также на то, что они не могут быть автономными системами [9, с. 153]. Отсюда следует, что преступная деятельность и деятельность по ее доказыванию находятся в такой же взаимосвязи.

Второе. Каждое преступление уникально, преступная деятельность каждый раз будет

строгим индивидуальным [7, с. 44]. В то же время отмечается, что «...всякий раз в ней (преступной деятельности) сохраняется некое центральное ядро признаков, которые являются общими» [7, с. 44]. С этим не поспоришь. Мы не можем отрицать того факта, что существует такой предел обобщения, где признаки начнут повторяться, они и будут едиными. Отдельными авторами признается, что в основе аксиомы уникальности лежит базовый принцип правосудия — никто не может быть дважды осужден за одно и то же преступление [10, с. 41]. Косвенно это также подтверждает неповторимость криминальных деяний. Сколько разновидностей преступной деятельности, столько и ее механизмов; следовательно, столько и механизмов доказывания. Уникальность механизма преступной деятельности рождает уникальный механизм доказывания.

Такие механизмы доказывания могут быть классифицированы в зависимости от различных оснований. В этом плане весьма полезными могут оказаться классификации методик расследования преступлений. Неслучайно нами ранее была установлена дуалистическая сущность механизма доказывания, согласно которой существует единство целей двух сторон механизма доказывания — уголовно-процессуального доказательственного права и криминалистической методики расследования преступлений [11]. В свою очередь, механизм доказывания позволяет объединить в единое целое все правовые явления и методические средства достижения цели уголовного процесса — разрешение уголовно-правового спора [4].

Методика расследования преступлений в настоящее время представлена в систематизированном виде. Выделяют общую, базовую (укрупненную) и частные методики расследования преступлений. Общая методика расследования преступлений является универсальной для всех форм деятельности: следственной, оперативно-разыскной, дознавательской, а также для всех видов преступлений [12, с. 347]. Базовая (укрупненная) методика может включать в себя несколько частных методик и имеет отношение к нескольким видам и группам преступлений, например, совершаемых в определенной сфере [13, с. 10]. Частные методики относятся к конкретному виду преступлений. Разумеется, деление на базовые и частные методики весьма условно, ибо по отношению к общей методике они все являются частными.

Наиболее распространенной считается идея формирования частных методик по логике

построения особенной части уголовного закона. Есть и иные подходы к классификации частных методик, в том числе основанные на криминалистической классификации преступлений. Зачастую криминалисты к ним прибегают в рамках собственных исследований. В. Я. Колдин это связывает с тем, что уголовно-правовые классификации направлены не на раскрытие и расследование преступлений, а на их квалификацию [14, с. 46]. Пожалуй, сложно создать такую классификацию преступлений, которая могла бы одновременно и эффективно решать задачи всей деятельности по выявлению и расследованию преступлений, включая квалификацию деяний.

На данном этапе исследования механизма доказывания по уголовным делам обратимся к опыту построения методики расследования во взаимосвязи со структурой Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Разделы, главы, статьи, части статей УК РФ позволяют выстроить методики различного уровня — от более высокого порядка к более низкому или наоборот. Над частными методиками находится общая методика расследования преступлений, которая выступает пределом обобщения и учитывает самые общие закономерности в преступной деятельности.

В классических учебниках по криминалистике чаще всего приводятся частные методики расследования убийств, краж, грабежей и разбоев, мошенничества, вымогательства, взяточничества, фальшивомонетничества, незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и т. д. Тем самым частные механизмы доказывания могут быть классифицированы по аналогии **в зависимости от категории преступлений** (выделено мной. — А. А.). Механизм доказывания убийств, механизм доказывания краж, механизм доказывания взяточничества... Если рассматривать **сквозь призму разделов, глав, статей, частей статей УК РФ** (выделено мной. — А. А.), например, можно говорить о механизме доказывания преступлений в сфере экономики, механизме доказывания преступлений против собственности, механизме доказывания присвоения или растраты, механизме доказывания присвоения или растраты, совершенных организованной группой и т. д.

Возможны и такие классификации частных механизмов доказывания.

По сфере регулируемых общественных отношений: механизм доказывания преступлений в сфере строительства; механизм доказывания преступлений в сфере страхования; механизм доказывания преступлений в сфере

здравоохранения; механизм доказывания преступлений в сфере реализации национальных проектов и т. д.

По стадиям уголовного процесса: механизм доказывания в стадии возбуждения уголовного дела; механизм доказывания в стадии предварительного расследования; механизм доказывания в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства и т. д.

По обстоятельствам, подлежащим доказыванию: механизм доказывания события преступления; механизм доказывания виновности лица в совершении преступления, формы его вины и мотивов; механизм доказывания обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого и т. д.

По средствам доказывания: механизм доказывания с помощью следственных действий; механизм доказывания с помощью иных процессуальных действий; механизм доказывания с помощью оперативно-розыскных мероприятий; механизм доказывания с помощью судебных действий.

По форме предварительного расследования: механизм доказывания в рамках предварительного следствия; механизм доказывания в рамках дознания; механизм доказывания в рамках дознания в сокращенной форме.

По источнику информации о преступлении: механизм доказывания по заявлению о преступлении; механизм доказывания по сообщению, полученному из иных источников; механизм доказывания по явке с повинной и т. д.

По принимаемым процессуальным решениям: механизм доказывания при принятии решения о возбуждении (об отказе в возбуждении) уголовного дела; механизм доказывания при принятии решения о задержании подозреваемого; механизм доказывания при принятии решения об избрании меры пресечения; механизм доказывания при принятии решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования); механизм доказывания при принятии решения о привлечении в качестве обвиняемого и т. д.

По типу поведения лица: механизм доказывания при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением; механизм доказывания при примирении сторон; механизм доказывания при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве; механизм доказывания при деятельном раскаянии; механизм доказывания при оказании противодействия и т. д.

По этапам доказывания: механизм доказывания на этапе собирания доказательств;

механизм доказывания на этапе проверки доказательств; механизм доказывания на этапе оценки доказательств; механизм доказывания на этапе представления доказательств и т. д.

По форме вины: механизм доказывания умышленных преступлений; механизм доказывания преступлений, совершенных по неосторожности.

По видам уголовного преследования: механизм доказывания в публичном порядке; механизм доказывания в частно-публичном порядке; механизм доказывания в частном порядке.

По типу формируемой системы доказательств: механизм доказывания при формировании системы обвинительных доказательств; механизм доказывания при формировании системы оправдательных доказательств.

На первый взгляд, подобные перечисления различных механизмов доказывания имеют больше теоретическое значение, чем практическое. В то же время не во всех предложенных механизмах доказывания есть принципиальные отличия и не все напрямую влияют на результат доказывания. Также на данном этапе исследования еще неизвестно, какой предел конкретизации. Либо на низшем уровне располагаются механизмы доказывания конкретных уголовных дел, либо механизмы доказывания конкретных обстоятельств по уголовному делу, либо же еще что-то. Однако следует признать, что такие классификации позволяют:

— во-первых, внести определенную ясность в сущность механизма доказывания: уточнение того, какие механизмы доказывания могут быть, позволяет рассмотреть со всех сторон доказывание по уголовным делам;

— во-вторых, убедиться в сложности и многополярности изучаемого явления: все основания для классификации указывают на потенциальные аспекты изучения механизма доказывания;

— в-третьих, предположить, что «отражение отражения» происходит прежде всего по виду преступной деятельности, следовательно, системообразующим фактором в разграничении механизмов доказывания является категория преступлений, но далеко не единственным;

— в-четвертых, понять, где именно в этом механизме следует искать огрехи: каждый аспект изучения может указывать на свои «тонкие» места, следовательно, и на направления совершенствования.

Все это в совокупности есть последовательные шаги в построении «концептуального моста» между двумя механизмами — преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию,

между двумя краями пропасти целой системы [5, с. 29–30]. Именно так в свое время П. К. Анохин, советский и российский биолог и физиолог, создатель теории функциональных систем и системогенеза, охарактеризовал смысл «концептуального моста». Значительно продвинулся в его построении А. Ф. Лубин, который в докторской диссертации максимально приблизил два механизма — преступной деятельности и деятельности по выявлению и расследованию преступлений (читай — деятельности по доказыванию) [7]. Им, помимо «зеркальной» обусловленности закономерностей двух видов деятельности, было обосновано, что совершенствование расследования реализуется за счет своевременного понимания изменений технологии преступной деятельности и независимого улучшения структуризации процесса расследования [7, с. 57].

Развитие данных идей и классификация механизмов доказывания по уголовным делам привела к построению весьма любопытного соотношения, представленного в виде трехуровневого «зеркального» отображения двух видов деятельности, а также их механизмов и характеристик.

Предлагаются три взаимосвязанных уровня.

1. Уровень механизмов: с одной стороны, общий механизм преступной деятельности; базовые (укрупненные) механизмы преступной деятельности; частные механизмы преступной деятельности; с другой — общий механизм доказывания преступной деятельности; базовые (укрупненные) механизмы доказывания преступной деятельности; частные механизмы доказывания преступной деятельности. Примечательно, что именно на этом уровне происходит понимание непосредственно самого взаимодействия.

2. Уровень характеристик преступной деятельности: с одной стороны, криминалистическая характеристика преступной деятельности различного уровня; с другой — уголовно-процессуальная характеристика преступной деятельности различного уровня.

3. Уровень методик: общая методика доказывания преступной деятельности; базовые (укрупненные) методики доказывания преступной деятельности; частные методики доказывания преступной деятельности.

Последний уровень является квинтэссенцией взаимоотражения двух видов деятельности — преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию. Причем использование формулировки «методика доказывания» является не

случайным. С помощью них должна разрешиться вечная проблема искусственного разделения трех неразрывных видов деятельности — выявления, раскрытия и расследования преступлений. Они все охватываются деятельностью по доказыванию. Думается, что в окончательном виде они должны заменить классические методики расследования преступлений, хотя мы на данном этапе особо на этом не настаиваем. Примечательно, что ранее выявленная дуалистическая сущность механизма доказывания примет несколько иной, весьма логичный и непротиворечивый вид: теперь у него два крыла — уголовно-процессуальное доказательственное право и криминалистическая методика доказывания преступлений.

Таким образом, проведенное исследование нам продемонстрировало следующее.

Во-первых, без идентификации частных механизмов доказывания в общем механизме доказывания по уголовным делам невозможно понять организацию уголовно-процессуального доказывания в целом, а также организацию доказывания по различным категориям преступлений.

Во-вторых, частные механизмы доказывания не только существуют, но и классифицируются минимум по 13 основаниям, где системообразующим фактором в разграничении механизмов доказывания является категория преступлений.

В-третьих, классификация частных механизмов доказывания позволяет:

- продвинуться в построении «концептуального моста» между двумя механизмами — преступной деятельностью и деятельностью по ее доказыванию;

- внести определенную ясность в сущность механизма доказывания;

- убедиться в сложности и многополярности изучаемого явления;

- понять, где именно в этом механизме следует искать огрехи и как его совершенствовать.

В-четвертых, соотношение наглядно можно представить в рамках трехуровневого «зеркального» отображения двух видов деятельности, а также их механизмов и характеристик. Последний уровень (уровень методик) является квинтэссенцией взаимоотражения преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию и позволяет заговорить о криминалистической методике доказывания преступлений.

Список источников

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических вы-

ражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство «Оникс», Издательство «Мир и Образование», 2010. 1360 с.

2. Богданов А. А. Тектология: (всеобщая организационная наука): в 2 кн. Москва, 1989. Кн. 1. 304 с.

3. Шенк Р., Хантер Л. Познать механизмы мышления // Реальность и прогнозы искусственного интеллекта. Москва, 1987. С. 15–26.

4. Афанасьев А. Ю. Восхождение к механизму уголовно-процессуального доказывания // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4 (86). С. 72–81.

5. Анохин П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем / АН СССР. Отд-ние физиологии. Москва, 1971. 61 с.

6. Победин А. В. Принцип свободы оценки доказательств и его влияние на законность досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 104–108.

7. Лубин А. Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 1997. 337 с.

8. Криминалистика / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. А. Образцова. Москва: Юрист, 1997. 760 с.

9. Каминский М. К. Криминалистическая характеристика деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений // Правовые и общественно-экономические науки и борьба с хищениями социалистического имущества. Тр. ГВШ МВД СССР. Горький, 1977. Вып. 8. Ч. 1. С. 153–158.

10. Цветков Ю. А. Управление в следственных органах. Курс лекций / под ред. А. И. Бастрыкина. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 335 с.

11. Афанасьев А. Ю., Лубин А. Ф., Лубин С. А. Дуализм механизма доказывания в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dualizm-mehanizma-dokazyvaniya-v-ugolovnom-protsesse> (дата обращения: 22.05.2023).

12. Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. А. Ф. Лубина. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. 586 с.

13. Боровских Р. Н. Теоретические основы и прикладные аспекты расследования преступлений в сфере страхования: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2018. 726 с.

14. Колдин В. Я. Криминалистическая методика: особенности или стратегия расследования? // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2014. № 4. С. 43–49.

Reference

1. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language: Ok. 100 000 words, terms and phraseological expressions / ed. by prof. L. I. Skvortsova. 26th ed., rev.

and add. Moscow: Oniks Publ., Mir i Obrazovanie Publ., 2010. 1360 p. (In Russ.)

2. Bogdanov A. A. Tectology: (general organizational science): in 2 books. Moscow, 1989. Book 1. 304 p. (In Russ.)

3. Shenk R., Hunter L. Know the mechanisms of thinking. Reality and forecasts of artificial intelligence. Moscow, 1987. Pp. 15–26. (In Russ.)

4. Afanasiev A. Yu. Ascent to the mechanism of criminal procedural proof. *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 4 (86), pp. 72–81. (In Russ.)

5. Anokhin P. K. Fundamental questions of the general theory of functional systems / USSR Academy of Sciences. Department of Physiology. Moscow, 1971. 61 p. (In Russ.)

6. Pobedkin A. V. The principle of freedom of assessment of evidence and its impact on the legality of pre-trial proceedings. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, no. 1 (41), pp. 104–108. (In Russ.)

7. Lubin A. F. Methodology of forensic research of the mechanism of criminal activity. Dissertation... doctor of legal sciences. Nizhny Novgorod, 1997. 337 p. (In Russ.)

8. Criminalistics / ed. by prof. V. A. Obratsova. Moscow: Jurist Publ., 1997. 760 p. (In Russ.)

9. Kaminsky M. K. Forensic characteristics of activities to identify, disclose and investigate. Legal and socio-economic sciences and the fight against theft of socialist property. Gorky, 1977. Issue 8. Part 1. Pp. 153–158. (In Russ.)

10. Tsvetkov Yu. A. Management in investigative bodies. Course of lectures / ed. by A. I. Bastrykin. Moscow: UNITI-DANA Publ., 2016. 335 p. (In Russ.)

11. Afanasiev A. Yu., Lubin A. F., Lubin S. A. The dualism of the mechanism of proof in criminal proceedings. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dualizm-mehanizma-dokazyvaniya-v-ugolovnom-protsesse> (accessed 22.05.2023). (In Russ.)

12. Criminalistics: a course of lectures / ed. by prof. A. F. Lubin. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2018. 586 p. (In Russ.)

13. Borovskikh R. N. Theoretical foundations and applied aspects of the investigation of crimes in the field of insurance. Dissertation... doctor of legal sciences. Moscow, 2018. 726 p. (In Russ.)

14. Koldin V. Ya. Forensic technique: features or strategy of investigation? *Bulletin of Moscow University. Episode 11. Law*, 2014, no. 4, pp. 43–49. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Ю. Афанасьев — кандидат юридических наук.

Information about the author

A. Yu. Afanasyev — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 25.10.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 10.09.2023; approved after reviewing 25.10.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Научная статья
УДК 343
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-100-107>

Общественная опасность криминальных посягательств в сфере деятельности по возврату просроченной задолженности

Дубов Егор Игоревич

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, egordubov1997@yandex.ru

Аннотация. В работе обосновывается и доказывается тезис о повышенной общественной опасности деяний, связанных с незаконным возвратом просроченных долговых обязательств. Автор выделяет качественные и количественные критерии, включающие в себя обстоятельства, от которых зависит оценка степени общественной опасности криминальных посягательств в исследуемой сфере экономической деятельности. Результаты исследования основаны на собственном изучении эмпирических материалов, полученных в ходе ознакомления с материалами судебной практики (103 опубликованных приговора по уголовным делам за преступления, сопряженные с незаконной деятельностью по возврату просроченной задолженности).

Ключевые слова: характер и степень общественной опасности, коллекторская деятельность, возврат просроченной задолженности, криминализация

Для цитирования: Дубов Е. И. Общественная опасность криминальных посягательств в сфере деятельности по возврату просроченной задолженности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 100–107. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-100-107>.

Original article

Social danger of criminal encroachments in the field of overdue debt repayment

Egor I. Dubov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, egordubov1997@yandex.ru

Abstract. The thesis about the increased public danger of acts related to the illegal return of overdue debt obligations is substantiated and proved in the work. The author identifies qualitative and quantitative criteria, which include the circumstances on which the assessment of the degree of public danger of criminal attacks in the area of economic activity under study depends. The results of the study are based on our own study of empirical materials obtained during the study of judicial practice (103 published sentences in criminal cases for crimes involving illegal activities for the recovery of overdue debts).

Keywords: the nature and degree of public danger, collection activities, repayment of overdue debts, criminalization

For citation: Dubov E. I. Social danger of criminal encroachments in the field of overdue debt repayment. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 100–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-100-107>.

Случаи, связанные с использованием «взыскателями» незаконных способов возврата долгов, повлияли на то, что государственные органы решительно вмешались в регулирование деятельности проблемного института. Посредством подготовки проектов нормативных правовых актов законодателем был осуществлен ряд попыток урегулирования деятельности, которую зачастую называют «коллекторской»

«Сложилось мнение о тождественности терминов «деятельность по возврату просроченной задолженности» и «коллекторская деятельность», которое автор опровергает в одной из своих работ (см.: Дубов Е. И. Отдельные проблемы противодействия криминальной коллекторской деятельности: терминологический аспект // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 4 (90). С. 56–63).

© Дубов Е. И., 2023

Конечным итогом правотворческих инициатив стал Федеральный закон от 3 июля 2016 года № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»» [1].

С принятием вышеупомянутого Закона, инициировавшего введение административной ответственности за нарушения в рассматриваемой сфере (ст. 14.57 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2]), было положено начало не только регулирования, но и охраны законной деятельности по возврату просроченной задолженности, в том числе и уголовно-правовыми средствами [3]. Однако предлагаемые инициативы не находили своего отражения в действующем уголовном законодательстве. Так, в официальном отзыве Правительства Российской Федерации, не поддержавшего проект Федерального закона от 12 декабря 2016 года № 51807-7, было указано, что «...в пояснительной записке к законопроекту не приводятся статистических и иных данных, свидетельствующих о недостаточности существующих мер ответственности...» [4]. В первую очередь, полагаем, что законодатель, отклоняя обозначенный выше законопроект, посчитал недоказанным факт наличия повышенной общественной опасности тех нарушений, за которые предлагалось установить уголовную ответственность.

Однако в 2020 году вновь был разработан законопроект № 1133972-7, предусматривающий криминализацию деяний в рассматриваемой сфере, а именно о внесении новой статьи 172⁴ «Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц» в Уголовный Кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) [5]. Рассмотрев пояснительную записку к предлагаемой законодательной инициативе, автор отмечает, что законодатель, говоря о вопросе общественной опасности апеллирует следующими фактами: «...При этом очевидно, что применение при возврате просроченной задолженности к должникам и в особенности к третьим лицам методов, опасных для жизни или здоровья, а также связанных с угрозами уничтожения или повреждения имущества, следует оценивать, как общественно опасные деяния. Такие действия часто имеют большой общественный резонанс и освещаются в средствах массовой информации...» [6]. Несмотря на то, что, помимо наличия

общественного резонанса, в записке также приводятся некоторые статистические данные, представленных сведений может оказаться вновь недостаточно для того, чтобы законопроект был принят. В этой связи, учитывая, что автор настоящего исследования также поддерживает идею криминализации и пенализации нарушений в области деятельности по возврату просроченной задолженности, им предпринята попытка собственного доказывания тезиса о повышенной общественной опасности деяний, связанных с незаконным возвратом просроченных долговых обязательств.

Бесспорным является утверждение, что характер и степень причиненного вреда должны напрямую отражаться в наказании лица, его совершившего [7]. Это логично следует из содержания статьи 6 УК РФ, раскрывающей принцип справедливости. Как указывает Закон, наказание либо иные меры уголовно-правового характера, которые могут быть применены в отношении лица, совершившего преступление, должны «соответствовать характеру и степени общественной опасности». Кроме того, часть 3 статьи 60 УК РФ закрепляет требование, согласно которому «при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления» [5].

Рассуждая на затронутую тему, Т. В. Непомнящая обращает внимание на то, что действующее уголовное законодательство не содержит в себе сведений о раскрытии обстоятельств, которые напрямую влияют на характер и степень общественной опасности преступного посяательства. По ее словам, в доктрине уголовного права данный вопрос также относится к числу спорных и неоднозначных [8].

Решая данный вопрос, мы можем обратиться к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», где было определено, от каких обстоятельств зависит оценка степени общественной опасности преступления. К таковым он отнес: характер и размер наступивших последствий, способ совершения преступления, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, формы умысла (прямой или косвенный) и неосторожности (легкомыслие или небрежность) [9].

В работах ученых уголовно-правовой науки, рассматривающих вопросы общественной опасности криминальных деяний, выделяются *качественные и количественные* показатели такой опасности [10].

К первому относится характер преступления, определяющийся иерархией объектов уголовно-правовой охраны (общественных отношений, интересов и благ), которым может причиняться или причиняется вред [11]. Во избежание повторения ранее озвученных мыслей отметим, что, по нашему мнению, видовым объектом преступных деяний в сфере деятельности по возврату просроченной задолженности является экономическая деятельность. При этом те составы преступлений, что были выявлены в ходе изучения следственно-судебной практики, свидетельствуют о наличии посягательств на несколько сфер общественных отношений: жизнь и здоровье должника и других лиц (ст. 110–112, 115–117, 119 УК РФ), конституционные права и свободы должника или других лиц (ст. 137–139 УК РФ), права собственности должника или других лиц (ст. 163, 167 УК РФ), порядок управления (ст. 330 УК РФ). Следовательно, преступные посягательства в исследуемой сфере характеризуются признаком *многообъектности, свидетельствующим о характере повышенной общественной опасности исследуемых преступлений*.

К количественной характеристике можно отнести *степень общественной опасности*, которая раскрывается через следующие основные критерии: объем причиненного вреда, способ совершения преступления, форма вины, роль при совершении преступления в соучастии. По обозначенным критериям мы исследовали материалы следственно-судебной практики, в которые вошли 103 судебных решения по изучаемой категории преступлений, вынесенные в период с 2016 года по 2021 год.

Объем причиненного вреда. Несмотря на общепринятое правило классификации составов преступлений на формальные, материальные, формально-материальные и усеченные, мы поддерживаем позицию ученых, отмечающих, что любое преступление является вредоносным [12, с. 277]. Так, С. М. Воробьев считает, что при совершении всякого преступления так или иначе образуется последствие в виде морального вреда [13, с. 9]. Г. А. Трофимова выделяет следующие виды вреда, причиненного в результате совершения преступных деяний: материальный, повлекший угрозу причинения материального вреда, моральный и создающий препятствие в работе государственных органов без конкретизации вреда [14]. Наша позиция относительно разновидностей причиняемого преступного вреда схожа с мнением Г. С. Шкабина, который в своей работе выделяет два основных

вида, а именно *материальный и нематериальный* [15].

Материальный вред может быть физическим и имущественным. Физический означает причинение или угрозу причинения вреда жизни и здоровью человека и может быть выражен в телесных повреждениях различной степени, и даже смерти человека. Имущественный предполагает негативные последствия для чужого имущества: уничтожение, повреждение, хищение и т. д.

Вопрос, связанный с содержанием нематериального вреда является одним из спорных, перерастающих в объект научных дискуссий среди ученых уголовно-правовой науки. Учитывая специфику проводимого исследования, предлагаем выделить те подвиды нематериального вреда, которые были выявлены нами в ходе изучения судебных решений. К ним мы отнесли: моральный и иной вред.

В статье 151 Гражданского Кодекса Российской Федерации дается разъяснение, что «...при определении размера компенсации морального вреда суд должен учитывать степень нравственных и физических страданий...» [16]. Характеризуя моральный вред, судьи в своих решениях раскрывали его как «закрывающийся в нравственных, психических страданиях, страхе, переживаниях, унижении чести и достоинства человека». Иной нематериальный вред был выражен через посягательства на достоинство личности, деловую репутацию, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а также иные (чаще всего конституционные) права должника и третьих лиц.

Из 103 изученных материалов уголовных дел в 90 случаях причинялся материальный вред должнику и (или) третьим лицам, что составляет 87,37 % от общего числа. Из этих 90 фактов причинения вреда материального характера в 37 решениях речь шла о физическом вреде (причинение вреда здоровью различной тяжести, смерти должнику и третьим лицам), что составило 35,92 %. В оставшихся 53 судебных актах (51,45 %) говорилось об имущественном вреде (повреждение, уничтожение, хищение имущества должника и третьих лиц). Что касается полученных данных относительно причинения нематериального вреда, то таких фактов зафиксировано 48 (46,61 %). Из них с причинением морального вреда — 36 (34,95 %) и 12 фактов с причинением иного нематериального вреда, что составило 11,66 %.

Нельзя не отметить, что в 35 (33,98 %) случаях из 103 рассмотренных речь шла о

совокупности причиненного материального и нематериального вреда. В этой связи для объективного описания полученных результатов мы вычли это количество из числа ранее озвученных фактов совершения преступлений с материальным и нематериальным вредом. В итоге получили следующие данные: в 65 (63,11 %) случаях был причинен материальный вред, в 13 (12,62 %) — нематериальный, в остальных 35 (33,97 %) — имелась их совокупность.

Таким образом, при изучении материалов по делам о преступлениях, связанных с деятельностью по возврату просроченной задолженности, обнаруживается существенное преимущество материальных последствий в результате его совершения, выраженных в причинении вреда здоровью различной тяжести, а также имущественного ущерба. Несмотря на явное превосходство материального вреда, нами была открыта противоположная закономерность. В 41 из 103 (39,80 %) судебном решении (чаще по делам о самоуправстве — ст. 330 УК РФ) был установлен факт наступления существенного вреда. При внимательном изучении этих судебных решений было выяснено, что лишь в 12 случаях (29,27 %) существенный вред выражен материальным (имущественным) вредом, а в остальных 29 (70,73 %) — нематериальным.

Способы совершения преступных деяний. Способ совершения преступления по праву выделяется как один из наиболее важных факультативных признаков объективной стороны [17]. Принимая во внимание работы известных ученых уголовно-правовой науки, посвященных рассматриваемой категории [18, с. 5; 19, с. 63; 20, с. 116], согласимся, что под способом понимается совокупность приемов и методов, используемых злоумышленником в процессе совершения общественно опасного деяния.

В теории уголовного права можно найти различные предложения по классификации способов реализации преступной деятельности. Например, Н. И. Панов и Б. В. Щур подразделяют способы в зависимости от:

- 1) средства совершения: на «орудийные» и «неорудийный»;
- 2) объекта преступления: на «физическое насилие», «психическое насилие», «обман», «злоупотребление доверием»;
- 3) субъективного характера: на характеризующиеся «с жестокостью» и «особой жестокостью»;
- 4) предмета преступления: на «исключение предметов из сферы общественных отношений как объектов уголовно-правовой охраны»,

«преступное обращение с определенными предметами» и «создание таких предметов».

Учитывая результаты изучения материалов судебных решений, мы выделили три группы типичных способов совершения преступлений в сфере деятельности по возврату просроченной задолженности: насильственные, имущественные и иные.

1. Насильственные способы. Первая группа связана с противоправным физическим или психическим воздействием самого кредитора, лица, действующего от его имени (коллектора) либо иного физического лица на должника, его близкого или иного лица путем применения физического и (или) психического воздействия.

Физическое насилие может быть как опасным, так и неопасным для жизни и здоровья. Как правило, выражено оно в нанесении побоев или совершении иных действий, причиняющих должнику (его близким лицам) физическую боль, телесные повреждения, страдания и даже смерть.

Психическое насилие в большинстве случаев состояло в запугивании, высказывании угроз причинения физического вреда, в шантаже, негативно воздействующих на эмоциональное состояние должника, близких ему лиц. В результате такого насилия должники впадают в стрессовое состояние, испытывают переживания и страх за благополучие себя и своих близких. При этом важным условием при установлении применения к должнику психического насилия важен факт осознания последним угроз как реальных, то есть опасения фактического исполнения высказанных угроз. Использование насильственных способов стало самым распространенным среди тех, что выбирали «незаконные взыскатели», и составило 68 фактов из 103, что в процентном соотношении исчисляется как 66,01 %.

2. Имущественные способы. На втором месте по частоте применения идут имущественные, которые встретились в 35 случаях (33,98 %). К ним мы отнесли:

— использование кредитором, лицом, действующим от его имени, или иным физическим лицом методов, связанных с повреждением, уничтожением (путем поджога, взрыва, обстрела, иных способов порчи) имущества должника, его близкого или иного лица;

— незаконное требование передачи имущества или права на имущество в счет погашения просроченной задолженности, в том числе путем обмана (создание фиктивных договоров, фальсификация документов, сообщение ложных сведений) или злоупотребления доверием.

3. Иные способы. К последней группе мы причислили способы совершения преступлений в сфере деятельности по возврату просроченной задолженности, встречающиеся реже вышеперечисленных и связанные, в основном, с посягательством на конституционные права и свободы, а также на честь и достоинство должников, близких и иных лиц. К таким незаконным способам возврата просроченной задолженности можно отнести: оскорбления; изготовление и публичное размещение листовок, позорящих заемщиков; нанесение на двери квартир заемщиков и на стены подъездов возле их квартир надписей, позорящих должников; ограничение свободы и другие. Малочисленность их использования была выражена в следующих статистических показателях: 24 из 103, что составило 23,30 % от общего числа исследованных судебных решений.

Резюмируя вышеизложенное, констатируем, что наиболее типичные способы незаконного возврата просроченной задолженности связаны с применением насилия. В качестве дополнительного аргумента добавим, что 60 из 103 исследованных судебных актов (58,25 %) были по уголовным делам с квалифицированным составом преступления, в том числе предусматривающим угрозу применения насилия (в частности, ч. 2 ст. 330 и ч. 2 ст. 139 УК РФ).

Форма вины. Форма вины выступает средством дифференциации уголовной ответственности. При установлении факта наличия в действиях злоумышленника умысла или неосторожности суды обращают внимание на три составляющие формы вины: осознание сущности совершаемого деяния, предвидение его последствий и волевого аспекта, связанного с желанием их наступления. Учитывая то, что все преступления (100 %) из нашего обзора судебной практики совершены умышленно, делаем вывод, что лица, выступающие в качестве «взыскателя» просроченных долговых обязательств осознают общественную опасность своего действия (бездействия), предвидят возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий, выражающихся в виде материального или нематериального вреда, и желают их наступления (при прямом умысле) либо не желают, но сознательно допускают их наступление или относятся к ним безразлично (при косвенном умысле). Умышленные преступные деяния расцениваются как более общественно опасные, что влечет назначение более сурового наказания, чем за неосторожные.

Вид соучастия. Отечественное уголовное законодательство, как и зарубежное,

совершенно справедливо устанавливает более серьезную уголовную ответственность за совершение группового преступления. Это объясняется более высокой степенью общественной опасности [21, с. 4]. Совершение преступления в составе группы лиц рассматривается как отягчающее наказание обстоятельство (п. «в» ст. 63 УК РФ), а также как квалифицирующий признак многих составов преступлений (например, в пп. «а» ч. 2 и ч. 3 ст. 163 УК РФ). Полученные нами результаты исследования материалов уголовных дел свидетельствуют о преимущественном совершении преступлений в сфере деятельности по возврату просроченной задолженности в соучастии. Это подтверждается следующей пропорцией: 69 (66,99 %) преступных деяний, совершенных двумя и более лицами против 34 (33,01 %), совершенных одним лицом.

Подводя итог по количественной характеристике и ее составляющим, отметим, что сформулированные нами выводы по результатам анализа судебной практики по каждому обозначенному критерию, дают основание утверждать, что преступления в сфере деятельности по возврату просроченной задолженности характеризуются повышенной общественной опасностью. В подтверждение сказанному добавим, что в большинстве случаев (87 фактов — 84,46 %) незаконной деятельности по досудебному взысканию долгов речь шла о квалифицированных составах. Последние содержат обстоятельства, значительно повышающие общественную опасность содеянного и влекущие более суровое наказание в сравнении с деяниями, предусмотренными простыми составами, которых оказалось значительно меньше — 16 (15,54 %).

В заключении, переходя к выводам проведенного исследования, напомним, что, оценивая признак общественной опасности, мы выделили две ее основные характеристики: качественную (характер) и количественную (степень). Исследуя характер общественной опасности преступлений, касающихся деятельности по возврату просроченной задолженности, мы напомним о признаке многообъектности рассматриваемых посягательств: направленностью против экономической деятельности, жизни и здоровья, конституционных прав и гарантий граждан, отношений собственности, порядка управления. Указанное несомненно свидетельствует о повышенной общественной опасности изучаемых посягательств.

Рассматривая количественную характеристику, обращено внимание на объем причиненного вреда, характер вины, форму соучастия,

способы совершения посягательств. При исследовании судебных решений мы выяснили, что степень общественной опасности преступлений, связанных с деятельностью по возврату просроченной задолженности, очень высока. В частности, мы установили, что все преступления в нашем обзоре судебной практики (100 %) были совершены умышленно; почти 2 / 3 (66,99 %) — в соучастии; в 84,46 % случаев составы преступлений были квалифицированными; в 66,01 % изученных судебных решений фигуранты использовали насильственные способы совершения посягательства; в 87,37 % случаев потерпевшим был причинен материальный вред (35,92 % — физический, 51,45 % — имущественный). Все вышеперечисленное подтверждает наш тезис о том, что повышенная общественная опасность, безусловно, характерна преступлениям рассматриваемой категории.

Таким образом, полученные результаты по итогу изучения материалов следственно-судебной практики позволяют сделать предположение относительно того, что криминальные деяния в сфере деятельности по возврату просроченных долговых обязательств обладают повышенной общественной опасностью, что может свидетельствовать о детерминирующем факторе для криминализации рассматриваемых общественных отношений. В частности, речь может идти о рассмотрении деятельности по возврату просроченной задолженности в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны, посредством включения в Уголовный кодекс Российской Федерации новой статьи, предусматривающей уголовную ответственность за незаконную деятельность по возврату просроченной задолженности. Эта идея являлась основополагающей в кандидатской диссертации автора настоящего исследования, которое было успешно защищено в марте 2023 года. Подтверждение наших суждений нашло свое отражение в новой статье 172⁴ УК РФ «Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц», появившейся в действующем законодательстве в июле текущего года [22].

Список источников

1. О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»: федеральный закон от 3 июля 2016 года № 230-ФЗ.

Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2023).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2023).

3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части усиления ответственности лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности: проект Федерального закона № 51807-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/51807-7> (дата обращения: 12.12.2016).

4. На проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части усиления ответственности лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности»: официальный отзыв Правительства Российской Федерации от 25 ноября 2016 года № 8849п-П4. URL: <http://asozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 12.12.2016).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12 октября 2023 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.10.2023).

6. Пояснительная записка к законопроекту №1133972-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1133972-7> (дата обращения: 15.10.2023).

7. Сверчков В. В. Основания освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания: система, законодательная регламентация, эффективность применения: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1997. 308 с.

8. Непомнящая Т. В. Учет судами характера и степени общественной опасности преступления при назначении наказания // Вестник Омского государственного университета. Серия. Право. 2018. № 1 (54). С. 178–181.

9. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2023).

10. Сверчков В. В. Уголовное право. Общая часть: краткий курс лекций. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2012. 249 с.

11. Степанов М. В. Парадоксы регламентации института преступления // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 171–175.

12. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции в 2 т. Т. 1: Часть общая. Москва, 1994. 419 с.

13. Воробьев С. М. Моральный вред как одно из последствий преступного деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. 27 с.

14. Трофимова Г. А. Причиненный преступлением вред: спорные вопросы // Современное право. 2016. № 11. С. 91–98.

15. Шкабин Г. С. Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование // LexRussica. 2016. № 8 (117). С. 62–79.

16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2023).

17. Волчкова А. А. Значение факультативных признаков в конструировании отдельных составов преступлений // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 168–169.

18. Кругликов Л. Л. Способ совершения преступления (вопросы теории): автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. 18 с.

19. Кудрявцев В. Н. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение // Современное государство и право. 1957. № 8. С. 60–69.

20. Коняхин В. П. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления // Уголовное право в борьбе с преступностью. Москва, 1981. С. 115–121.

21. Прокументов Л. М. Групповое преступление: вопросы теории и практики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 280 с.

22. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 10 июля 2023 года № 323-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2023).

References

1. On the protection of the rights and legitimate interests of individuals when carrying out activities to repay overdue debts and on Amendments to the federal law "On Microfinance Activities and Microfinance Organizations": federal law no. 230 of July 3, 2016. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 15.10.2023). (In Russ.)

2. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation: federal law no. 195 of December 30, 2001. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 15.10.2023). (In Russ.)

3. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of strengthening the responsibility of persons engaged in the return of overdue debts": draft federal law no. 51807-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/51807-7> (accessed 12.12.2016). (In Russ.)

4. On the draft Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of strengthening the responsibility of Persons Engaged in the return of Overdue Debts": official

response of the Government of the Russian Federation no. 8849p-P4 of November 25, 2016. URL: <http://asozd.duma.gov.ru> (accessed 25.11.2016). (In Russ.)

5. The Criminal Code of the Russian Federation no. 63-FZ of June 13, 1996 (ed. of April 8, 2023) (with amendments and additions, intro. effective from October 12, 2023). Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 15.10.2023). (In Russ.)

6. Explanatory note to Bill no. 1133972-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1133972-7> (accessed 15.10.2023). (In Russ.)

7. Sverchkov V. V. Grounds for exemption from criminal liability and (or) punishment: system, legislative regulation, effectiveness of application: Dissertation... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 1997. 308 p. (In Russ.)

8. Nepomnyashchaya T. V. Consideration by courts of the nature and degree of public danger of a crime when imposing punishment. *Bulletin of the Omsk State University. Series: Law*, 2018, no. 1 (54), pp. 178–181. (In Russ.)

9. On the practice of assigning criminal penalties by the courts of the Russian Federation: resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation no. 58 of December 22, 2015. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 15.10.2023). (In Russ.)

10. Sverchkov V. V. Criminal law. General part: a short course of lectures. 7th ed., reprint. and add. Moscow: Yurayt Publ., 2012. 249 p. (In Russ.)

11. Stepanov M. V. Paradoxes of regulation of the institute of crime. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 1 (25), pp. 171–175. (In Russ.)

12. Tagantsev N. S. Russian criminal law: lectures: in 2 vols. Vol. 1: Part general. Moscow, 1994. 419 p. (In Russ.)

13. Vorobyov S. M. Moral harm as one of the consequences of a criminal act. Author's abstract... candidate of legal sciences. Ryazan, 2003. 27 p. (In Russ.)

14. Trofimova G. A. Harm caused by a crime: controversial issues. *Modern law*. 2016, no. 11, pp. 91–98. (In Russ.)

15. Shkabin G. S. Harm in criminal law: types and legal regulation. *LexRussica*, 2016, no. 8 (117), pp. 62–79. (In Russ.)

16. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) no. 51 of November 30, 1994 Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 15.10.2023). (In Russ.)

17. Volchkova A. A. The value of optional features in the construction of individual elements of crimes. *Legal Technique*, 2013, no. 7–2, pp. 168–169. (In Russ.)

18. Kругликов Л. Л. Method of committing a crime (questions of theory). Author's abstract... candidate of legal sciences. Sverdlovsk, 1971. 18 p. (In Russ.)

19. Kudryavtsev V. N. The method of committing a crime and its criminal-legal significance. *Modern state and law*, 1957, no. 8, pp. 60–69. (In Russ.)

20. Konyakhin V. P. The criminal-legal significance of the method of committing a crime. *Criminal law in the fight against crime*. Moscow, 1981. Pp. 115–121. (In Russ.)

21. Prozumentov L. M. Group crime: questions of theory and practice. Tomsk: Vol. un-t Publ., 2010. 280 p. (In Russ.)

22. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 150 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: federal law no. 323 of July 10, 2023. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 15.10.2023). (In Russ.)

Информация об авторе

Е. И. Дубов — кандидат юридических наук.

Information about the author

E. I. Dubov — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 15.10.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 10.12.2023.

The article was submitted 15.10.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 10.12.2023.

Научная статья
УДК 343.985.7:343.34
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-108-114>

О некоторых аспектах рекрутинга женщин террористическими организациями посредством сети «Интернет»

Дудниченко Анна Николаевна¹, Григорян Давид Кромвелович²

¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия, ms.dan76@mail.ru

²Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Ростов-на-Дону, Россия, davo-davo23@mail.ru

Аннотация. Женский терроризм остается сложной и недостаточно изученной темой, исследование которой в разрезе криминалистических знаний представляет собой ценный источник для разработки криминалистических рекомендаций по совершенствованию раскрытия и расследования преступлений рассматриваемой категории. В научной статье поэтапно исследованы способы рекрутинга женщин посредством глобальной сети «Интернет» как одного из ключевых элементов криминологической характеристики преступлений, связанных с осуществлением террористической деятельности. Рассмотрены особенности вербовки женщин представителями террористических и экстремистских организаций, актуальные вопросы, касающиеся проявлений женского терроризма на современном этапе. Предложены пути предотвращения и противодействия осуществления вербовки женщин посредством сети «Интернет».

Материалами исследования послужили статистические данные о фактах вербовки женщин террористическими организациями, включая информацию о совершенных преступлениях, их характеристиках и последствиях.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, содействие террористической деятельности, криминалистическая характеристика преступлений, вербовка, рекрутинг

Для цитирования: Дудниченко А. Н., Григорян Д. К. О некоторых аспектах рекрутинга женщин террористическими организациями посредством сети «Интернет» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 108–114. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-108-114>.

Original article

About some aspects of the recruitment of women carried out by terrorist organizations through the Internet

Anna N. Dudnichenko¹, David K. Grigoryan²

¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation, ms.dan76@mail.ru

²South-Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Rostov-on-Don, Russian Federation, davo-davo23@mail.ru

Abstract. Women's terrorism remains a complex and insufficiently studied topic, the study of which in the context of forensic knowledge is a valuable source for the development of forensic recommendations for improving the disclosure and investigation of crimes of this category. In the scientific article, the methods of recruiting women through the global Internet are gradually investigated as one of the key elements of the criminalistic characteristics of crimes related to the implementation of terrorist activities. The features and recruitment of women by representatives of terrorist and extremist organizations, topical issues concerning the manifestations of female terrorism at the present stage are considered. The ways of preventing and countering the recruitment of women through the Internet are proposed.

The materials of the study were statistical data on the facts of recruitment of women by terrorist organizations, including information about the crimes committed, their characteristics and consequences.

© Дудниченко А. Н., Григорян Д. К., 2023

Keywords: terrorism, extremism, promotion of terrorist activities, criminalistic characteristics of crimes, recruitment, recruiting

For citation: Dudnichenko A. N., Grigoryan D. K. About some aspects of the recruitment of women carried out by terrorist organizations through the Internet. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 108–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-108-114>.

Терроризм является одной из серьезнейших угроз национальной безопасности не только отдельно взятых государств, но и в масштабах мирового сообщества, имеет системный и многоуровневый характер. Как справедливо отмечают ученые и практики, особенностью современного терроризма в последние десятилетия является массовое вовлечение женщин в террористическую деятельность. Если изначально одной из первоочередных целей женского терроризма было установление равноправия между мужчинами и женщинами, то на рубеже XX–XXI веков религиозные экстремистские организации начинают использовать женщин как для непосредственного выполнения террористических актов, так и в целях пропаганды, рекрутства, финансирования террористической деятельности, которая отличается глубокой конспирацией и тщательной подготовкой. Необходимо отметить, что, если ранее участие женщин в террористических организациях считалось явлением исключительным, персонализированным (направленным против определенных личностей), то сегодня научное сообщество изучает данный феномен как отдельное явление, направленное на неограниченное количество людей [1]. Понимание всего разнообразия и важности ролей, которые отведены и выполняются женщинами в террористических организациях, является ключом к тому, чтобы контртеррористическая политика была направлена на эффективную борьбу с женщинами-террористами и их дерадикализацию. К сожалению, данному факту не всегда уделялось должного внимания со стороны сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с терроризмом что, в свою очередь, отражалось на эффективности политики борьбы с терроризмом [2, с. 276]. Между тем совершение преступлений все чаще сопровождается осуществлением мер, обеспечивающих глубокую конспирацию и тщательную подготовку [3, с. 45].

Изучением вопросов роли и мотивации женщин, занимающихся террористической деятельностью, отдельных элементов криминалистической характеристики женского терроризма занимались А. М. Алибекова, Э. Найт и А. Гейфман, С. П. Доронин, К. В. Федорова, М. И. Марьин, Ю. Г. Касперович, Е. А. Курдюкова, Р. Р. Шерхов

и другие ученые. Фундаментальной основой для исследования стали научные труды, в рамках которых рассматривались первопричины терроризма, в том числе женского, его идейные основы, взаимосвязь с историческими процессами и традициями в обществе, М. А. Адамовой, Ю. И. Авдеева, А. В. Варданяна, Р. В. Кулешова, Е. Г. Ляхова, В. А. Суворова и др.

Так, 10 октября 2023 года на заседании Национального антитеррористического комитета, центральной темой которого стало противодействие идеологии терроризма на территории Северного Кавказа, директор Федеральной службы безопасности Российской Федерации Александр Бортников особо отметил о наблюдаемой активности международных экстремистских организаций, проявлении новых террористических угроз со стороны спецслужб Украины и националистических формирований на фоне специальной военной операции. С 2022 года на территории СКФО совершено два и предотвращено 37 преступлений террористической направленности, подготовливаемых сторонниками международной террористической организации «ИГИЛ» и лицами, завербованными украинскими спецслужбами и неонацистскими организациями. Реализуется враждебная кампания по радикализации и вербовке российских граждан, а особенно молодежи. Острота и характер новых террористических угроз, в том числе возникших на фоне проведения специальной военной операции, требует внесения существенных корректив в организацию антитеррористической деятельности, прежде всего, в части противодействия идеям неонацизма [4].

Гендерные предубеждения и стереотипы в отношении женщин в обществе по-прежнему приводят к тому, что их роль в планировании, подготовке и исполнении террористических актов недооценивается, что ведет к снижению эффективности комплекса мероприятий по борьбе с терроризмом. В то же время из-за распространенной недооценки данного феномена женщины-террористы получают преимущества, позволяющие их нападениям быть более эффективными, что также объясняется сложностью прогнозирования или подготовки к планируемому террористическому акту, перечисленные обстоятельства, в свою очередь,

оказывают влияние на выбор в сторону женщин — новых членов, привлекаемых в ряды террористических организаций. Как следствие, контртеррористическая политика оказалась недостаточно эффективной, чем могла бы быть, как в противодействии вербовке женщин, ставших мишенью террористических групп, так и в обнаружении и задержании уже завербованных женщин.

Одним из последних примеров может служить совершенный Дарьей Треповой 2 апреля 2023 года террористический акт. По информации Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации расследование уголовного дела по обвинению Дарьи Треповой завершено. К уголовной ответственности за укрывательство преступления привлечен Дмитрий Косинцев, прятавший Трепову в своей квартире, вводя в заблуждение правоохранительные органы. По данным следствия с октября 2022 года Трепова готовилась к совершению преступления с соучастниками согласно подготовленной кураторами легенде. Используя поддельные документы, под именем студентки академии художеств, она посещала мероприятия военного корреспондента Максима Фомина (в прессе известного под именем Владлен Татарский). Алгоритм действий Трепова получала с территории Украины, выполняя поступавшие указания за вознаграждение. Так, 2 апреля 2023 года в кафе в центре Санкт-Петербурга она вручила Владлену Татарскому статуэтку, начиненную взрывчатым веществом. В результате взрыва военный корреспондент погиб, 52 человека, находившиеся в помещении, получили ранения различной степени тяжести. В ходе следственных действий было установлено, что преступление продолжительное время тщательно планировалось на территории Украины [5].

Рассматривая более подробно вопрос осуществления вербовки представителями террористических организаций считаем необходимым остановиться на использовании возможностей сетевого пространства для рекрутства новых членов террористических организаций, поскольку интернет-ресурсы облегчают данную работу, расширяют пространство воздействия от различных точек Российской Федерации до территорий других государств, обеспечивают относительную анонимность коммуникации, обеспечивают высокую скорость передачи информации, позволяют в последующем в дистанционном формате проводить обучение и инструктаж завербованных.

Целевая группа вербовщиков — активные общественники и молодежь, молодые женщины в возрасте от 18 до 35 лет, отдельную категорию составляют пенсионеры и лица, страдающие различными видами психических расстройств. Как отмечают психологи, вовлечь в серьезную преступную деятельность проще людей в состоянии отсутствия критического мышления. К группе риска относят людей, замкнутых и малообщительных, недооцененных, пребывающих в состоянии стресса и депрессии, что может быть связано с недавно пережитым горем или потерей близких, молодежь, ищущую смысл жизни. Поиск может осуществляться как непосредственно на интернет-ресурсах (например, вербовщики массово рассылают сообщения с предложениями о дополнительном заработке через социальные сети и мессенджеры, при проявлении интереса собеседника начинают «обрабатывать» как потенциального исполнителя противоправных акций), так и опосредованно с привлечением сторонних людей, например под видом проведения социологических опросов в образовательных организациях. За предлагаемое вознаграждение предлагается предоставить информацию о молодых людях, относящихся к группе риска (склонных к суициду, переживших развод родителей или смерть близкого человека, имеющих проблемы во взаимоотношениях с окружающими и т. д.). В последующем осуществляется изучение кандидата путем поиска информации о нем из различных социальных сетей.

Популярным средством вербовки крайне правыми женщинами являются видеоблоги в *YouTube*, социальных сетях *Facebook*, «ВКонтакте». Медиа-исследователи описывают эти отношения как сетевую близость, в которой используются методы, позволяющие создать образ вербовщицы аутентичным, близким, доступным и отзывчивым. В процессе общения вербовщицы раскрывают подробности своей личной жизни, обсуждают внутреннюю борьбу и эмоции, привлекая внимание к своему жизненному опыту. Параллельно с этим ведется работа, направленная на разрушение имеющейся жизненной позиции женщины, обиженной, обозленной, недооцененной, несчастливой в любви и одинокой, затем на разрыв имеющейся связи с близкими людьми и одновременное предложение альтернативных вариантов, например, идей радикального ислама, не имеющих ничего общего с исламом истинным, которые устанавливаются как единственно справедливые и правильные. Тем не менее для молодых

онлайн-пользователей информационно-ориентированные видеоролики кажутся особенно искренними, поскольку они создают впечатление, что информация передается «реальными» людьми. Экстремистские деятели и группы знают о потенциально впечатлительной аудитории, поэтому используют *YouTube* в качестве ключевой платформы для распространения своих идеологий и нарративов, а также для обмена видео, напоминающих имиджевые фильмы. Во избежание подозрений и / или контроля со стороны правоохранительных органов, после выявления потенциального новобранца дальнейшие беседы переносятся в службы обмена сообщениями, например, *Telegram*.

В случаях если рекрутер — мужчина, женщины — объекту вербовки дают ощутить свою необходимость, значимость, используют ее уязвимость в отсутствие социальных контактов. Вербовка также осуществляется поэтапно. Инструктор, внушает определенную линию поведения реципиенту. На первоначальном этапе появляется легкая эмпатия между реципиентом и инструктором, сочувствие, потом оно превращается в симпатию, возможно, в более глубокие стороны взаимодействия (сексуальные отношения). Постепенно формируется близость интересов, которая может доходить до полной идентификации себя с инструктором и полного присвоения его образа жизни на себя. Женщины в состоянии любовной зависимости становятся очень восприимчивы для внушения и переоценки имевшихся ценностей.

Для ускорения процесса интеграции в террористическую организацию возможно применение и гипноза, и психотропных препаратов. Осознание происходящего и понимание тяжести последствий с каждым следующим этапом психологической обработки становится все более трудновыполнимым.

Описанные выше платформы используются для распространения пропаганды среди широкой аудитории и служат местами, где экстремисты выявляют потенциально уязвимых онлайн-пользователей и связываются с ними. Особое внимание необходимо уделить игровым платформам, которые часто используются аналогично каналам социальных сетей, поощряя обмен и обсуждения между пользователями. Как правило, во время прямых трансляций экстремистские субъекты неправомерно используют платформы для начала или разжигания дискуссий, связанных с политическими темами и рассказами о заговоре, в попытке привлечь потенциальных новых рекрутов.

Обнаружение собственной идентичности является частью поиска ориентации, особенно для молодежи. Девушки и молодые женщины часто обращаются к *Google* и платформам социальных сетей, чтобы найти ответы на свои вопросы, связанные с гендерными темами. Вербовщики в указанных ситуациях используют технику умелого манипулирования с предоставлением идеологически окрашенных ответов и возможности идентификации на онлайн-платформах. Эстетика таких постов в социальных сетях, нацеленная на онлайн-пользователей женского пола имеет определенные особенности: группы и страницы в социальных сетях, специально предназначенные для молодых женщин, как правило, очень красочны, часто включают забавные видео для привлечения внимания, содержат изображения, затрагивающие темы романтических отношений и сексуальности. С первого взгляда они передают чувство расширения возможностей и самоуважения, но при внимательном изучении контента обнаруживаются идеологические фрагменты, упакованные в посты и мемы, предназначенные для молодых девушек [6, с. 149].

Передаваемые ценности связаны с запрещенным поведением, которое часто легитимизируется ссылкой на религиозную фетву (богословско-правовое заключение, сделанное в отношении какого-либо возникшего вопроса, имеющего прямое отношение к религии). Такие фетвы часто можно найти на веб-сайтах и онлайн-платформах, ориентированных на девочек, эта стратегия также используется при обращении к молодым мужчинам. На вопросы, связанные с религией, любовью, сексуальностью и телом, отвечают «авторитетные ученые» в соответствии с религиозными текстами. Один из механизмов при этом — психологическая манипуляция, в процессе которой истинные вещи подменяются ложными.

Платформы социальных сетей являются центральной частью повседневной жизни для большинства молодых людей. Однако многие пользователи плохо подготовлены, чтобы судить о правдивости, надежности и подлинности своих онлайн-источников. Цифровая грамотность и критическое потребление онлайн-контента могут служить защитными факторами, когда речь идет об онлайн-радикализации, поэтому обучение интернет-пользователей навыкам проверки источников информации имеет решающее значение в развитии навыков выявления ложной информации, пропаганды и попыток вербовки со стороны экстремистских субъектов. Поскольку

вербовщики используют уязвимые места молодых женщин и строят онлайн-отношения с радикальными и / или экстремистски настроенными сверстниками в цифровых сетях, которые являются центральной частью процессов радикализации, важно создавать альтернативные социальные (онлайн) сети [7, с. 84]. Работа в онлайн-пространстве еще больше усложняет этот аспект, поскольку граница между контактом и разоблачением стирается.

Предупредительные меры могут выступать в качестве основных направлений эффективного противодействия рассматриваемых способов вербовки женщин в террористические и экстремистские организации. В 2020 году по требованию Генеральной прокуратуры Российской Федерации было заблокировано 10 тыс. сайтов с призывами к экстремизму, массовым беспорядкам и с фейковыми новостями, противоправный контент удален с 52 тыс. интернет-ресурсов. По словам Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова: «Интернет стал одним из основных источников распространения экстремистской идеологии. С его использованием совершается половина подобных преступлений. Одним из приоритетных направлений работы органов прокуратуры выступает пресечение распространения в сети «Интернет» призывов к экстремизму и терроризму, массовым беспорядкам, а также фейковых новостей» [8].

Однако, только с учетом гендерных особенностей рассматриваемые профилактические меры могут носить настоящий результативный характер. Изучать причины и условия, обуславливающие женский терроризм, необходимо на основе эмпирического материала и исследований специалистов различного профиля. Программа по его профилактике должна основываться на комплексном изучении рассматриваемого явления. Немаловажно и дальнейшее междисциплинарное, в частности, помимо всего прочего, гендерное исследование как психологических, так и социокультурных сторон вопроса вербовки женщин-смертниц для совершения актов терроризма как информационного источника для разработки криминалистических рекомендаций по совершенствованию раскрытия и расследования рассматриваемой категории преступлений [9, с. 40].

Современный женский терроризм — явление, посягающее на наиболее значимые государственные и общечеловеческие ценности, представляющее серьезную угрозу безопасности и стабильности общества. Проблематика вербовки женщин в члены террористических организаций выявляет определенную совокупность

этнических, религиозных, психологических, социальных, политических условий, оказывающих непосредственное влияние на вовлечение женщин в террористическую деятельность. Женщины привлекаются к участию в террористической деятельности, выступая в качестве малозатратного ресурса; осуществляют посредством самоподрыва террористические акты, пропагандируют образ террористок как героинь и мучениц, отдавших жизнь за общую идею. Вовлечение женщин в террористическую деятельность объяснимо меньшим количеством подозрений, которые они вызывают у представителей правоохранительных органов; они лучше подходят для подготовки к роли самоубийцы и более управляемы, чем мужчины. Хотя многие женщины выполняют практическую роль в терроризме, их участие также несет в себе символичность, заключающуюся в способности влиять на других. Теракт, совершенный женщиной, вызывает особый резонанс также из-за эффекта неожиданности, создаваемого при совершении действий террористического характера.

Эффективная борьба с терроризмом, совершенствование методики раскрытия и расследования рассматриваемой категории преступных деяний требуют глубокого криминологического анализа и разработки комплексных мер по предотвращению радикализации женщин и пресечению деятельности террористических групп. Программы по борьбе с рекрутингом женщин должны носить комплексный характер с учетом сложности гендерных аспектов в различных обществах, поскольку завербованные женщины-террористы могут принадлежать к разным этническим группам, иметь различный уровень образования и происхождения.

На уровнях профилактики, образования и социальной реабилитации это:

- разработка и реализация образовательных программ и социальной поддержки женщин, а также программ по социальной реабилитации для женщин, попавших под влияние террористических организаций;

- повышение цифровой грамотности и развитие навыков проверки достоверности источников информации в среде пользователей сетью «Интернет»; развенчание культа героизации и оправдания женского терроризма, создаваемого представителями религиозных экстремистских течений;

- профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде (проведение тематических «круглых столов», деловых игр, общественных акций, форумов и других мероприятий);

— системная работа по повышению бдительности граждан, а также выявлению и предупреждению совершения диверсионно-террористических акций на критически важных и потенциально опасных объектах (проведение профилактических бесед, распространение памяток и листовок антитеррористической направленности);

— профилактическая работа с мигрантами (разъяснение мигрантам о недопущении фактов совершения преступлений террористической и экстремистской направленности, об ответственности за совершение подобного рода противоправных деяний).

Женский терроризм необходимо рассматривать как один из элементов глобального терроризма. Одной из первоочередных задач криминалистики в современных условиях является совершенствование методики раскрытия и расследования преступлений террористической направленности (в том числе преступного содействия террористической деятельности), при этом рекрутинг женщин является значимым элементом криминологической характеристики рассматриваемых преступлений, как один из основных составляющих способа совершения преступления, изучение которого оказывает прямое влияние на процесс раскрытия и расследования рассматриваемой категории преступных деяний.

Список источников

1. Дудниченко А. Н. О гендерных особенностях характеристики личности преступника как элемента криминалистической характеристики преступлений террористической направленности // Юристы-Правоведь. 2023. № 2 (105). С. 106–112.

2. Ильченко О. Ю. Женщины и террор: участие женщин в террористическом движении // Вестник Института социологии. 2016. № 2 (17).

3. Варданян А. В. Развитие системы знаний о криминалистической характеристике посткриминальной деятельности как закономерный результат поступательного развития науки криминалистики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1 (17).

4. Директор ФСБ России Александр Бортников провел заседание Национального антитеррористического комитета. Новости. URL: https://www.1tv.ru/news/2023-10-10/462937-direktor_fsb_rossii_aleksandr_bortnikov_provel_zasedanie_natsionalnogo_antiterroristicheskogo_komiteta (дата обращения: 10.10.2023).

5. Завершено расследование уголовного дела о теракте в Санкт-Петербурге. Новости — Следственный комитет Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1830228/> (дата обращения: 10.10.2023).

6. Бураева Л. А. Специфика и отличительные особенности женского терроризма на современном этапе // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 2.

7. Новикова О. Женщины в ИГ // Россия и мусульманский мир. 2017. № 7 (301).

8. Краснов: В 2020 году заблокировано 10 тыс. сайтов с противоправным контентом. Интернет-портал «Российской газеты» www.rg.ru. URL: <https://rg.ru/2021/03/17/krasnov-v-2020-godu-zablokirovano-10-tys-sajtov-s-protivopravnym-kontentom.html> (дата обращения: 01.09.2023).

9. Варданян А. В., Кулешов Р. В. Генезис экстремизма и терроризма в России как ретроспективный аспект криминалистического научного познания // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31).

References

1. Dudnichenko A. N. On gender characteristics of the criminal's personality characteristics as an element of the criminalistic characteristics of terrorist crimes. *Jurist-Pravoved*, 2023, no. 2 (105), pp. 106–112. (In Russ.)

2. Ilchenko O. Y. Women and terror: women's participation in the terrorist movement. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 2016, no. 2 (17). (In Russ.)

3. Vardanyan A. V. The development of a system of knowledge about the criminalistic characteristics of post-criminal activity as a natural result of the progressive development of the science of criminalistics. *Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*, 2021, no. 1 (17). (In Russ.)

4. Director of the FSB of Russia Alexander Bortnikov held a meeting of the National Anti-Terrorist Committee. News. URL: https://www.1tv.ru/news/2023-10-10/462937-direktor_fsb_rossii_aleksandr_bortnikov_provel_zasedanie_natsionalnogo_antiterroristicheskogo_komiteta (accessed 10.10.2023). (In Russ.)

5. The investigation of the criminal case of the terrorist attack in St. Petersburg has been completed. News — Investigative Committee of the Russian Federation. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1830228/> (accessed 10.10.2023). (In Russ.)

6. Buraeva L. A. Specifics and distinctive features of female terrorism at the present stage. *Gaps in Russian legislation*, 2019, no. 2. (In Russ.)

7. Novikova O. Women in ISIS. *Russia and the Muslim world*, 2017, no. 7 (301). (In Russ.)

8. Krasnov: In 2020, 10 thousand sites with illegal content were blocked. *Rossiyskaya Gazeta Internet Portal* www.rg.ru. URL: <https://rg.ru/2021/03/17/krasnov-v-2020-godu-zablokirovano-10-tys-sajtov-s-protivopravnym-kontentom.html> (accessed 01.09.2023). (In Russ.)

9. Vardanyan A. V., Kuleshov R. V. The genesis of extremism and terrorism in Russia as a retrospective aspect of forensic scientific knowledge. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 3 (31). (In Russ.)

Информация об авторах

А. Н. Дудниченко — кандидат юридических наук;

Д. К. Григорян — кандидат политических наук, доцент.

Information about the authors

A. N. Dudnichenko — Candidate of Sciences (Law);

D. K. Grigoryan — Candidate of Sciences (Politology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023; одобрена после рецензирования 01.11.2023; принята к публикации 10.12.2023.

The article was submitted 10.10.2023; approved after reviewing 01.11.2023; accepted for publication 10.12.2023.

Научная статья

УДК 343.01

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-115-120>

**Экстремизм в учреждениях и органах, исполняющих наказание:
современное состояние, направления оптимизации противодействия**

**Кириллов Михаил Андреевич¹, Петрянин Алексей Владимирович², Пшеничнов
Илья Михайлович³**

¹Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

²Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия

¹kirillov.mihail@bk.ru

²petryanin@mail.ru

³pshenichnov.im@skspba.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема распространения экстремизма в учреждениях, исполняющих уголовное наказание. Отмечено, что исследуемое явление приобретает новые, ранее не известные формы, требующие симметричного государственно-властного реагирования. Представлен международный и национальный правовой базис, определяющий методологические основы противодействия преступности, основанной на мотивах ненависти или вражды. Продемонстрировано активное проникновение экстремистских идеологий среди осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний России. Проиллюстрированы статистические данные, указывающие на существенный прирост привлечения лиц к уголовной ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности. В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года экстремизм отнесен к вызовам, стоящим перед уголовно-исполнительной системой. Выделены приоритетные направления по противодействию экстремистской деятельности в учреждениях и органах, исполняющих наказание. Аргументировано, что центральными направлениями оптимизации противодействия распространению экстремизма в исправительных учреждениях должны стать раздетерминирование экстремистской деятельности и демотивация экстремистов.

Ключевые слова: экстремизм, осужденные, лишение свободы, противодействие, демотивация, раздетерминирование, исправительные учреждения

Для цитирования: Кириллов М. А., Петрянин А. В., Пшеничнов И. М. Экстремизм в учреждениях и органах, исполняющих наказание: современное состояние, направления оптимизации противодействия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 115–120. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-115-120>.

Original article

**Extremism in institutions and bodies executing punishment:
current state, directions of optimization of counteraction**

Mikhail A. Kirillov¹, Alexey V. Petryanin², Ilya M. Pshenichnov³

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

²Нижний Новгородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия

¹kirillov.mihail@bk.ru

²petryanin@mail.ru

³pshenichnov.im@skspba.ru

Abstract. The article deals with the problem of the spread of extremism in institutions that carry out criminal punishment. It is noted that the phenomenon under study acquires new, previously unknown forms that require a

© Кириллов М. А., Петрянин А. В., Пшеничнов И. М., 2023

symmetrical state-power response. The international and national legal framework defining the methodological foundations of countering crime based on motives of hatred or enmity is presented. The active penetration of extremist ideologies among convicts serving sentences in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia has been demonstrated. Statistical data indicating a significant increase in bringing persons to criminal responsibility for committing extremist crimes are illustrated. In accordance with the Concept of the Development of the penal system of the Russian Federation until 2030, extremism is attributed to the challenges facing the penal system. Priority directions for countering extremist activity in institutions and bodies executing punishment have been identified. It is argued that the central directions of optimizing the counteraction to the spread of extremism in correctional institutions should be the de-determination of extremist activity and the demotivation of extremists.

Keywords: extremism, convicts, imprisonment, counteraction, demotivation, time determination, correctional institutions

For citation: Kirillov M. A., Petryanin A. V., Pshenichnov I. M. Extremism in institutions and bodies executing punishment: current state, directions of optimization of counteraction. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 115–120. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-115-120>.

Начать рассмотрение заявленной для исследования темы, хотелось бы со следующих слов Президента России, В. В. Путина — «...экстремисты есть везде...» [1]. Полностью соглашаясь с высказыванием главы государства, подчеркнем, что экстремистская деятельность сегодня не только обретает новые неизвестные формы, но и проникает в те сферы, которые ранее не являлись объектами воздействия радикальных идеологий, основанных на мотивах ненависти или вражды. В частности, в качестве таковой сегодня выступает и уголовно-исполнительная система. Ярким примером может стать обнаруженная в одном из пенитенциарных учреждений диссертация по политическим наукам, которая впоследствии после проведения экспертизы по решению суда была отнесена к экстремистскому материалу, так как в тексте диссертационного исследования содержались прямые высказывания религиозного толка с признаками экстремистской деятельности [2].

Осознавая высочайший уровень опасности экстремизма не только для конституционного строя и безопасности отдельных государств, но и всего миропорядка, все цивилизованное мировое сообщество озадачилось проблемой противодействия разнообразным формам девиантного поведения, основанного на мотивах ненависти или вражды, что подтверждается не прекращающимся процессом подготовки и принятия консолидированных решений на различных площадках международного сотрудничества. Российская Федерация конечно же является их активным участником [3], параллельно совершенствуя и развивая национальное законодательство во взятой для исследования области, с учетом формируемой методологической основы и позитивного национального и международного опыта.

В России принят целый пакет специализированных нормативных правовых актов, определяющих курс политики государства в области противодействия экстремизму. Базовыми, конечно же, выступают Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [4].

Имеющийся политико-правовой инструментарий противодействия экстремизму приносит свои плоды, вместе с тем активизирующаяся экстремистская активность как внутри страны, так и за ее пределами симметрично влечет за собой рост совершения преступлений экстремистской направленности и, как следствие, увеличение количества лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за них. С учетом данных, представленных Председателем Верховного суда Российской Федерации, в 2020 году, за различные формы проявления экстремизма было осуждено 325 человек, в 2021 году — 606 [5]. Фактически наблюдается 50-ти процентный прирост лиц, привлеченных за совершение преступлений, основанных на мотивах ненависти или вражды, что, естественно, требует симметричной государственно властной реакции. При этом понимаем, что не всем осужденным за экстремизм назначается наказание, связанное с лишением свободы. Одной из форм реагирования на возрастающие угрозы увеличения экстремистской активности в местах исправления осужденных стало принятие Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года, в рамках которой распространение экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы отнесено к вызовам, стоящим перед

уголовно-исполнительной системой [6]. К сожалению, это обоснованно. Экстремистская идеология активно проникает учреждения исполнения наказаний. Данное явление обусловлено не только политическими, идеологическими, расовыми, религиозными, но и психологическими детерминантами, последняя из которых активно сопровождает любую из отмеченных, тем самым ускоряя и усиливая уровень протестной деятельности. Связано это с тем, что основная масса осужденных не согласна либо с фактом привлечения их к уголовной ответственности, либо с размером или видом назначенного наказания. Например, лицо, отбывающее наказание в исправительной колонии № 2 УФСИН России по Республике Адыгея, находясь в помещении столовой, испытывая чувство ненависти и вражды к представителям Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, в устной форме осуществило публичные высказывания, соединенные с угрозой применения насилия в их адрес, на основании чего в отношении него было возбуждено уголовное дело по части 1 статьи 280 Уголовного кодекса Российской Федерации [7].

Федеральной службой исполнения наказаний принят приказ от 24 ноября 2017 года № 1111 «Об организации мероприятий по противодействию терроризму, экстремистской деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы». Содержание данного ведомственного акта дает основание для выделения следующих приоритетных направлений деятельности во взятой для рассмотрения области:

- недопущение поступления в исправительные учреждения экстремистских материалов, вещей и предметов, относящихся к подстрекательству и пропаганде экстремистской деятельности;

- незамедлительное реагирование на распространение идеологии экстремизма среди осужденных, в том числе, с помощью информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»;

- активизация индивидуально-воспитательной работы с лицами, осужденными за совершение преступлений экстремистской направленности [8].

С учетом того, что пример государственно-властного реагирования на распространение экстремистской литературы в учреждениях УИС был приведен выше, сконцентрируем свое внимание на оставшихся двух, выделяемых направлениях.

Полагаем, что телекоммуникационные сети, в том числе сеть «Интернет», сегодня выступают в качестве главного инструмента

распространения идеологий и материалов, основанных на мотивах ненависти или вражды в учреждениях, исполняющих уголовные наказания. Это подтверждается постоянно увеличивающимся списком запрещенных материалов, размещенных в цифровом пространстве. По данным Министерства юстиции Российской Федерации на 17 октября 2023 года Федеральный список экстремистских материалов включает в себя 5 393 наименования, основная масса из которых размещена в сети «Интернет» [9].

Причем результатами такого рода преступной деятельности являются факты создания в исправительных учреждениях экстремистских сообществ и ячеек экстремистских организаций, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации. Фактов выявления такого рода групповой криминально-деликвентной деятельности с каждым годом становится больше. Приведем несколько примеров в рамках деятельности запрещенной в России международной экстремистской организации «Аре-стантское уголовное единство» (далее — АУЕ). Так, в Рыбинском городском суде Ярославской области рассмотрено уголовное дело в отношении четырех граждан по ст. 282² УК РФ, отбывающих наказание в исправительной колонии. Один из осужденных, являясь приверженцем АУЕ, склонил к участию в ней трех человек. В процессе своей противоправной деятельности, активно пропагандировалась идеология и поведенческая атрибутика АУЕ, использовалась незаконная символика, распространялись призывы к нарушению режима [10].

Схожий случай произошел в ФКУ ИК-29 ГУФСИН России по Приморскому краю. На территории исправительной колонии была создана ячейка АУЕ. Ее участники активно пропагандировали поддерживаемую ими криминальную идеологию, навязывали соблюдение принципов и норм поведения, сформированных на ложном представлении о социальном превосходстве над другими членами гражданского общества [11].

В рамках отмеченной противоправной деятельности активное использование телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» обусловлено следующим: во-первых, это неограниченно-оперативное размещение требуемой информации; во-вторых, одномоментный охват огромной интернет аудитории; в-третьих, отсутствие серьезных финансовых затрат; в-четвертых, высокий уровень анонимности и т. п. В целом, говоря о телекоммуникационных сетях как основной площадке распространения экстремистских идей, необходимо

уделять особое внимание направлениям противодействия им в цифровом пространстве. Например, доказанными являются факты вербовки, а также обучения молодежи для осуществления экстремистской и террористической деятельности в онлайн играх. На этом обстоятельстве акцентировал внимание директор Федеральной службы безопасности А. В. Бортников в своем выступлении на открытии IX Московской конференции по международной безопасности [12].

Изложенное выше дает основание сконцентрировать внимание на молодежи, активно вовлекаемую в преступную деятельность со стороны идеологов экстремизма. Главные причины тому юношеский максимализм в совокупности с длительным нахождением малолетних и несовершеннолетних в информационно-телекоммуникационном пространстве. В качестве примера можно привести историю, произошедшую с Варварой Карауловой. Девушка закончила школу с золотой медалью, обучалась на факультете философии МГУ имени М. В. Ломоносова, увлекалась изучением ислама и арабского языка. В 2015 году в социальной сети «ВКонтакте» и интернет-мессенджере «Skype» активно подверглась вербовке, результатом которой стали две ее неудачные попытки побега из России в Сирию [13]. И это не единичные факты. По мнению экспертов, в настоящее время продолжается активная деятельность по вовлечению молодежи к участию в экстремистско-террористических сообществах и организациях [14, с. 290–295, с. 149–155, с. 32–39].

Все это, конечно же, требует активизации индивидуально-воспитательной работы с лицами, осужденными за совершение преступлений экстремистской направленности, что и выделено нами также в качестве приоритетного направления противодействия распространению экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы России. Наиболее перспективным и эффективным видится осуществление превентивного воздействия на реальных и потенциальных экстремистов, находящихся в местах лишения свободы, с использованием потенциала государственно-частного партнерства. Сегодня этому направлению уделяется огромное внимание как со стороны ученых, так и представителей государства [15, с. 220, с. 91–97, с. 16–18].

В плоскости проводимого исследования деятельность в рамках государственно-частного партнерства должна быть сосредоточена на двух основных направлениях: раздетерминирование экстремистской деятельности и демотивация экстремистов.

Раздетерминирование предполагает устранение причин и условий, способствующих распространению экстремизма в местах лишения свободы, что предполагает реализацию механизмов как общей, так и частной превенции. С нашей точки зрения, центральным направлением должна стать работа по изоляции экстремистов от иных категорий осужденных. Такой подход будет не допускать распространение экстремистских идеологий среди других групп осужденных, а также позволить системно подойти к исправлению отдельных их категорий. В развитии выдвигаемой научной гипотезы позитивным видится опыт, применяемый в Кыргызской Республике. В соответствии со статьями 76, 79, 80, 97 Уголовно-исполнительного кодекса Кыргызстана лица, отбывающие наказание за преступления террористической и экстремистской направленности, содержатся изолированно от других осужденных, не привлекаются к хозяйственному обслуживанию, не подлежат переводу в колонии-поселения, им не предоставляется выезд за пределы исправительных учреждений. Пропаганда экстремистской идеологии, разжигание межнациональных конфликтов, дискриминация по любому признаку и обстоятельству, как и организация или участие в группировках осужденных, направленные на совершение указанных нарушений отнесены к нарушениям установленного порядка отбывания наказания (ст. 119 УИК Кыргызской республики). Осужденные экстремисты содержатся исключительно на строгих условиях отбывания наказания (ст. 124, 126 УИК Кыргызской республики) [16].

Отмеченные выше меры обоснованно могут стать поводом для критики, так как повышают уровень репрессивного воздействия на лиц, осужденных за экстремистские деяния, и идут в разрез с реализуемым сегодня курсом уголовной политики по экономии репрессии. Однако, в рамках противодействия экстремизму считаем такой подход обоснованным. Вместе с тем он не может быть единственно верным, так наша главная идея состоит не в цели фактического лишения свободы осужденного, а в его демотивации. Реальность ее достижения возможна только при использовании комплекса ограничительно-просветительских мер, а их эффективность на прямую зависит от природы исследуемого деструктивного феномена.

Демотивация — это сугубо индивидуальная работа с каждым осужденным, совершившим преступление на основе мотивов ненависти или вражды, либо с лицами, склонными к экстремистской деятельности. Универсальными в данном

случае должны стать мероприятия, посвященные проведению просветительских занятий с осужденными о недопустимости пропаганды любых экстремистских идеологий. В рамках мотивации необходимо разрушать сформированные в сознании осужденных псевдомифы, детерминирующие деструктивное поведение, путем повышения уровня правовой, культурной, религиозной, идеологической и расовой грамотности. Это требует активного вовлечения в процесс исправления представителей разных религиозных конфессий, политиков, юристов, представителей общественности. То есть, только общими усилиями государства и общества можно добиться снижения уровня экстремистской активности.

В завершении подведем итоги, вытекающие из заявленной темы.

Во-первых, современное состояние экстремистской деятельности влечет рост деструктивной активности, основанной на мотивах ненависти или вражды, в учреждениях, исполняющих наказание. Фиксируется существенный прирост количества деяний и лиц их совершивших. Наблюдается активное вовлечение в образуемые на территориях исправительных учреждений экстремистские сообщества и ячейки экстремистских организаций лиц, ранее не совершавших преступления экстремистской направленности.

Во-вторых, центральными направлениями оптимизации противодействия распространению экстремизма в учреждениях, исполняющих наказание должны стать раздетерминирование экстремистской деятельности и демотивация экстремистов.

Список источников

1. Путин: экстремисты есть везде, но только на Украине власти поощряют нацистов. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2706000/> (дата обращения: 12.10.2023).

2. Экстремистские материалы // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/?id=7569> (дата обращения: 12.10.2023).

3. Концепция сотрудничества государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: утверждена решением Совета глав государств-членов ШОС № 1 от 5 июля 2005 года // Региональная Антитеррористическая Структура Шанхайской Организации Сотрудничества (ПАТС ШОС). URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3667> (дата обращения: 12.10.2023).

4. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июня 2002 года № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3031.

5. «Число террористов будет расти»: эксперт ФСИН по экстремизму дал страшный прогноз. URL: <https://www.mk.ru/social/2019/10/24/chislo-terroristov-budet-rasti-ekspert-fsin-po-ekstremizmu-dal-strashnyy-prognoz.html> (дата обращения: 12.10.2023).

6. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 года № 1138-р // Собрание законодательства РФ. 2021. № 20, ст. 3397.

7. Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Адыгея: Ранее осужденный мужчина приговорен к новому сроку за применение насилия в отношении сотрудника исправительной колонии и призывы к осуществлению экстремистской деятельности. URL: <https://adygheya.sledcom.ru/news/item/1649448/> (дата обращения: 14.10.2023).

8. Об организации мероприятий по противодействию терроризму, экстремистской деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы: приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 24 ноября 2017 года № 1111. URL: <https://base.garant.ru/74414876/> (дата обращения: 12.10.2023).

9. Противодействие экстремизму: федеральный список экстремистских материалов. Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> (дата обращения: 17.10.2023).

10. Газета «Рыбинские известия»: Рыбинский суд рассмотрит дело об экстремизме. URL: <https://gazeta-rybinsk.ru/2023/10/11/124527> (дата обращения: 17.10.2023).

11. Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Приморскому краю: в Приморском крае возбуждено уголовное дело по факту экстремистской деятельности в исправительных учреждениях и в отношении организатора, подозреваемого в занятии высшего положения в преступной иерархии. URL: <https://primorsky.sledcom.ru/news/item/1690794/> (дата обращения: 18.10.2023).

12. Бортников заявил, что террористы создают клоны компьютерных игр с имитацией терактов. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11723253> (дата обращения: 17.10.2023).

13. Дело Варвары Карауловой. URL: <https://tass.ru/delo-varvary-karaulovoy> (дата обращения: 17.10.2023).

14. Ананьин О. Ю., Базулина А. А., Жуланов А. В. Вербовка молодежи в террористические организации посредством социальных сетей: проблемы профилактики // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 290–295.

15. Государственно-частное партнерство в пенитенциарной сфере: монография / Е. В. Ермаков, А. В. Петрянин, А. В. Родионов, О. А. Скоморох, П. В. Тепляшин [и др.]; под ред. А. П. Скибы. Рязань: Академия ФСИН России, 2023. 220 с.

16. Уголовно-исполнительный кодекс Кыргызской республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111528> (дата обращения: 17.10.2023).

References

1. Putin: extremists are everywhere, but only in Ukraine do the authorities encourage the Nazis. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2706000/> (accessed 12.10.2023). (In Russ.)
2. Extremist materials // Ministry of Justice of the Russian Federation. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/?id=7569> (accessed 12.10.2023). (In Russ.)
3. The concept of cooperation of the member states of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) in the fight against terrorism, separatism and extremism: approved by the Decision of the Council of Heads of SCO Member States no. 1 of July 5, 2005. Regional Anti-Terrorist Structure of the Shanghai Cooperation Organization (RATS SCO). URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3667> (accessed 12.10.2023). (In Russ.)
4. On countering extremist activities: federal law no. 114-FZ of June 25, 2002. *Collection of legislative acts of the RF*, 2002, no. 30, art. 3031. (In Russ.)
5. "The number of terrorists will grow": the FSIN expert on extremism gave a dire forecast. URL: <https://www.mk.ru/social/2019/10/24/chislo-terroristov-budet-rasti-ekspert-fsin-po-ekstremizmu-dal-strashnyy-prognoz.html> (accessed 12.10.2023). (In Russ.)
6. On the Concept of development of the penal system of the Russian Federation for the period until 2030: decree of the Government of the Russian Federation no. 1138-r of April 29, 2021. *Collection of legislative acts of the RF*, 2021, no. 20, art. 3397. (In Russ.)
7. Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Republic of Adygea: A previously convicted man was sentenced to a new term for using violence against a correctional colony employee and calling for extremist activities. URL: <https://adygheya.sledcom.ru/news/item/1649448/> (accessed 14.10.2023). (In Russ.)
8. On the organization of measures to counter terrorism, extremist activities in institutions and bodies of the penal system: order of the Federal Penitentiary Service no. 1111 of November 24, 2017. URL: <https://base.garant.ru/74414876/> (accessed 12.10.2023). (In Russ.)
9. Countering extremism: Federal list of extremist materials. Ministry of Justice of the Russian Federation. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> (accessed 17.10.2023). (In Russ.)
10. Newspaper "Rybinsk Izvestia": The Rybinsk court will consider the case of extremism. URL: <https://gazeta-rybinsk.ru/2023/10/11/124527> (accessed 17.10.2023). (In Russ.)
11. Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Primorsky Territory: In the Primorsky Territory, a criminal case has been opened regarding extremist activities in correctional institutions and against the organizer, suspected of occupying a high position in the criminal hierarchy. URL: <https://primorsky.sledcom.ru/news/item/1690794/> (accessed 18.10.2023). (In Russ.)
12. Bortnikov said that terrorists are creating clones of computer games that simulate terrorist attacks. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11723253> (accessed 17.10.2023). (In Russ.)
13. The case of Varvara Karaulova. URL: <https://tass.ru/delo-varvara-karaulovoy> (accessed 17.10.2023). (In Russ.)
14. Ananyin O. Yu., Bazulina A. A., Zhulanov A. V. Recruitment of youth into terrorist organizations through social networks: problems of prevention. *Bulletin of Economic Security*, 2022, no. 5, pp. 290–295. (In Russ.)
15. Public-private partnership in the penitentiary sector: monograph / E. V. Ermasov, A. V. Petryanin, A. V. Rodionov, O. A. Skomorokh, P. V. Teplyashin [and others]; ed. by A. P. Skibs. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ., 2023. 220 p. (In Russ.)
16. Criminal Executive Code of the Kyrgyz Republic. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111528> (accessed 17.10.2023). (In Russ.)

Информация об авторах

М. А. Кириллов — доктор юридических наук, профессор;
А. В. Петрянин — доктор юридических наук, профессор;
И. М. Пшеничнов — кандидат юридических наук.

Information about the authors

M. A. Kirillov — Doctor of Sciences (Law), Professor;
A. V. Petryanin — Doctor of Sciences (Law), Professor;
I. M. Pshenichnov — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 01.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Научная статья

УДК 343.985

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-121-125>

Некоторые тактические проблемы выявления и оценки цифровых следов компьютерных преступлений

Лубин Александр Федорович¹, Лубин Сергей Александрович²

¹Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, Ale-lubin@yandex.ru

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, Lubin.s@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются понятия «цифровой криминалистики», различные мнения авторов, рассматривающие вопросы, связанные с цифровыми следами, а также их оценки при использовании в доказывании. Также предложены некоторые рекомендации следователям по поиску цифровых следов, тактике производства следственных действий при расследовании преступлений в сфере IT-технологий и об ошибках доказывания. Сформулированы некоторые предложения о закреплении на законодательном уровне положений о хранении компьютерной информации. В качестве выводов приведены вопросы, характеризующие процесс доказывания при расследовании компьютерных преступлений.

Ключевые слова: цифровые доказательства, сбор цифровых данных, компьютерные преступления, расследование преступлений, следственные действия, уголовный процесс, фиксация цифровых данных, удаленные серверы, электронные носители информации

Для цитирования: Лубин А. Ф., Лубин С. А. Некоторые тактические проблемы выявления и оценки цифровых следов компьютерных преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 121–125. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-121-125>.

Original article

Some tactical problems of identifying and evaluating digital traces of computer crimes

Alexander F. Lubin¹, Sergey A. Lubin²

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, Ale-lubin@yandex.ru

²National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, Lubin.s@yandex.ru

Abstract. The article discusses the concepts of “digital forensics”, various opinions of the authors considering issues related to digital traces, as well as their assessments when used in evidence. Some recommendations are also offered to investigators on the search for digital traces, tactics of investigative actions in the investigation of crimes in the field of IT technologies and on errors of proof. Some proposals have been formulated to consolidate the provisions on the storage of computer information at the legislative level. As conclusions, the questions characterizing the process of proof in the investigation of computer crimes are given.

Keywords: digital evidence, digital data collection, computer crimes, crime investigation, investigative actions, criminal proceedings, digital data fixation, remote servers, electronic media

For citation: Lubin A. F., Lubin S. A. Some tactical problems of identification and evaluation of digital traces of computer crimes. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 121–125. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-121-125>.

© Лубин А. Ф., Лубин С. А., 2023

Строго говоря, «компьютерные преступления» — условное обозначение преступной деятельности, в которой для поиска источников неправомерных доходов, их присвоения и потребления используются любые девайсы, гаджеты, портативные и стационарные компьютеры, маршрутизаторы, переключатели и другие виды сетевых устройств, в том числе и критические серверы, которые позволяют цифровой информации перемещаться независимо от расстояния, от точки отправки к точке ее получения.

С таким же успехом можно говорить об «огнестрельных преступлениях», «взрыво-технических», «ядо-химических» и т. д. Сами по себе средства и способы преступлений не дают оснований объявлять о появлении «цифровой криминалистики», «банковской», «экономической» и пр. Вопрос не в средствах, а в том, что криминалистическая тактика выявления, фиксации, изъятия, оценки и использования следовой картины в доказывании по уголовному делу весьма специфична. Об этом свидетельствуют статистические данные: уровень латентности компьютерных преступлений определяется в настоящее время в 90 %. А из оставшихся 10 % выявленных компьютерных преступлений раскрывается только 1 %. Получается, что у преступников появились новые средства и благоприятные возможности совершения преступлений, а у правоохранительных органов — дефицит тактико-криминалистических рекомендаций по их раскрытию.

Криминалистическая тактика в нашей концепции означает маневрирование наличными средствами в конкретной ситуации. Наличные средства расследования делятся на три группы: 1) информационные средства; 2) процедурные; 3) технико-криминалистические.

Главным информационным средством расследования выступает криминалистическая характеристика компьютерных преступлений, пригодная для выявления, фиксации и оценки «цифровых следов», например, мошенничества в сфере компьютерной информации. Это — необходимая основа для формирования и реализации методики расследования преступлений данного вида. Сказать — легко, но создать такую информационную основу весьма затруднительно.

Во-первых, непонятно, какое звено-элемент является ведущим в типовой версионной цепочке названной характеристики. Если таким элементом выбрать «субъект преступления», то здесь явный дефицит поисковых признаков. Если, например, выбрать на эту роль сетевого

администратора, то он, как правило, не судим, не наркоман, практически не имеет связей с криминальной средой. Его действия при передаче конфиденциальной информации между сервером и браузером по протоколу TCP / IP, по сути, не видимы. Сетевой администратор жестко не связан с излюбленным способом преступления, о котором могут знать сослуживцы (возможные соучастники). Он много работает («первым приходит, последним уходит»), на хорошем счету у руководства. Он — не тот субъект, «зацепившись» за которого можно легко прочитать следовую картину события преступления. И все же этот субъект может проявлять себя через характерные и видимые следы некоторых действий: а) явное и умышленное искажение входных цифровых данных; б) сокрытие или уничтожение важной входной информации; в) автоматизированная оплата фиктивных услуг и работ, переводы, платежи за не имевшие место покупки, формирование ложного курса на бирже и т. д.

Во-вторых, очевидно, что при расследовании «цифровых» преступлений доминирует не тактика розыска подозреваемых и обвиняемых, а тактика розыска следов их преступной деятельности. Однако именно этих практических алгоритмов для выявления следов и сбора доказательств, применительно к различным ситуациям и способам действий преступников, и не хватает. Имеются в виду случаи ввода личных данных; удаления информации без возможности ее восстановления; внедрения в работу компьютеров дополнительных устройств для ввода и вывода зашифрованной информации; изменения учетной политики; изменения данных, которые находятся на устройстве, ручными исправлениями; внедрения вирусных программ и т. д.

В-третьих, не сформированы тактико-криминалистические рекомендации по анализу, оценке и формам нейтрализации видов противодействия поиску, выявлению и использованию «цифровых следов» в доказывании по соответствующим уголовным делам. Разумеется, путь к «цифровым следам» зачастую лежит через бухгалтерские, управленческие и иные документы, а также через черновые записи и электронную переписку. В такой ситуации совершенно недостаточно помощи простых «компьютерщиков», так как они не обладают «правовыми» знаниями и не способны искать «нужные» (релевантные, относимые), «качественные», «корректные» доказательства. К тому же стоит различать специалистов, которые просто работают с электронными данными в «статике», и лиц, способных

на поиск и фиксацию информационно-телекоммуникационных данных в определенный временной период.

В-четвертых, так или иначе нужны специальные человеческие и технические ресурсы и 100-процентное их включение в процесс расследования. В данном случае представляется целесообразным вариант создания (штатно и технически) Судебно-экспертного центра Следственного комитета Российской Федерации (далее — Центр). Функции этого Центра понятны: участие специалистов Центра в проведении оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и фиксации цифровой, доказательственной информации; участие специалистов в производстве следственных действий, направленных на раскрытие компьютерных преступлений и доказывание по уголовным делам о преступлениях данного вида; проведение исследований по оперативным материалам и представление справок специалиста, имеющих, как правило, доказательственное значение; производство судебных экспертиз как средств проверки версий и получения доказательств.

Теперь о том, что касается процедурных ресурсов тактики работы с «цифровыми следами».

На наш взгляд, наивны призывы, чтобы следователь обладал навыками и умениями выполнять специфические процедуры [2]:

- а) восстановление данных на машинном носителе, которые были удалены или изменены;
- б) расшифровка зашифрованных данных;
- в) деактивация систем безопасности (пароли, электронные ключи).
- г) установление путей доступа к защищаемой информации и возможных способов ее раскрытия и др.

По нашему мнению, для следователя вполне достаточно производить процедуры, связанные:

- 1) с правильной организацией взаимодействия с нужными специалистами для осмотра места происшествия, с назначением судебных экспертиз и проведением исследований по оперативным материалам, производством допроса, обыска и выемки — следственных действий, связанных с поиском, фиксацией и изъятием носителей цифровой информации, имеющей доказательственное значение;

- 2) управлением следственно-оперативной группой на месте происшествия: распределением обязанностей участников осмотра, обменом информацией, фиксацией и изъятием следов, определением количества компьютеров, их

расположением в других помещениях, количеством серверов и рабочих станций и режимом их использования, запретом отключения электроснабжения организации путем защиты распределительных щитов; запретом сотрудниками организации выполнять какие-либо операции на компьютерах;

- 3) полным и корректным составлением текста протокола следственного действия, описанием предметов — вещественных доказательств и любых носителей цифровой информации, а также с их надежной упаковкой и транспортировкой.

Заметим, что, по нашему мнению, участие специалистов в следственных действиях, связанных с поиском и изъятием «цифровых следов», должно стать нормативным, обязательным требованием (по аналогии с ч. 1 ст. 178 УПК РФ «Осмотр трупа. Эксгумация»). Таким же требованием должно быть участие специалиста в оперативно-розыскных мероприятиях.

Быть может, в некоторых простых ситуациях предмет взаимодействия следователя со специалистами-компьютерщиками отсутствует или же он минимален. Например, по уголовному делу Московского городского суда № 2-78\12 по обвинению в статье 105 Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве доказательственной базы были исследованы: электронные переписки, интернет-страницы обвиняемых, видеосюжеты с пропагандой националистических идей, записи камер видеонаблюдения [2]. С одной стороны, некоторые следователи такие следы могут самостоятельно и продуктивно воспринять, оценить и тактически верно использовать в доказывании. Однако, с другой стороны, только специалист-компьютерщик способен определить масштаб и ценность следовой («цифровой») картины. В противном случае оправданы «неудобные» вопросы специалиста со стороны защиты прокурору-обвинителю: достаточен ли объем специальных знаний у следователя, чтобы работать с такими специфическими следами? Кроме того, правомерен и другой вопрос защиты: каким образом и в какой форме закреплены выводы следователя? Возможны и такие вопросы: насколько основательны выводы эксперта; насколько апробирована экспертная практика подобных экспертиз и др.

По сути, эти «трудные» вопросы мог бы задать оперативному работнику и следователь, когда он получает результаты оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) при расследовании компьютерных преступлений. Правила, установленные уголовно-процессуаль-

ным законодательством для закрепления и проверки доказательств, едины для всех сфер деятельности, результаты которых закрепляются и проверяются.

Следует заметить, что законодатель однозначно не говорит о «прямом» использовании результатов ОРМ в качестве доказательств по уголовным делам. Напротив, закреплено предостережение, что, если по каким-то основаниям эти результаты не отвечают необходимым требованиям, то их запрещено использовать в доказывании (ст. 89 УПК РФ). Общепринято, что в «чистом виде», без соответствующих преобразований результаты ОРМ не могут быть доказательствами, даже и в случае известности их источника, законности получения сведений и их достоверности [3, с. 257]. Это означает, что фактические данные должны быть получены:

- субъектами, уполномоченными на проведение соответствующих оперативно-розыскных действий;

- при помощи ОРМ, указанных в статье 6 Закона об ОРД;

- с соблюдением предусмотренного законом и ведомственными нормативными актами порядка ОРМ;

- результаты ОРМ должны быть надлежащим образом зафиксированы в соответствующих оперативно-служебных документах (с последующей систематизацией в деле оперативного учета).

Нам для таких ситуаций представляется актуальными положения о свободе оценки следователем доказательств (ст. 17 УПК РФ), а также нормативные установления о процессуальной самостоятельности следователя (ст. 38 УПК РФ). Следователь вправе по своему усмотрению — решать вопрос, следует ли специально проверять, например, достоверность справок специалистов, которые исследовали носители цифровых доказательств. При этом следователь вправе отстаивать свое решение, понимая свою личную ответственность за его обоснованность и законность. Потому прокурор не вправе указывать следователю пути проверки результатов ОРМ — это прерогатива следователя [4, с. 9].

Заметим, что в качестве существенного недостатка в сфере выявления и использования «цифровых доказательств» следует отметить недопустимые сроки предоставления запрашиваемой информации. Например, операторы сотовой связи по запросу правоохранительных органов представляют информацию в течение нескольких недель или даже месяцев. Заметим,

что сроки хранения информации операторами связи ограничены [5–6].

Решить данную проблему можно с помощью изменения законодательства. Например, закрепить возможность получения следователями необходимой информации: 1) о соединениях сотовой связи до возбуждения дела; 2) возможность получения информации сотовой связи в срочном порядке без судебного запроса. Кроме того, информацию предоставлять в структурированном виде и в указанный следователем срок. Наконец, установить более длительное время хранения информации в системах сотовой связи.

Тактическое маневрирование инструментально-техническими средствами съема компьютерной информации — невероятно сложное дело. Оно требует специальной аппаратуры аналоговой и цифровой обработки с применением определенного программного обеспечения и приборов:

- портативных накопителей (выносных винчестеров);

- очень сложных приборов, которые встраиваются в ПК для восстановления информации и сбора данных;

- специализированных программных драйверов;

- интегрированных измерительных оболочек;

- прикладных проблемно-ориентированных пакетов;

- интерактивных проблемно-решающих средств (например, *MathLab*); и др.

В качестве общего оптимистичного вывода: новые средства и благоприятные возможности совершения преступлений в эпоху цифровизации, одновременно и закономерно позволяют расширить следовую картину компьютерных преступлений и увеличить диапазон тактических приемов и решений, связанных с выявлением «цифровых» следов, их фиксацией и преобразованием в судебные доказательства.

Список источников

1. Волеводз А. Г. Следы преступлений, совершенных в компьютерных сетях // Российский следователь. 2002. № 1. С. 4–12.
2. Кассационное определение Верховного суда Российской Федерации от 7 марта 2013 года, дело № 5-013-16СП. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.04.2023).
3. Маркушин А. Г. Оперативно-разыскная деятельность: учебник и практикум. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2019.

4. Вартанов А. Р. Проблемы процессуальной самостоятельности следователя по УПК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.

5. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: правовой и криминалистический анализ. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 74–76.

6. О связи: федеральный закон от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ // Российская газета. 2003. № 135. 10 июля.

References

4. Vartanov A. R. Problems of procedural independence of an investigator under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Dissertation... candidate of legal sciences. Krasnodar, 2012. (In Russ.)

2. Volevodz A. G. Traces of crimes committed in computer networks. *Russian investigator*, 2002, no. 1, pp. 4–12. (In Russ.)

3. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 7 March 2013 case no. 5-013-16SP. URL: <https://sudact.ru> (accessed 12.04.2023). (In Russ.)

4. Markushin A. G. Operational investigative activity: textbook and workshop. 5th ed. reprint. and add. Moscow: Yurayt Publ., 2019. (In Russ.)

5. Meshcheryakov V. A. Crimes in the field of computer information: legal and forensic analysis. Voronezh: Voronezh State University Publ, 2001. Pp. 74–76. (In Russ.)

6. On Communications: federal law no. 126-FZ of July 7, 2003. *Rossiyskaya Gazeta*, 2003, no. 135, July 10. (In Russ.)

Информация об авторах

А. Ф. Лубин — доктор юридических наук, профессор;

С. А. Лубин — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. F. Lubin — Doctor of Science (Law), Professor;

S. A. Lubin — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.09.2023; одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 05.09.2023; approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Научная статья
УДК 343.3/.7
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-126-130>

Влияние несистемной модернизации российского законодательства на систему уголовного права

Сверчков Владимир Викторович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, sverchkov14@mail.ru

Аннотация. В статье представлены положительные и отрицательные результаты модернизации российского уголовного законодательства, рассмотрены нормативные правовые акты, которые необоснованно изменяют его структуру, препятствуют реализации принципа законности, разрушают сложившуюся систему отечественного уголовного права. Автором предложены варианты устранения негативных последствий такой модернизации и решение проблемы несистемной модификации уголовного закона.

Ключевые слова: должностное лицо, законотворчество, модернизация уголовного законодательства, нормативный правовой акт, публичный служащий, система уголовного права, Уголовный кодекс

Для цитирования: Сверчков В. В. Влияние несистемной модернизации российского законодательства на систему уголовного права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 126–130. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-126-130>.

Original article

The impact of non-systemic modernization of Russian legislation on the criminal law system

Vladimir V. Sverchkov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, sverchkov14@mail.ru

Abstract. The article presents the positive and negative results of the modernization of Russian criminal legislation, examines regulatory legal acts that unreasonably change its structure, hinder the implementation of the principle of legality, destroy the existing system of domestic criminal law. The author offers options for eliminating the negative consequences of such modernization and solving the problem of non-systemic modification of the criminal law.

Keywords: official, lawmaking, modernization of criminal legislation, regulatory legal act, public servant, criminal law system, Criminal Code

For citation: Sverchkov V. V. The impact of non-systemic modernization of Russian legislation on the criminal law system. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 126–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-126-130>.

Активная правотворческая деятельность в 2022—2023 годы, направленная на модернизацию российского уголовного законодательства, не только привела к положительным результатам в сфере регулирования общественных отношений, их охраны, предупреждения преступного поведения, но и показала негативные стороны поспешных, недостаточно продуманных, противоречивых законодательных решений актуальных задач противодействия преступности, преступному поведению.

К достоинствам принятых в указанный период законов уголовно-правового содержания, несомненно, относятся:

а) восполнение пробелов в закреплении ответственности за преступления, совершаемые в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий;

б) усиление ответственности за преступления против общественной и государственной безопасности, основ конституционного строя

© Сверчков В. В., 2023

Российской Федерации (далее — РФ, Россия) для обеспечения жизнеспособности государства, безопасности общества и каждого человека, а также интересов физических / юридических лиц;

в) дифференциация мер уголовно-правового воздействия на лиц, злоупотребляющих служебным положением, в том числе при выполнении государственного оборонного заказа (далее — гособоронзаказ);

г) создание возможности участия в защите отчизны, граждан России, русскоязычного мира тем лицам, которые уличены в совершении общественно опасного поведения, но готовы своим поведением доказать то, что они полезны для общества, «кровью смыть свою вину» перед соотечественниками, государством.

Недостатки масштабного, но торопливого законотворчества видны в неоправданном разрушении изначально гармонично сложенной системы уголовного законодательства России. Так, статья 2 Федерального закона от 31 июля 2023 года № 395-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» включает следующие установления:

а) преступность и наказуемость деяний, совершенных на перечисленных территориях до 30 сентября 2022 года, определяются на основании уголовного законодательства России, а поворот к худшему при этом не допускается;

б) преступным и наказуемым не является деяние, ответственность за которое закреплена нормативными правовыми актами Украины, если оно содержит признаки преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации (далее — УК РФ) [1], но было направлено на защиту интересов России, Донецкой или Луганской народных республик, охраняемых законом интересов граждан/населения либо организаций Российской Федерации, Донецкой или Луганской народных республик, Запорожской либо Херсонской областей [2].

Более того, Федеральным законом от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», предусмотрены, во-первых, основания освобождения от уголовной ответственности либо уголовного наказания в связи с их призывом на военную службу по мобилизации или в военное время либо заключением в период

мобилизации, военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы; во-вторых, условия погашения судимости лиц, отбывших наказания или условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания и призванных на военную службу в указанный период по названным обстоятельствам [3].

Представленные нововведения противоречат установлениям части 1 статьи 1, части 1 статьи 3 УК РФ о том, что *единственным источником российского уголовного законодательства является УК РФ*, необоснованно изменяют его структуру, препятствуют реализации принципа законности, разрушают сложившуюся систему отечественного уголовного права. Для устранения данного противоречия целесообразно не соответствующие требованиям УК РФ решения законодателя заменить правотворческими решениями, которые согласованы с нормами, зафиксированными в отмеченных статьях. Иными словами, на законодательном уровне необходимо выполнить следующее.

1. Федеральный закон от 31 июля 2023 года № 395-ФЗ признать утратившим силу, а изложенную в статье 2 информацию о применении норм УК РФ на вошедших в состав России территориях [2] перенести в Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» [4] — дополнить его девятой статьей.

2. Федеральный закон от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ лишить юридической силы, а содержащиеся в нем положения об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции [3], адаптировать к конструкции норм УК РФ, закрепить их в расширенной редакции статьи 80¹ «Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки», статьи 86 «Судимость» УК РФ, в новых статьях — статье 77¹ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки» УК РФ и статье 26¹ «Прекращение уголовного дела (преследования) в силу изменения обстановки» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Позитивный пример законотворческой деятельности, которая привела к гармоничной модернизации УК РФ, представлен Федеральным законом от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в части дополнения главы 33 УК РФ положениями об ответственности виновных в совершении преступлений против военной

службы в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта, ведения боевых действий [5]. Признана утратившей силу часть 3 статьи 331 УК РФ, которая отсылала правоприменителя к несуществующему законодательству военного времени при определении ответственности за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке [5].

Недостаточно продуманная, несистемная модернизация российского уголовного законодательства наблюдается в содержании статей 201², 201³, 285⁵, 285⁶, введенных в УК РФ Федеральным законом от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ [5], и статьи 274², включенной в УК РФ Федеральным законом от 14 июля 2022 года № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [6].

В перечисленных статьях зафиксированы нормы об ответственности должностных лиц за нарушение условий государственного контракта по гособоронзаказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения такого заказа, за отказ или уклонение от заключения государственного контракта по гособоронзаказу либо договора, необходимого для выполнения данного заказа, а также за нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории России информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования.

При квалификации содеянного правоприменители, несомненно, встретятся с законодательным рассогласованием понятия «должностное лицо» в уголовно-правовом (см. примечание к ст. 274², примечание 1 к ст. 285 УК РФ) и административно-правовом (см. примечание к ст. 2.4, примечание 2 к ст. 13.42 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [7]) значении, со смешением этого понятия с понятием «лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой либо иной организации» (см. примечание 1 к ст. 201 УК РФ). Так, статьи 285⁵ и 285⁶, вошедшие в главу 30 УК РФ, нужно использовать, если преступное поведение осуществлено должностным лицом в контексте примечания 1 к статье 285 УК РФ.

К слову, глава 30 УК РФ предусматривает ответственность преимущественно специальных субъектов, львиную долю которых составляют

должностные лица, охваченные примечанием 1 к статье 285 УК РФ, — физические лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные и (или) административно-хозяйственные функции в структурах, отмеченных в названном примечании.

Статьи 201² и 201³, включенные в главу 23 УК РФ, надлежит применять в отношении понимаемых в административно-правовом смысле должностных лиц головного исполнителя условий государственного контракта по гособоронзаказу, исполнителя условий договора, заключенного с целью выполнения гособоронзаказа, поставщика (исполнителя, подрядчика) российских вооружения, техники. При этом в примечании к статье 2.4 КоАП РФ должностным лицом называется физическое лицо, не только постоянно, временно или в соответствии со специальным полномочию осуществляющее функции представителя власти, а равно выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в органе, учреждении, организации, указанных в примечании 1 к статье 285 УК РФ, но и осуществляющее управленческие функции в другой организации либо предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, являющееся учредителем (участником) юридического лица, и пр.

В силу примечания к статье 274² УК РФ должностным лицом, нарушающим правила централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории России информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», сети связи общего пользования, является физическое лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее управленческие, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой либо иной организации. Как видно, определение понятия «должностное лицо» синтезирует неоднородные положения уголовного (см. примечание 1 к ст. 201, примечание 1 к ст. 285 УК РФ) и административного (см. примечание к ст. 2.4, примечание 2 к ст. 13.42 КоАП РФ) законодательства.

Наконец, Федеральным законом от 14 июля 2022 года № 260-ФЗ [6] в УК РФ введена статья 283² «Нарушение требований по защите государственной тайны», третья часть которой предусматривает ответственность должностного лица,

использовавшего для совершения преступления свое служебное положение. Однако понятие должностного лица как субъекта данного преступного посягательства не определено ни в уголовном законе, ни в интерпретационном правовом акте. Правоприменителю необходимо найти ответ на вопрос о возможном использовании в такой ситуации элементов аналогии закона: опереться на определение понятия должностного лица, представленное в примечании 1 к статье 285 УК РФ, или на таковое, отраженное в примечании к статье 274² УК РФ (первое определение относится только к статьям гл. 30 УК РФ, второе — исключительно к ст. 274² УК РФ)? А может быть, выбрать иной вариант, поскольку предыдущие противоречат требованию части 2 статьи 3 УК РФ?

Итак, торопливость законодателя, несистемная модернизация уголовного закона послужили причиной возникновения полисемии (многозначности) термина «должностное лицо», фиксации в обозначаемом им понятии неоднородных признаков, вызвали неоправданную конкуренцию между понятиями «должностное лицо» и «лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой либо иной организации». Устранение рассогласования законодательных положений возможно посредством унификации признаков специальных субъектов посягательств на интересы службы в органах власти, учреждениях, организациях, которая направлена на формирование единого субъекта. Таким субъектом целесообразно признать публичного служащего, а следовательно, ввести в УК РФ категорию «публичный служащий» вместо категорий «должностное лицо» и «лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой либо иной организации».

Публичными служащими нужно считать физических лиц, которые осуществляют профессиональные функции а) государственных / муниципальных служащих от имени государства или органа местного самоуправления, б) служащих, представляющих интересы иностранных либо международных, коммерческих или некоммерческих организаций, учреждений.

Ответственность лиц, наделенных свойствами указанного специального субъекта преступного посягательства, возможно дифференцировать введением таких дополнительных признаков, как принадлежность злочинец к представителям власти, а равно лицам, выполняющим управленческие функции, занимающим государственную должность Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, к участникам преступной группы

и т. д. Осуществление функций представителя власти либо организационно-распорядительных и (или) административно-хозяйственных функций в соответствующих органах, учреждениях, организациях возможно закрепить в уголовном законе в качестве конструирующих, квалифицирующих, особо квалифицирующих признаков отдельных преступных деяний.

Замена «публичным служащим» категорий «должностное лицо» и «лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой либо иной организации», позволит: а) устранить сложности правоприменения, вызванные полисемией термина «должностное лицо» и конкуренцией между названными категориями; б) унифицировать признаки базового специального субъекта преступных посягательств на интересы службы в органах власти, учреждениях, организациях; в) активно, без преодоления формальных препятствий противодействовать указанным посягательствам, другому общественно опасному поведению, которое имеет коррупционную направленность, сопряжено с использованием лицом служебного положения; г) оптимизировать структуру уголовного закона объединением смежных норм, зафиксированных в статьях глав 23 и 30 УК РФ.

Таким образом, оперативная и масштабная модернизация уголовного законодательства приводит не только к позитивным результатам, но и порой влечет принятие нормативных правовых актов, направленных на разрушение научно обоснованной и более четверти века обеспечивающей эффективное правоприменение системы российского уголовного права. Эти акты не соответствуют основополагающим идеям, началам, на которых базируется данная система и сообразно которым формируются и формулируются доктринальные и нормативные правовые положения о преступности и неправомерности деяний, наказуемости общественно опасных деяний, об иных мерах уголовно-правового воздействия.

Для устранения изложенных негативных последствий поспешного, недостаточно продуманного законотворчества, для сохранения системы отечественного уголовного права авторам-разработчикам уголовно-правовых норм целесообразно вступившие в силу и проектируемые нормы согласовать с требованиями статей 1 и 3 УК РФ, а также ввести в УК РФ категорию «публичный служащий» вместо категорий «должностное лицо» и «лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой либо иной организации».

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 11.11.2023).
2. О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области: федеральный закон от 31 июля 2023 года № 395-ФЗ // Российская газета. 2023. 3 августа.
3. Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: федеральный закон от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ // Российская газета. 2023. 26 июня.
4. О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 года № 64-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10701/ (дата обращения: 11.11.2023).
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ // Российская газета. 2022. 26 сентября.
6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14 июля 2022 года № 260-ФЗ // Российская газета. 2022. 19 июля.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 11.11.2023).

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation: federal law no. 63-FZ of June 13, 1996. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed 11.11.2023). (In Russ.)
2. On the application of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in the territories of the Donetsk People's Republic, Luhansk People's Republic, Zaporozhye Region and Kherson Region: federal law no. 395-FZ of July 31, 2023. *Rossiyskaya Gazeta*, 2023, August 3. (In Russ.)
3. On the specifics of criminal liability of persons involved in a special military operation: federal law no. 270-FZ of June 24, 2023. *Rossiyskaya Gazeta*, 2023, June 26. (In Russ.)
4. On the enactment of the Criminal Code of the Russian Federation: federal law no. 64-FZ of June 13, 1996. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10701/ (accessed 11.11.2023). (In Russ.)
5. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: federal law no. 365-FZ of September 24, 2022. *Rossiyskaya Gazeta*, 2022, September 26. (In Russ.)
6. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: federal law no. 260-FZ of July 14, 2022. *Rossiyskaya Gazeta*, 2022, July 19. (In Russ.)
7. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation: federal law no. 195-FZ of December 30, 2001. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (accessed 11.11.2023). (In Russ.)

Информация об авторе

В. В. Свечков — доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

V. V. Sverchkov — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 11.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-131-136>

О нормативно-правовой конструкции допустимости доказательств и возможности ее совершенствования в уголовном процессе

Терехин Владимир Вячеславович¹, Шевченко Орест Александрович²

¹Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, v.w.terekhin@yandex.ru

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, oas2310@mail.ru

Аннотация. В данной статье авторы исследуют природу допустимости уголовно-процессуальных доказательств в контексте типологически разнородных досудебной и судебной частей судопроизводства, предпринимают попытку правового анализа проблематики нормативно-правовой конструкции допустимости и предлагают возможное направление развития данного процессуального института.

Ключевые слова: допустимость, законность, стандарт, сторона, доказательство, внутреннее убеждение, свобода, формальная оценка

Для цитирования: Терехин В. В., Шевченко О. А. О нормативно-правовой конструкции допустимости доказательств и возможности ее совершенствования в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 131–136. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-131-136>.

Original article

On the regulatory and legal structure of the admissibility of evidence and the possibility of its improvement in criminal proceedings

Vladimir V. Terekhin¹, Orest A. Shevchenko²

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, v.w.terekhin@yandex.ru

²National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, oas2310@mail.ru

Abstract. In this article, the authors explore the nature of the admissibility of criminal procedural evidence in the context of the typologically heterogeneous pre-trial and judicial parts of legal proceedings, attempt a legal analysis of the problems of the normative legal structure of admissibility and propose a possible direction for the development of this procedural institution.

Keywords: admissibility, legality, standard, side, evidence, inner conviction, freedom, formal assessment

For citation: Terekhin V. V., Shevchenko O. A. On the regulatory and legal structure of the admissibility of evidence and the possibility of its improvement in criminal proceedings. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 131–136. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-131-136>.

Подтверждением значения института допустимости как средства обеспечения режима законности и, следовательно, защиты прав и свобод участников судопроизводства, стали нормы, принятой в 1993 году Конституции Российской Федерации, в части 2 статьи 50 которой зафиксировано, что при осуществлении

правосудия не могут использоваться доказательства, при формировании которых были допущены нарушения федерального закона. Законодатель, фактически отождествив законность доказывания и допустимость доказательств в части 3 статьи 7 УПК РФ, обозначил в нормах статей 75, 89, части 3 статьи 226.5,

© Терехин В. В., Шевченко О. А., 2023

пункте 9 части 2 статьи 389.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) пределы действия принципа свободы оценки доказательств, тем самым актуализировав значение данного института и проблематику его применения для уголовного судопроизводства в целом.

Запрет по формальным основаниям использования показаний подозреваемого, обвиняемого, сообщенные в отсутствие защитника и неподтвержденные в суде, а также показаний свидетеля и потерпевшего, источник которых неизвестен или имеющих характер предположений (ч. 2 ст. 75 УПК РФ) — явно не согласуется с идеей свободы оценки доказательств, основанной на внутреннем убеждении субъекта доказывания [1, с. 6–8]. В норме статьи 75 УПК РФ законодатель применил принцип формальной оценки. Абсолютизация значения формальных признаков в оценке допустимости свидетельствует о следственной (инквизиционной) модели формирования доказательств, реализованной законодателем в УПК РФ. В этой связи оценка допустимости доказательств закономерно является оценкой законности действий субъектов доказывания, прежде всего тех из них, кто осуществляет досудебное уголовное преследование: следователей, дознавателей, должностных лиц органов, наделенных полномочиями осуществления оперативно-розыскной деятельности. И именно поэтому, вопросы допустимости доказательств становятся главным предметом борьбы сторон в ходе судебного разбирательства. Традиционно низкий процент оправдательных приговоров постановляемых российскими судами (последние 10 лет количество вынесенных судами оправдательных приговоров не превышало 0,5 % от общего числа рассмотренных, а в 2017 году этот показатель составил 0,21 %) [2] и сведения ЕСПЧ за 2021 год о том, что по выявленным конвенциональным нарушениям состоялись отмены и изменения судебных актов по 1 091 уголовному делу и материалу в отношении 1 124 лиц [3] могут свидетельствовать об актуальности проблемы поддержания режима законности в доказывании по уголовным делам через призму нормативно-правовой конструкции допустимости доказательств. Выход России из ряда структур Совета Европы и фактическое прекращение «сотрудничества» с ЕСПЧ после 16 марта 2022 года создали перманентную опасность снижения уровня защищенности прав, свобод, законных интересов граждан, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства.

Участвуя в работе совещания судей Российской Федерации 14 февраля 2023 года, Президент Российской Федерации отметил: «Важно, чтобы принятые по итогам съезда решения вели к реальным изменениям, повышали качество работы судебной системы, а значит, делали более доступной и эффективной защиту прав, свобод и законных интересов наших граждан. В этом залог развития России как правового демократического государства, страны с высокими социальными стандартами, конкурентным деловым климатом и привлекательной национальной юрисдикцией» [4].

Такие аспекты международного сотрудничества по уголовным делам, как уголовное преследование лиц, совершивших преступление и скрывшихся от следствия и суда за пределами Российской Федерации, международный розыск, задержание и экстрадиция обвиняемых по уголовным делам, собиравшие доказательства за пределами территории России и др., значительно затруднены причинами, прямо и косвенно «завязанными» на оценку допустимости доказательств, используемых обвинением в публичных интересах. Многие резонансные уголовные дела (например, по обвинению: гр-н Гусинского, Чичваркина, Бородина и др.) до настоящего времени не могут быть окончены производством ввиду отказа компетентных органов ряда зарубежных стран оказать необходимое содействие российским правоохранительным органам. В свою очередь, компетентные органы ряда ведущих стран Запада (прежде всего США и Великобритании) имеют встречные претензии к отечественным правоохранителям (уголовные дела в отношении Магнитского, Литвиненко, Ходорковского и Лебедева и др.). По сути, типичным примером являлось уголовное дело по обвинению известного предпринимателя Г. Трефилова в преступлении, предусмотренном частью 4 статьи 159 («Мошенничество») УК РФ, которое расследовалось с 2010 года. По материалам МВД РФ г. Трефилов совершил мошенничество в особо крупном размере (более чем на 1,3 млрд рублей) и скрылся от следствия, в связи с чем он был объявлен в международный розыск [5]. В соответствии с уголовно-процессуальным законом Российской Федерации, в сентябре 2011 года компетентным российским органом был направлен запрос об экстрадиции обвиняемого. Дело об экстрадиции рассматривал судья округа Вестминстер г. Лондона [6]. Принимая во внимание состязательный (прецедентный) тип уголовного судопроизводства Соединенного Королевства Великобритании

и Северной Ирландии представляет интерес судебное решение по данному резонансному делу, а именно, его обоснование и мотивирование в части допустимости некоторых доказательств, положенных в основу итогового решения, поскольку все дальнейшие судебные решения будут учитывать данное решение.

Следует отметить, что в запросе об экстрадиции в соответствии с нормами национально-го и международного права закрепляется обязательство Российской Федерации обеспечить все необходимые гарантии правовой защиты лица (в соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод), в отношении которого инициируется данная процедура. Рассмотрев поступившие от сторон материалы, английский судья отказал российской стороне в удовлетворении ее запроса и постановил возместить г. Трефилову расходы, понесенные в ходе судебного процесса (свыше 1 млн долларов США). Вынесенное судебное решение стало окончательным и не подлежало обжалованию. В такой ситуации денежные средства выплачиваются из государственной казны, а затем взыскиваются с государства (Российской Федерации) в порядке регрессного иска. В решении судья указал, что никаких доказательств виновности Трефилова из российских компетентных органов не поступило. В то же время судьей были исследованы и признаны доброкачественными доказательствами материалы, представленные Трефиловым и его защитником [7]. В качестве доказательств стороной защиты были представлены аудиозаписи разговора сотрудника Генеральной прокуратуры России, осуществлявшего надзор за расследованием уголовного дела в отношении Трефилова и Г. Усупашвили — представителя Трефилова, о прекращении уголовного преследования последнего за денежное вознаграждение. Интерес представляют не детали «переговоров», а подход судьи к проверке и оценке указанных источников доказательственной информации. Аудиозаписи судьи непосредственно прослушал в судебном заседании и на основе внутреннего убеждения признал допустимыми доказательствами [7], несмотря на совершенно «непроцессуальный» способ их получения стороной защиты. В основе его решения лежит основополагающая для системы прецедентного права идея о том, что допустимость служит средством:

— обеспечения достоверного знания об обстоятельствах, ставших предметом судебного разбирательства;

— обеспечения беспристрастности суда;
— создания справедливых условий состязания сторон.

Отметим еще раз: отличительным свойством допустимости доказательств англо-американского доказательственного права является принцип о приоритете достоверности (способности доказывать что-либо) над формальными установлениями закона о процедуре доказывания. Вместе с тем суд вправе признать любое доказательство не имеющим юридической силы, если в ходе его получения были необоснованно или излишне нарушены права участников судопроизводства.

В отечественной системе уголовного правосудия подобная ситуация — признание судом допустимыми доказательствами результатов непроцессуальной деятельности — в принципе не может иметь место, ввиду исключительно формально-юридического, следственного (позитивистского) подхода к пониманию свойства допустимости доказательств. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 допустимость доказательства связывает с соблюдением следующих условий:

- а) получено из предусмотренного законом источника (ст. 74 УПК РФ);
- б) предусмотренным законом способом (только следственные, процессуальные действия);
- в) зафиксировано в установленной законом форме;
- г) получено уполномоченным субъектом доказывания.

Этот подход, исповедуемый отечественным законодателем, создает две серьезные проблемы (методологического и нормативного характера). Первая — фактически препятствует достижению информационного превосходства над преступным элементом, что является ключевым условием эффективного уголовного преследования. Вторая — формально-юридическое понимание свойства допустимости обусловливает и соответствующий подход к его оценке. Принцип оценки допустимости на основе свободы внутреннего убеждения фактически подменяется принципом формальной оценки. Начало этому процессу положил сам законодатель, обязав признавать показания подозреваемого, обвиняемого данные в отсутствие защитника и неподтвержденные в суде — недопустимыми доказательствами. Также недопустимыми, будут показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности, даже если достоверность этих показаний

была подтверждена дальнейшими результатами расследования.

Стремясь уравнивать допустимость и законность, в ее формально-юридическом значении, сторона защиты в суде, как правило, отстаивает бескомпромиссную позицию о том, что любое отступление должностными лицами органов уголовного преследования от формально определенных (позитивных) правил доказывания должно повлечь утрату такими доказательствами юридической силы. По мнению этих специалистов, не имеет значения, вызваны ли эти отступления действиями самих должностных лиц или иных участников, были они совершены с умыслом или невиновно, повлекли они какие-либо негативные последствия или нет.

С другой стороны, законодатель, исповедуя крайне догматический подход к определению допустимости средств доказывания, используемых в досудебном уголовном преследовании, фактически препятствует широкому использованию современных цифровых / технических средств доказывания, чему также способствует позиция весьма многочисленной группы специалистов в области теории доказательств, обосновывающих тезис о недопустимости какой-либо деформализации процедуры формирования доказательств. Отрицание доказательственного значения результатов непроцессуального познания (например: оперативно-розыскного, адвокатского), независимо от достоверности этих сведений и внутреннего убеждения суда, представляется спорным в условиях нарастания процессов цифровой трансформации всех сфер общественного сознания социума.

Догматизируя понятие допустимости как гарантии соблюдения прав личности в доказывании, отечественный законодатель усугубляет формально-юридический подход к пониманию сущности свойства допустимости уголовно-процессуальных доказательств.

Концепция объективной истины, как цели уголовно-процессуального доказывания, в этом смысле вполне объясняла сущность и основное значение свойства допустимости доказательств, как барьера на пути проникновения в доказывание недостоверных, неverified сведений (фактических данных). При этом за допустимостью доказательств признавалось значение и гарантии от злоупотребления властью. Очевидно, что применение правил о допустимости и с целью достижения объективного знания о преступлении и для защиты прав и законных интересов участников судопроизводства было вполне оправданным в условиях

идеологического бесправия и широкого применения административно-командных методов управления общественной, экономической, политической и другими сферами государства. Реализованная в практике советского судопроизводства концепция объективной истины как цели доказывания, временами деформировалась до уровня круговой поруки профессиональных участников судопроизводства, в целях удовлетворения односторонне-публичных интересов.

Следует признать справедливость утверждения о том, что категория цели в праве не имеет смысла вне сознания и практической деятельности тех, кто реализует право [8, с. 76]. В этом смысле категория цели уголовно-процессуального доказывания детерминирована целью (мышлением о целеполагании) правоприменителей. Сущность понятия допустимости, его значение, по нашему мнению, постигается через установление происхождения этого явления, но также и через осмысление предназначения (в т. ч. этическое значение) и его эмпирическое содержание в правовой реальности.

Очевидное несовпадение законного и правового в реалиях судопроизводства обусловлено несоответствием формально-юридического выражения допустимости ее подлинной, правовой сущности.

Действительность нормативно-позитивного аспекта основывается, прежде всего, на авторитете власти как таковой, на авторитете Закона. Требуется осмысления позиция, высказанная В. П. Малаховым и утверждающая, что «действительным основанием действительного права» является не его целесообразность, а именно авторитет власти и исходящих от нее (позитивных) предписаний [8, с. 65]. Авторитет любой власти имманентно связан с чувством безопасности и защищенности членов социума. Защищенности как от преступных посягательств, так и от неправомерных действий лиц, ведущих досудебное уголовное преследование.

Полагаем, что в широком правовом понимании значения института допустимости доказательств существенное значение имеет сама «правовая реальность», то есть те сложившиеся отношения между участниками доказывания, которые обусловлены не позитивным (государственным) началом, а рациональными интересами участников уголовно-процессуального доказывания. По Ю. Хабермасу, формула права в целом выводится из рациональности бытия (того, что существует) [9]. Полагаем, что среди правовых систем ведущих государств мира именно система прецедентного (англо-американского)

права дает наглядный пример того, как бытие права рождается из судебных решений и обретает силу и авторитет решений власти, поскольку в основе этих решений лежит смесь рационального и духовного, принимаемого и поддерживаемого социумом. В этом смысле упомянутое нами решение английского суда вводит в сферу допустимого (в уголовном судопроизводстве) сведения, достоверность которых не вызвала у суда сомнений, процесс получения которых не причинил какого-либо ущерба правам и законным интересам иных участников, но при этом они не были получены профессиональными участниками судопроизводства, не были получены процессуальным способом.

Конкретные позитивные установления, регулирующие процедуру уголовно-процессуального доказывания через субъективные права его участников, следует считать лишь в той мере правовыми, в которой они способствуют общему упорядочиванию социальных, общественных отношений. Соответственно, позитивные нормы, содержащие эти установления, будут правовыми в случае их согласованности с системой права в целом, в том числе имеющей место правовой реальностью, важнейшим аспектом которой является адекватность средств доказывания уровню и характеру преступности. Институт допустимости доказательств призван содействовать повышению эффективности уголовного преследования, а не противодействовать ему. Представляется оправданным отказ от запретительного характера нормативного регулирования порядка введения некоторых результатов оперативно-розыскной деятельности (гласных ОРМ) в уголовное судопроизводство; отказ от идеи формальной оценки допустимости показаний подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, закреплённой в статье 75 УПК РФ, расширение возможностей использования цифровых технологий для формирования доказательств. Решение о допустимости использования сведений, полученных непроцессуальным путем в качестве доказательств, несомненно, может быть прерогативой только суда. Нарушения конституционных прав и законных интересов участников судопроизводства либо не установленная достоверность таких сведений, очевидно, должны повлечь решение об отсутствии у таких сведений свойства допустимости.

Список источников

1. Зажицкий В. Источники осведомленности в уголовно-процессуальном доказывании // Советская юстиция. 1983. № 8. С. 6–8.

2. Предисловие Председателя ВС РФ В. М. Лебедева к 4-му изданию «Право Европейской конвенции по правам человека» / Харрис, О'Бойл и Уорбрик. Москва: Развитие правовых систем, 2021. 1448 с.

3. Куликов В. В России снизилось количество обвинительных приговоров. URL: <https://rg.ru/2023/07/23/sud-v-opravdanie.html> (дата обращения: 30.09.2023).

4. Выступление В. В. Путина на совещании судей 14 февраля 2023 года. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/32144/ (дата обращения: 30.09.2023).

5. Экс-глава холдинга «Марта» Трефилов арестован в аэропорту Лондона. 22.03.2013. URL: <https://www.forbes.ru/news/236087-eks-glava-holdinga-marta-trefilov-arestovan-v-aeroportu-londona> (дата обращения 30.11.2023).

6. Прокурора взяли по сигналу из Лондона. Международный розыск не помешал Георгию Трефилову посадить ветерана Генпрокуратуры / Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2092992> (дата обращения: 30.11.2023).

7. Британский судья пришел в ужас от размаха российской коррупции / Век. URL: <https://wek.ru/britanskij-sudya-prishel-v-uzhas-ot-razmaha-rossijskoj-korrupcii> (дата обращения: 01.12.2023).

8. Малахов В. П. Философия права. Идеи и предположения: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция» и «Философия». Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.

9. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. Москва, 1995.

References

1. Zazhitsky V. Sources of awareness in criminal procedural evidence. *Soviet justice*, 1983, no. 8, pp. 6–8. (In Russ.)

2. Harris O'Boyle and Warbrick. Preface by the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation V. M. Lebedev to the 4th ed. of "The Law of the European Convention on Human Rights". Moscow: Development of legal systems Publ., 2021. 1448 p. (In Russ.)

3. Kulikov V. The number of convictions in Russia has decreased. URL: <https://rg.ru/2023/07/23/sud-v-opravdanie.html> (accessed 30.09.2023). (In Russ.)

4. Speech by V. V. Putin at a meeting of judges on February 14, 2023. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/32144/ (accessed 30.09.2023). (In Russ.)

5. The ex-head of the Marta holding Trefilov was arrested at London airport. 22.03.2013. URL: <https://www.forbes.ru/news/236087-eks-glava-holdinga-marta-trefilov-arestovan-v-aeroportu-londona> (accessed 30.09.2023). (In Russ.)

6. The prosecutor was taken on a signal from London. The international search did not prevent Georgy Trefilov from imprisoning the veteran of the Prosecutor General's Office. *Kommersant*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2092992> (accessed 30.09.2023). (In Russ.)

7. The British judge was horrified by the scale of Russian corruption. *Century*. URL: <https://wek.ru/britanskij-sudya-prishel-v-uzhas-ot-razmaxa-rossijskoj-korrupcii> (accessed 30.09.2023). (In Russ.)
8. Malakhov V. P. Philosophy of Law. Ideas and assumptions: textbook a manual for university students studying in the specialties "Jurisprudence" and "Philosophy". Moscow: UNITY-DANA Publ., 2008. (In Russ.)
9. Habermas Yu. Democracy. Intelligence. Moral. Moscow lectures and interviews. Moscow, 1995. (In Russ.)

Информация об авторах

В. В. Терехин — доктор юридических наук, доцент;
О. А. Шевченко — кандидат юридических наук.

Information about the authors

V. V. Terekhin — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;
O. A. Shevchenko — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 10.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 10.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Научная статья
УДК 004; 34.5
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-137-142>

Имплементация в Российской Федерации документов Международной организации по стандартизации

Бирюков Павел Николаевич

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия, birukovpn@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам реализации документов Международной организации по стандартизации в России. Автор исследует роль различных государственных органов в осуществлении правил ИСО в Российской Федерации. Характеризуются формы и способы имплементации документов ИСО в правовую систему Российской Федерации. В деталях изучается юридический механизм имплементации Стандартов ИСО. Автором продемонстрировано непосредственное регулирование документами ИСО внутригосударственных отношений, выявлены основные проблемы и тенденции. Обосновывается вывод о прямом действии актов ИСО в Российской Федерации.

Ключевые слова: Международная организация по стандартизации (ИСО), стандарты ИСО, национальная имплементация, право Российской Федерации

Для цитирования: Бирюков П. Н. Имплементация в Российской Федерации документов Международной организации по стандартизации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 137–142. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-137-142>.

Original article

Implementation of documents of the International Organization for Standardization in the Russian Federation

Pavel N. Biriukov

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, birukovpn@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of the status of documents of the International Organization for Standardization in Russia. The author explores the role of various government bodies in the implementation of ISO rules in the Russian Federation. The forms and methods of implementing ISO documents into the legal order of the Russian Federation are characterized. The legal mechanism for the implementation of ISO Standards is studied in detail. The author demonstrated the direct regulation of intrastate relations by ISO documents, identified the main problems and trends. The conclusion about the direct effect of ISO acts in the Russian Federation is substantiated.

Keywords: International Organization for Standardization (ISO); ISO standards; national implementation; law of the Russian Federation

For citation: Biriukov P. N. Implementation of documents of the International Organization for Standardization in the Russian Federation. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 137–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-137-142>.

С 1946 года в мире функционирует Международная организация по стандартизации [1] (далее — ИСО, ISO). Разрабатываемые данной Организацией документы помогают государственным органам и частным структурам функционировать более эффективно, снижают количество сбоев в работе, уменьшают воздействие на окружающую среду, защищают

конфиденциальную информацию в ИТ-сфере и т. д.

Перечень сфер применения правил Организации очень широк, а количество опубликованных ею документов исчисляется сотнями [4, с. 24–29]. Правила ИСО, с одной стороны, являются ориентиром для национального законодателя, с другой — применяются в каждом

© Бирюков П. Н., 2023

государстве-участнике непосредственно, чаще всего вместе с имплементационными нормами.

На основании положений статьи 79 Конституции Российской Федерации (в редакции 2020 года) Россия может участвовать в межгосударственных объединениях, передавать им часть своих полномочий. В правовой системе Российской Федерации стандарты *ISO* рассматриваются в качестве документов международных организаций.

Вместе с тем комплексное исследование механизма реализации стандартов *ISO* в России не проводилось. Более того, встречаются и явно ошибочные суждения относительно природы *ISO* и юридической силы ее документов. К примеру, С. Р. Бакиева рассматривает *ISO* как «неправильное объединение, в котором имеют членство свыше 150 представителей разных государств (в том числе России). На основе производимых здесь аналитических и научных исследований, а также вырабатываемых в результате их стандартов производится дополнение или разработка соответствующих нормативных правовых актов» [3, с. 46].

В периодике можно отметить лишь работы по частным аспектам проблематики. Так, Д. В. Королев изучал роль стандарта 9001:2000 в повышении эффективности деятельности организации [8, с. 23–28]. В. С. Иритикова рассматривала правила *ISO* и алгоритмы управления документами [7, с. 28–33]. Н. Г. Суровцева описывала действие стандарта 15489-1-2019 [9, с. 36–44]. Е. В. Холодная лишь ссылалась на *ISO / IEC 2382-1:1993* «Информационные технологии», не объясняя его юридический статус в Российской Федерации [11, с. 25]. С. Р. Темирплатов указывает, что реализованные в *SWIFT* концепции, форматы и правила передачи финансовой информации приобрели статус общепринятого международного стандарта. Причем не только де-факто, но во многих случаях де-юре, например стандарты *ISO 9362* (банковские идентификационные коды *BIC*) и *ISO 15022* (Стандарты сообщений по ценным бумагам) [10].

Так, В. Ф. Янковая в этой связи справедливо подчеркивает: существует «не так много исследований, в которых давался бы анализ этих стандартов и рассматривались вопросы их применения в сфере управления документами в организациях, хотя эти стандарты заслуживают более внимательного изучения и более широкого применения» [13, с. 34]. Вместе с тем и В. Ф. Янковая писала, прежде всего, о документообороте, затрагивая лишь отдельные аспекты юридического статуса правил *ISO* в целом [12].

Между тем вопросы механизма имплементации документов *ISO* в российском правовом порядке до сих пор остаются вне поля зрения большинства ученых.

Попытку частично осветить этот вопрос в 2022 году предприняли С. А. Горелова и Л. Н. Варламова. Они правильно отмечали, что правила *ISO* «уже много лет внедряются в России в качестве национальных стандартов, но «методом обложки», то есть дословно» [5, с. 99]. Начиная с 2010-х годов, ситуация изменилась в связи с решением *ISO / ТК 46*. Все началось после публикации в 2011 году версий *ISO 30300* и *ISO 30301*, а затем и «Белой книги». В результате были утверждены общие правила исполнения указанных стандартов. Однако и в этом случае авторы сконцентрировали свое внимание на механизме имплементации в сфере управления качеством. Вместе с тем проблема применения стандартов *ISO* намного шире менеджмента и документооборота.

Сфера действия правил *ISO* включает в себя не только экономику, но и правоохранительную сферу, и другие области права.

Так, существует около 100 стандартов *ISO* и Международной электротехнической комиссии (далее — МЭК) (имплементация документов МЭК требует отдельного изучения и в предмет данной статьи не входит) в сфере цифровой криминалистики. Ими руководствуются как специалисты правоохранительных учреждений, так и суды, принимая или отвергая доказательства в электронной форме. В частности, документ *ISO 27037:2012* содержит «Руководство по идентификации, сбору, получению и сохранению цифровых доказательств». Стандарт *27042:2015* закрепил правила анализа и интерпретации электронных данных. В правилах *ISO 27043:2015* перечислены рекомендации для процессов расследования с использованием цифровых доказательств. На основе указанных документов в России приняты имплементирующие их национальные стандарты. Так, документ 17799:2005 реализовался в российском ГОСТе *ISO / МЭК 17799-2005*; правила *27037:2012* превратились в ГОСТ *ISO / МЭК 27037-2014* и т. д.

Документы *ISO* действуют и в других сферах жизни государства. К примеру, приказ Минтранса Российской Федерации от 21 октября 1993 года № 46 установил правила действия документов Организации на морском транспорте.

Приказ Минтруда России от 25 декабря 2012 года № 627 определил методику доступности объектов и услуг для инвалидов и других

маломобильных групп населения на базе ИСО 9999:2002.

Приказом Минсельхоза России от 26 августа 2022 года утверждены вопросы применения ИСО 17025 при экспертизе ветеринарных лекарств.

Интересно, что некоторые стандарты ИСО опосредовались Межгосударственным советом по стандартизации, метрологии и сертификации в рамках СНГ. К примеру, Совет (протокол № 9-96 от 11–12 апреля 1996 года) принял Межгосударственный классификатор стандартов. Он представляет собой полный аутентичный текст Классификатора ИСО и был предназначен для использования при построении каталогов нормативных документов по стандартизации и т. д. Общероссийский классификатор валют гармонизирован с Международным стандартом ИСО 4217-2000 «Коды для представления валют и фондов» и Межгосударственным классификатором валют МК (ИСО 4217) 003-97. Так, в механизме имплементации появилось еще одно звено (на мой взгляд, излишнее). Правда, в последнее время нормотворчество Совета практически сошло на нет.

За последние 30 лет нашим государством был накоплен большой материал по осуществлению норм *ISO*. Какой механизм имплементации правил Организации на национальном уровне сложился в итоге?

Начну с того, что с 90-х годов прошлого века в нашей стране формировалась Единая система классификации и кодирования технико-экономической и социальной информации Российской Федерации [2] (далее — ЕСКК). В настоящее время она устанавливает единые методологические и организационные основы проведения работ по классификации и кодированию технико-экономической и социальной информации, состав, содержание и порядок проведения этих работ.

Функционирование ЕСКК обеспечивают Ростехрегулирование, Росстат, Минэкономразвитие, Минобрнауки, Минздрав и другие структуры. Указанными ведомствами проводятся работы по поддержке классификаторов, созданию описаний и глоссариев; при этом объем стандартизованных и рекомендуемых терминов постоянно расширяется.

Важнейшим направлением деятельности госорганов в сфере обеспечения ЕСКК стало правотворчество в целях реализации документов *ISO*. Анализ показывает, что в настоящее время сложилась следующая схема имплементации указанных норм.

Во-первых, закреплен **общий механизм встраивания документов ISO** в российский правовой порядок.

Учитывая, что Россию в ИСО представляет Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии, Правительство Российской Федерации постановлением от 28 июня 2016 года № 589 учредило Федеральный информационный фонд стандартов. Ростехрегулированию было поручено обеспечение функционирования Фонда. ФГУП «Российский институт стандартизации» наделили полномочиями национального органа «в части распространения и воспроизведения публикаций ИСО» на территории Российской Федерации.

Вторым по значимости институциональным элементом механизма имплементации стал Росстандарт. Так, 3 октября 2013 года издан приказ № 1129 «О развитии работ по внедрению информационных ресурсов Международной организации по стандартизации (ИСО) в Российской Федерации». Задача по внедрению информационных сервисов ИСО была возложена на ФГУП «СТАНДАРТИНФОРМ». Приказ Росстандарта от 3 декабря 2020 года № 2001 «Об организации работ по распространению документов по стандартизации Международной организации по стандартизации (ИСО) и Международной электротехнической комиссии (МЭК) на территории Российской Федерации» регламентировал дальнейшую организацию работ по распространению документов ИСО в соответствующей сфере.

Во-вторых, сформировался **специальный механизм встраивания документов ISO в российский правовой порядок**. Он предполагает «разовую» имплементацию отдельных документов Организации.

Например, в приказе ФНС России от 22 марта 2022 года № ЕД-7-19/228@ «Об утверждении Руководства по качеству ФНС России» делались ссылки на ИСО 9001-2015, 9000-2011, 31010:2009 и имплементационные документы. Указанным приказом налоговым органом вменялось совместное применение международных и национальных норм.

Информационное письмо Банка России от 28 декабря 2022 года № ИН-04-45/146 «О регистрации российского формата *ISO 13616 (IBAN)*» информировало финансовые учреждения и их клиентов о регистрации формата представления российских банковских реквизитов в соответствии со стандартом *ISO 13616* «Международный номер банковского счета» (*IBAN*). Этот формат применяется с 1 апреля 2023 года.

Банк России рекомендовал кредитным организациям использовать его для трансграничных переводов.

При анализе способов имплементации в России документов *ISO* можно выявить два основных.

Первый. Издание имплементационного акта и совместное применение международных и национальных норм во внутригосударственной сфере.

Так, на основе акта ИСО 10012:2003 приказом Ростехрегулирования от 18 декабря 2008 года № 646-ст был утвержден идентичный национальный стандарт. Они адресованы госорганам, коммерческим и некоммерческим организациям для совместного применения.

В соответствии с приказом Росстандарта от 22 декабря 2011 года № 1574-ст в действие с 1 января 2013 года вступали и документ *ISO* 9000-2011, и национальный стандарт.

Второй. Санкционирование прямого применения документов ИСО в Российской Федерации.

ГОСТ Р ИСО 9000-2015 был утвержден приказом Росстандарта от 28 сентября 2015 года № 1390-ст. В пункте 4 приказа подчеркивалось, что российский стандарт идентичен международному.

Надо сказать, что документы *ISO* имплементируются не только Ростехрегулированием и Росстандартом.

Так, письмо Росаккредитации от 30 октября 2019 года № 25521/05-ЕФ подчеркивало, что требования стандарта *ISO / IEC* 17025-2019 распространяются на деятельность испытательных и калибровочных лабораторий. Юридическим лицам, предпринимателям, выполняющим работы и оказывающим услуги в области обеспечения единства измерений по поверке средств измерений для соответствия критериям аккредитации необходимо установить его в руководстве по качеству правила управления рисками и возможностями.

Письмо Росздравнадзора от 7 февраля 2020 года № 02И-256/20 рекомендовало за нарушение российских норм и соответствующих правил *ISO* 7376 привлекать нарушителей к ответственности по статьям 6.28 и 6.33 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ) и статье 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Антимонопольная служба, как правило, применяет стандарты вместе с российскими имплементирующими актами.

В частности, решение ФАС России от 27 апреля 2018 года № 223ФЗ-314/18

специально подчеркивало «установление обязательного требования о наличии сертификата Системы менеджмента качества ГОСТ *ISO* 9001-2015».

Не отстают и региональные антимонопольные управления. В частности, решение Астраханского УФАС от 17 ноября 2022 года содержало отсылку к *ISO* 7886-1-2011. Иркутский УФАС в решении от 12 августа 2022 года указывал на необходимость применения по делу *ISO* 9001. Красноярский УФАС аргументировал решение от 12 августа 2022 года *ISO* 13485-2017.

Важную роль в использовании актов *ISO* играют российские суды. Они рассматривают правила ИСО как непосредственно действующие и руководствуются ими при вынесении решений. В частности, постановление АС Московского округа от 6 июня 2022 года № Ф05-9708/2022 по делу № А40-206636/2021 признало правильность привлечения испытательной лаборатории к ответственности по статье 14.48 КоАП РФ за представление ей недостоверных и необъективных результатов исследований требований, включая нарушение правил *ISO / IEC* 17025-2019. Аналогичные положения содержались в постановлениях Арбитражного суда Московского округа от 6 июня 2022 года № Ф05-9726/2022, от 30 мая 2022 года № Ф05-7236/2022 и ряде других. В постановлении от 14 марта 2018 года № Ф05-1364/2018 сделана ссылка на *ISO* 9001:2008.

Осуществление правил ИСО включено также в компетенцию региональных и муниципальных властей.

Так, согласно постановлению Правительства Санкт-Петербурга от 4 октября 2005 года № 1505 (редакция от 12 мая 2012 года) создаваемая автоматизированной информационной системой обеспечения безопасности жизнедеятельности Санкт-Петербурга должна учитывать стандарты *ISO* серий 8613 и 10021 в отношении обработки информационных технологий.

Постановление Правительства Ленинградской области от 14 ноября 2013 года № 405 (редакция от 13 июня 2023 года) закрепляло мероприятия по внедрению стандартов управления качеством оказания медицинской помощи по системе ИСО.

Постановление Правительства Воронежской области от 26 марта 2014 года № 245 (редакция от 5 июня 2014 года) предполагала создание системы внутрифирменной подготовки персонала с учетом сертификации продукции на соответствие международным стандартам серии *ISO* 9000.

Решение Воронежской городской Думы от 19 июня 2008 года № 190-II (редакция от 23 ноября 2022 года) включало в Правила благоустройства территорий городского округа город Воронеж соблюдение правил *ISO / IEC Guide 50:2014* и соответствующего ГОСТ Р 58207-2018.

Таким образом, государственные и муниципальные органы в Российской Федерации активно работают в деле имплементации документов ИСО.

В последнее время в Российской Федерации стало модным трендом вносить в имплементационные акты изменения, адаптируя стандарты к российским реалиям. Так, на основе Международного классификатора стандартов (ИСО МКС, версия 7) был разработан Общероссийский классификатор стандартов «ОК 001-2021». Он был введен в действие приказом Росстандарта от 19 ноября 2021 года № 1506-ст «с учетом уточнений, отражающих специфику российской экономики».

Стандарт ГОСТ Р 60.2.3.2-2022 является модифицированным по отношению к международному документу *ISO / TR 23482-2:2019 (ISO / TR 23482-2:2019 "Robotics — Application of ISO 13482")* «путем внесения технических отклонений, объяснение которых приведено во введении к настоящему стандарту». Это сделано «для увязки с наименованиями, принятыми в существующем комплексе национальных стандартов Российской Федерации».

Как видим, Россия рассматривает стандарты *ISO* как решения органов международных организаций (в смысле ст. 79 Конституции), поскольку они «а) не ограничивают права и свободы человека и гражданина и б) не противоречат основам конституционного строя Российской Федерации». Таким образом, наше государство не видит препятствий к их исполнению на территории Российской Федерации. Документы *ISO* реализуются во внутрисоюзной сфере вместе с российскими нормативными актами, не теряя при этом качества непосредственной применимости.

Список источников

1. Международная организация по стандартизации. URL: <https://www.iso.org/ru/home.html> (дата обращения: 25.08.2023).
2. Единая система классификации и кодирования технико-экономической и социальной информации Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d000/i000010r.htm#:~:text=Единая%20система%20

классификации%20и%20кодирования,их%20разработке%20и%20введении%20и%20применению (дата обращения: 25.08.2023).

3. Бакиева С. Р. Современные тенденции в развитии энергетической отрасли и ее юридического регулирования в России и за рубежом // *Право и бизнес*. 2022. № 4. С. 41–48.

4. Варламова Л. Н. Технические комитеты ИСО, их роль в стандартизации документации // *Делопроизводство*. 2022. № 1. С. 24–29.

5. Горелова С. А., Варламова Л. Н. Проблемы актуализации национальных стандартов РФ по управлению документами, основанных на международных стандартах ИСО. Аспекты соответствия // *Трудовое право*. 2022. № 12. С. 99–112.

6. Иванилова О. С., Варламова Л. Н. Международный стандарт ИСО 15489 «Информация и документация. Управление документами»: сравнительный анализ новой и старой версий // *Делопроизводство*. 2018. № 2. С. 8–18.

7. Иритикова В. С. Управление документами: стандарты и алгоритмы // *Делопроизводство и документооборот на предприятии*. 2012. № 8. С. 28–33.

8. Королев Д. В. Роль стандарта ISO 9001:2000 в повышении эффективности деятельности современной организации // *Юрист*. 2005. № 12. С. 23–28.

9. Суровцева Н. Г. Новый национальный стандарт по управлению документами ГОСТ Р ИСО 15489-1-2019 // *Делопроизводство*. 2019. № 3. С. 36–44.

10. Темирплатов С. Р. Межбанковская система обмена финансовыми сообщениями SWIFT. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.08.2023).

11. Холодная Е. В. О некоторых элементах технологий цифрового профилирования // *Право и цифровая экономика*. 2022. № 3. С. 22–27.

12. Янковая В. Ф. Новый стандарт по управлению документами: ГОСТ Р ИСО 15489-1-2019 // *Делопроизводство и документооборот на предприятии*. 2019. № 9. С. 24–34; № 10. С. 47–52.

13. Янковая В. Ф. Система управления документами в соответствии со стандартами ИСО // *Делопроизводство*. 2022. № 2. С. 34–42.

References

1. International Organization for Standardization. URL: <https://www.iso.org/ru/home.html> (accessed 25.08.2023). (In Russ.)
2. Unified system of classification and coding of technical, economic and social information of the Russian Federation. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d000/i000010r.htm#:~:text=A unified%20system of%20classification%20and%20coding,their%20development%20and%20application (accessed 25.08.2023). (In Russ.)
3. Bakieva S. R. Modern trends in the development of the energy industry and its legal regulation in Russia

and abroad. *Law and Business*, 2022, no. 4, pp. 41–48. (In Russ.)

4. Varlamova L. N. ISO technical committees, their role in standardization of documentation. *Office work*, 2022, no. 1, pp. 24–29. (In Russ.)

5. Gorelova S. A., Varlamova L. N. Problems of updating national standards of the Russian Federation for document management based on international ISO standards. Aspects of compliance. *Labor law*, 2022, no. 12, pp. 99–112. (In Russ.)

6. Ivanilova O. S., Varlamova L. N. International standard ISO 15489 “Information and documentation. Document management”: comparative analysis of the new and old versions. *Office work*, 2018, no. 2, pp. 8–18. (In Russ.)

7. Iritikova V. S. Document management: standards and algorithms. *Office management and document flow in the enterprise*, 2012, no. 8, pp. 28–33. (In Russ.)

8. Korolev D. V. The role of the ISO 9001:2000 standard in increasing the efficiency of a modern organization. *Lawyer*, 2005, no. 12, pp. 23–28. (In Russ.)

9. Surovtseva N. G. New national standard for document management GOST R ISO 15489-1-2019. *Records management*, 2019, no. 3, pp. 36–44. (In Russ.)

10. Temirplatov S. R. Interbank financial messaging system SWIFT. Access from the reference legal system “ConsultantPlus”, 2023. (In Russ.)

11. Kholodnaya E. V. On some elements of digital profiling technologies. *Law and Digital Economy*, 2022, no. 3, pp. 22–27. (In Russ.)

12. Yankovaya V. F. New standard for document management: GOST R ISO 15489-1-2019. *Records management and document flow in the enterprise*, 2019, no. 9, pp. 24–34; no. 10, pp. 47–52. (In Russ.)

13. Yankovaya V. F. Document management system in accordance with ISO standards. *Office management*, 2022, no. 2, pp. 34–42. (In Russ.)

Информация об авторе

П. Н. Бирюков — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

P. N. Biriukov — Doctor of Sciences (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 10.12.2023.

The article was submitted 10.09.2023; approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 10.12.2023.

Научная статья

УДК 34.05

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-143-151>

Правовые аспекты деятельности Европейской прокуратуры: предпосылки и правоприменение

Евдокимов Михаил Андреевич¹, Валиев Таймураз Муртазович²,

¹Компания БКС, Россия, Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-5376-1749>

²Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России), Москва, Россия

Автор, ответственный за переписку: *Михаил Андреевич Евдокимов, evdokimov.m.a@ya.ru*

Аннотация. Целью настоящего исследования является выявление причинно-следственной связи между опытом европейской финансовой интеграции и необходимостью создания в Европейском союзе (далее — ЕС) органа, осуществляющего прокурорский надзор. В этой связи задачей исследования является изучение совокупности правовой базы, регулирующей общественные отношения в сфере европейской интеграции, а также анализ правового акта ЕС, учредившего Европейскую прокуратуру. Для решения поставленных задач были использованы как общенаучные методы, так и специальные, в том числе формально-юридический метод.

В статье рассматриваются предпосылки создания Европейской прокуратуры, выраженные в сложностях на пути реализации правовых средств борьбы с экономическими кризисными явлениями в финансовой и иных сферах функционирования ЕС. Авторы отмечают указанные проблемы и сопоставляют с компетенциями Европейской прокуратуры. Рассматривая первые результаты деятельности Европейской прокуратуры, они указывают отличительные черты Европейской прокуратуры от иных органов ЕС, которые позволят обеспечить достижение наилучших результатов в вопросах финансовой интеграции ЕС.

В этой связи изучение данного вопроса необходимо для национальных органов прокурорского надзора при осуществлении взаимодействия с Европейской прокуратурой, а также для органов Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) в части возможности создания сходного наднационального органа в ЕАЭС при продолжении финансовой интеграции в ЕАЭС.

Ключевые слова: право ЕС, Европейская прокуратура, Европейская система финансового надзора, Европейские надзорные органы, НДС, бюджет ЕС

Для цитирования: Евдокимов М. А., Валиев Т. М. Правовые аспекты деятельности Европейской прокуратуры: предпосылки и правоприменение // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 143–151. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-143-151>.

Original article

Legal aspects of the activities of the European Public Prosecutor's Office: prerequisites and law enforcement

Mikhail A. Evdokimov¹, Taimuraz M. Valiev²

¹BrokerCreditService Ltd, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-5376-1749>

²Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of International Affairs of Russia (MGIMO University), Moscow, Russian Federation

Corresponding author: *Mikhail A. Evdokimov, evdokimov.m.a@ya.ru*

Abstract. The purpose of this study is to identify the causal relationship between the experience of European financial integration and the need to create a prosecutorial supervision body in the European Union ("EU"). In this regard, the task of the study is to study the totality of the legal framework governing public relations in the field of European integration, as well as the analysis of the EU legal act that established the European Public Prosecutor's Office. Both general scientific methods and special methods, including the formal legal method, were used to solve the tasks set.

© Евдокимов М. А., Валиев Т. М., 2023

The article examines the prerequisites for the creation of the European Prosecutor's Office, expressed in the difficulties in the implementation of legal means to combat economic crisis phenomena in the financial and other spheres of the EU functioning. The authors note these problems and compare them with the competencies of the European Public Prosecutor's Office. Considering the first results of the activities of the European Public Prosecutor's Office, they indicate the distinctive features of the European Public Prosecutor's Office from other EU bodies, which will ensure the achievement of the best results in matters of EU financial integration.

In this regard, the study of this issue is needed for national prosecutorial supervision bodies when interacting with the European Public Prosecutor's Office, as well as for the Eurasian Economic Union ("EAEU") bodies regarding the possibility of creating a similar supranational body in the EAEU while continuing financial integration into the EAEU.

Keywords: EU law, European Public Prosecutor's Office, European Financial Supervision System, European supervisory authorities, VAT, EU budget

For citation: Evdokimov M. A., Valiev T. M. European Legal aspects of the activities of the European Public Prosecutor's Office: prerequisites and law enforcement. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 143–151. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-143-151>.

Введение

Из совокупного толкования общих положений Закона о прокуратуре Российской Федерации [1] следует, что прокуратура Российской Федерации на пути достижения целей обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности исходит из необходимости соблюдения субъектами национального права Конституции и законов Российской Федерации, практически без ограничения той или иной сферы правового регулирования (финансовое право, уголовное право и др.). Аналогичные положения содержатся в актах, регулирующих деятельность органов прокурорского надзора в государствах — членах [2, с. 95] Европейского союза (далее — ЕС).

Учредительные договоры ЕС также содержат в себе сходные требования в части необходимости обеспечения законности, вместе с тем, долгое время в ЕС отсутствовал механизм эффективного надзора за их применением.

С принятием европейским законодателем Регламента № 2017 / 1939 [3] в ЕС свою деятельность начала осуществлять Европейская прокуратура, которая обладает существенными отличиями от национальных органов прокурорского надзора: (1) будучи созданной посредством правового акта институтами ЕС она носит наднациональный характер, что соответственно требует от нее осуществления надзора, в первую очередь, именно с точки зрения права ЕС, а не национального права государств-членов; (2) заложенное указанным регламентом регулирование предусматривает, что Европейская прокуратура осуществляет свою деятельность именно в контексте преступлений, совершаемых в финансовой сфере.

Указанные два обстоятельства являются достаточно необычными для эволюции правового

регулирования интеграционных процессов в ЕС. С одной стороны, развитие интеграции в сфере уголовных преступлений оправдано, учитывая, что при становлении ЕС одним из важнейших направлений стало пространство свободы, безопасности и правосудия [4, с. 495–502]. В то же время развитие финансовой интеграции было неравномерным в связи с желанием государств-членов сохранить суверенитет над своей финансовой системой, в связи с чем многие проблемы в налоговой сфере, в сфере определения прав требований в отношении финансовых инструментов, при банкротстве финансовых организаций в ЕС остаются нерешенными до сих пор [5; 6].

В этой связи статус и деятельность Европейской прокуратуры приобретает самостоятельный интерес, поскольку, с одной стороны, является одним из первых примеров наднациональных органов, осуществляющих прокурорский надзор, а с другой стороны, позволяет оценить целесообразность создания подобных органов в других интеграционных объединениях (например, Евразийский экономический союз, далее — ЕАЭС).

Учитывая изложенное, в настоящей работе исследованы предпосылки в контексте финансовой интеграции в ЕС и аспекты правоприменения Европейской прокуратуры.

Предпосылки в контексте финансовой интеграции для создания Европейской прокуратуры

Несмотря на упомянутые сложности в сфере финансовой интеграции ЕС, следует отметить, что в последние годы попытки институтов ЕС достигнуть подлинной реализации свободы внутреннего рынка [7] (свободы движения капитала), эффективно реагируя на

вызовы кризисных явлений, могут быть отмечены успехами.

Одним из наиболее последних ярких примеров борьбы институтов ЕС с экономическими кризисными явлениями стал период пандемии COVID-19, благодаря которому ЕС на практике обеспечил действие правовых норм в сфере финансовой помощи государствам-членам ЕС. В рамках изначально сформированного экстренного пакета мер по оказанию финансовой помощи наиболее пострадавшим государствам-членам ЕС важную роль сыграл Европейский стабилизационный механизм. Существенные усилия были направлены на поддержку малых и средних предприятий. Принятие скорректированных Многолетних финансовых рамок (от англ. *Multiannual Financial Framework*, далее — МФР) 2021–2027 в совокупности с беспрецедентным по своим масштабам инструментом финансовой поддержки — программой ЕС нового поколения (от англ. *Next Generation EU*, далее — ЕСНП), должны стать основой долгосрочного проекта по преодолению кризиса и переходу к еще более устойчивой экономике.

Поскольку внутренний рынок является ключевым элементом экономической интеграции ЕС, то из этого следует, что свобода передвижения лиц также является одним из краеугольных элементов экономического развития. В этой связи рынок труда, свобода передвижения работников [8, с. 111] в праве ЕС является эффективным правовым средством воздействия на экономику, включая минимизацию возникающих кризисов [9, с. 9]. В этой связи следует обратить внимание на вопросы трудового права ЕС, в том числе учитывая разработку временной программы по оказанию помощи работникам для сохранения рабочих мест во время кризиса (от англ. *Support to mitigate Unemployment Risks in an Emergency*, далее — ПОПРСРМ).

Наиболее эффективным средством в борьбе с экономическими кризисными явлениями в ЕС стало обеспечение эффективного правового механизма по оказанию финансовой помощи государствам-членам ЕС. Регулирование оказания финансовой помощи государствам-членам ЕС четко регламентировано актами первичного и вторичного права ЕС. Так, статья 122 Договора о функционировании Европейского союза [10] (далее — ДФЕС) предусматривает оказание помощи со стороны ЕС государствам-членам ЕС в связи с экономической ситуацией (п. 1) либо в связи с трудностями вследствие стихийных бедствий или чрезвычайных происшествий (п. 2). Организационно-правовые механизмы

функционирования дополнительных финансовых инструментов, созданных в контексте противодействия пандемии COVID-19, закреплены в соответствующих актах вторичного права. МФР 2021–2027 совместно с программой ЕСНП, в свою очередь, фактически стали основополагающим долгосрочным элементом восстановления экономики Европейского Союза.

Также одним из ключевых элементов борьбы с кризисными явлениями стало создание Европейского стабилизационного механизма с учетом положений статьи 136 ДФЕС, который объединил в себе институциональные и организационные достижения Европейского финансового стабилизационного механизма [11] и Европейского финансового стабилизационного фонда [12]. Правовой основой его деятельности стал Договор об учреждении Европейского стабилизационного механизма 2012 года [13], согласно которому в перечень инструментов финансовой помощи, в частности, вошли предоставление займов (ст. 16); покупка облигаций государств-членов ЕС (ст. 17, 18); предоставление средств на рекапитализацию финансово-кредитных организаций (ст. 15), а также предварительное открытие кредитной линии для определенных государств-членов ЕС (ст. 14). Его правомерность была подтверждена Судом ЕС [14].

Именно в контексте деятельности Европейского стабилизационного механизма 9 апреля 2020 года министры финансов государств еврозоны пришли к соглашению о необходимости принятия глобальных экономических мер по реагированию на последствия пандемии COVID-19, впоследствии Совет управляющих указанного механизма открыл соответствующую кредитную линию.

Затем 27 мая 2020 года Европейская комиссия выступила с предложением о создании всеобъемлющего пакета финансовой помощи, который впоследствии получил свою реализацию в виде ЕСНП. Фактически ЕСНП представлял собой экстренный фонд для восстановления экономики посредством их использования на финансовых рынках в размере 750 млрд евро, одной из задач которого стало увеличение эффективности реализации МФР 2021–2027 годов [15]. Фактически указанные действия помогли институтам ЕС скорректировать статьи собственного бюджета в целях стабилизации экономической ситуации в ЕС.

Кроме того, был реализован комплекс мер в части поддержки деятельности малых и средних предприятий [16]. Был предусмотрен фонд размером в 540 млрд евро до момента

принятия ЕСНП, что позволило в краткосрочной перспективе поддержать ликвидность малых и средних предприятий. Также Европейским инвестиционным банком был предложен механизм предоставления льготного кредитования для поддержки указанных предприятий общей суммой в 240 млрд евро. Еще одним элементом поддержки таких предприятий стало решение вопросов трудовой деятельности с учетом введенных ограничений на передвижение.

Кроме того, борьба с экономическими кризисными явлениями осуществлялась и в сфере трудового права. Граждане ЕС наделены множеством прав в качестве работников, в том числе правом поиска работы в любом государстве-члене, работы в любом государстве-члене без рабочей визы и иных разрешительных документов; проживания в таком государстве-члене с целью осуществления трудовой деятельности. Кроме того, граждане ЕС вправе оставаться в государстве-члене и после осуществления трудовой деятельности, а также пользоваться равным статусом наряду с гражданами такого государства-члена в процессе трудоустройства, осуществления трудовой деятельности, а также в части социального обеспечения. Также граждане ЕС имеют право пользования определенными видами медицинского и социального страхования. При необходимости потенциальным работникам необходимо подтвердить свою квалификацию.

В связи с пандемией COVID-19 в 2020 году ЕС был принят ряд мер, которые установлены в руководствах и сообщениях Комиссии. Указанное обстоятельство свидетельствовало о нежелании институтов ЕС менять регулирование на уровне актов вторичного права, оставляя выбор за актами мягкого права. Такой путь предоставляет гибкость правового регулирования с учетом того, что такое регулирование является временным.

Одним из ключевых документов в указанной ситуации являлось Руководство по мерам пограничного контроля для защиты здоровья и обеспечения доступности товаров и основных услуг [17], в котором подчеркивалось, что кризис, вызванный COVID-19, сделал необходимым принятие мер в целях защиты здоровья населения в части обеспечения свободы передвижения лиц, товаров и услуг. Государства-члены должны были обеспечить постоянный въезд своих граждан на собственную территорию, а также оказывать содействие другим гражданам ЕС при транзите через их территорию с целью возвращения в государства, гражданами

которых они являются. Таким образом, в этом руководстве излагаются принципы комплексного управления границами в целях защиты здоровья населения.

Всем гражданам ЕС гарантировалась реализация прав, предусмотренных в Директиве № 2004 / 38 [18]. При этом руководящие принципы, касающиеся осуществления свободного передвижения работников во время вспышки COVID-19 [19], предусматривали, что государствам-членам ЕС следует обеспечить свободу передвижения работников (въезд, транзит, выезд) для лиц, осуществляющих трудовую деятельность в ряде ключевых сфер (например, в сфере здравоохранения, в сфере ухода за детьми, инвалидами и пожилыми лицами и пр.).

Также одной из центральных мер экстренной помощи ЕС на стыке финансовых рынков и трудовых отношений стала реализация ПОПРСРМ в соответствии с Регламентом № 202 / 672 [20]. ПОПРСРМ был призван оказать помощь работникам и самозанятым сохранить свои рабочие места и, как можно менее болезненно, ощутить на себе последствия кризиса. Данный механизм предусматривал финансовую помощь государствам-членам объемом около 100 млрд евро в виде кредитов на благоприятных условиях для осуществления целенаправленных выплат работодателям по поддержанию от сокращения рабочих мест.

Поддержка стабильности и роста экономики институтами ЕС сопровождается рядом проблем. Организация экстренной помощи со стороны ЕС увеличивала возможность реализации системных рисков в рамках Европейского совета по системным рискам [21]: хотя быстрые и достаточные меры бюджетной поддержки обеспечили и поддерживали ликвидность и платежеспособность реального сектора экономики, в то же время сворачивание соответствующих мер поддержки не должно привести к сведению на нет полученного опыта, в связи с чем требуется корректировка комплексного изучения макропруденциальных рисков.

Затем в рамках оказываемой помощи ЕС выявилась вторая проблема, связанная с эффективностью расходования бюджета ЕС. По данным Счетной палаты [22] количество ошибок в расходовании средств из бюджета ЕС увеличилось. Аудиторы обнаружили, что общий уровень ошибок в расходах из бюджета ЕС увеличился в 2021 году до 3 % (2020 — 2,7 %), также в ходе своей работы аудиторы также выявили 15 случаев предполагаемого мошенничества (по сравнению с шестью в 2020 году).

Вместе с тем ни Европейский совет по системным рискам, ни Счетная палата, ни другие органы и институты ЕС не обладают реальными полномочиями в части расследований, связанных с противоправными действиями субъектов, в результате которых нарушаются финансовые интересы ЕС (как они определены в пункте 4 статьи 2 Регламента № 2017 / 1939). В этой связи проблемы с эффективным расходованием средств подтолкнули европейского законодателя к скорейшему созданию Европейской прокуратуры, которая должна предоставить органам, агентствам ЕС и другим пострадавшим лицам возможность комплексно принимать надлежащие меры на уровне ЕС (п. 107 преамбулы Регламента № 2017 / 1939).

Таким образом, несмотря на многовекторные направления в части обеспечения финансовой стабильности экономик государств-членов, для эффективного соблюдения прав государств-членов ЕС и иных субъектов права ЕС требовались не только эффективная работа действующих органов и институтов ЕС в части выявления системных рисков и ошибок в расходовании бюджета, но и создание органа, обеспечивающего эффективный прокурорский надзор в наиболее слабых местах финансового регулирования ЕС.

Провоприменение в контексте деятельности Европейской прокуратуры

Непосредственно регулирование Регламента № 2017 / 1939 не устанавливает цели деятельности Европейской прокуратуры по аналогии с российским законодательством (верховенство закона, соблюдение прав лиц и др.). Вместе с тем абзац третий преамбулы рассматриваемого регламента устанавливает, что сам ЕС и его государства-члены берут на себя обязательство защищать финансовые интересы ЕС от уголовных преступлений, которые ежегодно приносят значительный финансовый ущерб. В силу отсутствия эффективной организации проведения расследований указанных преступлений данную деятельность будет осуществлять Европейская прокуратура.

Создание Европейской прокуратуры затянулось в связи с проблемой применения статьи 86 ДФЕС, ставшей правовым основанием для создания Европейской прокуратуры на уровне первичного права ЕС. Данное обстоятельство было связано с желанием государств-членов строго конкретизировать компетенцию нового органа с соблюдением собственных суверенных интересов.

Исходя их совокупного толкования Регламента № 2017 / 1939 Европейская прокуратура уполномочена расследовать, преследовать в судебном порядке и привлекать к судебной ответственности за преступления, связанные с реализацией бюджета ЕС, такие как мошенничество, коррупция или серьезное трансграничное мошенничество с налогом на добавленную стоимость (далее — НДС). Таким образом, деятельность Европейской прокуратуры будет способствовать наилучшей реализации финансовых проектов ЕС.

Европейская прокуратура не является частью существующих институтов ЕС и объединяет усилия европейских и национальных правоохранительных органов в рамках единообразного подхода. Она полностью независима, действует в интересах ЕС, но в то же время не запрашивает и не принимает указаний ни от институтов ЕС, ни от национальных властей. На централизованном уровне Европейская прокуратура осуществляет контроль [23, с. 25–27] за расследованиями и судебными разбирательствами в каждой стране ЕС — для обеспечения независимости, эффективной координации и единообразного подхода во всех странах ЕС.

Начав свою работу в 2021 году, Европейская прокуратура уже может поделиться некоторыми успехами в рамках своей деятельности. Офис Европейской прокуратуры в Риге (Латвия) провела 19 июня 2023 года 16 обысков и наложила арест на активы на сумму до 6 млн евро в рамках расследования предполагаемого мошенничества с НДС на сумму 14 млн евро [24]. Так, 14 и 19 июня 2023 года Европейская прокуратура провела 27 обысков во Франции и Нидерландах в рамках расследования мошенничества с НДС, связанного с продажей автомобилей, ущерб от которого, по оценкам, составил 19 млн евро. Четверо подозреваемых были арестованы, изъяты десятки автомобилей, а также более 1 млн евро наличными [25].

Деятельность Европейской прокуратуры коренным образом отличается, например, от деятельности классических органов европейской системы финансового надзора — Европейского органа по ценным бумагам и рынкам, Европейского банковского органа, Европейского органа по надзору в области страхования и негосударственного пенсионного обеспечения (далее при совместном упоминании — ЕНО). Первое отличие заключается в историческом развитии правового регулирования: ЕНО изначально создавались в качестве консультативных комитетов в рамках комитологической

процедуры, в состав которых входили представители национальных органов, что фактически являлось удобной площадкой для обсуждения общих вопросов, и только впоследствии с 2010 года стали полноценными органами с требованиями к независимости сотрудников от национальных регуляторов. Европейская прокуратура сразу создана в качестве самостоятельного органа с требованием осуществлять свою деятельность независимо. Кроме того, Европейская прокуратура фактически сразу получила возможность осуществлять свои полномочия в государствах-членах напрямую, в то время как ЕНО зачастую требуется уведомление национальных компетентных органов о наложении запретов на деятельность финансовых организаций.

Также ключевым отличием Европейской прокуратуры от иных органов ЕС является возможность быть стороной в национальных судах государств-членов вне зависимости от участия национальных органов прокурорского надзора, что прямо следует из статьи 4 Регламента № 2017 / 1939. При этом несмотря на то, что регламент, как вид правового акта ЕС, заменяет собой национальное законодательство, в пункте 3 статьи 5 рассматриваемого регламента прямо указана возможность применения национального законодательства.

Последнее обстоятельство возможно связано с тем, что согласно статье 20 Регламента № 2017 / 1939 Европейская прокуратура проводит расследования в отношении преступлений, общие критерии которых указаны в Директиве № 2017 / 1371 [26], которые должны быть конкретизированы в национальном законодательстве (главным образом — нарушения в части исполнения бюджета ЕС и предоставления отчетности, а также уплаты НДС).

Учитывая изложенное, представляется, что деятельность Европейской прокуратуры будет способствовать большей финансовой стабильности ЕС и государств-членов [27]. Вместе с тем следует учитывать, что принимаемые ЕС меры в сфере финансовой интеграции гораздо шире вопросов бюджета ЕС и НДС. В этой связи следует предположить, что успешное правоприменение приведет к расширению зоны ответственности Европейской прокуратуры и на иные сферы (рынок ценных бумаг, банковский и страховой секторы и др.).

Выводы

Институты ЕС принимают необходимые и соразмерные меры для борьбы с экономическими кризисными явлениями, одним из

ярких примеров которых стал период пандемии COVID-19, при этом принимаемые меры затрагивали как финансовый сектор, так и иные связанные сферы (трудовые отношения).

Вместе с тем в финансовой сфере наблюдаются проблемы с использованием денежных средств ЕС, что приводит к уменьшению предполагаемого эффекта в рамках достижения стабильности. Одним из новых возможных правовых механизмов решения данной проблемы является создание Европейской прокуратуры, которая в том числе осуществляет контроль за уголовными процессами в связи с преступлениями в финансовой сфере. Тем не менее оценка эффективности ее деятельности преждевременна.

Представляется, что несмотря на поступательное развитие финансовой интеграции посредством построения единого рынка финансовых услуг [28], Европейского банковского союза [29, с. 135], Союза рынков капитала, учитывая важность цифровизации [30], макропруденциального надзора и иных факторов, ряда проблем, которые решались посредством принятия вышеуказанных экстренных мер, можно было избежать, если бы Европейская прокуратура начала свою деятельность раньше [31, с. 182].

Таким образом, поступательное развитие финансовой интеграции ЕС, а также функционирование пространства свободы, безопасности и правосудия, позволили создать уникальный наднациональный орган, наделенный специальной компетенцией в вопросах проведения расследований в сфере экономических преступлений.

Список источников

1. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 (с изм. и доп., вступ. в силу с 9 января 2023 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2023).
2. Ережипалиев Д. И. Функции органов прокуратуры Франции, Германии и России в сравнительно-правовом контексте // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 6 (31). С. 94–97.
3. Council Regulation (EU) 2017/1939 of 12 October 2017 implementing enhanced cooperation on the establishment of the European Public Prosecutor's Office ('the EPPO'). *OJ L* 283, 2017, October, pp. 1–71.
4. Энтин Л. М. Европейское право. Основы интеграционного права Европейского Союза и Евразийского экономического союза. Москва: Норма, ИНФРА-М, 2018.

5. Касьянов Р. А. Регулирование рынка финансовых услуг по праву ЕС и ЕАЭС: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2020. 554 с.

6. Евдокимов М. А. Союз рынков капитала ЕС: правовой механизм: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 277 с.

7. Сотников А. В., Скурова А. В., Буренин В. А., Марков А. К. Достижения и проблемы в формировании единого внутреннего рынка ЕС // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 9. С. 108–118.

8. Орлова Ю. М. Роль основных прав в решениях Суда ЕС по трудовым спорам // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2019. № 2. С. 109–117.

9. Блинова Т. В. Асимметричное развитие региональных рынков труда в условиях низких темпов экономического роста // Экономическая теория. 2020. № 183. С. 7–11.

10. Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT> (дата обращения: 15.09.2023).

11. Council Regulation (EU) no. 407/2010 of 11 May 2010 establishing a European financial stabilisation mechanism // Official Journal of the European Union. 2010. Vol. 53. L118. Pp. 1–4.

12. Terms of reference of the Eurogroup. European Financial Stability Facility. 7 June 2010. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/en/misc/114977.pdf (дата обращения: 15.09.2023).

13. Treaty establishing the European stability mechanism between (T/ESM 2012-LT). URL: https://www.esm.europa.eu/sites/default/files/20150203_-_esm_treaty_-_en.pdf (дата обращения: 10.04.2020).

14. Case C-370/12 “Thomas Pringle v Government of Ireland and Others”. URL: <http://curia.europa.eu/juris/celex.jsf?celex=62012CJ0370&lang1=en&type=TEXT&ncr=> (дата обращения: 15.09.2023).

15. The EU budget powering the recovery plan for Europe. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2020%3A442%3AFIN> (дата обращения: 15.09.2023).

16. SMEs. URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/smes_en (дата обращения: 15.09.2023).

17. Covid-19 Guidelines for border management measures to protect health and ensure the availability of goods and essential services. URL: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52020XC0316\(03\)](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52020XC0316(03)) (дата обращения: 15.09.2023).

18. Directive 2004/38/EC of the European Parliament and of the Council of 29 April 2004 on the right of citizens of the Union and their family members to move and reside freely within the territory of the Member States // Official Journal L 158, 30.4.2004. Pp. 77–123.

19. Communication from the Commission — Guidelines concerning the exercise of the free movement of

workers during COVID-19 outbreak Official website of the European Union. URL: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52020XC0330\(03\)](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52020XC0330(03)) (дата обращения: 15.09.2023).

20. Council Regulation (EU) 2020/672 of 19 May 2020 on the establishment of a European instrument for temporary support to mitigate unemployment risks in an emergency (SURE) following the COVID-19 outbreak // Official Journal of the European Union. 20.05.2020. L 159.

21. Fiscal support and macroprudential policy - Lessons from the COVID-19 pandemic. URL: <https://www.esrb.europa.eu/pub/pdf/reports/esrb.2022.11.21.note.on.fiscal.support.and.macroprudential.policy~e5abc993e9.en.pdf?b0c31c912b518dbe14578c49aa0f359a> (дата обращения: 15.09.2023).

22. EU spending: auditors find increased errors. URL: <https://www.eca.europa.eu/en/Pages/AR2021.aspx> (дата обращения: 15.09.2023).

23. Бут Н. Д. Правовая трансформация обеспечения прокуратурой законности в сфере контрольной (надзорной) деятельности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 5 (91). С. 24–32.

24. Latvia: EPPO carries out 16 searches in probe into €14 million VAT fraud — €6 million seized. URL: <https://www.eppo.europa.eu/en/news/latvia-eppo-carries-out-16-searches-probe-eu14-million-vat-fraud-eu6-million-seized> (дата обращения: 15.09.2023).

25. EPPO cracks down on €19 million VAT fraud involving car sales in France and the Netherlands. URL: <https://www.eppo.europa.eu/en/news/eppo-cracks-down-eu19-million-vat-fraud-involving-car-sales-france-and-netherlands> (дата обращения: 15.09.2023).

26. Directive (EU) 2017/1371 of the European Parliament and of the Council of 5 July 2017 on the fight against fraud to the Union's financial interests by means of criminal law // Official Journal L 198, 28.7.2017. Pp. 29–41.

27. Литвишко П. А. Современные подходы к толкованию и применению статьи 2 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (Международное сотрудничество) // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 5 (91). С. 10–23.

28. Kasyanov R. The EU Experience as a Model for the Development of a Single Financial Market Regulation in the Eurasian Economic Union (EAEU) // European Company and Financial Law Review. 2019. Vol. 16. Is. 5. Pp. 592–621.

29. Осокина Е. Б. Правовые аспекты создания Европейского банковского союза // Московский журнал международного права. 2017. № 4 (108). С. 131–140.

30. Касьянов Р. А., Евдокимов М. А. Цифровизация как важный фактор регулирования российского финансового рынка и Союза рынков капитала ЕС // Право и цифровая экономика. 2022. № 4 (18). С. 36–47.

31. Войников В. В. Европейская прокуратура — новый орган в институциональной системе про стран-

ства свободы, безопасности и правосудия ЕС // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 5. С. 174–193.

References

1. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: federal law no. 2202-1 of January 17, 1992 (as amended and supplemented, entered into force of January 9, 2023). (In Russ.)
2. Erezhipaliev D. I. Functions of the prosecutor's office of France, Germany and Russia in a comparative legal context. *Journal of foreign legislation and comparative law*, 2011, no. 6 (31), pp. 94–97. (In Russ.)
3. Council Regulation (EU) 2017/1939 of 12 October 2017 implementing enhanced cooperation on the establishment of the European Public Prosecutor's Office ('the EPPO'). *OJ L* 283, 31.10.2017, pp. 1–71.
4. Entin L. M. European law. Fundamentals of the Integration law of the European Union and the Eurasian Economic Union. Moscow: Norma, INFRA-M Publ., 2018. (In Russ.)
5. Kasyanov R. A. Regulation of the financial services market under EU and EAEU law. Dissertation... doctor of legal sciences. Moscow, 2020. 554 p. (In Russ.)
6. Evdokimov M. A. EU Capital Markets Union: legal mechanism. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2022. 277 p. (In Russ.)
7. Sotnikov A. V., Skurova A. V., Burenin V. A., Markov A. K. Achievements and problems in the formation of the EU single internal market. *Russian Foreign Economic Bulletin*, 2015, no. 9, pp. 108–118. (In Russ.)
8. Orlova Y. M. The role of fundamental rights in the decisions of the EU Court of Labor Disputes. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 2019, no. 2, pp. 109–117. (In Russ.)
9. Blinova T. V. Asymmetric development of regional labor markets in conditions of low economic growth. *Economic theory*, 2020, no. 183, pp. 7–11. (In Russ.)
10. Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT> (accessed 15.09.2023).
11. Council Regulation (EU) No 407/2010 of May 11, 2010 establishing a European financial stabilization mechanism. *Official Journal of the European Union*, 2010, vol. 53, L118, pp. 1–4.
12. Terms of reference of the Eurogroup. European Financial Stability Facility. 7 June 2010. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/en/misc/114977.pdf (accessed 15.09.2023).
13. Treaty establishing the European stability mechanism between (T/ESM 2012-LT). URL: https://www.esm.europa.eu/sites/default/files/20150203_-_esm_treaty_-_en.pdf (accessed 10.04.2020).
14. Case C-370/12 "Thomas Pringle v Government of Ireland and Others". URL: <http://curia.europa.eu/juris/>
15. The EU budget powering the recovery plan for Europe. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2020%3A442%3AFIN> (accessed 15.09.2023).
16. SMEs. URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/smes_en (accessed 15.09.2023).
17. Covid-19 Guidelines for border management measures to protect health and ensure the availability of goods and essential services. URL: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52020XC0316\(03\)](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52020XC0316(03)) (accessed 15.09.2023).
18. Directive 2004/38/EC of the European Parliament and of the Council of 29 April 2004 on the right of citizens of the Union and their family members to move and reside freely within the territory of the Member States. *Official Journal L* 158, 30.4.2004. Pp. 77–123.
19. Communication from the Commission - Guidelines concerning the exercise of the free movement of workers during COVID-19 outbreak Official website of the European Union. URL: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52020XC0330\(03\)](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52020XC0330(03)) (accessed 15.09.2023).
20. Council Regulation (EU) 2020/672 of 19 May 2020 on the establishment of a European instrument for temporary support to mitigate unemployment risks in an emergency (SURE) following the COVID-19 outbreak. *Official Journal of the European Union*. 20.05.2020. L 159.
21. Fiscal support and macroprudential policy - Lessons from the COVID-19 pandemic. URL: <https://www.esrb.europa.eu/pub/pdf/reports/esrb.2022.11.21.note.on.fiscal.support.and.macroprudential.policy~e5abc993e9.en.pdf?b0c31c912b518dbe14578c49aa0f359a> (accessed 15.09.2023).
22. EU spending: auditors find increased errors. URL: <https://www.eca.europa.eu/en/Pages/AR2021.aspx> (accessed 15.09.2023).
23. Booth N. D. Legal transformation of the Prosecutor's office's provision of legality in the field of control (supervisory) activities. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2022, no. 5 (91), pp. 24–32. (In Russ.)
24. Latvia: EPPO carries out 16 searches in probe into €14 million VAT fraud — €6 million seized. URL: <https://www.eppo.europa.eu/en/news/latvia-eppo-carries-out-16-searches-probe-eu14-million-vat-fraud-eu6-million-seized> (accessed 15.09.2023).
25. EPPO cracks down on €19 million VAT fraud involving car sales in France and the Netherlands. URL: <https://www.eppo.europa.eu/en/news/eppo-cracks-down-eu19-million-vat-fraud-involving-car-sales-france-and-netherlands> (accessed 15.09.2023).
26. Directive (EU) 2017/1371 of the European Parliament and of the Council of 5 July 2017 on the fight against fraud to the Union's financial interests by means of criminal law. *Official Journal L* 198, 28.7.2017, pp. 29–41.

27. Litvishko P. A. Modern approaches to the interpretation and application of Article 2 of the federal law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" (International cooperation). *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2022, no. 5 (91), pp. 10–23. (In Russ.)

28. Kasyanov R. The EU experience as a model for the development of a single financial market regulation in the Eurasian Economic Union (EAEU). *Review of European Corporate and Financial Law*, 2019, vol. 16, issue 5, pp. 592–621.

29. Osokina E. B. Legal aspects of the creation of the European Banking Union. *Moscow Journal*

of International Law, 2017, no. 4 (108), pp. 131–140. (In Russ.)

30. Kasyanov R. A., Evdokimov M. A. Digitalization as an important factor of regulation of the Russian financial market and the EU Capital Markets Union. *Law and Digital Economy*, 2022, no. 4 (18), pp. 36–47. (In Russ.)

31. Voynikov V. V. The European Prosecutor's Office — a new body in the institutional system of the space of freedom, security and justice of the EU. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2018, vol. 13, no. 5, pp. 174–193. (In Russ.)

Информация об авторах

М. А. Евдокимов — кандидат юридических наук;

Т. М. Валиев — без ученой степени.

Information about the authors

M. A. Evdokimov — Candidate of Sciences (Law);

T. M. Valiev — no academic degree.

Статья поступила в редакцию 19.09.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 19.09.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-152-159>

Проблемы привлечения к административной ответственности за мелкое хулиганство

Ветчинова Юлия Игоревна

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, vetchinova.yulya@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1055-9380>

Аннотация. В статье рассматривается действующее административное законодательство, правоприменительная практика по вопросам привлечения к административной ответственности за мелкое хулиганство. Выделены спорные моменты квалификации мелкого хулиганства, предлагаются пути решения проблем, например по мнению многих специалистов, необходимо расширить признаки объективной стороны статьи 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, это можно сделать путем добавления новых признаков или снятия ограничений на уже существующие. Представлены критерии, позволяющие отграничить мелкое хулиганство от смежных уголовно-правовых норм. Отмечено, что для повышения эффективности реализации мер административной ответственности в сфере общественного порядка необходимо совершенствовать качество правоприменительной деятельности, а также четко закреплять в правоприменительных актах обстоятельства совершенного административного правонарушения. Данные преобразования также позволят существенно сократить конкуренцию норм в области права.

Ключевые слова: административное законодательство, нарушения, хулиганство, административная ответственность, наказания

Для цитирования: Ветчинова Ю. И. Проблемы привлечения к административной ответственности за мелкое хулиганство // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 152–159. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-152-159>.

Original article

Problems of bringing to administrative responsibility for petty hooliganism

Yulia I. Vetchinova

Southwest State University, Kursk, Russian Federation, vetchinova.yulya@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1055-9380>

Abstract. The article examines the current administrative legislation, law enforcement practice on bringing to administrative responsibility for petty hooliganism. Controversial aspects of the qualification of petty hooliganism are highlighted, ways of solving problems are proposed, for example, according to many experts, it is necessary to expand the signs of the objective side of Article 20.1 of the Administrative Code of the Russian Federation, this can be done by adding new signs or removing restrictions on existing ones. The criteria allowing to distinguish petty hooliganism from related criminal law norms are presented. It is noted that in order to increase the effectiveness of the implementation of administrative responsibility measures in the field of public order, it is necessary to improve the quality of law enforcement activities, as well as to clearly fix the circumstances of the committed administrative offense in law enforcement acts. These transformations will also significantly reduce the competition of norms in the field of law.

Keywords: administrative legislation, violations, hooliganism, administrative responsibility, punishments

For citation: Vetchinova Yu. I. Problems of bringing to administrative responsibility for petty hooliganism. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 152–159. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-152-159>.

© Ветчинова Ю. И., 2023

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что изучение мелкого хулиганства, как административного правонарушения, является важным фактором в свете растущей проблемы общественной безопасности и роста преступности в различных регионах Российской Федерации. Мелкое хулиганство в ряде случаев приводит к серьезным последствиям, таким как повреждение имущества, физические травмы, нарушение общественного порядка и так далее. Кроме того, мелкое хулиганство может стать первым шагом на пути к более серьезным преступлениям. В современных реалиях действующий закон, определяющий состав мелкого хулиганства, не отвечает требованиям борьбы с противоправными действиями, совершаемыми в общественных местах. При этом на практике оно является одним из самых распространенных правонарушений, что требует четкой законодательной регламентации. В российском законодательстве предусмотрены разные виды ответственности за нарушения, совершенные в области общественного порядка. Например, к такой ответственности можно отнести дисциплинарную, административную, уголовную. Следовательно, в законодательстве этому вопросу должно быть уделено повышенное внимание.

Важность изучения данного вопроса подтверждается и статистическими данными. Так, только за 2022 год было рассмотрено 171 026 дел по статье 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), 162 072 человек были подвергнуты наказанию [1]. Преобладают случаи, когда принимается решение о прекращении производства по делу об административном правонарушении по основаниям, предусмотренным КоАП РФ, в отношении лица, привлекаемого к ответственности за мелкое хулиганство, по ряду причин. Например, зачастую в материалах, собранных сотрудниками полиции, не всегда содержатся достаточные данные, указывающие на наличие события административного правонарушения. В результате чего требуется доработка составленных протоколов, принимаются решения об отмене постановления и о прекращении производства по делу при наличии хотя бы одного из обстоятельств, предусмотренных статьями 2.9, 24.5 КоАП РФ, а также при недоказанности обстоятельств, на основании которых было вынесено постановление. Как правило, в материалах административных дел обнаруживаются следующие ошибки: недостаточно данных, свидетельствующих о совершении лицом правонарушения; отсутствуют

объяснения лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, показания потерпевшего и свидетелей; не разъяснены права и ответственность за ложные показания участникам административного производства; информация о правонарушении противоречит собранным доказательствам; не полностью указаны обстоятельства, необходимые для квалификации правонарушения.

В качестве примера можно привести постановление Верховного Суда Российской Федерации от 20 мая 2019 года № 87-АД19-7. Гражданин подал жалобу на вступившее в законную силу постановление УУП ОП-1 УМВД России по г. Костроме от 12 февраля 2018 года, в которой просил отменить постановления, вынесенные в отношении него по настоящему делу об административном правонарушении, считая их незаконными. При рассмотрении дела по жалобе судьями различных инстанций гражданин неоднократно указывал на то, что действий, направленных на нарушение общественного порядка, не совершал.

Гражданин представил жалобу вместе с видеозаписью, которая фиксировала процесс сбора доказательств в деле об административном правонарушении. Заявитель утверждал, что на видеозаписи содержатся доказательства его невиновности. Однако представленная гражданином вместе с жалобой видеозапись судьями не исследовалась и должной правовой оценки не получила.

В основу выводов о виновности гражданина положены письменные материалы дела, а именно: письменные объяснения свидетелей Б. и Р. от 12 февраля 2018 года и рапорт сотрудника полиции С. от 12 февраля 2018 года, который не был очевидцем описанных событий.

Свидетели Б. и Р. ни судьей районного суда, ни судьей областного суда допрошены не были, несмотря на последовательное отрицание гражданином своей вины в совершении административного правонарушения.

Исходя из вышеизложенного, нельзя сделать определенный вывод о виновности данного гражданина в совершении мелкого хулиганства, которое выражается в нарушении общественного порядка и проявлении явного неуважения к обществу, а также в использовании нецензурной брани в общественных местах.

На основании этого судья Верховного Суда Российской Федерации принял решение удовлетворить жалобу гражданина и прекратить производство по делу об административном

правонарушении на основании пункта 6 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ [2].

На практике сложности возникают и в части собирания доказательственной базы. Мелкое хулиганство обычно происходит в публичных местах, где могут находиться свидетели, но доказать, кто именно совершил правонарушение, бывает сложно. И даже при наличии доказательств административное дело могут прекратить в виду отсутствия состава правонарушения, что также вытекает из-за отсутствия четкой законодательной регламентации мелкого хулиганства. Довольно распространенным примером на практике является следующая ситуация. Так, суд не усмотрел состава рассматриваемого правонарушения в действиях гражданина, который, находясь на лестничной площадке многоквартирного дома, устроил конфликт с соседями. Мужчина громко стучал в их дверь, кричал, выражаясь при этом нецензурной лексикой, которую слышали лица, находившиеся в тот момент в квартире в качестве гостей. Однако соседи по лестничной клетке брани и шума не слышали. С учетом того, что лицо не могло предполагать, что в квартире семейной пары находятся посторонние лица, суд посчитал, что в его действиях, совершенных в общественном месте, отсутствует элемент публичности, а оскорбления, высказанные в адрес супругов, основаны на личных неприязненных отношениях и не могут быть квалифицированы как мелкое хулиганство [3].

Объективная сторона состоит из трех альтернативных действий: 1) нарушение общественного порядка, сопровождающееся нецензурной бранью; 2) оскорбительное приставание к гражданам; 3) уничтожение или повреждение чужого имущества [4]. Учитывая, что все указанные признаки имеют оценочный характер, на практике данное обстоятельство вызывает определенные сложности. Как правило, при квалификации мелкого хулиганства возникает вопрос, что именно можно отнести к этому понятию. Установленный перечень по данному правонарушению отсутствует, существует просто общепринятое субъективное понимание конкретных деяний, которые возможно отнести к мелкому хулиганству.

Первое действие имеет наиболее сложную конфигурацию. В частности, суд должен установить, что деяние осуществлялось в общественном месте, сопровождалось нецензурной бранью для демонстрации явного неуважения к неписаным правилам общественной морали.

Под общественным местом следует понимать места значительного скопления граждан (улицы, площади, парки, стадионы, транспорт), а также любые места, свободные для доступа неопределенного круга лиц, в которых могут находиться люди (подъезды, пешеходные переходы, остановки, торговые центры, залы ожидания и др.) [4]. По мнению специалистов, неуважение к обществу выражается в умышленном нарушении общепризнанных норм и правил поведения, продиктованном желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним. Одним из ключевых аргументов является использование непристойной лексики в присутствии других людей в публичных местах, таких как улицы [4].

Важно отличать простую ссору, в ходе которой используется ненормативная лексика, от употребления аналогичных слов и выражений для демонстрации своего неуважения к общепризнанным правилам поведения в обществе. Так, Приморский краевой суд, установив, что конфликт между С. и ее соседкой, происходивший на территории смежных индивидуальных домовладений и сопровождавшийся нецензурной бранью и бросанием камней, стал следствием личных неприязненных отношений, при этом неуважение и неприязнь были адресованы одному лицу, ранее вынесенное постановление о привлечении С. к ответственности за мелкое хулиганство отменил, а производство по делу прекратил [5]. В рассмотренном случае отсутствовал один элемент — общественное место. Однако суд ссылается на мотивационную сферу (личные неприязненные отношения), то есть на отсутствие признаков субъективной стороны. Однако мотив не является обязательным признаком хулиганства.

Как известно, отсутствие хотя бы одного элемента состава правонарушения исключает ответственность. Только наличие всех элементов позволяет говорить о совершенном мелком хулиганстве по статье 20.1 КоАП РФ. Так, 10 декабря 2016 года в интернете было размещено видео, на котором водитель автомобиля *Hummer* выезжает с проезжей части и движется по газону и пешеходному тротуару в районе Воробьевых гор г. Москвы. Данный контент вызвал резкую негативную реакцию общественности, и водитель был задержан полицией. Действия водителя были квалифицированы как мелкое хулиганство, и Никулинский районный суд г. Москвы вынес решение о назначении административного ареста на 14 дней, которое

было подтверждено Московским городским судом. В кассационной инстанции эти решения были отменены, так как действия водителя не соответствовали признакам мелкого хулиганства. В данной ситуации отсутствует элемент «нецензурная брань», однако в решении Московского городского суда указано, что деяние было совершено в ночное время, на улице было безлюдно, поэтому отсутствовало «явное неуважение обществу» [6, с. 73].

Еще один довольно распространенный пример привлечения к ответственности за мелкое хулиганство: размещение в сети «Интернет» пары, занимающейся сексом на улице. Так, в декабре 2017 года в интернете было опубликовано видео, на котором парень и девушка занимаются сексом в центре города, а их товарищ снимает происходящее на камеру телефона. Все трое были признаны виновными в совершении мелкого хулиганства и получили административный арест. В постановлениях № 5-1075/2017, 5-1076/2017, 5-1077/2017 от 16 декабря 2017 года Усть-Лабинского районного суда Краснодарского края суд указал на то, что нарушение общественного порядка сопровождалось громкими криками, беспричинным выражением грубой нецензурной брани, размахиванием руками и имитацией полового сношения [6, с. 73]. В данном примере все элементы нашли отражение в решении суда.

Второе действие, которое включено в объективную сторону мелкого хулиганства, — оскорбительное приставание к гражданам. Здесь также необходима научная трактовка указанных оценочных категорий. Так, А. Б. Агапов отмечает: «Оскорбительное приставание характеризуется дерзкими, навязчивыми действиями хулигана, наносящего моральный или физический вред незнакомому ему лицу, несмотря на противодействие потерпевшего» [7, с. 45]. Цель правонарушителя заключается не столько в физическом приставании, а в желании публичного унижения человека. М. Б. Труфанов считает, что для снижения количества ошибок в квалификации при выявлении события правонарушения необходимо руководствоваться двумя признаками оскорбительного приставания. Во-первых, обращение правонарушителя должно быть несовместимо с моральными устоями потерпевшего, во-вторых, мотивировано именно хулиганскими побуждениями [7, с. 45]. В целом поддерживая высказанные позиции, следует отметить, что, если обращение правонарушителя несовместимо с моральными устоями потерпевшего, такую оценку может

дать только сам потерпевший. Следовательно, опрос потерпевшего должен проводиться в обязательном порядке. Однако на практике не всегда представляется возможным найти потерпевшего, например, если факт мелкого хулиганства в виде приставания к гражданам зафиксирован камерами уличного наблюдения. Что касается приставания именно к незнакомым лицам, здесь также стоит отметить, неприличное приставание возможно и к знакомым нарушителя. Смоделируем ситуацию: группа подростков систематически встречается в центре города. В одну из встреч один из участников группы в присутствии других начинает приставать к девушке из этой компании. Представляется, если девушка высказывает явное неудовольствие подобного поведения, содеянное следует рассматривать как мелкое хулиганство. Представляется, что ключевым фактором «оскорбительного приставания» следует признавать несогласие потерпевшего, то есть действия против его воли, явно демонстрируемое последним. Например, это может быть физическое сопротивление, попытка убежать или спрятаться, словесное возмущение к совершаемым действиям. Если же «оскорбительное приставание» осуществляется не в людном месте или в отсутствие свидетелей, такое деяние квалифицировать как мелкое хулиганство нельзя. В данном случае квалификация действий виновного больше попадает под признаки состава правонарушения, предусмотренного статьей 6.1.1. КоАП РФ («Побои»). Полагаем, что к признаку отсутствия согласия потерпевшего следует добавить признак публичности — либо общественное место, либо присутствие третьих лиц. Только совокупность данных признаков (отсутствие согласия потерпевшего и публичное поведение) дает основание считать, что приставание носит оскорбительный характер. Несмотря на то, что оскорбление этимологически означает субъективное восприятие лица, в отношении которого совершаются действия, тем не менее хулиганство — это деятельность, нацеленная на противопоставление себя именно обществу, а не конкретному лицу.

Следует акцентировать внимание на то обстоятельство, что законодатель указывает на граждан во множественном числе. Возникает вопрос: можно ли оценить как мелкое хулиганство подобное приставание к одному человеку? Полагаем, что можно. Так, постановлением Старооскольского городского суда (Белгородская область) от 31 декабря 2020 года № 5-423/20 было рассмотрено дело о мелком хулиганстве

в отношении ФИО1. Находясь на лестничной площадке многоподъездного дома в состоянии алкогольного опьянения, ФИО1 громко и беспричинно выражался нецензурной бранью в присутствии гражданки ФИО2. Последняя неоднократно требовала прекратить ругаться, однако нарушитель не реагировал, таким образом нарушал общественный порядок. Суд постановил: «ФИО1 признать виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ, и назначить ему наказание в виде административного штрафа в размере 1 000 (одна тысяча) рублей» [8]. Не придание значения количеству потерпевших в тексте закона не является единственным. Например, в части 4 статьи 205 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) сказано о террористическом акте, повлекшем причинение смерти человеку, то есть в единственном числе. Однако на практике смерть двух и более лиц в результате террористического акта оценивается по части 4 статьи 205 УК РФ [9]. Такой подход подтверждается позицией Верховного Суда Российской Федерации. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» указано: «В случае, если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (**либо двум и более лицам**) (выделено мной. — Ю. В.), содеянное охватывается пунктом «б» части 3 статьи 205 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 105 УК РФ не требует» [10].

Третий признак мелкого хулиганства — уничтожение или повреждение чужого имущества. Под уничтожением имущества следует понимать полную утрату полезных свойств вещи материального мира, исключающую возможность его использования по назначению. Разрушение означает полное уничтожение имущества. Повреждение имущества, в свою очередь, подразумевает нарушение его целостности, но не исключает возможность его восстановления через ремонт или реставрацию. Напомним, в статьях 167, 168 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за аналогичное деяние. Уголовное законодательство разграничивает данные составы по признаку субъективной стороны (уничтожение или повреждение имущества умышленно квалифицируется по ст. 167 УК РФ, по неосторожности — по ст. 168 УК РФ). Разграничение от административно наказуемого хулиганства должно происходить по

стоимости уничтоженного или поврежденного имущества. В УК РФ данный критерий законодательно установлен: свыше 5 000 рублей при умышленном уничтожении, свыше 250 тыс. рублей — при неосторожном уничтожении (или повреждении) [9]. В административном законодательстве форма вины прямо не указана. Но, исходя из общих подходов, хулиганство совершается исключительно умышленно. Следовательно, умышленное причинение имущественного ущерба до 5 000 рублей должно оцениваться по статье 20.1 КоАП РФ.

Более сложным, на наш взгляд, представляется вопрос — это отграничение статьи 20.1 от статьи 7.17. КоАП РФ, предусматривающей ответственность за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества. Полагаем, разница заключается в том, что при хулиганских действиях уничтожение имущества — не самоцель нарушителя. Иными словами, к повреждению имущества нарушитель относится безразлично, тогда как в статье 7.17 КоАП РФ — это цель. Исходя из сказанного, полагаем, что имущественный вред причиняется при хулиганстве с косвенным умыслом. Определить направленность умысла можно по внешним обстоятельствам. Так, например, если нетрезвый прохожий разбивает витрину и после задержания говорит, что ничего не помнит, то здесь следует вести речь о хулиганстве. Другой пример, если один сосед другому повреждает забор, считая, что он слишком высокий, то на лицо признаки состава правонарушения, предусмотренного статьей 7.17 КоАП РФ, даже если подобные действия были совершены в общественном месте и с сопровождением нецензурной брани [4].

Отсутствие четкой нормативной регламентации отдельных положений статьи влечет за собой также проблему конкуренции норм права. Так, при исследовании действующего административного законодательства можно выявить идентичность некоторых составов правонарушений. Данный фактор препятствует своевременному разрешению правонарушений, затягивает процесс квалификации и установления обстоятельств дела. Например, с принятием Федерального закона Российской Федерации от 8 декабря 2003 года № 161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации"» состав мелкого хулиганства получил новую формулировку. В частности, статья 20.1 КоАП РФ дополнена

частью 2, предусматривающей административную ответственность за хулиганские действия, сопряженные с неповиновением законному требованию представителя власти либо иного лица, исполняющего обязанности по охране общественного порядка или пресекающего его нарушение [11]. Под представителем власти необходимо понимать лицо, наделенное законом правом управленческих решений в отношении неподчиненных субъектов в момент исполнения профессиональных обязанностей по охране общественного порядка. Это в первую очередь сотрудники полиции, военнослужащие, сотрудники уголовно-исполнительной системы. К «иным лицам» следует относить тех лиц, которые временно или по специальному полномочию выполняют функции по охране общественного порядка (дружинники, сотрудники частных охранных предприятий, внештатные сотрудники органов внутренних дел).

Стоит отметить смежную норму, вступающую в конкуренцию с частью 2 статьи 20.1 КоАП РФ. Речь о статье 19.3 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за неповиновение законным требованиям представителей власти, что препятствует исполнению возложенных на них нормативными правовыми актами полномочий и делает рассмотренные статьи крайне схожими по своему смыслу и назначению, снижая эффективность. Поэтому на практике могут возникнуть коллизии при квалификации данных деяний. Разница заключается в моменте начала противоправных действий виновного. Если гражданин совершает правонарушение, содержащее признаки мелкого хулиганства, и не реагирует на требования сотрудника полиции остановиться, тогда ответственность будет наступать по части 2 статьи 20.1 КоАП РФ. Если сотрудник полиции требует пройти к месту, выйти из помещения и т. д., когда никаких противоправных действий до начала требования лицо не совершало, то квалификация будет по статье 19.1 КоАП РФ.

Исходя из этого, можно предположить, что для улучшения правоприменительной практики необходимо внести некоторые корректировки в часть 2 статьи 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Предлагается указать, что ответственность возникает только в случае неповиновения законному требованию лица, которое исполняет обязанности по охране общественного порядка или пресекает нарушение общественного порядка.

Мелкое хулиганство также важно отличать от более опасного проявления хулиганства,

ответственность за которое предусмотрена нормами уголовного законодательства в статье 213 УК РФ. Основным отличием будет являться степень нарушения общественной безопасности. Для преступления предусмотрены грубые нарушения общественного порядка, которые выражаются, во-первых, в насилии или угрозе его применения, причем угроза потерпевшим должна восприниматься реально (например, наличие предметов в руке или иная обстановка). Во-вторых, ответственность по статье 213 УК РФ наступает при наличии «экстремистских» мотивов: политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть. В-третьих, если хулиганские действия совершаются на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте.

Вышеуказанные проблемные вопросы при квалификации административных правонарушений в области общественного порядка свидетельствуют о явных недоработках как с точки зрения практической реализации, так и пробелов в теоретических положениях.

Таким образом, содержанием объективной стороны будут являться следующие действия: 1) нарушение общественного порядка, сопровождающееся нецензурной бранью; 2) оскорбительное приставание к гражданам; 3) уничтожение или повреждение чужого имущества. Первое действие имеет сложную конфигурацию, так как суд должен установить, что нарушение произошло в месте, где может находиться много людей (улица, подъезд многоквартирного дома, детская площадка) либо в присутствии посторонних людей не в общественном месте (квартира, частный дом, дача); словесные выражения должны содержать нецензурную лексику; произноситься публично в месте, где могут находиться люди, также нарушитель должен был проявить неуважение к обществу, нарушив общепризнанные нормы поведения и произнеся нецензурные слова в присутствии людей. Исследуя все эти составляющие, приходим к выводу, что отсутствие хотя бы одного из этих элементов исключает ответственность по статье 20.1 КоАП РФ.

Второе действие, включенное в объективную сторону мелкого хулиганства, представляет собой оскорбительное приставание к гражданам. Оскорбительное приставание выражается в дерзком поведении хулигана, причиняющем моральный или физический вред окружающим лицам, невзирая на их сопротивление. Следует отметить, что только совокупность данных признаков (отсутствие согласия потерпевшего и

публичное поведение) дает основание считать, что приставание носит оскорбительный характер. Несмотря на то, что законодатель указывает на граждан во множественном числе, считаем, данный момент юридического значения не имеет, так как оскорбительное приставание может осуществляться и в отношении одного потерпевшего. При этом не имеет юридического значения факт знакомства или его отсутствие.

Представлены критерии, позволяющие ограничить мелкое хулиганство от смежных уголовно-правовых норм, а также от статьи 7.17 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества. Полагаем, разница заключается в том, что при хулиганских действиях уничтожение имущества — это не самоцель нарушителя. Иными словами, к повреждению имущества нарушитель относится безразлично, тогда как в статье 7.17 КоАП РФ — это цель.

Положения, изложенные в статье 19.3 КоАП РФ, также предусматривают ответственность за неповиновение законным требованиям представителей власти, что препятствует исполнению возложенных на них нормативными правовыми актами полномочий и делает рассмотренные статьи крайне схожими по своему смыслу и назначению, снижая их эффективность. Правила ограничения статьи 19.3 КоАП РФ от квалифицированного мелкого хулиганства (ч. 2 ст. 20.1 КоАП РФ) основываются на моменте отказа виновного подчиниться законным требованиям представителя власти и предшествующего поведения.

В современных условиях, чтобы улучшить эффективность применения мер административной ответственности в обществе, необходимо улучшить качество правоприменительной работы и ясно определить обстоятельства административного правонарушения в законодательных актах. Данные преобразования также позволяют существенно сократить конкуренцию норм в области административного и уголовного права.

Анализ судебной практики указывает на некоторые недостатки и несовершенства, которые влияют на справедливость административного процесса. Одной из основных проблем является недостаточное использование дополнительных доказательств, таких как видеозаписи или свидетельские показания, которые могут подтверждать или опровергать вину подсудимого. В рассмотрении дела часто основываются только на письменные материалы, которые могут быть неполными или несостоятельными. В случаях, где есть видеозаписи или свидетельские

показания, судьи должны проводить тщательное исследование этих доказательств и допрашивать свидетелей для получения полной картины событий. Однако в практике такие меры не всегда соблюдаются, что может приводить к неправильным решениям.

Разработка специальных мер, необходимых для предотвращения мелкого хулиганства, и их комплексное использование смогут существенно содействовать значительному повышению безопасности в нашей стране и результативной борьбе с противоправными действиями. Для решения проблем необходимо улучшить качество судебного процесса и обеспечить более полное и всестороннее рассмотрение доказательств. Только таким образом можно достичь справедливой и эффективной системы административной ответственности.

Список источников

1. Судебная статистика Российской Федерации. Агентство правовой информации. Административные правонарушения 2022. URL: <https://stat.ани-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/73> (дата обращения: 10.06.2023).
2. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 20 мая 2019 года № 87-АД19-7. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20052019-n-87-ad19-7/> (дата обращения: 10.06.2023).
3. Постановление Вилючинского городского суда Камчатского края от 3 июня 2013 года по делу № 5-32/2013. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/C0qg96IF87QC/> (дата обращения: 10.06.2023).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 года). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 10.06.2023).
5. Постановление Приморского краевого суда от 16 сентября 2015 года по делу №12-401/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YQ9yGN9pOImQ/> (дата обращения: 22.06.2023).
6. Трусов А. И., Техов Д. Н., Губарева Т. И. О некоторых проблемах квалификации мелкого хулиганства // Юристы-Правовед. Право. 2018. № 4 (87). С. 71–75.
7. Мишина Ю. В. Проблемные аспекты привлечения к административной ответственности за мелкое хулиганство // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 3. С. 42–49.
8. Постановление Старооскольского городского суда (Белгородская область) от 31 декабря 2023 года № 5-423/20. URL: [https://nalogcodex.ru/sud_pract/sou/postanovlenie-staroskolskogo-gorodskogo-suda-\(belgorodskaya-oblast\)-ot-31.12.9999_-5-423_20](https://nalogcodex.ru/sud_pract/sou/postanovlenie-staroskolskogo-gorodskogo-suda-(belgorodskaya-oblast)-ot-31.12.9999_-5-423_20) (дата обращения: 10.06.2023).

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 года). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.06.2023).

10. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 // Российская газета. 2012. № 35. 17 февраля. URL: <https://base.garant.ru/70137188/> (дата обращения: 22.06.2023).

11. О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»: федеральный закон от 8 декабря 2003 года № 161-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 года). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45384/ (дата обращения: 10.06.2023).

References

1. Judicial statistics of the Russian Federation. Legal Information Agency. Administrative offenses 2022. URL: <https://stat.api-press.rf/stats/adm/t/31/s/73> (accessed 10.06.2023). (In Russ.)

2. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation no. 87-AD19-7 of May 20, 2019. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20052019-n-87-ad19-7/> (accessed 10.06.2023). (In Russ.)

3. Resolution of the Vilyuchinsky City Court of the Kamchatka Territory of June 3, 2013 in case no. 5-32/2013. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/C0qg96IF87QC/> (accessed 10.06.2023). (In Russ.)

4. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses no. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended of June 13, 2023). URL: <https://www.consultant.ru/docu->

[ment/cons_doc_LAW_34661/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/) (accessed 10.06.2023). (In Russ.)

5. Resolution of the Primorsky Regional Court of September 16, 2015 in case no. 12-401/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YQ9yGN9pOImQ/> (accessed 22.06.2023). (In Russ.)

6. Trusov A. I., Tekhov D. N., Gubareva T. I. About some problems of qualifying petty hooliganism. *Yurist-Pravoved. Right*, 2018, no. 4 (87), pp. 71–75. (In Russ.)

7. Mishina Yu. V. Problematic aspects of bringing to administrative responsibility for petty hooliganism. *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences*, 2021, vol. 7 (73), no. 3, pp. 42–49. (In Russ.)

8. Resolution of the Starooskol City Court (Belgorod Region) no. 5-423/20 of December 31, 2023. URL: [https://nalogcodex.ru/sud_pract/sou/postanovlenie-starooskolskogo-gorodskogo-suda-\(belgorodskaya-oblast\)-ot-12/31/9999--5-423_20](https://nalogcodex.ru/sud_pract/sou/postanovlenie-starooskolskogo-gorodskogo-suda-(belgorodskaya-oblast)-ot-12/31/9999--5-423_20) (accessed 10.06.2023). (In Russ.)

9. Criminal Code of the Russian Federation no. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended of June 13, 2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed 10.06.2023). (In Russ.)

10. On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 1 of February 9, 2012. *Rossiyskaya Gazeta*, 2012, no. 35, February 17. URL: <https://base.garant.ru/70137188/> (accessed 22.06.2023). (In Russ.)

11. On bringing the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and other legislative acts into compliance with the federal law “On Amendments and Additions to the Criminal Code of the Russian Federation”: federal law no. 161-FZ of December 8, 2003 (as amended of July 3, 2016 of the year). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45384/ (accessed 10.06.2023). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.07.2023; одобрена после рецензирования 05.11.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 05.07.2023; approved after reviewing 05.11.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-160-166>

Современное состояние и тенденции преступности, сопряженной с внешней дискредитацией органов внутренних дел

Дубова Мария Евгеньевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, shaleeva0005@yandex.ru

Аннотация. В рамках настоящего исследования автор предпринял попытку охарактеризовать современное состояние преступности, сопряженной с внешней дискредитацией органов внутренних дел. Изучены, обобщены и осмыслены результаты проведенного автором анкетирования 181 гражданина и 292 сотрудников органов внутренних дел из 59 регионов Российской Федерации; интервьюирования 16 экспертов из числа сотрудников рабочих групп по противодействию дискредитации ОВД, создаваемых при территориальных органах МВД России; данные, отраженные в аналитических материалах Главного управления собственной безопасности МВД России; сведения статистической отчетности из Формы № 456 «Защита», формируемой Главным информационно-аналитическим центром МВД России, что позволило сформулировать оригинальные выводы о современном состоянии и последних тенденциях преступности, сопряженной с внешней дискредитацией ОВД. Кроме того, внесены авторские суждения относительно повышенной виктимности сотрудников, находящихся при исполнении служебных обязанностей, о причинах их пассивной позиции в вопросе защиты своей деловой репутации, о проблемах, возникающих в деятельности субъектов защиты органов внутренних дел от дискредитации, перспективах развития и оптимизации функционирования этого направления в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: внешняя дискредитация ОВД, подрыв деловой репутации ОВД, защита, преступность, фейк, тенденции преступности против сотрудников полиции

Для цитирования: Дубова М. Е. Современное состояние и тенденции преступности, сопряженной с внешней дискредитацией органов внутренних дел // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 160–166. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-160-166>.

Original article

The current state and trends of crime related to external discrediting of internal affairs bodies

Maria E. Dubova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, shaleeva0005@yandex.ru

Abstract. Within the framework of this study, the author has tried to characterize the current state of crime associated with external discrediting of internal affairs bodies. The results of the survey conducted by the author of 181 citizens and 292 police officers from 59 regions of the Russian Federation, the data reflected in the analytical materials of the Main Directorate of Internal Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia and statistical reporting data from the Form no. 456 "Protection", formed by the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, in their totality allowed to make original conclusions about crime trends associated with external discrediting of the police. The author's judgments are made regarding the increased victimization of IAB employees who are on duty, the reasons for their passive position in protecting their business reputation, problems arising in the activities of subjects of protection of IAB from discrediting, prospects for the development of this area of activity.

Keywords: external discrediting of the IAB, undermining the business reputation of the IAB, protection, crime, fake, crime trends against police officers

For citation: Dubova M. E. The current state and trends of crime related to external discrediting of internal affairs bodies. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 160–166. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-160-166>.

© Дубова М. Е., 2023

Диагностика состояния и динамики преступности имеет принципиальное значение для разработки научных подходов к противодействию ее проявлениям, предупреждению преступлений, снижению степени и характера их общественной опасности, прогнозированию тенденций для выработки и реализации уголовной политики, для выявления социальных проблем и рисков. Как писал В. В. Лунеев: «...выявление общих и частных тенденций в уровне и структуре преступности имеет важнейшее значение для реальной оценки состояния преступности, ее прогноза на ближайшее и отдаленное будущее, разработки стратегии и тактики борьбы с преступностью...» [1, с. 114].

Уяснение упомянутых характеристик преступности, сопряженной с внешней дискредитацией органов внутренних дел (далее — ОВД), затруднено отсутствием в открытом доступе статистической отчетности о количестве потерпевших сотрудников ведомства в результате совершения в отношении них преступлений. Такие преступления учитываются в форме статистической отчетности Главного информационно-аналитического центра МВД России (далее — ГИАЦ МВД России) под кодом 456 «Защита». Несмотря на ее формально открытый характер, по рекомендации ГИАЦ МВД России распространение и предоставление как общедоступной вне системы МВД России этой информации не предусмотрено. В этой связи, чтобы охарактеризовать тенденции преступности против сотрудников ОВД, мы можем использовать лишь результаты собственного изучения и сравнения запрошенных нами сведений.

Помимо статистической информации эмпирической базой исследования преступности, сопряженной с внешней дискредитацией ОВД, стали:

- аналитические обзоры (обзоры, справки, аналитические справки) результатов деятельности органов, подразделений и организаций МВД России по защите от дискредитации, регулярно формируемые Главным управлением собственной безопасности МВД России (далее — ГУСБ МВД России) за 2016–2022 годы;

- аналитические справки ГУСБ МВД России по положительной практике судебной защиты от дискредитации ОВД и их сотрудников с приложенными судебными решениями в защиту деловой репутации ОВД и судебными решениями в защиту чести, достоинства и деловой репутации сотрудников ОВД за 2016–2022 годы;

- аналитические обзоры практики оказания правовой и психологической помощи сотрудникам органов внутренних дел Российской

Федерации, подготовленные ГУСБ МВД России за 2018 год и 2021 год;

- результаты анкетирования 181 граждан и 292 сотрудников ОВД из 59 регионов Российской Федерации, проведенного автором исследования в марте 2023 года;

- результаты интервьюирования 16 экспертов — сотрудников подразделений, уполномоченных на защиту сотрудников и подразделений МВД России от дискредитации (в том числе входящие в создаваемые территориальными органами МВД России рабочие группы из числа сотрудников подразделений собственной безопасности, информации и общественных связей, правовых и кадровых подразделений), психологов следственных изоляторов и исправительной колонии ГУ ФСИН по Нижегородской области.

Изучив статистические данные из формы отчетности «Защита», мы рассчитали удельный вес отдельных показателей преступности, сопряженной с внешней дискредитацией, с 2016 года по 2022 год. При вычислении удельного веса использована следующая формула:

$$C = \frac{u}{U} \cdot 100 \%$$

где C — удельный вес отдельного вида преступности сотрудников ОВД / конкретного преступления;

u — показатель объема отдельного вида преступности;

U — показатель общего объема преступности сотрудников ОВД на той же территории за тот же период времени.

Прежде всего, выявлена весомая доля преступлений, совершенных в отношении сотрудников ОВД, находившихся при исполнении служебных обязанностей в общей массе зарегистрированных преступлений, где потерпевшими являлись сотрудники ОВД (см. рис. 1).

С 2016 по 2019 год наблюдается поступательное увеличение доли подобных преступлений с сохранением тенденции до настоящего времени: налицо признак повышенной виктимности сотрудников ОВД, находящихся на службе. Кроме того, это подтверждает гипотезу о доминировании такого мотива преступлений, совершаемых в отношении полицейских, как выполнение потерпевшим служебных обязанностей, неприязнь, обусловленная его профессиональной принадлежностью.

Характеризуя динамику количества преступлений, где потерпевшими являлись сотрудники

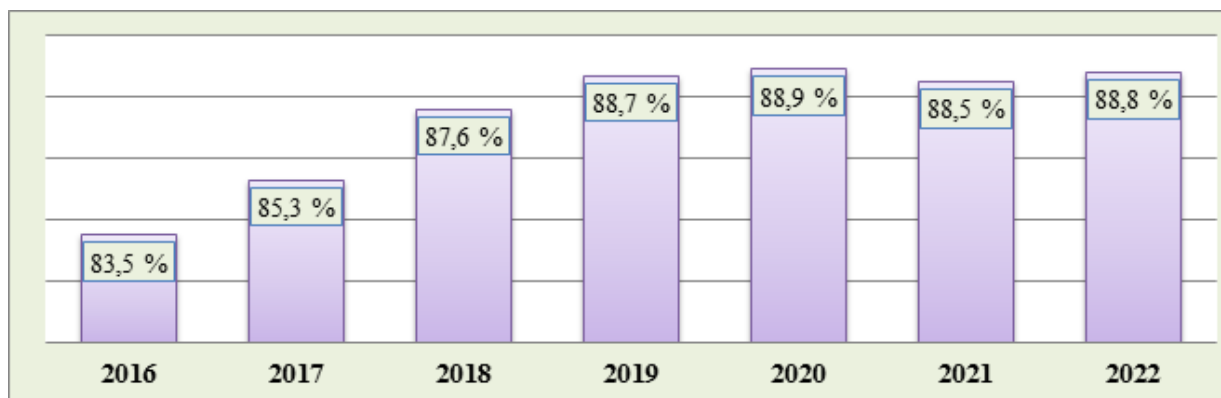

Рис. 1. Удельный вес преступности против сотрудников ОВД, потерпевших от преступных посягательств в связи с исполнением служебных обязанностей (2016–2022)

ОВД, фиксируем тенденцию: с 2016 по 2022 год показатель снизился на 35,5 %. При этом количество преступлений, предусмотренных статьями 213, 317, 318, 306, 128¹, 137, 298¹ Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [2], совершенных в отношении сотрудников ОВД, в исследуемом периоде сохранялось на одном уровне, в то время как число преступлений, предусмотренных статьей 319 УК РФ резко сократилось: с 2016 по 2020 год — на 13,5 %, а с 2020 по 2022 год — на 49 %.

Объяснением подобного тренда, на наш взгляд, являются социальные, экономические и политические изменения, происходящие в России в последние годы. Пандемия коронавируса карантинными мерами наложила фактический запрет на массовое пребывание граждан в общественных местах, где зачастую и совершаются рассматриваемые преступления. Свою роль сыграли процессы, связанные с проведением специальной военной операции: эмиграцию граждан, преимущественно негативно настроенных к силовому блоку страны, мобилизацию, изменения в общественной психике, обусловленные, в частности, корректировкой государственной политики в сфере духовно-нравственного

и патриотического воспитания населения [3]. Кроме того, не можем игнорировать факт усугубления кадровых проблем ведомства: по словам главы МВД России В. А. Колокольцева, только за июль 2023 года из системы уволилось более 5 тыс. сотрудников, а нехватку личного состава он оценил как критическую [4].

Далее проследим тенденции в практике выявления субъектами противодействия дискредитации ОВД фактов распространения фейков о сотрудниках, порочащих их честь, достоинство и деловую репутацию (см. рис. 2).

С 2017 года устойчиво снижается количество выявленных территориальными органами МВД России порочащих и не соответствующих действительности сведений. За 6 лет этот показатель сократился более чем в 6 раз. Пытаясь объяснить подобную тенденцию, в качестве экспертов были опрошены сотрудники подразделений, уполномоченных на защиту сотрудников и подразделений МВД России от дискредитации. Обобщая доводы, можем предложить следующие объяснения сформировавшейся тенденции:

— снижение объема негативной информации о деятельности ОВД в информационном

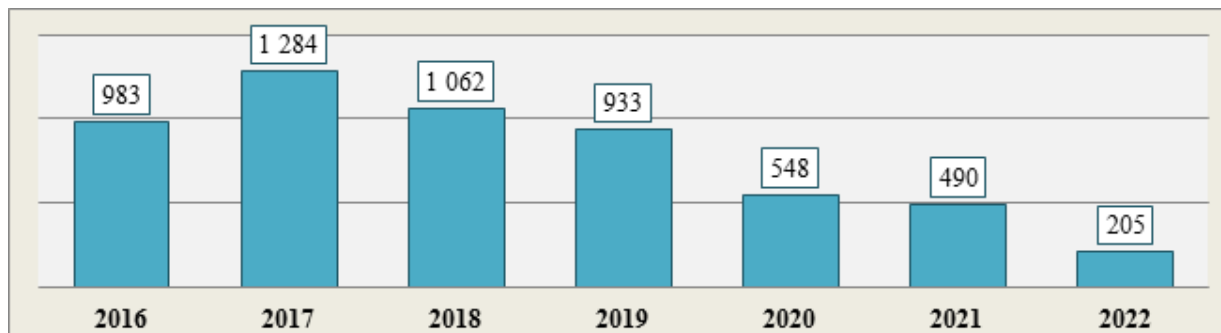

Рис. 2. Количество выявленных фактов распространения сведений, не соответствующих действительности и порочащих ОВД и их сотрудников

пространстве ввиду появления новых провокационных, злободневных тем, обусловленных, в частности, геополитической и экономической обстановкой (смещение фокуса);

— позитивная реализация информационной политики МВД России, направленной на формирование положительного общественного мнения, повышение эффективности предупредительной работы субъектов противодействия дискредитации ОВД;

— своевременное принятие мер по удалению (блокированию) порочащей информации не только на страницах первоисточника, но и в иных сетевых источниках, оперативное выявление и блокировка сайтов, интернет-форумов, блогов, целенаправленно реализующих политику подрыва репутации государственных структур, в том числе ОВД.

В то же время в аналитических материалах ГУСБ МВД России описывается и иное объяснение тенденции — это снижение темпов работы подразделений, в чьи обязанности входит противодействие дискредитации, слабый контроль руководителей за состоянием взаимодействия всех субъектов защиты от диффамации, невысокая степень их участия в обеспечении защищенности личного состава, формальный подход к предоставлению статистической отчетности.

Существенное значение для характеристики общественной опасности и выраженности угроз преступности, сопряженной с внешней дискредитацией ОВД, имеет социальное самочувствие потенциальных жертв — сотрудников ОВД и потенциальных субъектов — граждан, их личное отношение к существующей проблеме. Результаты проведенного нами анкетирования сотрудников ОВД свидетельствуют о наличии у респондентов опасений стать жертвой дискредитации. На вопрос «Опасаетесь ли вы быть дискредитированным гражданами ввиду вашей профессиональной принадлежности?» утвердительный ответ дали 53 % опрошенных; 45 % показали, что не чувствуют себя защищенными от неправомерных действий граждан. При этом 64 % заявило, что сталкивались с неповиновением их законным требованиям, 62 % — с оскорблениями, 48 % — со служебными проверками, проводимыми в результате «безосновательных», на их взгляд, обращений граждан в контрольно-надзорные органы.

Устанавливая современное состояние «взаимоотношений» полиции и гражданского общества, мы также опросили граждан на предмет их личного отношения к сотрудникам

ОВД, к ведомству, показателям его деятельности. Оценивая профессиональный уровень сотрудников полиции в нашей стране, 27 % респондентов охарактеризовали его как низкий, 29 % — как приемлемый и лишь 3 % сочли его высоким. Доли ответов на вопрос «Одобряете ли вы в действиях сотрудников полиции, свидетелем которых вы становились?» распределились следующим образом: совершенно не одобряют 6 % опрошенных, скорее не одобряют — 21 %, скорее одобряют — 26 %, полностью одобряют — лишь 6 %, при этом 41 % воздержалось от ответа. Описывая отношение к сотрудникам полиции, преобладающее среди населения, 7 % респондентов охарактеризовали его как отрицательное, 54 % — как скорее отрицательное, 27 % — как нейтральное, 11 % — как скорее положительное и лишь 1 % — как положительное. При этом лично относятся к полиции положительно 11 %, скорее положительно — 27 %.

Далее проследим динамику количества и характера возбуждаемых уголовных дел по результатам проведения проверок порочащей, недостоверной, негативной информации (см. рис. 3).

Из представленных данных (рис. 1–3) следует:

— вычислив удельный вес оскорбления представителя власти, видим, что, в среднем, с 2016 по 2021 год он составляет 90 % в общем объеме учтенных возбужденных уголовных дел по признакам статьи 319, 306 и 128¹ УК РФ. Следовательно, по результатам проверки факта распространения порочащего фейка о сотруднике полиции, как правило, возбуждается уголовное дело по признакам публичного оскорбления представителя власти;

— по общей закономерности (2017–2019, 2021) по каждому пятому выявленному фейку возбуждалось уголовное дело, в 2016 году — по каждому четвертому, в 2022 году — по каждому десятому. В 2020 году зафиксирован существенный рост числа зарегистрированных по результатам проверок преступлений, предусмотренных статьей 319 УК РФ, совершенных в информационном пространстве в отношении полицейских. По результатам правовой оценки 548 фейков возбуждено 404 уголовных дела, 392 из которых — по признакам публичного оскорбления представителя власти;

— в последние два года значительно реже возбуждались уголовные дела по результатам оценки фейковых сведений. Примечательно: сравнение количества уголовных дел (по ст. 128¹, 319, 306 УК РФ), возбужденных по результатам служебных проверок (см. рис. 3), с

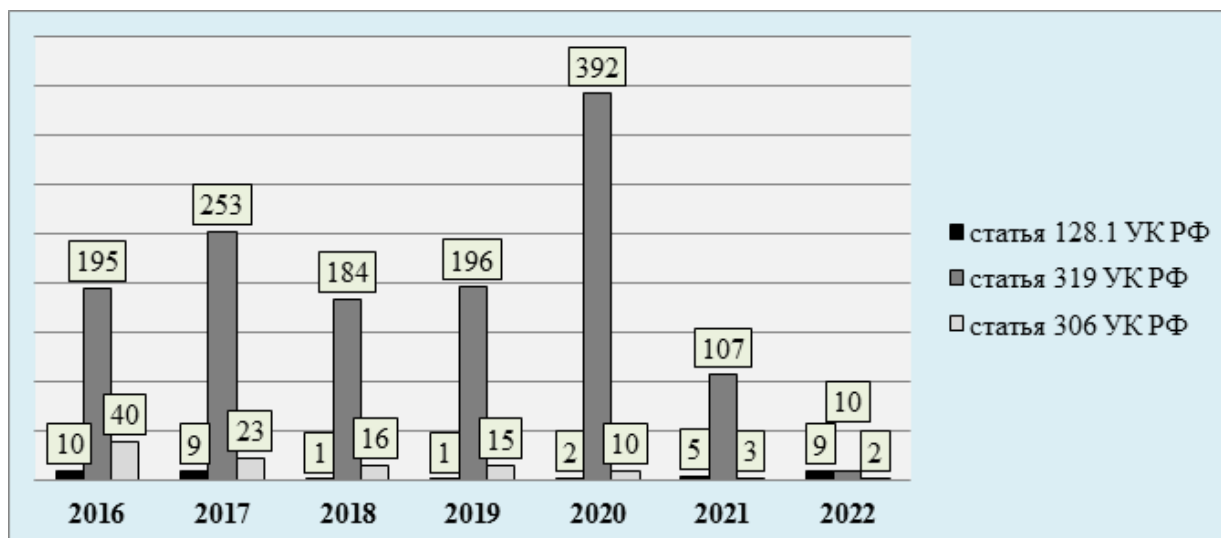

Рис. 3. Количество уголовных дел, возбужденных по результатам проверок порочащей, недостоверной информации (2016–2022)

общим количеством зарегистрированных преступлений, совершенных в отношении сотрудников ОВД, предусмотренных статьями 128¹, 319, 306 УК РФ), показало: средний удельный вес (2016–2022) уголовных дел по признакам клеветы, возбуждение которых было инициировано подразделениями собственной безопасности, в общем количестве таких уголовных дел, где потерпевшими стали сотрудники ОВД, составил 42 %, по признакам заведомо ложного доноса — 27,4 %, а по признакам оскорбления представителя власти — лишь 1,6 %. Та же тенденция была зафиксирована Н. Н. Дьяченко, которая отмечает: в 2016 году было зарегистрировано более 13,1 тыс. преступлений, затронувших честь и достоинство сотрудников ОВД, из них лишь 245 возбуждены на основании материалов проверок территориальных органов

(лишь около 2 %) [5, с. 158]. По нашему мнению, такая ситуация имеет все то же объяснение — уменьшение количества уголовных дел, возбужденных по статье 319 УК РФ. Дело в том, что в статистическую отчетность включаются только те дела, по которым органами внутренних дел проводились служебные проверки либо было принято участие в защите сотрудников иным образом. Это исключает широкий пласт дел, которые возбуждались следственными органами по инициативе самих сотрудников.

Анализ статистических данных о количестве подаваемых сотрудниками ОВД исковых заявлений по защите их чести, достоинства и деловой репутации выявил следующую тенденцию (см. рис. 4).

Полицейские нередко воздерживаются от реализации законного права на подачу

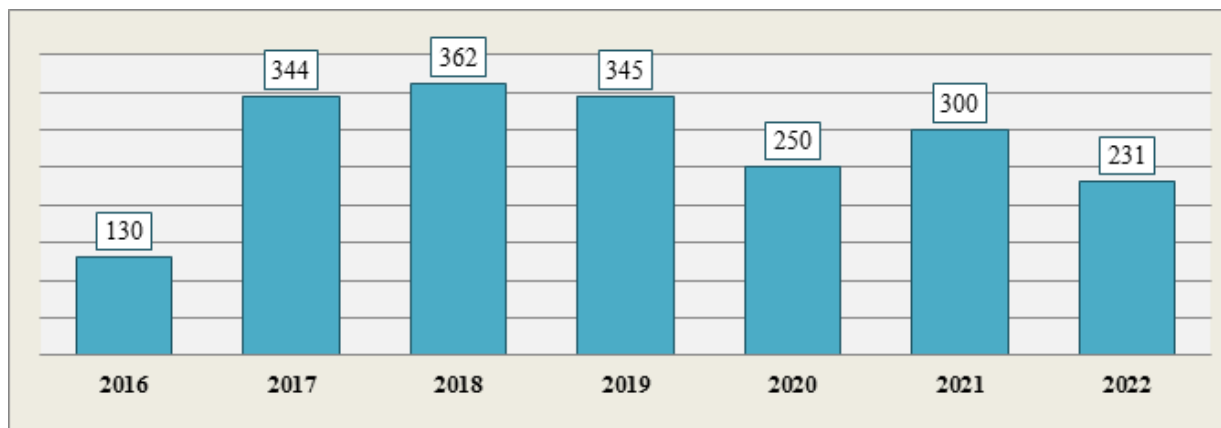

Рис. 4. Количество поданных сотрудниками ОВД исковых заявлений по защите чести, достоинства и деловой репутации (2016–2022)

искового заявления в рамках гражданского судопроизводства. Так, например, в 2019 году фейками, дискредитирующими сотрудников ОВД, были признаны 933 материала, однако в суды было направлено лишь 345 иска в защиту чести и достоинства. Указанное свидетельствует, во-первых, о недостаточности усердия субъектов защиты от дискредитации ОВД, не оказывающих должной помощи и поддержки жертвам диффамации; во-вторых, о нежелании самих потерпевших вновь привлекать внимание из опасения повторного общественного резонанса. В аналитических материалах ГУСБ подтверждается сохранение практики «перекалывания» различными подразделениями друг на друга задач по помощи в защите от дискредитации и тенденции низкой активности сотрудников в защите своих нематериальных прав путем обращения в судебные органы в последние годы.

Любопытно, что опрошенные сотрудники ОВД заявляют о готовности обратиться в суд по вопросам защиты чести, достоинства и деловой репутации в случае совершения в отношении них действий, дискредитирующих их как сотрудника ОВД: 25 % изъявили абсолютную готовность, 40 % выбрали ответ «скорее готов обратиться». Приведенные доводы подтверждают наличие такой характерной черты преступности, сопряженной с внешней дискредитацией ОВД, как латентность: многие сотрудники не заявляют о совершенных в отношении них преступных посягательствах, нередко компрометирующих их как полицейских, опасаясь последствий в виде проведения служебных проверок, множества бюрократических процедур, проблем на работе.

Подводя итоги, опишем характерные черты и тенденции преступности, сопряженной с внешней дискредитацией ОВД, на современном этапе:

— высокая латентность, обусловленная нежеланием жертв диффамации привлекать внимание, обращаться в суд за восстановлением репутации, неуверенностью в положительном разрешении ситуации, отсутствием должной поддержки субъектов защиты от дискредитации;

— очевидная зависимость динамики от происходящих социальных, экономических, политических процессов в стране, реализуемой государственной политики, наличие корреляционной связи между ними и состоянием преступности;

— снижение зарегистрированной преступности, сопряженной с внешней дискредитацией ОВД, в последние 6 лет, обусловленное

уменьшением количества возбужденных уголовных дел по признакам оскорбления представителя власти;

— уменьшение количества выявляемых субъектами защиты от дискредитации ОВД фейков о сотрудниках, работе ведомства, наиболее интенсивное — в последние 2 года, детерминированное как негативными (в т. ч. недостатки в практике реализации мер по защите), так и положительными предпосылками (в том числе сокращение негатива в информационном пространстве, результативность предпринимаемых мер по противодействию дискредитации);

— доминирующий мотив совершения преступлений, дискредитирующих полицейских — неприязнь, обусловленная их профессиональной принадлежностью, выполнение ими служебных обязанностей;

— повышенная виктимность сотрудников ОВД, находящихся при исполнении служебных обязанностей;

— падение активности дискредитированных сотрудников в плане реализации своего права на судебную защиту нарушенного права на честь, достоинство, деловую репутацию.

Список источников

1. Лунеев В. В. Криминология: учебник для вузов. Москва: Изд-во Юрайт, 2023. 686 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12 октября 2023 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.10.2023).
3. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.10.2023).
4. Проблема в МВД с кадрами. Владимир Колокольцев: только в июле уволилось 5 000 человек. Причины?! URL: https://dzen.ru/a/ZNfpG0JMASGsH_ed (дата обращения: 27.09.2023).
5. Дьяченко Н. Н. Актуальные вопросы совершенствования статистической отчетности подразделений собственной безопасности, а также иных служб и подразделений органов внутренних дел Российской Федерации в сфере защиты от дискредитации // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 4. С. 157–161.

References

1. Luneev V. V. Criminology: textbook for universities. Moscow: Yurayt Publ., 2023. 686 p. (In Russ.)

2. The Criminal Code of the Russian Federation no. 63-FZ of June 13, 1996 (ed. of April 8, 2023) (with amendments and additions, intro. effective from October 12, 2023). Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 19.10.2023). (In Russ.)

3. On approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation no. 229 of March 31, 2023. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 23.10.2023). (In Russ.)

4. The problem in the Ministry of Internal Affairs with personnel. Vladimir Kolokoltsev: 5 000 people quit in July alone. The reasons?! URL: https://dzen.ru/a/ZNfPg0JMASGsH_ed (accessed 23.10.2023). (In Russ.)

5. Dyachenko N. N. Topical issues of improving statistical reporting of own security units, as well as other services and divisions of the internal affairs bodies of the Russian Federation in the field of protection from discredit. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 4, pp. 157–161. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 24.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Научная статья

УДК 34.343

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-167-173>

Преступность в сети «Интернет»: новые вызовы и угрозы безопасности страны

Климов Дмитрий Валерьевич

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, klim_i_egr@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются новые виды преступлений, совершаемых в интернете или с его помощью. К таким преступлениям относятся: интернет-травля, доведение до самоубийства, пропаганда экстремизма, скулшутинг, распространение материалов порнографического характера, интернет-педофилия, продажа первого секса, вымогательство, изготовление и распространение детской порнографии, участие в вебкам-индустрии. Дается трактовка терминов, используемых для обозначения новых видов преступлений: кибермоббинг и кибербуллинг, киберсуицид, груминг, киберхулиган, серийные девственницы, интернет-педофилия, вебкам-индустрия, *premium* и *freemium*. Обосновывается роль и задачи государства в противодействии он- и оффлайн преступности.

Ключевые слова: сеть «Интернет», интернет-травля, дети и подростки, преступность, самоубийство, экстремизм, детская порнография, вебкам, мошенничество, вымогательство, педофилия, специальное программное обеспечение

Для цитирования: Климов Д. В. Преступность в сети «Интернет»: новые вызовы и угрозы безопасности страны // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 167–173. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-167-173>.

Original article

Crime on the Internet: new challenges and threats to the country's security

Dmitry V. Klimov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, klim_i_egr@mail.ru

Abstract. The article analyzes new types of crimes committed on or through the Internet. Such crimes include Internet poisoning, driving to suicide, propaganda of extremism, skulshuting, distribution of pornographic materials, Internet pedophilia, sale of first sex, extortion, production and distribution of child pornography, participation in the webcam industry. The interpretation of the terms used to designate new types of crimes is given: cybermobbing and cyberbullying, cyber suicide, grooming, cyberbully, serial virgins, Internet pedophilia, webcam industry, premium and freemium. The role and tasks of the state in countering online and offline crime are justified.

Keywords: Internet, Internet poisoning, children and adolescents, crime, suicide, extremism, child pornography, webcam, fraud, extortion, pedophilia, special software

For citation: Klimov D. V. Crime on the Internet: new challenges and threats to the country's security. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 167–173. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-167-173>.

Анализ публикаций российских авторов, посвященных проблеме преступлений, совершаемых в виртуальном пространстве с использованием современных цифровых технологий, показывает, что специалисты, прежде всего, обращают внимание на тот факт, что

жизнь современного общества тесно связана с интернетом, который обеспечивает информационную поддержку всех видов деятельности человека [1, с. 74–78]. Сеть «Интернет» покрывает практически всю территорию России, а миниатюризация устройств доступа позволяет

© Климов Д. В., 2023

пользователям любого возраста самостоятельно входить в сеть в любом месте и в любое время, что приводит к росту количества времени, проводимого в интернете, а также делает такой досуг популярным и востребованным. Одной из самых популярных функций интернета являются социальные сети, позволяющие людям общаться и обмениваться информацией со своими друзьями [2, с. 21–25]. Формирование личности современного человека происходит в так называемом конвергентном пространстве, в котором соединяются реальный и виртуальный миры. Практически невозможно найти подростка, который бы вырос без участия киберпространства, не использовал бы социальные медиа, мессенджеры, блоги, не был бы знаком с элементами виртуальной знаково-символической среды. Однако наряду с большими возможностями, которые цифровая среда открывает для социализации подростка, она также несет в себе угрозы его развитию, предлагая деструктивный контент, знакомство с которым может вызывать самые негативные последствия [3, с. 144–150]. Тем более, что многие пользователи (в том числе и взрослые люди) просто не задумываются о последствиях своих действий в интернете.

Следует отметить, что в России свыше 75 % детей и подростков имеют как минимум один профиль в социальных сетях, лидером среди которых является «ВКонтакте» (более 40 млн пользователей). Каждый пятый российский ребенок имеет более 100 виртуальных друзей [2, с. 21–25].

Социальные сети оказывают на человека влияние с помощью текстовой информации, иллюстраций, фотографий, видео- и аудиоконтента, предоставляя пользователям легкий способ получения новых сильных эмоций и ощущений. При этом часто используются различные интерактивные и игровые формы. Однако у этих игр может быть и агрессивный, деструктивный контент, в том числе с суицидальной направленностью [3, с. 144–150]. В интернете также можно найти информацию антиобщественного, незаконного и криминального характера [1, с. 74–78], поэтому отрицательной стороной динамичного развития интернета, вызванного увеличением количества персональных компьютеров, легкого доступа к социальным сетям и новым коммуникационным устройствам и технологиям, является совершенствование различных видов преступлений, жертвами которых часто становятся несовершеннолетние, виктимность которых связана с их социально-психологическими особенностями, к которым, в частности, относятся

доверие к информации, доверчивость к людям, отсутствие критического мышления, притягательность виртуального общения, при котором трудно распознать реальные личности и намерения друзей, недостаточный родительский контроль за сетевой активностью ребенка, низкий уровень осведомленности детей и родителей об угрозах, существующих в интернете, и способах защиты от них [2, с. 21–25].

Специалисты выделяют несколько основных угроз, с которыми сталкиваются дети и подростки при использовании интернета. Во-первых, они могут стать жертвой так называемой интернет-травли (именуемой также кибермоббингом или кибербуллинг), представляющей собой намеренное запугивание, оскорбление, угрозы и шантаж, которые осуществляются при помощи мессенджеров (например, *WhatsApp*, *Viber*), электронной почты, а также путем распространения через социальные сети или видеопорталы информации ложного или непристойного характера [4, с. 99–107]. Положение жертвы осложняется тем, что киберхулиган действует анонимно, имеет круглосуточный доступ к жертве, а компрометирующая информация распространяется очень быстро и доступ к ней для других пользователей не ограничен. В результате такого негативного воздействия у подростка может ухудшиться здоровье и успеваемость в учебном заведении, появиться подавленное настроение, прекратиться общение с друзьями. В наихудшем случае такая ситуация может привести к суициду [4, с. 99–107]. Отметим, что «по количеству самоубийств среди несовершеннолетних в возрасте от 15 до 19 лет Российская Федерация занимает первое место в Европе и одно из первых мест в мире. При этом каждый год более 200 малолетних и около 1,5 тыс. подростков совершает самоубийство» [5, с. 84–89].

Самоубийство является второй основной угрозой безопасности детей и подростков при неправильном и бесконтрольном использовании интернета. Так, согласно расследованию «Новой газеты», проведенном в 2016 году, выяснилось, что с ноября 2015 года по апрель 2016 года с собой покончили 130 подростков. При этом все они были членами одних и тех же групп в социальной сети «ВКонтакте». Символом всех групп был кит. Подросткам был предоставлен доступ к видеороликам со сценами самоубийств и насилия над собой, им предлагалось ежедневно по ночам принимать участие в интерактивной игре, содержащей странные ритуалы. Рассказывать об этом взрослым было строго запрещено [6, с. 199–204].

В настоящее время в социальной сети «ВКонтакте» присутствует множество запросов на тему суицида: «Импульсивное самоубийство», «Идеальное самоубийство», «Тихое самоубийство», «Тотальное самоубийство», «Твой суицид», «Мертвый суицид», «Ходячий суицид», «Вечерний суицид», «Хочу Суицид», «Твой сладкий суицид». Зафиксировано 758 открытых и закрытых сообществ, посвященных теме «самоубийство». При этом 144 группы являются закрытыми, вступить в которые можно только с разрешения администратора [3, с. 144–150]. В 2004 году появился термин «киберсуицид» — самоубийство, совершенное в результате знакомства и общения через интернет. «Большинство посетителей сайтов о самоубийстве моложе 25 лет. Наибольшую опасность представляют групповые («согласованные») самоубийства, которые могут стать причиной целой эпидемии самоубийств. Распространению этого явления способствуют подробное обсуждение случаев самоубийств в средствах массовой информации, героизация самоубийц в виртуальном пространстве, моделирование суицидального поведения в социальных сетях» [4, с. 99–107].

Во всем мире исследователи фиксируют массовое увлечение подростков всевозможными техническими новинками, среди которых планшеты и смартфоны, предоставляющие возможность быстрого доступа в интернет. Взрослым важно помнить о том, что сеть оказывает серьезное воздействие на эмоции, волю, коммуникативную и мотивационную сферы личности подростков, предоставляет им доступ к неограниченному количеству информации, а также может использоваться для пропаганды деструктивной идеологии различными структурами [7, с. 101–106], поэтому еще одной серьезной угрозой является вовлечение детей и подростков в различные разрушительные течения. Исследования показывают, в России в деструктивные движения через интернет вовлечены более 5 млн подростков, и эта цифра продолжает расти. Экстремистский контент в социальных сетях обладает следующими признаками: «содержание публичного оправдания и поддержки деятельности как террористических и экстремистских организаций, так и отдельных личностей; наличие призывов к социальной, расовой, национальной или религиозной розни, совершению насилия на основании таких признаков; пропаганда идей исключительности человека или определенной социальной группы на основании определенных признаков (национальный,

религиозный, социальный, языковой или расовый); публичная демонстрация нацистской символики, атрибутики экстремистских сообществ и организаций» [8, с. 30–37].

Главная проблема заключается в том, что при пропаганде через социальные сети определить главный источник информации крайне сложно [3, с. 144–150]. Убийства, расстрелы в школах (скулшутинг), избиения часто снимаются на мобильные телефоны, при этом в ряде случаев организуется прямой эфир «с места событий». В таких случаях социальные сети превращаются не только в площадку пропаганды, но и в инструмент трансляции сцен жестокости подростков [9, с. 293–295]. В таких случаях пользователи часто задействуют сеть *Tor*, которая не позволяет установить ни отправителей, ни получателей сообщения, ни владельцев тех или иных ресурсов [10, с. 2–8]. Эта сеть не использует централизованные сервера, соединение устанавливается только между доверенными лицами, а обмен файлами происходит анонимно, поскольку *IP*-адреса недоступны.

В таких условиях обеспечить безопасность несовершеннолетних в интернете можно с помощью технических средств, способных ограничить вредоносный контент: фильтры, цензура, «тревожные кнопки», ограничения, накладываемые администраторами сетевых ресурсов, настройки конфиденциальности персональных аккаунтов. Кроме того, следует обучать пользователей основным правилам безопасности в сети и взаимодействия с другими пользователями [11, с. 234–241].

Еще одной важной угрозой, возникшей в результате развития интернета, является распространение материалов порнографического характера, в том числе с изображением несовершеннолетних. Социальные сети, файлообменники и онлайн-форумы превратили интернет в платформу для совершения преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности, среди которых организация занятия проституцией, порносъемки, торговля девственностью, детская порнография, порнография со сценами реального сексуального насилия. В группе риска оказываются психически нездоровые люди, также занимающиеся коммерческим сексом и порнографией, дети, одинокие мужчины и женщины, ищущие партнеров в сетевом пространстве [12, с. 160–173].

Важно понимать, что преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних представляют общественную опасность и угрожают не только физическому и

психическому здоровью детей и подростков, но и формируют напряженную обстановку в обществе [2, с. 21–25]. Ситуация осложняется еще и тем обстоятельством, что видеоматериалы, содержащие сцены сексуального характера с участием детей и подростков, часто находятся во всеобщем доступе, а изымаются из обращения весьма редко. Кроме того, фиксируется увеличение случаев использования социальных сетей при знакомствах, поиске и выборе потенциальных жертв индустрии порно-бизнеса. При этом интернет-педофилия является относительно новым видом преступления. Идеология педофилии является одной из форм проявления криминальной идеологии, направленной на позиционирование конструктивности любовных, в том числе сексуальных отношений между взрослым и ребенком, которые определяются «как феномен, не знающий границ, не разделяющий субъекты любовных отношений по национальному, расовому, социальному и возрастному признакам. Для обоснования идеологии педофилии используются псевдонаучные исследования о детской сексуальности и конструктивности половых отношений между взрослыми и детьми» [13, с. 106–109]. Статистические данные говорят о том, что «за последние десять лет в России в 25 раз возросло число пользователей сети «Интернет», а количество домогательств к детям — в 30 раз» [14, с. 2636–2640].

Злоумышленники для знакомства с детьми используют так называемый груминг. Этот прием подразумевает общение преступника с ребенком в интернете под видом его ровесника. Знакомство с жертвой происходит в социальной сети, на форуме или в чате. В ходе общения преступник устанавливает с ребенком дружеские отношения, начинает личную переписку, входит в доверие, узнает номер мобильного телефона и договаривается о встрече [15], а возможности ребенка оказать физическое сопротивление педофилу ограничены [16, с. 74–81].

Отметим, что социальные сети помогают преступникам-педофилам в поиске своих жертв, так как личные странички детей предоставляют злоумышленникам всю необходимую информацию — интересы и увлечения ребенка, круг общения. Кроме того, статус в социальных сетях позволяет получить сведения об эмоциональном состоянии жертвы. Преступников, прежде всего, интересуют дети, страдающие от недостатка внимания, ласки и заботы родителей, испытывающих дефицит общения, нуждающихся в дружбе и интересующихся темой секса.

Полученная информация позволяет легко манипулировать эмоциями детей [17].

С высоким виктимологическим риском сопряжен еще один вид бизнеса в интернете — продажа первого секса или продажа девственности (невинности), так как продажа невинности — действие в значительной степени конфиденциальное и латентное, то девушки рискуют подвергнуться скрытому криминальному насилию, например, изнасилованию или похищению. По условиям сделки девушке может быть необходимо выехать в другой город или за границу, что подвергает ее опасности незаконного лишения свободы. Да и сами покупатели могут стать жертвой мошенников, так как в последнее время появились так называемые серийные девственницы, то есть девушки, продающие невинность многократно [12, с. 160–173].

Однако встреча преступника и жертвы не всегда происходит в реальном пространстве. Теневой рынок сети «Интернет» (*Darknet*) используется для торговли фото- и видеоизображениями, полученными в результате так называемой интимной коммуникации. Сайты, содержащие подобный материал, именуются «сливы» или «базы сливов». В российском интернете это сетевой ресурс “*VK-Photo.onion*”, на котором, помимо интимных фото- и видеоизображений, продаются и персональные данные девушек [13, с. 106–109].

В некоторых случаях злоумышленники используют нейронные сети, которые способны осуществлять поиск по изображению, поэтому становится возможным найти все другие фотографии девушки-модели, ранее уже загружавшиеся в сеть «Интернет», а также установить ее личность и аккаунты в социальных сетях. Идентифицировав модель, преступники начинают требовать выкуп под угрозой разглашения ее личной информации. Очень часто такому виду шантажа подвергаются девушки, участвующие в качестве моделей в так называемой вебкам-индустрии [18, с. 139–159].

Под этим термином, по мнению Е. В. Берсенева, следует понимать, как распространение порнографических видеоматериалов в режиме реального времени с использованием сети «Интернет», так и участие в зрелищных мероприятиях порнографического характера в сети «Интернет» [19, с. 485–491]. Следует отметить, что в российском уголовном праве существовала серьезная проблема при квалификации данного деяния, так как анонимность онлайн-трансляции, осуществляемой со специальных сайтов, не привязанных к конкретной личности,

не позволяла применять статью 242 Уголовного кодекса Российской Федерации в части «нанесения ущерба психическому здоровью населения и общественной нравственности» [19, с. 485–491]. Однако в новой редакции статьи используется формулировка «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”», что позволяет квалифицировать по этим признакам «случаи распространения порнографии с использованием сети «Интернет» на любых сайтах, в социальных сетях, мессенджерах, даже не являющихся средствами массовой информации» [20, с. 36–41].

В любом случае квалификация осложняется не только из-за онлайн-трансляции соответствующего контента и анонимности пользователей. Этот бизнес носит международный характер, и в нем участвует множество субъектов. Как правило, работа веб-моделей ведется через сайты двух видов: 1) *premium* (доход от частных комнат); 2) *freemium* (доход от добровольных платежей — донатов в бесплатном чате). Наиболее известными из них являются *OnlyFans*, *LiveJasmine*, *Chaturbate*, *Bongacams*, *Streamate* [21, с. 75–81].

Еще одним направлением деятельности порно-бизнеса является распространение детской порнографии. Как и любая порно-продукция, она имеет примитивный сюжет и концентрируется на представлении сексуального контакта. Основным ее отличием от традиционного порнографического контента является нелегальность, поэтому при продаже и распространении детской порнографии в виртуальном пространстве она маскируется путем переименования файлов. Подобная маскировка выполняет две задачи: быть понятной всем вовлеченным в распространение детской порнографии и непонятной для всех пользователей, не вовлеченных в этот процесс. В отличие от условно легальной порнографии, размещенной и каталогизированной на виртуальных площадках, детская порнография распространяется через облачные хранилища (ФотоПленка.ру, Фото Мейл.ру, *DepositFile*) и бессерверные файлообменные сети (*Gnutella*, *eDonkey*, *KAD*) [22, с. 235–241]. Таким образом, распространители детской порнографии и организаторы сексуальной эксплуатации детей умело используют современные коммуникативные технологии, обеспечивающие анонимность и конфиденциальность в виртуальном пространстве [23, с. 77–91].

Все чаще встречаются ситуации, когда порнографию любого направления и стиля на

интернет-ресурсы загружают сами пользователи, способствуя тем самым ее распространению и популяризации. В таких случаях интернет превращается в глобальное средство массовой информации, помогая различным преступным проявлениям, имеющим место в реальном мире, перейти в виртуальный мир и закрепиться в нем. Именно поэтому обязанностью государства является контроль процессов, происходящих в сети, а также активное противодействие он- и оффлайн преступности [24, с. 78–83].

Для этого органы расследования проводят сбор криминалистически значимой информации, используя специальное программное обеспечение, позволяющее проводить анализ социальных сетей, блогов, мессенджеров, сайтов и других интернет-ресурсов, получать данные об адресе электронной почты, логине, никнейме, *IP*-адресе, доменном адресе, телефонном номере, номере банковской карты или электронном (в том числе крипто-) кошельке конкретного пользователя, используемых им средствах анонимизации трафика (*VPN*), его геолокации (месте нахождения или проживания) [25, с. 35–44]. Специальное программное обеспечение позволяет установить факты администрирования пользователем различных аккаунтов и страниц в социальных сетях, вхождения в закрытые группы, обмена порнографическими материалами [26, с. 119–131].

Преступность в сети «Интернет», к которой относится и порно-бизнес, приносит большую прибыль, обладает высокой адаптивной способностью, поэтому подобная работа должна проводиться постоянно, а специальное программное обеспечение постоянно совершенствоваться. Это в полной мере относится и к своевременному внесению необходимых изменений в уголовное законодательство. Только при таком подходе государство сможет если не искоренить, то значительно уменьшить количество преступлений, совершаемых в виртуальном пространстве.

Список источников

1. Кокин Д. М. О совершенствовании уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за некорыстный оборот оружия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 2 (66). С. 74–78.
2. Сочилина Е. Н., Коворотуша И. В. Общая характеристика преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет // Научный портал МВД России. 2018. № 4 (44). С. 21–25.

3. Друкер М. М. Способы трансляции деструктивных смысловых компонентов контента социальных медиа // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. № 2. С. 144–150.
4. Смирнова А. А., Захарова Т. Ю., Синогина Е. С. Киберугрозы безопасности подростков // Ped.Rev. 2017. № 3 (17). С. 99–107.
5. Ханина Ю. Ю., Елагина М. Ю. Теоретический обзор факторов и причин подросткового суицидального поведения в России и за рубежом // Молодой исследователь Дона. 2020. № 4 (25). С. 84–89.
6. Смирнова А. А., Синогина Е. С. Влияние компьютера и сети Интернет на физическое и психическое здоровье школьников // Народное образование. 2017. № 1-2 (1460). С. 199–204.
7. Алиева Е. А., Куминова Э. З., Юров И. А. Использование современных гаджетов. Информационные технологии в подростковой среде // Юный ученый. 2018. № 1 (15). С. 101–106.
8. Венцель С. В. Особенности мониторинга противоправного контента в интернете в рамках киберволонтерской деятельности // Обзор.НЦПТИ. 2021. № 1 (24). С. 3037.
9. Михеев Д. Ю. Особенности субкультуризации деструктивного движения «Колумбайн» среди молодежи и его связь с терроризмом // Молодой ученый. 2021. № 50 (392). С. 293–295.
10. Алешин В. А., Жилина В. С., Коршунов А. В., Работаев И. М., Работаев Н. М. О подходах к обнаружению прослушивания трафика в анонимной сети Тор // Вопросы кибербезопасности. 2013. № 2. С. 2–8.
11. Миронова С. М., Симонова С. С. Защита прав и свобод несовершеннолетних в цифровом пространстве // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 2. С. 234–241.
12. Алихаджиева И. С. О новых тенденциях современной секс-индустрии и ее криминологических рисках // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4 (125). С. 160–173.
13. Ильницкий А. С. Криминологические риски интимной коммуникации в сети Интернет // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 9. С. 106–109.
14. Майкулов Ж. Ж. Преступления против детей с использованием Интернета // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 2636–2640.
15. Ковальски Ал. «Не бывает дружбы между 15-летней девочкой и 30-летним педагогом». Что такое груминг и как защититься от него ребенка. URL: <https://takiedela.ru/notes/gruming/> (дата обращения: 29.10.2023).
16. Матанцева Т. Н. Факторы виктимного поведения подростков как социальная проблема психологической науки // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 8. С. 74–81.
17. Соловьев В. С. Использование социально-го сегмента сети Интернет для совершения посяга-тельств на половую неприкосновенность несовершеннолетних. URL: <https://uchimsya.com/a/IQMe0edr> (дата обращения: 29.10.2023).
18. Андриянов Н. А., Дементьев В. Е., Ташлинский А. Г. Обнаружение объектов на изображении: от критериев Байеса и Неймана-Пирсона к детекторам на базе нейронных сетей EfficientDet // Компьютерная оптика. 2022. № 1. С. 139–159.
19. Берсенева Е. В. Отношение уголовного закона Российской Федерации к явлению «вебкам» // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 485–491.
20. Белецкий И. А., Карпов К. Н. Уголовно-правовая оценка незаконного оборота порнографических материалов с использованием сети интернет // Вестник БелЮИ МВД России. 2023. № 1. С. 36–41.
21. Куфлева В. Н., Литовченко А. И. Вебкам-индустрия — новая угроза общественной нравственности // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 7 (108). С. 75–81.
22. Енгальчев В. Ф., Зайцева О. В. Выявление объектов детской порнографии в виртуальном пространстве посредством дешифровки наименований и тегов // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 235–241.
23. Рыжов В. Б. Взаимодействие государственных участников Европейского Союза в борьбе с сексуальной эксплуатацией детей и детской порнографией // Международное право и международные организации. 2021. № 2. С. 77–91.
24. Степанова О. Ю. Проблема привлечения к уголовной ответственности за педофилию в социальных сетях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 2 (66). С. 78–83.
25. Бадоян С. М. Криминалистические особенности установления лиц, совершивших распространение материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних в сети Интернет // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 1 (25). С. 35–44.
26. Янковский Р. М. Социальные сети: вопросы защиты исключительных прав пользователей (Статья) // Право интеллектуальной собственности. 2017. № 2017. С. 119–131.

References

1. Kokin D. M. On the improvement of criminal-legal norms establishing responsibility for the non-interest turnover of weapons. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 2 (66), pp. 74–78. (In Russ.)
2. Sochilina E. N., Kovorotusha I. V. General characteristics of crimes against sexual inviolability of minors committed with the use of the Internet. *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4 (44), pp. 21–25. (In Russ.)
3. Drucker M. M. Ways of broadcasting destructive semantic components of social media content. *Voprosy*

journalistiki, pedagogika, linguoznaniya, 2020, no. 2, pp. 144–150. (In Russ.)

4. Smirnova A. A., Zakharova T. Y., Sinogina E. S. Cyber threats to the safety of adolescents. *Ped.Rev.*, 2017, no. 3 (17), pp. 99–107. (In Russ.)

5. Khanina Y. Yu., Elagina M. Yu. Theoretical review of factors and causes of adolescent suicidal behavior in Russia and abroad. *Young researcher Don*, 2020, no. 4 (25), pp. 84–89. (In Russ.)

6. Smirnova A. A., Sinogina E. S. Influence of the computer and the Internet on the physical and mental health of schoolchildren. *Narodnoe obrazovanie*, 2017, no. 1-2 (1460), pp. 199–204. (In Russ.)

7. Alieva E. A., Kuminova E. Z., Yurov I. A. The use of modern gadgets. Information technologies in the adolescent environment. *Young scientist*, 2018, no. 1 (15), pp. 101–106. (In Russ.)

8. Ventsel S. V. Features of monitoring illegal content on the Internet in the framework of cybervolunteer activity. *Review.NCPTI*, 2021, no. 1 (24), pp. 30–37. (In Russ.)

9. Mikheev D. Y. Features of subculturalization of destructive movement “Columbine” among young people and its connection with terrorism. *Young Scientist*, 2021, no. 50 (392), pp. 293–295. (In Russ.)

10. Alyoshin V. A., Zhilina V. S., Korshunov A. V., Raboyev I. M., Raboyev N. M. On approaches to the detection of traffic sniffing in the Tor anonymous network. *Voprosy cybersecurity*, 2013, no. 2, pp. 2–8. (In Russ.)

11. Mironova S. M., Simonova S. S. Protection of the rights and freedoms of minors in the digital space. *All-Russian criminological journal*, 2020, no. 2, pp. 234–241. (In Russ.)

12. Alikhadzhieva I. S. On new trends of modern sex industry and its criminological risks. *Actual problems of Russian law*, 2021, no. 4 (125), pp. 160–173. (In Russ.)

13. Ilitsky A. S. Criminological risks of intimate communication on the Internet. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 2021, no. 9, pp. 106–109. (In Russ.)

14. Maikulov J. J. Crimes against children using the Internet. *Scientific and methodological electronic journal “Concept”*, 2017, vol. 39, pp. 2636–2640. (In Russ.)

15. Kowalski A. I. “There is no friendship between a 15-year-old girl and a 30-year-old teacher”. What is grooming and how to protect your child from it. URL: <https://takiedela.ru/notes/gruming/> (accessed 29.10.2023). (In Russ.)

16. Matantseva T. N. Factors of victimization behavior of adolescents as a social problem of psychological science. *Scientific and methodological electronic journal “Concept”*, 2016, vol. 8, pp. 74–81. (In Russ.)

17. Soloviev V. S. Use of the social segment of the Internet for committing encroachments on the sexual inviolability of minors. URL: <https://uchimsya.com/a/IQ-MeOedr> (accessed 29.10.2023). (In Russ.)

18. Andriyanov N. A., Dementiev V. E., Tashlinsky A. G. Detection of objects in the image: from Bayes and Neyman-Pearson criteria to detectors based on neural networks EfficientDet. *Computer Optics*, 2022, no. 1, pp. 139–159. (In Russ.)

19. Bersenev E. V. Relation of the criminal law of the Russian Federation to the phenomenon of “webcam”. *Voprosy Rossiyskaya Justicia*, 2021, no. 15, pp. 485–491. (In Russ.)

20. Beletskiy I. A., Karpov K. N. Criminal-legal assessment of illegal turnover of pornographic materials using the Internet. *Vestnik BelJUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1, pp. 36–41. (In Russ.)

21. Kufleva V. N., Litovchenko A. I. Webcam-industry — a new threat to public morality. *Society: politics, economics, law*, 2022, no. 7 (108), pp. 75–81. (In Russ.)

22. Yengalychev V. F., Zaitseva O. V. Detection of child pornography objects in virtual space by means of deciphering names and tags. *Vestnik Tomsy State University*, 2021, no. 471, pp. 235–241. (In Russ.)

23. Ryzhov V. B. Interaction of the Member States of the European Union in the fight against sexual exploitation of children and child pornography. *International Law and International Organizations*, 2021, no. 2, pp. 77–91. (In Russ.)

24. Stepanova O. Y. The problem of bringing to criminal responsibility for pedophilia in social networks. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 2 (66), pp. 78–83. (In Russ.)

25. Badoyan S. M. Criminalistic peculiarities of establishing the persons who committed the distribution of materials with pornographic images of minors on the Internet. *Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*, 2023, no. 1 (25), pp. 35–44. (In Russ.)

26. Yankovsky R. M. Social networks: issues of protection of exclusive rights of users (Article). *Intellectual Property Law*, 2017, no. 2017, pp. 119–131. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.10.2023; одобрена после рецензирования 05.11.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 01.10.2023; approved after reviewing 05.11.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-174-179>

Проблемы привлечения к ответственности за нарушения законодательства беспилотными транспортными средствами

Крошилин Александр Евгеньевич

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, jonaton1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме привлечения к уголовной и административной ответственностям в ситуации совершения дорожно-транспортных происшествий с участием беспилотных транспортных средств. Автором предложены варианты привлечения к ответственности за совершение дорожно-транспортных происшествий беспилотными транспортными средствами.

Ключевые слова: беспилотные транспортные средства, дорожно-транспортные происшествия, уголовная ответственность, административная ответственность

Для цитирования: Крошилин А. Е. Проблемы привлечения к ответственности за нарушения законодательства беспилотными транспортными средствами // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 174–179. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-174-179>.

Original article

Problems entailing liability for violating the legislation on unmanned vehicles

Alexander E. Kroshilin

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, jonaton1@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of bringing to criminal and administrative responsibility in the situation of road accidents caused by unmanned vehicles. The options of bringing to responsibility for the commission of road accidents by unmanned vehicles are proposed.

Keywords: unmanned vehicles, traffic accidents, criminal liability, administrative responsibility

For citation: Kroshilin A. E. Problems entailing liability for violating the legislation on unmanned vehicles. *Legal Science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 174–179. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-174-179>.

На сегодняшний день бесспорным является тот факт, что развитие и совершенствование транспортной инфраструктуры и автомобильной промышленности является одной из ключевых задач современного государства, решение которой определяет уровень развития страны в целом и в отдельных ее регионах. Развитие транспортной инфраструктуры и автомобильной промышленности создает потребность в высокотехнологичной продукции и сопровождается развитием сопутствующих отраслей, таких как химической, электронной и других.

В современном мире в связи с развитием информационных технологий реализуется автоматизация многих сфер деятельности. Процесс автоматизации оптимизирует и облегчает рабочие процессы, позволяет исключить труд человека. Данный процесс дошел и до автомобильной промышленности. К таким технологиям с полной уверенностью можно отнести транспортные средства, управляемые программным обеспечением без помощи человека, то есть беспилотные транспортные средства. В нашей статье идет речь только об автомобилях,

© Крошилин А. Е., 2023

в которых предусмотрена возможность управления без помощи водителя и перемещающихся по дорогам общего пользования.

Основные детерминанты внедрения беспилотных технологий заключаются в оптимизации процессов, сокращении временных интервалов движения транспортного средства, модернизации логистики перемещения грузов, снижении расходы на топливо для транспортного средства. Отсутствие водителя в транспортном средстве исключит необходимость нести расходы на оплату его труда. Сущностная детерминанта заключается в значительном снижении расходов на доставку грузов и пассажиров.

По нашему мнению, внедрение транспортных средств, управляемых беспилотно, снизит риски совершения дорожно-транспортных происшествий и количества аварийных участков. Это произойдет вследствие исключения человеческого фактора, а также предсказуемости поведения беспилотных транспортных средств в потоке, что значительно повысит безопасность дорожного движения. Вышеуказанные утверждения опираются на Концепцию обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования [1].

Сегодня разными компаниями в ряде стран ведутся разработки беспилотных транспортных средств. Так, по данным А. Г. Юзаева и В. В. Кукарцева соответствующие разработки ведут *Google* и *Mercedes-Benz*, а среди отечественных производителей КамАЗ и ГАЗ [2, с. 120–122].

В настоящее время по дорогам Российской Федерации уже передвигается значительное количество автомобилей, имеющих системы, исключающие управление транспортным средством водителем, то есть с возможностью беспилотного управления. Одним из распространенных производителей таких транспортных средств являются автомобили компании *Tesla*. В настоящее время подобное средство на дорогах общего пользования встречается редко. Ограничивает массовое появление на дорогах беспилотных транспортных средств их стоимость, цена данных автомобилей для рядовых потребителей в нашей стране является высокой и относит данные транспортные средства к премиальным автомобилям. Это обусловлено высокой стоимостью разработок соответствующего программного обеспечения, создание новых технологий часто сопровождается большими затратами. Однако со временем беспилотные транспортные средства будут массово распространены на дорогах всех стран. Об этом

суждении говорят все предпосылки развития современной автомобильной индустрии.

Важно отметить ряд проблем, возникающих при появлении на дорогах автомобилей, управляемых беспилотно. В мире недооценка возможностей транспортных средств, управляемых без помощи человека, уже явилась причиной дорожно-транспортных происшествий со смертельным исходом, что также отмечает П. А. Голуб [3, с. 62]. На наш взгляд, сегодня транспортные средства с беспилотным управлением не могут обеспечить необходимый уровень безопасности дорожного движения, так как дорожная среда не готова к появлению транспортных средств под управлением программного обеспечения. Данное утверждение обусловлено тем, что нет реального механизма контроля данного рода транспортных средств, нет точного представления об их поведении на дорогах, законодательно не регламентировано их применение.

Так, нормативно не урегулирован вопрос о привлечении к ответственности за нарушения правил дорожного движения или дорожно-транспортных происшествий совершенных беспилотным транспортным средством. Если посмотреть нормативные постулаты в уголовном и административном законах, то однозначно состав преступления или административного правонарушения включает в себя четыре элемента. Отсюда возникает вопрос ответственности субъекта противоправного деяния, совершенного беспилотным транспортным средством.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) по статье 264 «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» привлечь к уголовной ответственности представляется возможным физическое лицо, управляющее транспортным средством, соответственно, если наступают последствия, влекущие тяжкий вред здоровью или смерть человека. «Вполне возможно сформулировать новую статью УК РФ, которая могла бы называться «Нарушение правил эксплуатации беспилотного транспортного средства», в которой следует разграничить ответственность производителя, собственника и оператора БПТС», — предлагает А. О. Ананенко [4, с. 155–161].

В классическом варианте к ответственности привлекается лицо, управляющее транспортным средством, по вине которого произошло дорожно-транспортное происшествие и, соответственно, которое физически находилось в транспортном средстве. В Венской конвенции

по дорожному движению 1968 года определено, что каждое транспортное средство, которое находится в движении, должно иметь водителя.

С появлением беспилотных транспортных средств появляются разные возможности управления транспортным средством. Так, человек может дистанционно управлять беспилотным транспортным средством, существует вариант управления, когда человек может вмешаться в процесс управления по мере необходимости. Кроме того, какое-либо лицо, имеющее возможность управлять беспилотным транспортным средством, может вообще отсутствовать. В данной статье мы сделаем акцент на беспилотных транспортных средствах, управляемых без помощи человека, то есть управляемых только соответствующим программным обеспечением.

Необходимо отметить, что субъектом административного правонарушения может быть вменяемое физическое лицо, достигшее к моменту правонарушения шестнадцатилетнего возраста (ст. 2.3 КоАП РФ) [5], а также юридическое лицо. Таким образом, транспортное средство, управляемое автоматически, без участия физического лица, не может быть подвергнуто административной ответственности.

Кроме того, в уголовном праве установлено, что субъект преступления — это вменяемое физическое лицо, которое умышленно или по неосторожности совершило общественно опасное деяние, достигшее возраста уголовной ответственности и в некоторых случаях обладающее специальными признаками, предусмотренными нормами Особенной части УК РФ [6, с. 122].

Соответственно, если в ходе дорожно-транспортного происшествия беспилотным транспортным средством причинен вред, за который устанавливается уголовная ответственность, то возникает коллизия по аналогии с административной ответственностью. Нет субъекта преступления и нет состава преступления.

В настоящее время в Государственной Думе Российской Федерации рассматривается законопроект, который устанавливает ответственность за совершение дорожно-транспортных происшествий и нарушений правил дорожного движения беспилотными транспортными средствами на владельца транспортного средства или его производителя.

В законопроекте указано, что привлекать к материальной ответственности за дорожно-транспортные происшествия необходимо владельца, который и будет возмещать нанесенный материальный ущерб в случае виновности в дорожно-транспортном происшествии

беспилотного транспортного средства. Если же дорожно-транспортное происшествие произойдет вследствие конструктивной особенности транспортного средства, то возмещать ущерб необходимо будет изготовителю беспилотного транспортного средства.

В случае совершения административного правонарушения в рамках нарушения правил дорожного движения зафиксированного камерами видеофиксации изначально виновным считается владелец транспортного средства, если же автомобилем управляет иное лицо, то собственнику необходимо доказать факт совершения административного правонарушения иным лицом. В аналогичном случае с беспилотным транспортным средством и изначально в законопроекте законодатель предлагает привлекать владельца транспортного средства к ответственности. Таким образом, в первом случае при фиксации камерой нарушений правил дорожного движения у нас есть то или иное физическое лицо, которое управляет транспортным средством, то есть субъект административного правонарушения. Во втором же случае физическое лицо, управляющее транспортным средством отсутствует. В итоге, привлечь к ответственности владельца транспортного средства, на наш взгляд, не представляется возможным. Законодательство на данный момент не регламентирует такие ситуации, а законопроект устанавливает один из вариантов привлечения к ответственности владельца транспортного средства, не опираясь на действующие нормы законодательства.

При совершении дорожно-транспортного происшествия по вине беспилотного транспортного средства с причинением вреда здоровью или смерти человека, еще более сложная ситуация, так как степень общественно опасного деяния значительно выше, а в рамках уголовного производства есть возможность привлечь к ответственности только физическое лицо. Возникают вопросы: «Кто будет привлекаться к уголовной ответственности и кто будет отбывать срок в местах лишения свободы?». Законопроект говорит о том, что необходимо привлекать к ответственности владельца или изготовителя транспортного средства. Но только в случае, когда владелец надлежащим образом не следил за техническим обслуживанием транспортного средства, а изготовитель допустил ошибки в ходе производства беспилотного транспортного средства конструктивного характера.

По нашему мнению, при совершении административного правонарушения или уголовно

наказуемого деяния беспилотным транспортным средством по действующему законодательству привлекать к ответственности владельца транспортного средства не представляется возможным. Так как лицо не является субъектом административного или уголовного производства. Владелец транспортного средства не совершал никаких противоправных действий. Привлечение к уголовной ответственности лица, не совершившего никаких действий по нарушению законодательства, нам представляется абсурдным. Сюда же необходимо отнести ситуации по возложению материальной ответственности на владельца беспилотного транспортного средства. Отсутствие субъекта административного правонарушения или уголовного производства является следствием отсутствия состава преступления или административного правонарушения, соответственно.

Для определения субъекта законодателю необходимо установить правила эксплуатации беспилотных транспортных средств с учетом погодных условий и своевременного технического обслуживания. И только в случае совершения дорожно-транспортного происшествия, сопряженного с нарушением правил по техническому обслуживанию беспилотных транспортных средств, дает право поднять вопрос о возможности признать субъектом противоправного деяния и привлечения к уголовной ответственности владельца транспортного средства. Однако на настоящий момент законодательство не регулирует данные аспекты, и вопрос остается открытым. Однозначно можно сказать, что необходимо внести изменения в законодательство и предусмотреть все особенности пользования беспилотных транспортных средств.

В связи с вышеизложенным мы считаем, что необходимо в законодательстве установить субъекта противоправного деяния за нарушение правил дорожного движения беспилотными транспортными средствами либо установить исключения для данного вида транспортных средств.

Нам представляется возможным решить вопрос об ответственности за совершение дорожно-транспортных происшествий по средствам исключения в целом возможного факта совершения дорожно-транспортного происшествия. Иными словами, создание высокого уровня программного обеспечения и своевременное обслуживание полностью автоматизированных транспортных средств позволит исключить дорожно-транспортные происшествия, совершаемые по вине беспилотного транспортного средства.

Следовательно, можно предположить, что данного рода транспортными средствами управляет программное обеспечение, которое может быть усовершенствовано до искусственного интеллекта.

Определение «искусственный интеллект» сформулировано в Федеральном законе от 24 февраля 2020 года № 123 «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ «О персональных данных» [7] и звучит следующим образом: «искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека». Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Соответственно, если беспилотное транспортное средство самостоятельно принимает решения, решает конкретные задачи, анализирует выполненные задачи, тем самым самообучается, то однозначно идет речь о беспилотном транспортном средстве, управляемом искусственным интеллектом. Однако, как нам это позволит решить вопрос ответственности за совершенное противоправное деяние в рамках дорожно-транспортного происшествия беспилотным транспортным средством?

Полагаем, необходимо предусмотреть в уголовном и административном законодательстве возможность привлечения к ответственности искусственного интеллекта, то есть привлекать к ответственности в качестве субъекта преступления, административного правонарушения. Необходимо пересмотреть существующие положения о признании субъектом преступления или административного правонарушения физического или юридического лица

и добавить к этим субъектам искусственный интеллект.

В самых тяжелых случаях, это как, например, гибель человека в дорожно-транспортном происшествии по вине беспилотного транспортного средства, возможно установить санкцию для такого рода субъекта — уничтожение искусственного интеллекта его разработчиком. Для последнего это повлечет колоссальные издержки материального характера, вплоть до его банкротства. За менее тяжкие преступления представляется возможным установить ответственность по ограничению возможностей искусственного интеллекта, исключить часть функции, в рамках которых произошло преступление.

Что же касается административной ответственности, то, на наш взгляд, за нарушение правил дорожного движения беспилотным транспортным средством ответственность необходимо возложить также на искусственный интеллект. Из этого следует, что владелец беспилотного транспортного средства исключается как возможный субъект административного правонарушения.

Кроме того, в случае совершения противоправного деяния беспилотным транспортным средством вследствие конструктивной особенности к ответственности необходимо привлекать производителя транспортного средства.

Резюмируя изложенное, требуется дифференцировать производителя транспортного средства и разработчика искусственного интеллекта, так как в реальной жизни это могут быть разные лица. Соответственно, производитель транспортного средства может по договору с разработчиком искусственного интеллекта внедрить искусственный интеллект в транспортное средство. В таком случае ответственность за нарушения законодательства беспилотным транспортным средством не ложится на производителя транспортного средства. Указанные предложения внесут существенные изменения в первую очередь в уголовное законодательство, так как установление возможности привлечения к уголовной ответственности искусственного интеллекта будет означать привлечение к ответственности юридического лица, что на настоящий момент невозможно.

Список источников

1. О концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования: распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 марта 2020 года № 724-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2023).

2. Юзаев А. Г. и Кукарцев В. В. Беспилотные автомобили: опасности и перспективы развития // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2016. Т. 2. С. 120–122.

3. Голуб П. А. Уголовная ответственность за нарушение ПДД беспилотным транспортным средством // COLLOQUIUM-JOURNAL. 2019. № 28-11 (52). С. 61–62.

4. Ананенко А. О. Юридическая ответственность в области использования беспилотных транспортных средств // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 6. С. 155–161.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 года). URL: <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 20.10.2023).

6. Плотноков А. И. Уголовное право России общая часть: учебник для бакалавров. Оренбург, 2016.

7. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: федеральный закон от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2023).

8. Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации до 2035 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2022 года № 4261-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2023).

9. О правилах дорожного движения: постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 года № 1090. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2023).

10. Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 2 мая 2023 года № 264. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2023).

References

1. On the Concept of Ensuring Road Safety with the Participation of Unmanned Vehicles on Public Roads: decree of the Government of the Russian Federation no. 724-r of March 25, 2020. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.08.2023). (In Russ.)

2. Yuzaev A. G., Kukartsev V. V. Unmanned vehicles: dangers and development prospects. *Actual problems*

of aviation and cosmonautics, 2016, vol. 2, pp. 120–122. (In Russ.)

3. Golub P. A. Criminal liability for violation of traffic regulations by an unmanned vehicle. *COLLOQUIUM-JOURNAL*, 2019, no. 28-11 (52), pp. 61–62. (In Russ.)

4. Ananenko A. O. Legal responsibility in the field of the use of unmanned vehicles. *Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA)*, 2021, no. 6, pp. 155–161. (In Russ.)

5. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses no. 195-FZ of December 30, 2001 (ed. of August 4, 2023). URL: <https://base.garant.ru/12125267/> (accessed 20.08.2023). (In Russ.)

6. Plotnikov A. I. Criminal law of Russia general part: textbook for bachelors. Orenburg, 2016. (In Russ.)

7. On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the subject of the Russian Federation — the federal city of Moscow and amendments to

articles 6 and 10 of the federal law “On Personal Data”: federal law no. 123-FZ of April 24, 2020. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 20.08.2023). (In Russ.)

8. On approval of the Strategy for the Development of the Automotive Industry of the Russian Federation until 2035: decree of the Government of the Russian Federation no. 4261-r of December 28, 2022. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 20.08.2023). (In Russ.)

9. On the rules of the road: decree of the Government of the Russian Federation no. 1090 of October 23, 1993. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 20.08.2023). (In Russ.)

10. On approval of the Procedure for Supervision of Compliance by Road Users with the requirements of the legislation of the Russian Federation on road safety: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no. 264 of May 2, 2023. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 20.08.2023). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 25.10.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 10.09.2023; approved after reviewing 25.10.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-180-184>

Рассмотрение стадии возбуждения уголовного дела и выделение проблемы ненадлежащего правового регулирования прав лиц, участвующих в этой стадии

Кушнарева Александра Геннадьевна

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, KushnarevaAG@yandex.ru

Аннотация. В данном исследовании проводится анализ сущностных характеристик стадии возбуждения уголовного дела и выделение проблемы лиц, участвующих в стадии возбуждения уголовного дела, выводы по которой проводятся на основе показателей аналитического опроса сотрудников правоохранительных органов, касающийся необходимости выделения данной стадии в качестве самостоятельной, а также правового регулирования прав лиц в стадии возбуждения уголовного дела и определения их процессуального статуса.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, уголовный процесс, уголовно-процессуальное законодательство, лица, участвующие в стадии возбуждения уголовного дела

Для цитирования: Кушнарева А. Г. Рассмотрение стадии возбуждения уголовного дела и выделение проблемы ненадлежащего правового регулирования прав лиц, участвующих в этой стадии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 180–184. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-180-184>.

Original article

Consideration of the stage of initiating a criminal case and highlighting the problem of improper legal regulation of the rights of persons participating in this stage

Alexandra G. Kushnareva

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation, KushnarevaAG@yandex.ru

Abstract. This study analyzes the essential characteristics of the stage of initiation of a criminal case and identifies the problem of “persons participating in the stage of initiation of a criminal case”, the conclusions of which are based on the indicators of an analytical survey of law enforcement officers concerning the need to allocate this stage as an independent one, as well as the legal regulation of the rights of persons at the stage of initiation of a criminal case and the definition of their procedural status.

Keywords: stage of initiation of a criminal case, criminal process, criminal procedure legislation, persons involved in the stage of initiation of a criminal case

For citation: Kushnareva A. G. Consideration of the stage of initiation of a criminal case and highlighting the problem of improper legal regulation of the rights of persons participating in this stage. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 180–184. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-180-184>.

Закрепленные в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) задачи уголовного судопроизводства рассматриваются многими учеными в качестве фундаментальных направлений в деятельности

всех участников процесса. Совокупность всех механизмов, выполняемых для реализации задач уголовного судопроизводства, позволяет сформировать полноценное функционирование данного вида процесса в современной юрисдикции.

© Кушнарева А. Г., 2023

Отдельного внимания в данном случае заслуживает соблюдение всех процедур, установленных отечественным законодателем, выделение которых постоянно оспаривается учеными-процессуалистами.

Стадия возбуждения уголовного дела является одной из ключевых стадий уголовного процесса, тем не менее она включает ряд противоречий, которые формируют проблемы в отношении реализации прав и свобод лиц, привлекаемых в процесс.

Насчет определения сущности стадии возбуждения уголовного дела существует множество мнений среди ученых-процессуалистов, которые рассматривают данную стадию уголовного процесса в различных направлениях.

Во-первых, стадия возбуждения уголовного дела занимает ключевое место среди институтов уголовного процесса, что позволяет ему регулировать все категории отношений, возникающих на данном этапе правоприменительной практики [1, с. 153].

Во-вторых, стадия представляет собой исключительно деятельность уполномоченных должностных лиц, которые в рамках своей деятельности обеспечивают проверку, исполнение и принятие к производству сообщений о преступлении как ключевых толчков развития уголовного процесса [2].

В-третьих, решение о возбуждении уголовного дела представляет собой окончание процесса по собиранию, проверке и вынесению решения касательно наличия или отсутствия в поступившем сообщении сведений об уголовно-наказуемом деянии, ввиду чего стадия возбуждения уголовного дела воспринимается как результат решения [1, с. 155].

В-четвертых, стадия возбуждения уголовного дела является лишь пусковым механизмом процесса судопроизводства по вопросам уголовного преследования, который позволяет отнести то или иное деяние к уголовно-наказуемому и квалифицировать его в соответствии с действующим УК РФ [3, с. 17].

На наш взгляд, такое разнообразие взглядов касательно восприятия ключевых признаков стадии возбуждения уголовного дела объясняется тем, что данный правовой институт является уникальным для отечественного законодательства, так как она собирает в себе все особенности как правоприменительной практики, наравне с теоретическими положениями уголовного процесса, так и реализацию полномочий государственными органами в рамках выделенных им прав и обязанностей, в виде решений государственных органов.

Помимо того, что в Конституции Российской Федерации закреплены основы правового статуса человека и гражданина, существуют иные акты государственного уровня, которые дают право каждому человеку, в отношении которого ведется уголовное преследование, право на презумпцию невиновности.

Для того, чтобы избежать нерациональной деятельности органов внутренних дел при поступлении сообщений о преступлении, необходимо проводить оценку выявленных нарушений уголовно-процессуального законодательства, а также качественно осуществлять сбор информации, имеющей отношение к преступлению.

Ввиду того, что возбуждение уголовного дела является первой стадией уголовного судопроизводства в Российской Федерации, многие ученые отмечают данную стадию как цель установления правовых оснований для осуществления уголовного преследования и анализа применения мер принуждения [1, с. 155].

Важным фактом в данном случае также является то, что эффективность реализации правового статуса у участников на стадии возбуждения уголовного дела закладывает фундамент для дальнейших процессуальных возможностей, которые будут прослеживаться и на стадии предварительного расследования, и на стадии судебного разбирательства. Данный фактор является одной из ключевых причин, по которым можно судить об эффективности и необходимости развития правового статуса лиц в стадии возбуждения уголовного дела.

Прежде чем говорить о сущности функции обеспечения прав лиц, участвующих в доследственной проверке, стоит обратить внимание непосредственно на данную стадию процесса, которая занимает одно из ключевых мест в уголовном процессе.

Стадия возбуждения уголовного дела в том виде, в котором она существует в настоящее время, была оформлена в УПК РСФСР 1960 года. Выделение этой стадии из всего массива уголовного процесса было напрямую связано с вынесением отдельного акта по данному вопросу, который и определял начало производства по делу [2, с. 19]. Первичное воспроизведение стадии возбуждения уголовного дела было закреплено в ряде нормативных актов РСФСР и носило в большей степени описательный характер деятельности уполномоченных органов, которая окончательно оформилась лишь со временем.

Задача российского уголовного процесса — установить основания для определения ответа

на вопрос о необходимости возбуждения уголовного дела или вынесении постановления об отказе в его возбуждении в виду отсутствия оснований в деянии, о котором было сообщено.

В ходе написания данной работы нами был проведен анализ в виде опроса действующих сотрудников ОВД касаясь определения «стадии возбуждения уголовного дела», необходимости ее выделения в отдельный этап уголовного судопроизводства и роли лиц на данной стадии, чей процессуальный статус нормативно не закреплён.

Итак, по результатам проведенного опроса 36,8 % сотрудников трактуют определение «возбуждение уголовного дела» как уголовно-правовой институт, состоящего из группы уголовно-процессуальных норм, а 31,8 % характеризуют данную стадию как «заключительный акт, вынесенный уполномоченным сотрудником с указанием наличия доказательств о существовании в сообщении признаков преступления». Данные показатели свидетельствуют о некоторых сложностях, которые возникают у сотрудников в связи с пониманием основ уголовного судопроизводства.

Вполне обоснован возникающий вопрос в контексте данного исследования о лицах, участвующих в стадии возбуждения уголовного дела. Опрошенные практические сотрудники имеют представление о субъектном составе данного этапа уголовного судопроизводства. Результаты по выделению отдельных субъектов выглядят следующим образом:

- 92,3 % выделили в качестве специфического субъекта лицо, сообщившее о преступлении;
- 76,9 % отметили важность отнесения к лицам на стадии возбуждения уголовных дел тех, в отношении кого проводится проверка, и тех, кто способствует проведению данной проверки;
- 69,2 % отнесли к лицам, которые играют важную на стадии возбуждения уголовного дела, пострадавшего и его представителя.

Такая статистика позволяет сделать вывод о том, что сотрудники правоохранительных органов, понимая разделение субъектов на группы, осознают необходимость разделения их правового статуса.

В первую очередь данные вопросы были заданы в связи с тем, что не ослабевает научный интерес к правовому регулированию процессуального статуса участников в стадии возбуждения уголовного дела. На отсутствие законодательного закрепления полного объема прав и обязанностей субъектов доследственной проверки, а также четко обозначенного круга ее участников неоднократно обращалось

вниманием учеными-процессуалистами. Ряд авторов предлагают дополнить УПК РФ только отдельными субъектами, например, пострадавшим, потерпевшим или задержанным, подозреваемым и другими. Имеется и другой подход к проблеме. Так, В. А. Семенцов и Г. О. Сафарян, обосновывая необходимость расширения прав в отношении лица-заявителя, пострадавшего от преступления, критически относятся к дополнению УПК РФ новыми участниками, и предлагают законодательно предусмотреть некий единый статус заинтересованного участника проверки сообщения о преступлении [4]. В дополнение к причинам, обуславливающим существование данной стадии, принято считать начало дознания и предварительного следствия, а также мер принуждения только после того, как стадия возбуждения дела официально была инициирована [3, с. 155]. Концепция судебной реформы 1991 года содержала предложения об отказе стадии возбуждения уголовного дела как этапа проведения доследственной проверки по причине необходимости проведения всех необходимых следственных действий по факту подачи жалобы. Данная причина могла бы оказаться веской в силу того, что доследственная проверка, проводимая по факту подачи жалобы, не только затрачивает впустую усилия органов предварительного расследования, но и проводится в нарушении норм неофициальных участников процесса как несоотносимых ни с одной категорией лиц [2, с. 20].

Несмотря на то, что данная стадия многими учеными выделяется в качестве самостоятельной, еще с советских времен продолжается полемика на тему исключения и ее замены на стадию «рассмотрения и разрешения сообщений о преступлении» [1].

На наш взгляд, данная позиция в большей степени разрушает уголовный процесс как единую систему уголовно-процессуальных действий, ведь институты были сформированы задолго до их нормативного закрепления в 1960 году. Именно этот факт говорит о том, что отказ от возбуждения уголовного дела как самостоятельной стадии уголовного процесса приведет к необходимости реконструкции всех последующих стадий, что вызовет еще более сложную проблему. Так, 88,8 % практических сотрудников ОВД считают, что стадия возбуждения уголовного дела не должна быть отменена по причине «механизма фильтрации для компетентных органов с целью сосредоточения своего внимания на расследование тех фактов, в которых усматриваются признаки преступления» [1].

Наравне с тем, что данная стадия уголовно-процесса в трудах многих ученых-процессуалистов занимает номинальное значение, в уголовном процессе выделяется еще одна важная проблема — обеспечение прав лиц, участвующих в стадии возбуждения уголовного дела. Эта проблема связана с тем, что в связи с наличием властно-обязательного характера у части правоотношений могут быть затронуты права и законные интересы участвующих в ней лиц, в том числе и юридических [3, с. 155].

Итак, исходя из анализа статьи 144 УПК РФ: по каждому поступившему сообщению о преступлении предусматривается его проверка [5]. Именно на данном этапе выясняются:

- достаточность данных, указывающих на признаки преступления;

- наличие обстоятельств, которые могут привести к отказу от возбуждения уголовного дела.

На данном этапе органами предварительного расследования не устанавливаются элементы преступления, форма вины или другие обстоятельства, которые могут быть отнесены непосредственно к расследованию в рамках возбужденного уголовного дела.

Отдельного внимания заслуживает диссертация Н. А. Логинова «Обеспечение права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации и иных государствах — членах СНГ» [3]. Несмотря на то, что тема диссертационного исследования в большей степени выстроена вокруг права на защиту, достаточно важным этапом работы является проведение сравнительно-правового исследования уголовно-процессуального законодательства государств — членов СНГ, что позволяет автору сделать ряд важнейших выводов. Во-первых, схожесть во многом обусловлена общим советским прошлым, которое и сформировало базу для проведения развития уголовно-процессуального законодательства в странах СНГ. Во-вторых, эффективность реализации прав лиц на стадии возбуждения уголовного дела во многом зависит от выстроенной взаимосвязи ученых-процессуалистов, что порождает стремление к проведению сравнительно-правового анализа с целью выявления новых положений для совершенствования законодательства.

Достаточно важным моментом при проведении данного исследования является обеспечение прав несовершеннолетних граждан в стадии возбуждения уголовного дела. К сожалению, в науке уголовного процесса слишком мало авторов обращали внимание на данную категорию лиц при обеспечении их прав на

доследственной проверке, тем самым особый интерес представляют те работы, которые все-таки были выстроены вокруг данной проблемы. Так, например, в диссертации Н. А. Кирякиной «Обеспечение прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела» автором указывается, что достаточно большой процент ежегодно расследуемых преступлений строится вокруг несовершеннолетних лиц, которые привлекаются и в качестве потерпевших, и в качестве подозреваемых. В ходе исследования Н. А. Кирякина предлагает ряд нормативных совершенствований, которые обеспечивали бы надлежащее соблюдение прав и свобод несовершеннолетних лиц. Совокупность данных нормативных нововведений позволила бы несовершеннолетним лицам усовершенствовать свой правовой статус в уголовном процессе [4].

Итак, для определения сущности обеспечения прав лиц, участвующих в стадии возбуждения уголовного дела, целесообразно выявить ключевые причины их несоблюдения и определить приоритетные направления развития.

Вопрос обеспечения права подозреваемого на защиту в доследственной проверке до сих пор остается очень актуальным. Теперь можно констатировать, что национальное законодательство, пройдя длительный путь усовершенствования, отражает ряд элементов наилучшего мирового опыта и отвечает демократическим стандартам. В то же время нельзя сказать, что оно совершенно. Да, остались многочисленные проблемы, требующие решения. Некоторые из этих проблем связаны с тем, что законодатель не учел дельные предложения ученых и практиков при принятии УПК РФ, другие — сформулированы правоприменительной практикой.

Уже длительное время объектом споров среди ученых является вопрос о недостаточной правовой регламентации статуса лиц, вступающих в уголовный процесс на стадии проверки сообщения о преступлении [6, с. 10]. На данный момент УПК РФ разделяет всех участников уголовного процесса на три категории — сторона обвинения, сторона защиты и суд. Однако законодателем явно утаивается вопрос о процессуальном статусе лиц, которые участвуют в стадии проверки сообщения о преступлении [7, с. 123].

В виду отсутствия правового закрепления правового статуса отдельных лиц уголовного процесса можно говорить о необходимости преобразования целой ветви уголовного процесса, требующей более легитимного функционирования

в условиях правового государства. По причине того, что данный правовой институт был недостаточно развит на всем этапе формирования уголовно-процессуального законодательства, представляется целесообразным обратиться к опыту других стран, чей опыт может быть частично заимствован.

Таким образом, по итогам проведенного исследования можно сделать ряд ключевых выводов.

Во-первых, необходимо проанализировать все научные споры касаются стадии возбуждения уголовного дела и определить ее точный момент возникновения.

Во-вторых, для разрешения длительной дискуссии среди ученых касаются содержания стадии возбуждения уголовного дела предлагается внести в статью 5 УПК РФ правовую норму, которая содержала бы ключевые характеристики данной стадии — «обязательный первоначальный этап уголовного судопроизводства, который заключается в проверке поступившего сообщения о преступлении и оценке относимости деяния к уголовному процессу».

В-третьих, нормативно закрепить перечень лиц, участвующих в стадии возбуждения уголовного дела и дополнить их правовые статусы бланкетными нормами к соответствующим правам и обязанностям, закрепленным в отношении других участников уголовного процесса.

Список источников

1. Зунг Во Ким. Обеспечение прав и законных интересов юридических лиц, заявивших о преступлении, на стадии возбуждения уголовного дела: сравнительно-правовой анализ УПК России и УПК Вьетнама // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 153–158.
2. Середнев В. А. Стадия возбуждения уголовного дела: Рудимент или необходимость? // Российское право: Образование. Практика. 2016. № 6. С. 19–20.
3. Логинов Н. А. Обеспечение права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации и иных государствах — членах СНГ: дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2019. 180 с.
4. Зинатуллин З. З. Концепция судебной реформы РСФСР от 24 октября 1991 года — Базовая основа

законотворческой и правоприменительной деятельности постсоветской России // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и Право». 2017. 256 с.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 декабря.

6. Рогова И. Г., Жуков А. К. К вопросу о понятии стадии возбуждения уголовного дела // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4. С. 9–12.

7. Бодикова М. А. Процессуальный статус участников стадии возбуждения уголовного дела: проблемы и пути их решения // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 4 (18). С. 122–126.

References

1. Dung Vo Kim Ensuring the rights and legitimate interests of legal entities who have declared a crime at the stage of initiating a criminal case: comparative legal analysis of the Criminal Procedure Code of Russia and the Criminal Procedure Code of Vietnam. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 2, pp. 153–158. (In Russ.)
2. Serednev V. A. Stage of initiation of criminal proceedings: Rudiment or necessity? *Russian Law: Education. Practice*, 2016, no. 6, pp. 19–20. (In Russ.)
3. Loginov N. A. Ensuring the right to defense at the stage of initiation of a criminal case in the Russian Federation and other CIS member states. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow. 2019. 180 p. (In Russ.)
4. Zinatullin Z. Z. The concept of judicial reform of the RSFSR of October 24, 1991. The basic basis of legislative and law enforcement activities of post-Soviet Russia. *Bulletin of the Udmurt University. The series "Economics and Law"*, 2017. (In Russ.)
5. Criminal Procedure Code of the Russian Federation no. 174-FZ of December 18, 2001. *Rossiyskaya Gazeta*, 2001, December 22. (In Russ.)
6. Rogava I. G., Zhukov A. K. On the question of the concept of the stage of initiation of a criminal case. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2019, no. 4, pp. 9–12. (In Russ.)
7. Bodikova M. A. Procedural status of participants in the stage of initiation of a criminal case: problems and ways to solve them. *Bulletin of the Moscow academy of the investigative committee of the Russian Federation*, 2018, no. 4, pp. 122–126. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 10.09.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Научная статья

УДК 343.914

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-185-190>

Женская преступность в сфере экономики: современное состояние, динамика, предупреждение

Сысоева Анастасия Сергеевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, sysoewa.nastia@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0009-4539-4668>

Аннотация. В статье анализируются современные тенденции женской преступности в сфере экономики. Цель статьи обозначена автором как совершенствование государственно-правового механизма предупреждения женской преступности в сфере экономики. Методология исследования базируется на структурном анализе динамики женской преступности в сфере экономики, синтезе полученных статистических сведений и выделении на их основе перспективных направлений изменения законодательства в рассматриваемой области. Для достижения поставленной цели проведен анализ детерминантов, способствующих совершению женщинами преступлений. Ключевыми причинами женской экономической преступности признаны экономические факторы, в том числе: уровень заработной платы, безработица, вовлеченность женщин в общественно-политическую жизнь, размер прожиточного минимума и т. д. Далее представлены результаты структурного анализа статистических сведений, отражающих количество женщин, привлеченных к уголовной ответственности, судебной практики, иллюстрирующей специфические черты женской экономической преступности. На основе рассмотренных материалов автором сделан вывод о существовании наиболее типичных черт женской экономической преступности, профилактика которых способна снизить ее уровень. Итогом проведенной работы является предложение о внесении изменений в действующее законодательство, что отражает практическую значимость исследования. Предлагаются поправки в Национальную стратегию действий в интересах женщин в части закрепления содействия женским общественным организациям как приоритетного направления предупреждения женской преступности.

Ключевые слова: женская преступность, экономическая преступность, преступление, экономика, детерминанты, тенденции, предупреждение

Для цитирования: Сысоева А. С. Женская преступность в сфере экономики: современное состояние, динамика, предупреждение // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 185–190. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-185-190>.

Original article

Female crime in the economic sphere: current state, dynamics, prevention

Anastasiya S. Sysoeva

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, sysoewa.nastia@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4539-4668>

Abstract. The article analyzes current trends in female crime in the economic sphere. The purpose of the article is outlined by the author as improving the state-legal mechanism for preventing female crime in the economic sphere. The research methodology is based on a structural analysis of the dynamics of female crime in the economic sphere, a synthesis of the obtained statistical information and, on their basis, identifying promising directions for changing legislation in the area under consideration. To achieve this goal, an analysis of the determinants contributing to the commission of crimes by women was carried out. Economic factors are recognized as the key causes of female economic crime, including the level of wages and unemployment, the involvement of women in social and political life, the cost of living, etc. The following presents the results of a structural analysis of statistical information reflecting the number of women prosecuted and judicial practice illustrating the specific features of female economic crime. Based on the materials reviewed, the author concluded that there are the most typical features of female economic crime, the prevention of which can reduce its level. The result of the work carried out is a proposal to amend the current legislation, which reflects the practical significance of the study. Amendments are proposed to the National

© Сысоева А. С., 2023

Strategy for Action in the Interests of Women in terms of consolidating assistance to women's public organizations as a priority area for the prevention of female crime.

Keywords: female crime, economic crime, crime, economics, determinants, trends, prevention

For citation: Sysoeva A. S. Female crime in the economic sphere: current state, dynamics, prevention. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 185–190. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-185-190>.

Экономическая преступность является одной из наиболее серьезных угроз, как экономической сфере России, так и всему обществу в целом. В условиях внешнего санкционного давления со стороны недружественных стран, попыток подрыва экономической безопасности России, защита интересов нашего государства становится приоритетной общенациональной задачей. Вопреки совместным усилиям высшего руководства страны, органов власти всех уровней и широкой общественности продолжается тенденция к росту экономической преступности. По итогам 2022 года материальный ущерб по совершенным преступлениям составил более 748 млрд рублей [1]. В 2023 году в ходе ежегодного Послания Федеральному Собранию Российской Федерации, а затем на расширенном заседании коллегии МВД России Президент России В. В. Путин особое внимание уделил состоянию экономической преступности. Снижение давления на предпринимательский сектор, декриминализация ряда экономических составов, совершенствование правоприменительной практики должны сопровождаться жестким пресечением криминальной активности. «Экономика — чрезвычайно важная сфера нашей деятельности вообще, а сегодня в особенности», — подытожил Президент [2].

Повышенный интерес автора к женской преступности обуславливает комплексное рассмотрение различных ее составляющих: детерминантов, состояния и динамики, уголовно-правовой характеристики, предупреждения и т. д. В рамках настоящей статьи уделим внимание феномену женской экономической преступности. Признавая, что экономическая преступность не ограничивается лишь преступлениями в сфере экономики, в целях терминологического единообразия оговоримся, что анализу будет подвергаться исключительно Раздел VIII Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [3]. Такой подход обусловлен тем, что основные тенденции женской экономической преступности наиболее наглядно прослеживаются именно в части совершения преступлений в сфере экономики.

Актуальность темы исследования обусловлена, во-первых, расширением вовлеченности женщин в общественно-политическую и экономическую сферы, что приводит к переориентации преступной деятельности женщин. Во-вторых, преступления в сфере экономики составляют половину от всей структуры женской преступности. В-третьих, предупреждение женской экономической преступности способно снизить преступность несовершеннолетних, ослабить общую экономическую напряженность в обществе, упрочить положение женщины в современном мире.

Цель статьи обозначена автором как совершенствование государственно-правового механизма предупреждения женской преступности в сфере экономики. Методология исследования базируется на структурном анализе динамики женской преступности в сфере экономики, синтезе полученных статистических сведений и выделении на их основе перспективных направлений изменения законодательства в рассматриваемой области.

В первую очередь, обратимся к причинному комплексу женской преступности. В науке неоднократно проводились исследования криминологического, социологического, уголовно-правового характера по определению детерминантов женской преступности. Представим некоторые результаты проведенных научных изысканий. Так, А. А. Мухин оценивал влияние на женскую преступность таких факторов, как наличие жилой площади, количество браков и разводов, средний уровень заработной платы, состояние безработицы [4, с. 161]. В свою очередь, А. В. Лысова акцентировала внимание на психологических условиях, побуждающих женщин на совершение преступлений, а именно уровень агрессии и насилия в семье [5, с. 172].

Совершению экономических преступлений, безусловно, способствует совокупность множества факторов социального, демографического, психологического, экономического характера. Вместе с тем, на наш взгляд, ключевыми являются экономические детерминанты: уровень жизни населения, вовлеченность женщин в экономику, привлечение их к квалифицированной

высокооплачиваемой работе, средний уровень дохода, коэффициент безработицы. Согласимся с исследованиями М. А. Холодиловой [6, с. 26] и А. А. Шамсутдиновой [7, с. 33], которые приходят к выводу о непосредственном влиянии экономических факторов на совершение женщинами экономических преступлений.

В качестве обоснования современных тенденций женской преступности в сфере

экономики автором проведен структурный анализ ее динамики. Для исследования использовались формы статистической отчетности Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации о количестве женщин, привлеченных к уголовной ответственности [8]. Для репрезентативности полученных данных анализу подвергались сведения за последние 10 лет (см. табл.).

Таблица

Количество женщин, осужденных за преступления в сфере экономики

		2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Глава 21 УК РФ		47 462	42 984	43 613	43 171	38 073	36 521	34 758	32 179	35 193	36 663
Доля от общего числа осужденных женщин (в %)		43,2	41,6	42,4	43,8	40,4	40,2	41,6	43,9	43,5	43,2
из них:	кража	31 364	28 134	29 432	28 665	24 001	22 433	22 570	21 248	24 862	26 394
	мошенничество	8 727	7 767	6 741	6 806	7 194	7 059	7 064	6 483	6 100	6 228
	присвоение и растрата	3 221	3 394	3 928	4 232	3 673	3 135	2 693	2 326	2 238	2 174
	грабеж	2 702	2 396	2 230	2 256	2 108	1 899	1 549	1 376	1 287	1 135
	разбой	379	375	356	326	314	292	224	164	127	138
	вымогательство	101	95	86	80	73	87	76	58	79	74
Глава 22 УК РФ		716	695	747	1 189	1 543	2 161	2 234	1 840	2 360	2 983
Доля от общего числа осужденных женщин (в %)		0,6	0,7	0,7	1,2	1,6	2,4	2,7	2,5	2,9	3,5
из них:	незаконное предпринимательство	44	62	205	602	981	1 599	1 736	1 426	1 806	2 259
	приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем	400	322	226	268	259	239	168	149	134	143
Глава 23 УК РФ		99	104	127	79	81	64	57	47	43	65
Доля от общего числа осужденных женщин (в %)		0,09	0,1	0,12	0,08	0,09	0,07	0,07	0,06	0,05	0,08

На основании представленных сведений можно сделать следующие выводы.

1. Количество женщин, осужденных за преступления в сфере экономики, за последние 10 лет снижается. Это происходит на фоне общего снижения уровня преступности в стране и сокращения числа осужденных лиц. Либерализация уголовной политики и улучшение благосостояния населения приводят к сокращению лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

2. Наибольшую долю преступлений в сфере экономики составляют посягательства на собственность, которые составляют почти половину в общей структуре женской преступности. Кражи и мошенничества являются наиболее типичными женскими преступлениями в сфере экономики.

В рамках изучения темы настоящей статьи нами проведено исследование судебной практики по преступлениям в сфере экономики, совершенным женщинами [9]. Автором изучены более 50 судебных приговоров по анализируемой проблеме, и выявлены следующие тенденции:

- совершают преступления в пределах небольших денежных сумм, как правило, в общественных местах (торговый центр, магазин, транспорт) либо в квартирах своих знакомых;
- действуют самостоятельно, без сговора с иными лицами;
- признают свою вину и стремятся к сотрудничеству с органами предварительного расследования;
- зачастую совершают преступление в состоянии алкогольного опьянения.

3. Наиболее существенный рост женской преступности произошел в сфере экономической деятельности. За прошедшие 10 лет количество осужденных женщин по главе 22 УК РФ возросло более чем в 4 раза, процентная доля в общей структуре женской преступности одновременно увеличилась практически шестикратно. Такая динамика вызвана, на наш взгляд, следующими факторами: широкое вовлечение женщин в экономическую деятельность организаций; регулярное изменение уголовного законодательства в части расширения перечня преступлений в сфере экономической деятельности; выполнение преимущественно женщинами бухгалтерской и финансовой деятельности организаций.

На рисунке 1 предлагаем оценить динамику количества осужденных женщин за преступления в сфере экономики.

Обобщая рассмотренный материал, отметим, что факторами, влияющими на совершение женщинами преступлений в сфере экономики, является совокупность экономических, психологических, социальных и иных причин. Экономические факторы выделены нами как ключевые. Анализ динамики женской преступности в сфере экономики показал стабильно высокий уровень преступлений против собственности, а также неукоснительный рост преступлений в сфере экономической деятельности.

Для решения выявленных проблем мы предлагаем принять меры по социальной поддержке женщин со стороны общественных организаций. Государственные меры играют существенную

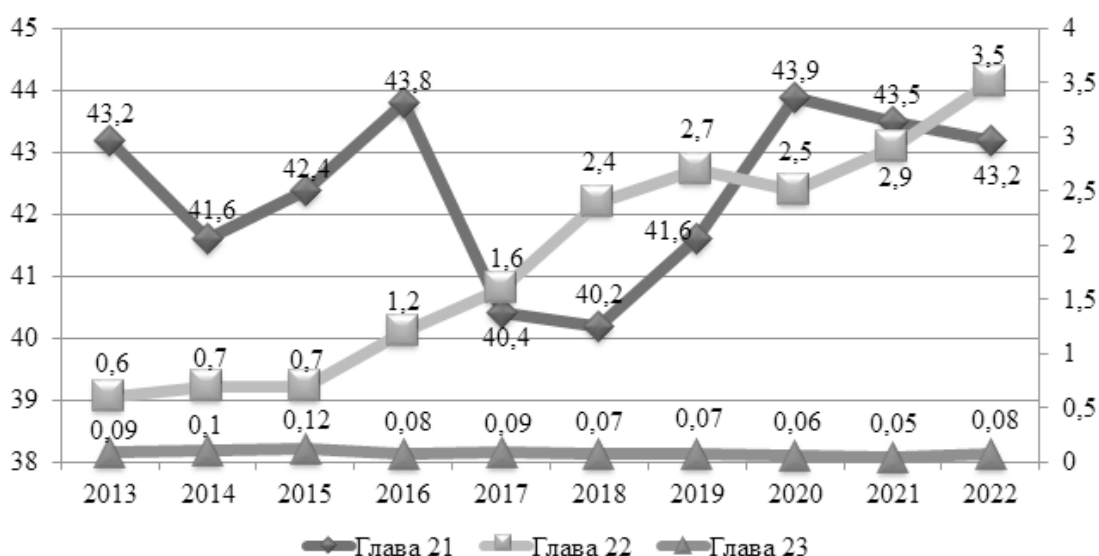

Рис. 1. Динамика количества осужденных женщин за преступления в сфере экономики (в % от общего числа осужденных женщин)

роль в профилактике девиантного поведения, однако не все женщины готовы обратиться в государственные органы: заявить о насилии и жестоком обращении в семье, встать на биржу труда, прибегнуть к медицинской помощи.

Общественные организации для поддержки женщин в России развиты хорошо, однако информированность населения о предоставляемой помощи остается на низком уровне. Многочисленные общественные объединения и религиозные организации оказывают помощь в трудоустройстве, налаживании контактов с родственниками, обеспечении медицинской помощи, консультируют по вопросам образования, культуры, юриспруденции и т. д. Полагаем, что общественное предназначение и высокая социальная ценность таких организаций не подвергается сомнению. Государство должно оказывать содействие развитию общественных объединений путем информирования населения, проведения совместных мероприятий, сотрудничества в вопросах трудоустройства и т. д.

На основании вышеизложенного, нами предлагается внесение изменений в Национальную стратегию действий в интересах женщин на 2023—2030 годы, утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 года № 4356-р [10]. Представляется целесообразным и обоснованным дополнить раздел III по направлению «Профилактика социального неблагополучия женщин» абзацем следующего содержания: «Оказание содействия общественным организациям, способствующим снижению экономического и социального неблагополучия женщин, приводящего к совершению преступлений».

По нашему мнению, закрепление на высоком нормативном уровне данного положения будет способствовать повышению внимания к обозначенной проблеме и выработке конкретных направлений по ее устранению.

Таким образом, в рамках настоящей статьи автором рассмотрен причинный комплекс женской экономической преступности, обоснована преимущественно экономическая составляющая, детерминирующая женскую преступность в сфере экономики. Анализ статистических показателей привлечения женщин к уголовной ответственности за преступления в сфере экономики позволил сделать ряд выводов, характеризующих современные тенденции женской экономической преступности. Автором выводится тезис о том, что предупреждение женской экономической преступности во многом зависит от мер государственной социально-экономической

поддержки, а также от деятельности общественных организаций, оказывающих помощь женщинам. Именно внимание к женским общественным движениям, на наш взгляд, представляет собой перспективное направление профилактики женской экономической преступности. Предложенные автором законодательные поправки призваны усовершенствовать систему предупреждения женской преступности.

Список источников

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2022 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/?ysclid=lompjnbxcq738526548> (дата обращения: 01.11.2023).
2. Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70744> (дата обращения: 01.11.2023).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12 октября 2023 года) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2023. № 32. Ч. I, ст. 6145.
4. Мухин А. А. Факторный анализ преступности в Удмуртской республике // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2013. Вып. 2. С. 159—163.
5. Лысова А. В. Женская агрессия и насилие в семье // Общественные науки и современность. 2008. № 3. С. 167—176.
6. Холодилова М. А. Статистический анализ преступлений по убийству и покушению на убийство в Российской Федерации // Вектор экономики. 2020. № 12 (54). С. 22—28.
7. Шамсутдинова А. А. Статистический анализ экономических преступлений в Российской Федерации // Вектор экономики. 2020. № 12 (54). С. 29—34.
8. Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Судебная статистика. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 05.11.2023).
9. Приговоры судов первой инстанции по статьям раздела VIII УК РФ. URL: <https://sudact.ru/?ysclid=loo3g8o3kp951746578> (дата обращения: 07.11.2023).
10. Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023—2030 годы: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 года № 4356-р // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1. Ч. III, ст. 477.

References

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January—December 2022. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/?ysclid=lompjnbxcq738526548> (accessed 01.11.2023). (In Russ.)

2. Extended meeting of the board of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70744> (accessed 01.11.2023). (In Russ.)
3. The Criminal Code of the Russian Federation no. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended of August 4, 2023) (with amendments and additions, intro. effective of October 12, 2023). *Collection of legislative acts of the RF*, 1996, no. 25, art. 2954. (In Russ.)
4. Mukhin A. A. Factor analysis of crime in Udmurt Republic. Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law", 2013, no. 2, pp. 159—163. (In Russ.)
5. Lysova A. V. Female aggression and domestic violence. *Social Sciences and Contemporary World*, 2008, no. 3, pp. 167—176. (In Russ.)
6. Holodilova M. A. Statistical analysis of crimes of murder and attempted murder in the Russian Federation. *Economy vector*, 2020, no. 12 (54), pp. 22—28. (In Russ.)
7. Shamsutdinova A. A. Statistical analysis of economic crimes in the Russian Federation. *Economy vector*, 2020, no. 12 (54), pp. 29—34. (In Russ.)
8. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial statistics. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (accessed 05.11.2023). (In Russ.)
9. Sentences of the courts of first instance under articles of Section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/?ysclid=loo3g8o3kp951746578> (accessed 07.11.2023). (In Russ.)
10. On approval of the National Strategy of Action in the Interests of Women for 2023—2030: decree of the Government of the Russian Federation no. 4356-r of December 29, 2022. *Collection of legislative acts of the RF*, 2023, no. 1, part III, art. 477. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Научная статья
УДК 343.132
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-191-194>

Объект выемки, осмотра и обыска в электронных сетях

Телевицкая Юлия Андреевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, miss.umniagina@yandex.ru

Аннотация. В рамках предварительного расследования по уголовному делу часто возникает необходимость в собирании сведений, хранящихся в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет». В представленном исследовании проанализированы различные подходы к объекту осмотра, обыска и выемки в электронных сетях. Приводится разграничение технического средства, применяемого при производстве следственного действия от объекта при собирании информации из электронных сетей, доступ к которой осуществляется через электронные носители. Предложено авторское видение понятия «электронная сеть» как специфической разновидности электронных носителей информации.

Ключевые слова: электронные носители информации, электронная сеть, осмотр, обыск, выемка, изъятие, собирание

Для цитирования: Телевицкая Ю. А. Объект выемки, осмотра и обыска в электронных сетях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 191–194. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-191-194>.

Original article

The object of seizure, inspection and search in electronic networks

Yulia A. Televitskaya

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, miss.umniagina@yandex.ru

Abstract. As part of the preliminary investigation of a criminal case, it often becomes necessary to collect information stored in information and telecommunications networks, including the Internet. In the presented work, the author analyzes various approaches to the object of inspection, search and seizure in electronic networks. A distinction is made between the technical means used in the production of an investigative action and the object when collecting information from electronic networks, access to which is carried out through electronic media. The author's vision of the concept of "electronic network" as a specific kind of electronic media is proposed.

Keywords: electronic media, electronic network, inspection, search, seizure, seizure, collection

For citation: Televitskaya Yu. A. The object of seizure, inspection and search in electronic networks. *Legal Science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 191–194. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-191-194>.

Целью нашего исследования является разработка комплексного механизма собирания информации из электронных сетей. В работах, опубликованных ранее, мы обозначили круг следственных действий, которые будут направлены на сбор необходимой информации [1]. Однако открытым остался вопрос об объекте осмотра, обыска и выемки в электронных сетях.

Отличительной чертой следственных действий, направленных на собирание информации

из электронных сетей, является их объект. Именно специфика объекта отличает удаленные следственные действия от тех, которые уже закреплены в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ). Разница между видами осмотра / обыска / выемки, предусмотренными УПК РФ и осмотром / обыском / выемки в электронной сети существенна, следовательно, и объект дистанционного следственного действия должен быть отличным от

© Телевицкая Ю. А., 2023

классического. Если в первом случае границы и пределы осмотра / обыска / выемки можно увидеть, то во втором случае при собирании информации из электронной сети, тем более глобальной, границ попросту не существует.

Так, А. А. Балашова в своем исследовании отмечает, что осмотр сетевой инфраструктуры, в том числе страниц в сети «Интернет», происходит путем производства следственного осмотра, в котором объектом выступает электронный носитель информации, чаще всего в виде компьютера самого следователя [2, с. 121]. Получается, что объектом производства следственного действия признается компьютер как носитель информации, а не сам сетевой ресурс, на котором непосредственно находятся необходимые для уголовного дела сведения. Однако следует понимать, что для уголовного дела представляет интерес не сам ноутбук или даже информация, находящаяся в его памяти, а данные из информационно-телекоммуникационной сети (далее — ИТС) либо любой другой сетевой инфраструктуры, доступ к которой невозможен без специального технического средства. Если отталкиваться от теории С. В. Зуева, согласно которой сам по себе сетевой ресурс является носителем электронных данных, целесообразнее признать объектом осмотра именно его. Соответственно, компьютер, с помощью которого осуществляется доступ к необходимым сведениям, находящимся за пределами его памяти, следует признавать техническим средством, а не объектом. Компьютер может быть объектом следственного действия только при производстве осмотра его внешних признаков и внутренней памяти. Осмотр данных в сетевой инфраструктуре не может входить в предмет осмотра компьютера, так как информация из электронных сетей находится за его пределами.

А. Н. Иванов считает, что объектом осмотра сетевых инфраструктур следует признавать документ, обнаруженный в сети, а результаты следственного действия необходимо оформлять протоколом осмотра документов [3, с. 75]. Кроме того, А. Л. Карлов придерживается аналогичного мнения, уточняя, что под объектом осмотра электронных сетей следует понимать не просто документ, а документ, информация в котором представлена в электронно-цифровом формате [4, с. 143]. Следовательно, результат осмотра, по мнению автора, следует оформлять протоколом осмотра электронного документа, под которым он предлагает считать страницу в сети «Интернет».

Не можем полностью согласиться с мнением А. Н. Иванова и А. Л. Карлова. Если под объектом дистанционного осмотра понимать страницу в сети «Интернет», то неурегулированным

по-прежнему останется осмотр в локальных, региональных, корпоративных сетях. Также документ как объект осмотра в полной мере не отражает всю специфику следственного действия, так как электронные сети представляют собой материю наиболее сложную. Следовательно, признавать документ объектом осмотра электронных сетей неправильно.

По нашему мнению, следует расширить закрепленный в УПК РФ перечень объектов осмотра / обыска / выемки, дополнив его электронной сетью.

Так, Л. Г. Литвяк утверждает, что «информационно-телекоммуникационная сеть» и «электронная сеть» — это синонимичные понятия [5, с. 95]. С. В. Зуев использует также понятие «компьютерная сеть», под которой он предлагает понимать программные, аппаратные и информационные ресурсы, связанные между собой и распределенные по определенной территории. К информационным ресурсам автор относит средства ввода-вывода, обработки и хранения информации, доступ к которой осуществляется с нескольких технических устройств [6, с. 31].

Другие ученые приравнивают к понятию электронной и ИТС информационную сеть, под которой понимают совокупность каналов связи, коммутирующей аппаратуры, электронно-вычислительных машин, объединенных средствами передачи данных [7, с. 214–215].

В декабре 2022 года Верховный Суд Российской Федерации закрепил, что понятия электронно-телекоммуникационных и электронных сетей не разграничиваются. При этом Верховный Суд Российской Федерации отметил, что сеть «Интернет» является одним из их видов [8].

Российское законодательство не содержит понятий электронной и компьютерной сети. Однако в Федеральном законе от 27 июня 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — ФЗ № 149) дано определение ИТС, под которой понимается предназначенная для передачи по линиям связи технологическая система, доступ к которой осуществляется с помощью средств вычислительной техники [9].

По нашему мнению, при обозначении характеристик сети следует обратить внимание на две основные составляющие: информационную и телекоммуникационную. Закон не раскрывает данные характеристики при обозначении дефиниции ИТС.

Под телекоммуникационной сетью понимается система каналов связи и коммутационного оборудования, осуществляющих обмен данными

между различными программами, задающими способ передачи данных и исправления ошибок. Следовательно, в основе телекоммуникации лежит дистанционный обмен информацией. В основе информационной составляющей ИТС — хранение информации [10, с. 8]. Определение, закрепленное в ФЗ № 149, содержит характеристику только коммуникационной составляющей, направленной на обмен информацией, упуская из внимания информационную — способность к хранению информации. Сохранность данных и их защита от искажений являются основными принципами работы электронных сетей. Данные хранятся на специальных серверах, специализированных устройствах с большим объемом памяти, представляющие собой хранилища информации. Хранение информации — неотъемлемая составляющая ИТС. Таким образом, считаем, что при обозначении понятия ИТС необходимо передачу информации заменить обменом информацией, тем самым расширив ее коммуникационную составляющую, а также добавить формулировку, связанную с хранением, с целью указания на информационный характер сети.

Еще одним важным моментом при обозначении характеристики ИТС является ее классификация.

Сети делятся на три группы в зависимости от территориального признака и объема входящих в них данных. Локальные сети относятся к первой группе. Они обычно охватывают небольшие территории и ресурсы, расположенные в нескольких километрах друг от друга. Примером может служить локальная сеть вуза или школы. Вторая группа представлена региональными сетями, которые могут охватить район, город или даже целую республику. Третий элемент классификации — глобальные сети, которые могут охватить несколько стран и даже континентов. Самым ярким примером глобальной сети является сеть «Интернет».

Интернет представляет собой конгломерат глобальных систем, в результате чего в нем наиболее наглядно проявляются все особенности функционирования современных сетевых инфраструктур. Также в отдельную группу выделяют корпоративные сети, управляемые единой организацией, к примеру, сеть МВД РФ [6, с. 31].

В соответствии с результатами анкетирования 67 % опрошенных граждан утверждают, что под ИТС подразумевается исключительно сеть «Интернет». 21 % ответили, что данное понятие включает в себя и другие виды сетей.

12 % затруднились дать ответ на поставленный вопрос.

Следует отметить, что ИТС включает в себя локальные, региональные, корпоративные, а также глобальные сети, в том числе сеть «Интернет». Неосведомленность в обозначенном вопросе еще раз подчеркивает необходимость рассмотрения видов электронных сетей, обозначения категории «электронная сеть», а также отдельное изучение особенностей изъятия информации из локальных сетей.

Пятый кассационный суд общей юрисдикции в своем постановлении при упоминании корпоративной сети ссылается на определение ИТС, закрепленное в пункте 4 статьи 2 ФЗ № 149, тем самым указывая на ее принадлежность к ИТС [11]. Таким образом, корпоративная сеть является составной частью ИТС, что еще раз подтверждается решением кассационного суда.

Термины «компьютерная сеть», «электронная сеть», «информационно-телекоммуникационная сеть» являются синонимичными понятиями. Следовательно, характеристики, рассмотренные на примере ИТС, распространяются и на остальные понятия, применяемые авторами для обозначения технологических систем обмена и хранения данных, передаваемых по линиям связи. Под ИТС в сознании людей чаще всего понимается именно сеть «Интернет», именно поэтому с целью недопущения ограничительного толкования предлагаем взять за основу объекта дистанционного осмотра, обыска и выемки понятие «электронная сеть».

Под электронной сетью предлагаем понимать технологическую систему, функционирующую на локальном, региональном, корпоративном или глобальном уровнях, предназначенную для дистанционного обмена информацией и ее хранением, доступ к которой осуществляется с помощью средств вычислительной техники.

Следовательно, если брать во внимание тот факт, что объектом дистанционных следственных действий (осмотр, обыск и выемка в сетевых инфраструктурах) является электронная сеть, в которую входят все разновидности существующих сетей, то документом, отображающим ход производства следственного действия, должен быть протокол осмотра / обыска / выемки электронной сети. В протоколе должно быть обязательно указано техническое средство, при помощи которого производилось следственное действие, а также способ размещения данных в сети.

Список источников

1. Телевицкая Ю. А. Выемка, осмотр и обыск в электронных сетях: понятие и разграничение // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 238–242.
2. Балашова А. А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2020. 216 с.
3. Иванов А. Н. Удаленное исследование компьютерной информации: уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Вып. 2. С. 74–77.
4. Карлов А. Л. Использование в доказывании по уголовным делам сведений, составляющих тайну связи, расположенных в сети Интернет // Вестник сибирского юридического института ФСКН России. 2015. № 2 (19). С. 142–146.
5. Литвяк Л. Г. К вопросу о понятии электронных или информационно-телекоммуникационных сетей для целей уголовного закона // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11-2. С. 93–96.
6. Зуев С. В. Основы теории электронных доказательств: монография / под ред. С. В. Зуева. Москва: Юрлитинформ, 2019. 398 с.
7. Головин Ю. А. Информационные сети: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки «Информационные системы». Москва: Академия, 2013. 375 с.
8. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 года № 37. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.05.2023).
9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2023).
10. Кошелев С. В. Информационные сети: учебное пособие. Муром: Телеком, 2004. 298 с.
11. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 10 ноября 2020 года № 88-6460/2020 по делу № 2-195/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.05.2023).

Статья поступила в редакцию 15.08.2023, одобрена после рецензирования 03.11.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 15.08.2023, approved after reviewing 03.11.2023; accepted for publication 12.12.2023.

References

1. Televitskaya Yu. A. Seizure, inspection and search in electronic networks: concept and differentiation. *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 4 (60), pp. 238–242. (In Russ.)
2. Balashova A. A. Electronic media and their use in criminal procedural proof. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow. 2020. 216 p. (In Russ.)
3. Ivanov A. N. Remote study of computer information: criminal procedural and criminalistic problems. *Izvestiya Saratov University*, 2009, vol. 9, issue 2, pp. 74–77. (In Russ.)
4. Karlov A. L. The use in proving criminal cases of information constituting the secret of communication located on the Internet. *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia*, 2015, no. 2 (19), pp. 142–146. (In Russ.)
5. Litvyak L. G. On the question of the concept of electronic or information and telecommunication networks for the purposes of criminal law. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 2020, no. 11-2, pp. 93–96. (In Russ.)
6. Zuev S. V. Fundamentals of the theory of electronic evidence: monograph / ed. by S. V. Zuev. Moscow: YurLitinform Publ., 2019. 398 p. (In Russ.)
7. Golovin Yu. A. Information networks: textbook: for students of higher educational institutions studying in the field of training "Information systems". Moscow: Academy Publ., 2013. 375 p. (In Russ.)
8. On some issues of judicial practice in criminal cases on crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 37 of December 15, 2022. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 27.05.2023). (In Russ.)
9. On Information, Information Technologies and Information Protection: federal law no. 149-FZ of July 27, 2006. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 11.05.2023). (In Russ.)
10. Koshelev S. V. Information networks: a textbook. Murm: Telecom Publ., 2004. 298 p. (In Russ.)
11. The ruling of the Fifth Cassation Court of General Jurisdiction no. 88-6460/2020 of November 10, 2020 in the case no. 2-195/2020. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 27.05.2023). (In Russ.)

Рецензия на монографию

УДК 343.1

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-195-197>

**Реформирование досудебного производства всегда
в центре внимания (по мотивам одной монографии
о межотраслевой процессуальной конвергенции)**

Джамиев Меджид Радикович

Старший прокурор отдела по обеспечению собственной безопасности и физической защиты
Прокуратуры Республики Дагестан, Махачкала, Россия, medjiddjamiev@gmail.com

Для цитирования: Джамиев М. Р. Реформирование досудебного производства всегда в центре внимания (по мотивам одной монографии о межотраслевой процессуальной конвергенции) // Юридическая наука и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 195–197. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-195-197>.

Monograph review

**Reform of pre-trial proceedings is always in the spotlight
(based on one monograph
on intersectoral procedural convergence)**

Majid R. Dzhamiev

Senior prosecutor of the department for ensuring personal safety and physical protection of the Prosecutor's Office of the Republic of Dagestan, Makhachkala, Russia, medjiddjamiev@gmail.com

For citation: Dzhamiev M. R. Reform of pre-trial proceedings is always in the spotlight (based on one monograph on intersectoral procedural convergence). *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 195–197. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-195-197>.

В текущем 2023 году в издательстве «Прспект» вышла в свет монография А. Р. Шариповой «Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам», в основу которой положена докторская диссертация автора, защищенная в диссертационном совете, созданном на базе Нижегородской Академии МВД России. Диссертация и монография посвящены проблемам судебного производства по уголовным делам. Однако в контексте итоговых выводов по результатам исследования автором сформулирована оригинальная и новая идея, касающаяся реформирования досудебного производства в России: «Отдельным кардинальным вариантом устранения обвинительного законодательного уклона из уголовного процесса является выделение двух отдельных нормативных правовых актов, посвященных расследованию и судебному

производству»¹. Такая необычная мысль привлекает внимание юридической общественности, независимо от готовности согласиться с ней или оспорить ее.

Реформирование досудебного производства по уголовным делам в России — одна из самых обсуждаемых проблем в специальной литературе и на практике. Однако автор названной монографии не смог обойти эту проблему молчанием, хотя предметом его научного интереса являлось судебное производство по уголовным делам, уже прошедшее досудебные стадии.

Оригинальных идей относительно перспектив и хода реформирования стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования в современной научной литературе

¹ Шарипова А. Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам: монография. Москва: Проспект, 2023. С. 295.

© Джамиев М. Р., 2023

в разное время высказывалось множество. Среди них — предложения о полном переходе российского досудебного производства «на англосаксонские рельсы» вопреки отечественной и в целом континентально-европейской традиции, то есть отказ от процессуальной регламентации предварительного расследования. Многие авторы рассчитывали на восстановление фигуры судебного следователя по образцу Российской империи второй половины XIX — начала XX веков либо на введение аналога континентально-европейского следственного судьи, воспроизведенного на постсоветском пространстве Республикой Казахстан. Есть предложения и о введении специфичного для Германии «прокурорского дознания» или «полицейского дознания под усиленным надзором и руководством прокурора»¹ с юридической ликвидацией фигуры следователя. Понятно, что все эти идеи настолько далеки друг от друга, что быть одновременно воплощенными в одной национальной правовой системе они не могут. Поэтому поиск оптимального для России варианта реформирования досудебных стадий уголовного процесса продолжается, и мнений на этот счет не уменьшается. Однако даже на этом пестром фоне идея А. Р. Шариповой о разделении единого сейчас уголовно-процессуального закона на «Кодекс расследований» и межотраслевой «Судебный кодекс»² выглядит настолько экзотично, что поневоле привлекает внимание авторов разных идей и концепций.

Первая реакция на нестандартную постановку вопроса о перспективах реформирования досудебного производства — возражение, причем у представителей разных научных школ. Варианты этих возражений таковы:

1. В этой идее нет ничего, кроме формального разделения кодифицированного нормативного правового акта, традиционно бывшего единым в течение уже не одного столетия.

2. Если уголовное судопроизводство объединено общими социально-правовыми задачами, едиными принципами уголовного судопроизводства, носящими универсальный, то есть всестадийный характер, то законодательное разделение досудебного и судебного производств видится нецелесообразным.

3. Если автором названной идеи намечена глобальная процедурная конвергенция, то есть сближение всех судебно-процессуальных

отраслей, что и вынесено в название книги, то логично было бы предположить, что такая конвергенция могла бы оказать благотворное влияние и на досудебное производство по уголовным делам, передаваемым впоследствии на рассмотрение суда. И с этой точки зрения разделение тоже не выглядит целесообразным, ибо оно способно «законсервировать» досудебное производство со всеми его пороками — отсутствием состязательности, обвинительным уклоном и бесправием всех, кто не наделен властными полномочиями.

4. Законодательное отделение досудебного производства по уголовным делам от судебного способно полностью вывести предварительное расследование из лона процессуальной формы, окончательно приблизив его к оперативно-розыскной деятельности с ее преимущественно секретными и негласными способами собирания юридически значимой информации.

Каждое из приведенных суждений имеет своих сторонников и характерные системы аргументов. Однако нельзя не заметить и отсутствие даже намека на какое-то логическое единство критики идеи А. Р. Шариповой о целесообразности разделения кодексов. Неслучайно, по результатам авторских социологических исследований, количество профессионалов, поддерживающих эту идею, отрицающих ее и не определившихся в оценках, поделилось приблизительно поровну³. Разброс мнений, которые можно противопоставить суждению А. Р. Шариповой, обусловлен совершенно разным отношением авторов к действительному или мнимому единству задач досудебного и судебного производства по уголовным делам, возможности реализации в досудебном производстве принципа состязательности сторон, либо о бесплодности расчета на такую возможность, о единстве целей должностных лиц государства, в производстве которых находится уголовное дело до суда и в судебном разбирательстве, либо о принципиальной недопустимости констатации такого единства целей. У идеи разграничения если не кодексов, то как минимум законодательных и правоприменительных подходов к регулированию и организации уголовно-процессуальной деятельности до суда и в суде, всегда находилось и находится немало авторитетных сторонников⁴.

Сказанное позволяет сделать два главных вывода:

¹ Муравьев К. В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2017. С. 196.

² Шарипова А. Р. Указ. соч. С. 52.

³ Шарипова А. Р. Указ. соч. С. 295.

⁴ Лазарева В. А. Уголовный процесс ≠ уголовное судопроизводство // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 3. С. 11–17.

1. Досудебное производство по уголовным делам в России не может сохраняться в том виде, который оно приобрело к настоящему времени, в силу множества системных противоречий и общего отставания от современных требований к качеству и эффективности правоохранительной деятельности.

2. Реформирование досудебного производства по уголовным делам всегда будет в центре

внимания исследователей, какими бы проблемами уголовного процесса они ни занимались. И наоборот — изучение проблем реформирования досудебного производства по уголовным делам требует от исследователей прогнозирования всех последствий любых предлагаемых реформ для всей системы уголовного процесса России в его досудебной и судебной составляющих.

Рецензия на монографию поступила в редакцию 01.12.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The dissertation review was submitted 01.12.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Рецензия на диссертацию

УДК 34.01

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-198-208>

**Юридический приоритет:
необходимость разработки доктринальной концепции.
Рецензия на диссертацию Н. Н. Хрони «Приоритетная обязанность
в структуре специального правового статуса» (Москва, 2023. 220 с.)**

Плешаков Евгений Александрович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, law_pleshakov@mail.ru

Аннотация. В работе автором подвергается критическому осмыслению феномен «юридический приоритет» через призму нормативного воплощения и существующих доктринальных позиций. Поводом к началу научной дискуссии послужило диссертационное исследование Н. Н. Хрони на тему: «Приоритетная обязанность в структуре специального правового статуса». Состоявшаяся как научно-квалификационная работа, при этом выполненная на весьма высоком уровне, вышеуказанная диссертация побудила автора обратиться к феномену «юридический приоритет» с общетеоретических позиций. Автором в проекции к исследованию Н. Н. Хрони анализируется современная юридико-лингвистическая составляющая лексемы «приоритет», проводится ее анализ с позиции как научного, так и практико-прикладного компонента. Выдвигается гипотеза, что юридический приоритет по своей природе представляет собой средство дифференциации и иерархичного построения различных элементов правовой системы. Аргументированы формы объективации юридического приоритета в конкретных правоотношениях. Делается вывод о необходимости полноценного, общетеоретического исследования юридического приоритета, формирования его доктринальной концепции.

Ключевые слова: юридический приоритет, правовой статус, дифференциация, юридическая техника, предпочтение, правовые преимущества, приоритетная обязанность, специальный правовой статус

Для цитирования: Плешаков Е. А. Юридический приоритет: необходимость разработки доктринальной концепции. Рецензия на диссертацию Н. Н. Хрони «Приоритетная обязанность в структуре специального правового статуса» (Москва, 2023. 220 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 198–208. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-198-208>.

Dissertation review

**Legal priority: the need to develop a doctrinal concept.
Review of N. N. Khroni's dissertation "Priority duty in the structure
of special legal status" (Moscow, 2023. 220 p.)**

Evgeny A. Pleshakov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, law_pleshakov@mail.ru

Abstract. In the work, the author critically examines the phenomenon of "legal priority" through the prism of normative implementation and existing doctrinal positions. The reason for the beginning of the scientific discussion was the dissertation research by N. N. Khroni on the topic: "Priority duty in the structure of a special legal status". Having taken place as a scientific qualification work, while being performed at a very high level, the above-mentioned dissertation prompted the author to address the phenomenon of "legal priority" from a general theoretical standpoint. The author, in the projection to the study of N. N. Khroni analyzes the modern legal and linguistic component of the lexeme "priority", its analysis is carried out from the perspective of both scientific and practical-applied components. The hypothesis is put forward that legal priority by its nature is a means of differentiation and hierarchical construction of various elements of the legal system. The forms of objectification of legal priority in specific legal relations are reasoned. The conclusion is made about the need for a full-fledged, general theoretical study of legal priority, the formation of its doctrinal concept.

© Плешаков Е. А., 2023

Keywords: legal priority, legal status, differentiation, legal technique, preference, legal advantages, priority duty, special legal status

For citation: Pleshakov E. A. Legal priority: the need to develop a doctrinal concept. Review of N. N. Khroni's dissertation "Priority duty in the structure of special legal status" (Moscow, 2023. 220 p.). *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 198–208. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-198-208>.

26 октября 2023 года в диссертационном совете 03.2.001.02, созданном на базе федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации» состоялась успешная защита Натальей Николаевной Хрони кандидатской диссертации на актуальную в теоретическом, практическом, дидактическом аспектах тему — «Приоритетная обязанность в структуре специального правового статуса» [1].

Правовой статус личности, как объективные права и юридические обязанности (элементы, образующие его ядро), остаются основополагающими категориями юриспруденции — ее теории, практики, техники. Несмотря на существование значительного количества исследований юридической конструкции правового статуса личности, выполненных как в рамках общей теории права, так и в отраслевых юридических науках, интерес к данной проблематике не снижается. Разработка теоретико-методологических проблем специального правового статуса, приоритетной юридической обязанности как его неотъемлемого элемента, приобретают ныне магистральное значение. Обращение Н. Н. Хрони к вопросам структуры специального правового статуса, дифференциации и индивидуализации юридических обязанностей, технико-юридических дефектов и упущений их нормативного закрепления, безусловно, имеет немалое значение для развития теоретико-правового знания.

Категория «юридическая обязанность» является менее изученной (по сравнению с субъективными правами), и выбор предметом исследования указанной разновидности юридической обязанности весьма смелый. В целом данную проблематику следует отнести к перспективным направлениям исследований, по меньшей мере по следующим причинам.

Во-первых, сама по себе попытка осмысления правового положения личности с акцентом на элементе долженствования, а не дозволения, говорит о внимании автора к современным сложностям государственно-правового строительства России. Глобальные вызовы современному обществу, обусловленные экономическими, политическими, экологическими,

социальными проблемами, выдвигают перед демократическими государствами задачу по неукоснительному соблюдению провозглашенных принципов равноправия, справедливости, законности. Гарантии исполнения этих направлений особо обостряются при отступлении от провозглашаемых принципов в форме преимуществ, приоритетов, прерогатив в процессе реализации прав и обязанностей. Тенденция применения указанных форм приобретает все большую популярность как на законодательном, так и правоприменительном уровнях. Диссертант в данном случае, предпринял довольно удачную попытку комплексного исследования такого феномена, как «приоритетная обязанность».

Во-вторых, новаторство подхода Н. Н. Хрони заключается не только в рассмотрении неисследованного ранее явления «приоритетная обязанность», а в проявлении междисциплинарного подхода и изучении взаимосвязи с иными правовыми феноменами, в том числе специальным правовым статусом, системой правовых преимуществ, включая преимущественное право. Раскрывая сущность приоритетной обязанности, соискатель справедливо определяет соответствующие признаки, наличие которых позволяет отграничить данный правовой феномен от общих юридических обязанностей (с. 50–60). Автор верно подчеркивает направленность приоритетных обязанностей на обеспечение высших гуманистических ценностей (жизни человека, его прав и др.).

В-третьих, в настоящее время в нашей стране реализуется ряд правовых реформ, направленных на совершенствование национальной правовой системы, развитие и внедрение новых подходов к правовому регулированию. Принимая во внимание потребность современной юридической науки в расширении знаний о системе средств и способов правового воздействия на общественные отношения, а также важность и фундаментальность для внутригосударственных и международных правоотношений приоритетных обязанностей, существующих в структуре специального правового статуса, автором осуществлена в целом успешная попытка: классификации приоритетных обязанностей; познания

их подлинной правовой природы; исследования их взаимообусловленного соотношения с другими — смежными правовыми категориями; рассмотрения роли и места приоритетной обязанности в структуре специального правового статуса; выявления проблем технико-юридического закрепления приоритетных обязанностей в нормах законодательства; установления влияния исполнения приоритетных обязанностей на процесс оформления, изменения специального правового статуса, а также приобретения правовых преимуществ.

Однако можем предположить, что одной из главных трудностей написания диссертации выступило то обстоятельство, что феномен «юридический приоритет» к моменту защиты обстоятельного общетеоретического анализа не получил, и Н. Н. Хрони пришлось решать частные вопросы (что, конечно, не означает их мало-значительности) при отсутствии полноценного освещения общих принципиальных проблем.

Остановимся на содержательных моментах работы, иллюстрирующих не просто потребность, а острую необходимость формирования научной концепции юридического приоритета.

Начать полагаем уместным с предложенной автором дефиниции указанного родового феномена, проявляющегося впоследствии в видовых отношениях, в том числе, применительно к иерархии юридических обязанностей.

Юридический приоритет, по мнению Н. Н. Хрони, являясь инструментом правового регулирования, заключается в «правовой упорядоченности очередности реализации (внеочередной, первоочередной) субъективного права и (или) законного интереса субъектом, обладающим специальным правовым статусом, на основе дополнительных процессуальных гарантий и организационных мер, обеспечиваемой исполнением первостепенных обязанностей как самого субъекта, так и иных лиц, задействованных в правоотношениях» (с. 10).

Убеждены, что юридический приоритет — это не любая упорядоченность очередности реализации чего-либо (прав, обязанностей, законных интересов и пр.). Именно в этом диссертант, видимо, видит его природу, указывая на характеристику приоритета в виде первоочередности и внеочередности. Полагаем, что реализация, как воплощение правовых предписаний в конкретных общественных отношениях, лишь одна из форм проявления юридического приоритета. В этой связи уместнее данный феномен воспринимать как специфическую модель правовой упорядоченности общественных отношений

в целом. Юридический приоритет, как думается, свойственен не только процессу правореализации, но и правотворчеству, правоинтерпретации. На это указывают лингвистический компонент, общенаучное восприятие, а также и понимание анализируемого явления доктриной права.

С юридино-лингвистических позиций понятие «приоритет» имеет латинские корни (от лат. *prior*) и является полным аналогом немецкого *prioritet*, буквально означающего первенство [2, с. 532]. В общенаучном значении «приоритет» (если не брать во внимание толкование его как первенство в научном открытии, содержащееся в большинстве словарей и справочников), интерпретируется как преобладающее значение чего-либо [3, с. 985].

Определений понятия «юридический приоритет» на сегодняшний день немного, изложены они (зачастую очень кратко) преимущественно на страницах научных статей. Монографические разработки понятия «юридический приоритет» отсутствуют. Вряд ли подобная ситуация может удовлетворить наши устремления подвергнуть критическому осмыслению вариант дефинирования данного явления Н. Н. Хрони и предложить свой концептуальный вариант определения понятия, полноценно охватывающий данное многогранное явление.

Одну из первых попыток обращения к сущности юридического приоритета предпринял А. Г. Репьев, который, однако, рассмотрел его лишь в проекции к системе правовых преимуществ. В частности, автор воспринимает правовой приоритет в качестве разновидности преимущественного права как способа реализации особой правовой процедуры, обусловленной необходимостью учета публичных и частных интересов и особенностей специальных статусов отдельных субъектов, предусматривающей дополнительные процессуальные гарантии и организационные меры по первоначальному, предпочтительному получению благ, реализации прав и законных интересов [4, с. 16–17; 5, с. 10]. В такой интерпретации понимание юридического приоритета также далеко от охвата его во всем многообразии.

Крайне лаконичную трактовку понятия «юридический приоритет» предлагает С. А. Чиркаев, рассматривая названное явление как правовое средство регулирования общественных отношений, которое предопределяет первоочередность решения каких-либо задач и необходимость учета в первоочередном порядке каких-либо интересов отдельных субъектов [6, с. 82]. В нашем понимании «средство» — это

способ действия, прием достижения чего-либо. Представленная интерпретация приоритета как средства позволяет, по логике автора, обеспечить первоочередность. Однако первоочередность, в чем мы убеждены, — это лишь один из результатов выстраивания иерархичности, то есть такое расположение элементов, в рамках которого сложилась очередность и один из элементов системы в этой очередности первый. Между тем упускаются иные варианты иерархии, например, внеочередность.

Представленная линия рассуждения позволяет выдвинуть гипотезу, что **юридический приоритет** по своей природе представляет собой **средство дифференциации и иерархичного построения различных элементов правовой системы**. При помощи юридического приоритета государство не только находит различия относительно важности, значимости таких элементов правовой системы как норма права, правовой институт, правовое отношение, правовое сознание и прочее, но и выстраивает внутреннюю иерархию. В качестве примера можно привести факт: в законодательстве, в зависимости от приоритетности одних общественных отношений над другими, значимости отдельных ценностей, закрепляются не только общие нормы, но и специальные, предполагающие установление правил поведения, основанных на первенстве, преобладании. Так, телеграммы за подписью руководителя органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации «передаются в приоритетном порядке» [7].

Все вышеизложенное обуславливает необходимость установления не только дефинитивных основ феномена «юридический приоритет», но и механизмов воплощения определяемого им дифференцированного и иерархического построения, определения критериев приоритетности.

В своем исследовании Н. Н. Хрони обращает внимание, что субъект самостоятельно распределяет обязанности по степени их первостепенности (с. 157). При этом автором допускается возможность существования ошибки как в нормативном закреплении, так и в понимании приоритета при выполнении юридических обязанностей. Автор идет дальше, постулируя допустимость определения приоритетной обязанности в качестве квалифицирующего признака юридической ответственности (с. 11), что в проекции к предыдущему высказыванию представляется весьма дискуссионным. Совокупность двух вышеуказанных тезисов подтверждает наше сомнение, поскольку приоритетная

обязанность может выступать квалифицирующим признаком для наступления юридической ответственности только в силу указания на то в нормативном правовом акте (в идеальном варианте — прямо и недвусмысленно, в качестве допустимого варианта — латентно, но со ссылкой на значимость интересов общества и государства), однако никак не по собственному усмотрению субъекта.

Показательным относительно выдвинутого аргумента является пример юридических обязанностей и возникающей на основе их неисполнения (либо ненадлежащего исполнения) юридической ответственности лица, состоящего под административным надзором. В частности, статьей 11 Федерального закона от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», лицу, состоящему под административным надзором, вменяется по меньшей мере восемь обязанностей (семь из которых прямо изложены в части 1, и одна содержится в части 2 с оговоркой «также»). При этом хотя законодатель однозначно и не определяет, какая из имеющегося перечня обязанностей является для субъекта приоритетной, системное толкование охранительных норм законодательства все же позволяет сформировать степень их иерархичности, значимости для субъекта с позиции обеспечения на него профилактического воздействия. Так, лишь одна из вышесказанных обязанностей в случае ее неисполнения влечет наступление мер не административной [8, ст. 19.24], а уголовной ответственности, что, как думается, и делает ее приоритетной для поднадзорного лица в силу более строгих мер наказания. Речь идет об обязанности «прибыть в определенный администрацией исправительного учреждения срок к избранному им месту жительства или пребывания после освобождения из мест лишения свободы» [9], уклонение от которой компетентными органами может быть квалифицировано в качестве преступления [10].

Отмеченное выше актуализирует вопрос установления критериев юридического приоритета в рамках его полноценного, концептуального исследования. Данный аспект крайне важен для правоприменительных органов, в особенности, судебных. Формирование соответствующих правовых позиций, основанных на верной интерпретации дифференциации общественных отношений, иерархичности ценностей, адекватном восприятии приоритетности одной над другой, могло бы положительно

сказаться не только на эффективности правового регулирования в целом, но и на упрочении законности властно-распорядительных актов органов государственной власти. Данный аспект по-прежнему остается малоисследованным в юридической науке.

Названное поле осталось неохваченным и в исследовании, проведенном Н. Н. Хрони. В частности, для процесса правореализации, а конкретнее такой его формы как исполнение, важен ответ на ключевой вопрос — возможно ли допускать трансформацию, изменение иерархичности приоритетных обязанностей. Автор данный злободневный вопрос обходит своим вниманием, что видится нам не совсем правильным. Исполнение приоритетных обязанностей в повседневной жизни, как думается, будет существенно отличаться от реализации в особых условиях, детерминированных чрезвычайной обстановкой, военным временем, введением специальных правовых режимов (например, контртеррористической операции). Убеждены, что юридические приоритеты будут смещаться применительно к таким критериям, как время, место, обстановка.

К примеру, введение чрезвычайного положения на конкретной территории предполагает переориентацию органов государственной власти и местного самоуправления на решение приоритетных задач. Происходит это за счет соответствующего механизма, обусловленного введением особого правового режима, который предполагает:

а) переход на иную систему организации повседневной жизнедеятельности (прерогативные властно-распорядительные акты будут исходить от органов оперативного управления, включая коменданта, объединенного оперативного штаба и пр.), что предполагает не только установление ограничений и запретов правового положения личности, но и приоритетное внимание вопросам сохранности собственности, защиты объектов жизнеобеспечения и пр. [11];

б) переключение деятельности органов публичного управления с выполнения повседневных обязанностей на приоритетные. Таковыми, к примеру, для органов внутренних дел, станут задачи эвакуации населения, контроль и распределение продовольствия и предметов первой необходимости, вытекающие из этого контрольно-досмотровые мероприятия, сопровождение вывоза материальных и культурных ценностей в безопасные районы и т. д. [12].

Развивая мысль о необходимости установления критериев юридического приоритета,

выдвинем гипотезу, что таковыми могли бы выступить ценности. В рецензируемом исследовании Н. Н. Хрони обращает внимание на данный момент, однако делает это фрагментарно. В частности, соискателем обосновываются отличительные признаки приоритетной обязанности субъектов со специальным правовым статусом, среди которых выделяется ценностно-ориентирующее значение (с. 13–14). Однако аксиологический компонент важен не столько как признак, присущий такой форме объективации юридического приоритета, как обязанность, а сколько в качестве основополагающего ориентира, «ватерлинии», для установления дифференцированности и иерархичности всей системы общественных отношениях и подходов к их правовому регулированию.

Следовательно, мы убеждены, что **формально-юридическим и нравственно-этическим критерием установления юридического приоритета в правовом регулировании являются ценности** и от того, какие ценности провозглашаются обществом и гарантируются государством, зависит установление органами законодательной власти соответствующих прав и дозволений, имеющих преимущественный характер перед иными, а субъектами правоприменения данные нормативные положения защищаются и охраняются.

Приведем пример. Положениями статьи 7 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» постулируется «приоритет охраны здоровья детей», на основе сформировавшейся системы национальных ценностей, в рамках которой «государство признает охрану здоровья детей как одно из важнейших и необходимых условий физического и психического развития» [13]. Данное положение конкретизируется предоставлением детям «приоритетных прав при оказании медицинской помощи» (ч. 2 ст. 7). Деяния, посягающие на ущемление данного приоритетного права, к примеру, в форме отказа в предоставлении бесплатного проезда к месту лечения и обратно, о взыскании стоимости проезда на восстановительное лечение, отказа выписывать рецепты на бесплатное получение лекарственных препаратов и прочее, получают соответствующую правовую оценку судебными органами и защищаются государством [14; 15].

Более того, дихотомия «ценности — приоритеты» имеет не только прямую связь (когда ценности формируют приоритеты), но и обратную. Выдвинем предположение, что **ценности**

могут сами непосредственно рассматриваться в качестве юридического приоритета. Попытаемся развить и аргументировать данную мысль на примере.

Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 традиционные российские духовно-нравственные ценности были определены в качестве стратегического национального приоритета [16]. При этом к указанным ценностям государством отнесен, например, «приоритет духовного над материальным».

Близко к обозначенному аспекту примыкает категория «интерес». В своем исследовании Н. Н. Хрони неоднократно обращается к сопоставлению приоритетной обязанности и законного интереса (с. 10, 15, 28–29 и др.). При этом законный интерес включен в качестве компонента определения понятия приоритетной обязанности, рассматривается диссертантом как условно-парная категория для приоритетной обязанности. Рассуждая о законном интересе, Н. Н. Хрони останавливается в шаге от гипотезы (которую впоследствии можно было бы доказать), что **интерес выступает детерминантом установления дифференцированности общественных отношений и иерархичности, реальной причиной возникновения юридического приоритета**. В этом ракурсе интерес связан ценностями, поскольку осознавая и оценивая интерес, субъект может понять — что действительно ценно (для общества, государства и пр.), а что является мнимой ценностью.

Так, среди требований, предъявляемых к поведению сотрудника органов внутренних дел, нормативными правовыми актами закреплено признание «приоритета государственных и служебных интересов над личными» [17]. Следовательно, законные интересы сотрудника органов внутренних дел как юридические дозволения, выражающиеся в стремлении субъекта пользоваться конкретным социальным благом и отчасти гарантированные государством, будут выступать (или по крайней мере должны) побудителем для выполнения повседневных оперативно-служебных задач в ущерб личным планам, собственным интересам. Государство для этого создает механизм реализации подобного интереса. В частности, правоприменительные и конкретно — судебные органы при оценке поведения сотрудника однозначно опираются на требования должного этического поведения, а факты игнорирования приоритета государственных интересов интерпретируют как минимум в качестве дисциплинарного проступка.

Так, действия должностного лица, рассматривающего материалы дела об административном правонарушении на основании личных интересов, а не служебных (государственных), выразившиеся в отдании «предпочтения одним доказательствам перед другими», истолкованы как совершение проступка, порочащего честь сотрудника, к которому применена мера юридической ответственности в виде увольнения со службы в органах внутренних дел [18].

Сказанное выше актуализирует обращение к вопросам формы реализации юридического приоритета. Полагаем, что данный аспект предопределен общим механизмом воплощения в жизнь юридической дифференциации и построения общественных отношений на условиях иерархичности. В своем исследовании Н. Н. Хрони предлагает организационно-правовой механизм реализации приоритетной обязанности (с. 17), но проблематику форм воплощения приоритетности прав, обязанностей отводит на второй план. Между тем данный аспект крайне важен, поскольку, как известно, форма иллюстрирует способ существования содержания, его объективное выражение. При помощи формы мы можем понять действительный процесс образования приоритетности в общественных отношениях, в их развитии и трансформации.

Юридическая доктрина, нормы законодательства и правоприменительная практика свидетельствуют, что **одной из форм существования юридического приоритета выступает предпочтение**. Данный термин означает признание и утверждение преимущества перед кем-либо.

В рецензируемом исследовании Н. Н. Хрони категории «правовое преимущество» уделено достаточное внимание. В частности, она включена в авторскую концепцию юридической конструкции специального правового статуса личности, что выглядит наименее противоречивым (с. 15 и др.). Этого нельзя сказать о той части работы, в которой анализируется соотношение приоритетной обязанности и правового преимущества. В частности, Н. Н. Хрони показала данную связь крайне одностороннее (несмотря на тезис о наличии признаков единства данных феноменов, различия, а также взаимодействия и противоречий). Критика в адрес автора вызвана тем, что из всей системы правовых преимуществ она сделала акцент на такой форме их проявления, как преимущественное право (с. 15–16, 125–132 и др.).

В 2020 году в Саратовской государственной юридической академии была защищена

диссертация А. Г. Репьева «Преимущества в российском праве: теория, методология, техника» [19, с. 21–22], в рамках которой автор вполне обстоятельно доказал наличие концепции правовых преимуществ, состоящей из четырех основных типов: иммунитет, привилегия, льгота и особая правовая процедура. Обозначенное исследование, безусловно, также не лишено дискуссионных моментов относительно места юридического приоритета в системе преимуществ [20]. Однако позиция Н. Н. Хрони, проигнорировавшей иные формы преимуществ, непосредственно связанных с юридическим приоритетом, видится явно уязвимой.

Наиболее очевидным и отнюдь не риторическим вопросом к Н. Н. Хрони является следующий: «Почему при наличии не только доктринальной концепции приоритетных прав, но и их устоявшегося нормативного выражения в законодательстве, автор стремится показать корреляцию приоритетной обязанности с преимущественными правами (с. 109–132)?». Игнорировать многообразие проявления юридического приоритета в дозволениях, следовательно, значительно обеднять этот сложный, многогранный феномен. Современная система законодательства регламентирует: приоритетное право арендатора, покупки (выкупа); приоритетные права работников на отпуск, при сокращении штатов и многое другое.

Убеждены, что даже на первый, весьма поверхностный взгляд юридический приоритет и правовое преимущество соотносятся между собой как минимум в двух проекциях.

Во-первых, правовое преимущество выступает особой формой объективации юридического приоритета, направленной на улучшение правового положения участника общественных отношений (физического или юридического лица). В зависимости от ценностей, на основании которых строятся общественные отношения, тех интересов, которые преследует государство, оно при помощи нормативного установления льгот, привилегий проявляет заботу об отдельных категориях граждан, улучшая их правовое положение, предоставляя им дополнительные возможности, послабления в обязанностях, ограничениях и запретах. Так, принимая во внимание основы государственной молодежной политики, направленной на создание условий для развития, самореализации в различных сферах жизнедеятельности, «граждане из числа молодежи в возрасте до 30 лет имеют приоритетное право на участие в мероприятиях» по профессиональному обучению

и дополнительному профессиональному образованию [21].

Во-вторых, на основании юридического приоритета дифференцируется сама система правовых преимуществ. Будучи сложной, многоуровневой основой для реализации стимулирующей, поощрительной политики государства, льготы, привилегии и иные формы улучшения правового положения отдельных субъектов должны являться следствием индивидуализации, отвечать потребностям общества и государственным вызовам, насущным и наиболее актуальным задачам воплощения в жизнь принципов социального государства.

Диссертационное исследование Н. Н. Хрони, выполненное на добротном, научно-квалификационном уровне, тем не менее высветило существенный пробельный момент в научно-теоретическом юридическом знании и практической реализации положений законодательства. Речь идет об отсутствии полноценного, общетеоретического исследования юридического приоритета, сформированной его доктринальной концепции.

Научная общественность по-прежнему понимает «юридический приоритет» преимущественно в качестве лишь организационно-правового инструмента, в лучшем случае — инструмента правового регулирования. Это, несомненно, обедняет данный общеправовой феномен, который даже относительно своего регулятивного потенциала направлен далеко не только на упорядоченность очередности реализации субъективных прав и (или) законного интереса.

Как и всякое самостоятельное, творческое исследование сложной темы, диссертация Н. Н. Хрони не свободна от некоторых недостатков. Фиксируя некоторые из них, мы стремимся критические замечания сформулировать таким образом, чтобы «открыть» не только для Н. Н. Хрони, но и для других исследователей юридического приоритета, будущее «поле» работ.

1. По всему тексту диссертации фрагменты о правовой обязанности как реальном явлении и как правовой категории четко не разграничиваются, не имеют определенно выраженного содержания.

Автор методологически неверно использует текстуальное предметное рассмотрение приоритетной обязанности как понятия и как явления реальной действительности. Например, в методологическом разделе автореферата диссертации отмечается, что диалектико-материалистический метод познания позволил

автору изучить «приоритетную обязанность» (с. 7). Словосочетание «приоритетная обязанность» взято в кавычки, что для внимательно-го читателя означает упоминание о **понятии**. Однако, далее Н. Н. Хрони пишет о **явлении** в его связи с пространством и временем. В следующем предложении автор уже без кавычек констатирует задачу: «аргументировать связь приоритетной обязанности с иными правовыми категориями...».

2. При выполнении диссертационного исследования, как это следует из вводной части диссертации (с. 7), не использованы социологические методы. В этой связи не только «обеднена» методологическая база, но и ослаблена авторская аргументация. Обращение к социологическим опросам, интервьюированию, без сомнения, позволило бы повысить качество (возможно, и уровень) авторских выводов и предложений.

3. Слабым и тавтологичным выглядит ключевое определение работы, в котором приоритетная обязанность объяснена через юридическую обязанность. Внимание автора к терминологическим тонкостям, на наш взгляд, «разбивается» об его неспособность четко разграничить термины «приоритетность», «первостепенность», «первоочередность», «внеочередность». По тексту они зачастую применяются как синонимичные. В частности, непонятно, подразумевает ли приоритетность наличие той самой очереди из обязанностей, одна из которых должна быть исполнена в «приоритетном порядке». Эти же не вполне корректные рассуждения положены автором в основу деления приоритетных обязанностей по очередности (с. 11): внеочередные и первостепенные. Встает вопрос, почему внеочередные не названы «первостепенными», а первостепенные — «второстепенными», поскольку у автора получилась очередь из двух ступеней обязанностей.

4. Дискуссионным представляется шестое положение, выносимое на защиту (с. 15 диссертации, с. 11–12 автореферата диссертации), где автор уточняет дефиницию специального правового статуса, включая в его конструкцию приоритетные обязанности. Текст работы не позволяет дать однозначный ответ на вопрос: присущи ли приоритетные обязанности всем категориям лиц, обладающим специальным правовым статусом (например, пенсионерам). Кроме того, неясно, почему автор не включает в указанную дефиницию преимущественные права. На наш взгляд, указанный признак является вторичным. Более того, автор сам подчеркивает

выводимость указанного признака (с. 99 диссертации). Нельзя не заметить, что в структуре специального правового статуса отсутствуют такие элементы, как поощрения и гарантии.

5. Признавая важность использования классификации при исследовании правовых явлений, в том числе в анализируемой теме (§ 1.2 диссертации), следует отметить наличие такого существенного дефекта. При классификации приоритетных обязанностей наблюдается неосновательное отступление от традиционного понимания, сложившегося в теоретико-правовой науке о градации правовых установлений: нормы делятся на запрещающие, уполномочивающие и обязывающие. Автор предлагает запрещающие приоритетные обязанности и уполномочивающие приоритетные обязанности. Думается, такой доктринальный подход — нонсенс для современной теории права, искусственное изъятие из имеющейся «триады» правовых норм элемент в угоду «интересам» темы.

6. Н. Н. Хрони выступает за закрепление дефиниции «приоритет» и «приоритетная обязанность» в законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан. Но механизм реализации предлагаемых законодательных определений не обозначается. Полагаем, что выдвинутые предложения были бы «жизнеспособными», если выработать конкретный (лучше исчерпывающий) перечень законов и подзаконных нормативных правовых актов, в которых, возможно, и необходимо «воплотить» языковые новеллы автора диссертации.

Диссертантом предложены некоторые меры, направленные на технико-юридическое совершенствование фиксации приоритетной обязанности в законодательстве, среди которых — «планомерный уход от использования неисчерпывающих перечней обязанностей» (с. 12). Думается, что так же, как и правовой статус в целом, перечень прав и обязанностей не могут всегда иметь абсолютно четко обозначенные границы в силу их постоянного развития, высокой динамики действующего законодательства. Речь идет о более гибком подходе — что можно и нужно дать в формате исчерпывающего перечня, а что-то из приоритетов зафиксировать в виде открытого перечня.

7. Описываемая автором иерархия нормативных правовых актов (с. 23–24 диссертации) носит фрагментарный характер. Создается впечатление, что автор упускает ряд форм (источников) права законодательного и подзаконного характера (законы о поправке к Конституции,

нормативные акты Президента Российской Федерации, субъектов Российской Федерации). Попутно следует отметить, что в библиографическом списке работ не учтена предусмотренная Конституцией Российской Федерации (ст. 15) иерархия форм (источников) права. Об этом свидетельствует несколько хаотичное размещение в библиографии диссертации международных актов, общих и кодифицированных законов, подзаконных нормативных актов (с. 177–220) [22; 23].

Принято считать, что при рецензировании диссертации надо оценивать то, что в ней есть, и не касаться того, чего в ней нет. Думается, это неоправданная позиция. Если разработчик темы упустил важные для ее раскрытия вопросы, то это надо непременно отметить. Иначе оценка будет не вполне объективной и неоправданно комплиментарной.

Кроме уже отмеченных «пробелов» диссертационного исследования Н. Н. Хрони, остался без ответа принципиальный вопрос: «Охватывает ли авторское определение понятия «юридический приоритет» приоритетные задачи и направления деятельности, декларируемые в актах стратегического планирования?» [24; 25]. Важно было показать соотношение юридического приоритета с юридическими стратегиями и специализацию правовых норм.

Рассматривая отраслевые виды приоритетной обязанности (с. 68–79 диссертации), автор практически не уделяет внимания приоритетным обязанностям в административном праве, что, учитывая объем и характер регулируемых этой отраслью права общественных отношений, а также ее роль в регулировании статуса органов государственной власти и государственных служащих является неоправданным.

Список источников

1. Хрони Н. Н. Приоритетная обязанность в структуре специального правового статуса: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. 220 с.
2. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. Москва: Аделант, 2014. 800 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1194 с.
4. Репьев А. Г. «Преимущественное право» и «правовой приоритет» в юридической доктрине и законодательстве // Вестник РПА Минюста РФ. 2019. № 1. С. 14–20.
5. Репьев А. Г. «Приоритет» и «паритет» как парные правовые категории (доктринальное толкование

с содержательных и технико-юридических позиций) // Вестник РПА Минюста РФ. 2021. № 1. С. 7–15.

6. Чиркаев С. А. Приоритет как особое средство правового регулирования // Евразийский юридический журнал. 2022. № 4 (167). С. 79–82.

7. Об утверждении перечня должностных лиц, за подписью которых телеграммы категорий «Президент Российской Федерации», «Председатель Правительства Российской Федерации», «Высшая правительственная» и «Правительственная» передаются в приоритетном порядке: постановление Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2006 года № 74 (в ред. от 8 сентября 2023 года) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 7, ст. 785; 2023. № 37, ст. 6851.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12 октября 2023 года) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ч. 1, ст. 1; 2023. № 16, ст. 2749.

9. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ (в ред. от 13 июня 2023 года) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15, ст. 2037; 2023. № 25, ст. 4421.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12 октября 2023 года), ст. 314.1 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2023. № 16, ст. 2750.

11. О чрезвычайном положении: федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ (в ред. от 2 ноября 2023 года) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23, ст. 2277; Российская газета. 2023. 8 ноября.

12. О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2003 года № 794 (в ред. от 16 февраля 2023 года) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 2, ст. 121.

13. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2023 года) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48, ст. 6724; 2023. № 1. Ч. I, ст. 76. См. также: По делу о проверке конституционности статьи 129, части первой статьи 331, пункта 3 части первой статьи 379.1, части первой статьи 379.2 и пункта 6 части первой статьи 390 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н. П. Хомутиной: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2023 года № 53-П // Российская газета. 2023. 30 ноября.

14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федера-

ции от 2 декабря 2019 года № 11-КГ19-24. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.09.2023).

15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 2020 года № 74-КГ19-10. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.09.2023).

16. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

17. Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 26 июня 2020 года № 460 (в ред. от 2 мая 2023 года), п. 6.2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023).

18. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 октября 2017 года № 69-КГ17-23. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023).

19. Репьев А. Г. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2020. 529 с.

20. Баранов В. М. Стратегия, тактика и техника государственной поддержки посредством правовых преимуществ. Отзыв о диссертации А. Г. Репьева на тему «Преимущества в российском праве: теория, методология, техника» (Саратов, 2019. 529 с.), представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2 (50). С. 210–221.

21. О реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан на период до 2024 года (вместе с «Положением о реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан на период до 2024 года»): постановление Правительства Российской Федерации от 27 мая 2021 года № 800 (в ред. от 5 октября 2023 года), п. 5 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 23, ст. 4049; 2023. № 42, ст. 7493.

22. Толстик В. А. Иерархия источников российского права. Нижний Новгород: «Интелсервис», 2002. 216 с.

23. Толстик В. А. Иерархия российского и международного права Москва: Изд-во «ЮРАЙТ», 2001. 128 с.

24. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26. Ч. I, ст. 3378.

25. Говорухина Ю. В. Стратегия как правовой документ: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2021. 226 с.

References

1. Khroni N. N. Priority duty in the structure of the special legal status. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2023. 220 p. (In Russ.)

2. Egorova T. V. Dictionary of foreign words of the modern Russian language. Moscow: Adelant Publ., 2014. 800 p. (In Russ.)

3. The great explanatory dictionary of the Russian language / comp. and chief ed. by S. A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint Publ., 2000. 1194 p. (In Russ.)

4. Repyev A. G. "Preemptive right" and "legal priority" in legal doctrine and legislation. *Bulletin of the RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation*, 2019, no. 1, pp. 14–20. (In Russ.)

5. Repyev A. G. "Priority" and "parity" as paired legal categories (doctrinal interpretation from substantive and technical-legal positions). *Bulletin of the RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation*, 2021, no. 1, pp. 7–15. (In Russ.)

6. Chirkaev S. A. Priority as a special means of legal regulation. *Eurasian Law Journal*, 2022, no. 4 (167), pp. 79–82. (In Russ.)

7. On approval of the list of officials, signed by whom telegrams of the categories "President of the Russian Federation", "Chairman of the Government of the Russian Federation", "Highest Governmental" and "Governmental" are transmitted in priority order: decree of the Government of the Russian Federation no. 74 of February 6, 2006 (as amended. of September 8, 2023). *Collection of legislative acts of the RF*, 2006, no. 7, art. 785; 2023, no. 37, art. 6851. (In Russ.)

8. The Code of the Russian Federation on Administrative Offences no. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended. from August 4, 2023) (with amendments and additions, intro. effective from October 12, 2023). *Collection of legislative acts of the RF*, 2002, no. 1, part 1, art. 1; 2023, no. 16, art. 2749. (In Russ.)

9. On Administrative Supervision of Persons Released from places of deprivation of Liberty: federal law no. 64-FZ of April 6, 2011 (as amended of June, 2023). *Collection of legislative acts of the RF*, 2011, no. 15, art. 2037; 2023, no. 25, art. 4421. (In Russ.)

10. The Criminal Code of the Russian Federation no. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended. from August 4, 2023) (with amendments and additions, intro. effective from October 12, 2023), article 314.1. *Collection of legislative acts of the RF*, 1996, no. 25, art. 2954; 2023, no. 16, art. 2750. (In Russ.)

11. On the state of emergency: federal constitutional law no. 3-FKZ of May 30, 2001 (as amended of November 2, 2023). *Collection of legislative acts of the RF*, 2001. no. 23, art. 2277; *Rossiyskaya Gazeta*, 2023, November 8. (In Russ.)

12. On the Unified State system of Prevention and liquidation of Emergency Situations: decree of the Government of the Russian Federation no. 794 of December 30, 2003 (as amended. of February 16, 2023). *Collection of legislative acts of the RF*, 2004, no. 2, art. 121; (In Russ.)

13. On the basics of public health protection in the Russian Federation: federal law no. 323-FZ of November 21, 2011 (as amended. from July 7, 2023) (with amendments and additions, intro. effective from September 1, 2023). *Collection of legislative acts of the RF*, 2011, no. 48, art. 6724; 2023, no. 1, part I, art. 76. See also: In the case of checking the constitutionality of Article 129, part one of Article 331, paragraph 3 of part one of Article 379.1, part one of Article 379.2 and paragraph 6 of part one of Article 390 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen N. P. Khomutina: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of no. 53-P November 20, 2023. *Rossiyskaya gazeta*, 2023, November 30. (In Russ.)

14. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation no. 11-KG19-24 of December 2, 2019. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.09.2023). (In Russ.)

15. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation no. 74-KG19-10 of January 27, 2020. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.09.2023). (In Russ.)

16. On the approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: decree of the President of the Russian Federation no. 809 of November 9, 2022. *Collection of legislative acts of the RF*, 2022, no. 46, art. 7977. (In Russ.)

17. On the approval of the Code of Ethics and Official Conduct of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no. 460 of June 26, 2020 (as amended May 2, 2023), item 6.2. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.09.2023). (In Russ.)

18. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation no. 69-KG17-23 of October 23, 2017. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.09.2023). (In Russ.)

19. Repyev A. G. Advantages in Russian law: theory, methodology, technique. Dissertation... doctor of legal sciences. Saratov, 2020. 529 p. (In Russ.)

20. Baranov V. M. Strategy, tactics and techniques of state support through legal advantages. Review of A. G. Repyev's dissertation on the topic "Advantages in Russian law: theory, methodology, technique" (Saratov, 2019. 529 p.), submitted for the degree of Doctor of Law in the specialty 12.00.01 — theory and history of law and state; history of the teachings of law and state. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2 (50), pp. 210–221. (In Russ.)

21. On the implementation of measures for the organization of vocational training and additional vocational education of certain categories of citizens for the period up to 2024 (together with the "Regulations on the implementation of measures for the organization of vocational training and additional vocational education of certain categories of citizens for the period up to 2024"): decree of the Government of the Russian Federation no. 800 of May 27, 2021 (as amended. from October 5, 2023), item 5. *Collection of legislative acts of the RF*, 2021, no. 23, art. 4049; 2023, no. 42, art. 7493. (In Russ.)

22. Tolstik V. A. Hierarchy of sources of Russian law. Nizhny Novgorod: Intelservice Society Publ., 2002. 216 p. (In Russ.)

23. Tolstik V. A. Hierarchy of Russian and International Law. Moscow: YURAYT Publ., 2001. 128 p. (In Russ.)

24. On Strategic Planning in the Russian Federation: federal law of the Russian Federation no. 172-FZ of June 28, 2014. *Collection of legislative acts of the RF*, 2014, no. 26, part I, art. 3378. (In Russ.)

25. Govorukhina Yu. V. Strategy as a legal document. Dissertation... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2021. 226 p. (In Russ.)

Рецензия на диссертацию поступила в редакцию 01.12.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The dissertation review was submitted 01.12.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Ученый, новатор, личность!

К юбилею профессора Алексея Андреевича Демичева

Scientist, innovator, personality!

To the anniversary of Professor Alexey Andreevich Demichev

«Ученый без трудов — дерево без плодов»
Саади

6 августа 2023 года отпраздновал свой 50-летний юбилей [1] Алексей Андреевич Демичев, один из ярчайших представителей современной юридической науки, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, полковник полиции. Нам, как соратникам Алексея Андреевича «по цеху», хотелось бы рассказать не только о его жизненном пути и достижениях к настоящему времени, но и показать многогранность личности этого поистине выдающегося ученого, новатора и человека!

Алексей Андреевич родился 6 августа 1973 года в г. Горьком в семье педагогов. В 1990 году окончил с золотой медалью математический класс средней школы № 26 г. Горького. В 1995 году с отличием окончил Нижегородский государственный педагогический университет (специальность — «История», квалификация — «Учитель истории и социально-политических дисциплин»). В 2008 году с отличием окончил Владимирский государственный гуманитарный университет (специальность — «Юриспруденция», квалификация — «Юрист»). Уже эти факты образовательного процесса Алексея Андреевича свидетельствуют о неординарности его личности. Мало кто из нас (а уж в современной среде образования это вообще выглядит нонсенсом), получив прекрасное естественнонаучное образование, дальше проявляет тягу к гуманитарному — педагогическому, историческому и юридическому знанию. Более того, Алексей Андреевич в дальнейшем пытается реализовать полученное образование в практической и научной плоскости.

Еще являясь студентом, он начал трудовую деятельность в качестве учителя истории, краеведения, граждановедения, правоведения в основной школе № 78 г. Н. Новгорода, где проработал 5 лет. С 1 октября 1995 года, не оставляя работу в школе, поступил в очную аспирантуру исторического факультета Нижегородского государственного педагогического университета. Окончил ее

досрочно, защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Деятельность российского суда присяжных в 1864–1917 гг.: историко-социальные аспекты (на материалах Московского судебного округа)» [2] в Нижегородском государственном университете имени Н. И. Лобачевского.

Казалось бы, что карьера преподавателя и ученого-историка сложилась для дальнейшего изучения этой материи. Так, собственно, и было в начале его университетского научно-педагогического пути. С 1 сентября 1997 года по ноябрь 2000 года он работал старшим преподавателем кафедры теории и методики обучения истории Нижегородского педагогического университета, а с ноября 2000 года по февраль 2003 года — доцентом кафедры истории России Нижегородского государственного педагогического университета. Уже в 2002 году ему было присвоено ученое звание доцента (кафедра истории России). Но Алексей Андреевич не был бы самим

собой, если бы просто пошел по пути наименьшего сопротивления, удовлетворившись складывающейся карьерой. Он совершает кардинальный переворот, поступив с 1 февраля 2003 года на службу в Нижегородскую академию МВД России.

Скажем честно, для нас, к тому времени офицеров в погонах старшего начальствующего состава, было в диковину видеть, как «гражданский» состоявшийся педагог-ученый начинает свой карьерный офицерский путь с нижнего звена в звании старшего лейтенанта. Но опять же для Алексея Андреевича это был своеобразный вызов для еще большего педагогического и научного роста. Атмосфера дисциплины и системного порядка благоприятно сказались на научной деятельности ученого. Не останавливаясь в своем научном изыскании, уже в 2003 году в Нижегородской академии МВД России он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Сравнительно-правовое исследование суда присяжных в России (история и современность)» [3]. Диссертация (кстати, первая докторская в России по этой тематике) становится серьезным фундаментальным исследованием по проблемам суда присяжных в России, до сих пор являясь «настойной книгой» для ученых-юристов и основой для познания данного института права.

В 2005 году Алексею Андреевичу было присвоено ученое звание профессора. Отметим, что получение данного почетного ученого звания всего лишь спустя два года после успешной защиты докторской диссертации является свидетельством высокого уровня профессионализма и научной деятельности этого талантливого ученого. Признаем, что нам даже по истечении десятилетнего рубежа после защиты докторских диссертаций не удалось достигнуть этой вершины научного Олимпа.

Уже на протяжении более двадцати лет Алексей Андреевич Демичев является научным лидером Нижегородской академии МВД России. За время своей службы в академии он зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны как высококвалифицированный специалист по подготовке юридических кадров, грамотный педагог, авторитетный ученый, принципиальный и требовательный научный руководитель, способный творчески, качественно и своевременно решать поставленные задачи. А. А. Демичев на высоких методическом и научно-теоретическом уровнях проводит все виды учебных занятий по дисциплинам

цивилистического цикла, внедряет в образовательный процесс практико-ориентированные методы и инновационные технологии обучения, направленные на подготовку высококвалифицированных юридических кадров. Преподаваемые курсы обеспечены авторскими учебниками и мультимедийным сопровождением.

Алексей Андреевич является сверхплодотворным ученым в современной юриспруденции. Он автор 525 работ, в том числе 25 монографий, 80 учебников и учебных пособий (учебники «Гражданский процесс», «Семейное право», «Экологическое право» имеют гриф МВД России, учебники «Гражданское процессуальное право России», «Арбитражный процесс» и другие — гриф УМО и УМС по юридическому образованию); 130 статей в российских журналах, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации, около 30 публикаций в странах ближнего и дальнего зарубежья. Ученый принял участие более чем в 150 конференциях, семинарах, симпозиумах, «круглых столах» различного уровня, из них — в 70 конференциях международного уровня.

Одним из показателей современного ученого является всем известный для научной среды индекс Хирша. Так вот, по данным Российского индекса научного цитирования А. А. Демичев с показателем индекса Хирша равным 41 входит в первую тридчатку ученых-юристов (из более 41 тысячи зарегистрированных в системе представителей юридического сообщества).

Особо следует отметить созданную и развиваемую Алексеем Андреевичем научную школу «Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение». На самом деле, казалось бы, за сложным наименованием этого научного направления профессором Демичевым кроется простая, но по-научному глобальная идея методологии исторического сравнительного познания объектов исследования (правовых идей, концепций, институтов), имеющих временные разрывы своего существования. Безусловно, такая научная идея стала привлекательна не только для учеников Алексея Андреевича (а у юбиляра их тоже около 50), но и большого круга юристов-ученых, к которым мы относимся. Отметим, что на данный момент в рамках научной школы профессора проведено 6 всероссийских научно-практических конференций, выпущено 11 сборников научных трудов, более 10 монографий.

Не оставляет без внимания А. А. Демичев и подрастающих юристов — студентов,

курсантов, слушателей. Под его научным руководством опубликовано более 50 курсантских (студенческих) статей, в том числе 10 статей иностранных студентов. Им подготовлен ряд победителей и призеров олимпиад и конкурсов различного уровня, включая всероссийский.

Искрометный юмор, высокое педагогическое мастерство, простота в общении оставляют яркое и незабываемое впечатление об Алексее Андреевиче!

Плодотворность А. А. Демичева как ученого проявляется и в его активной научно-организационной и общественной деятельности. Профессор А. А. Демичев с 2004 года является членом диссертационного совета на базе Нижегородской академии МВД России, многократно выступал в качестве официального оппонента по докторским и кандидатским диссертациям в диссертационных советах в различных уголках страны. Стоит отметить, что уважаемый профессор входит в состав редакционных советов и редакционных коллегий ведущих научных рецензируемых журналов, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации: «Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки», «Гражданское общество в России и за рубежом», «Право и политика», «Наследственное право», «Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России».

Кроме того, А. А. Демичев является членом комиссии при губернаторе Нижегородской области по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий.

Безусловно, заслуги Демичева как ученого и педагога не остаются без внимания. Не перечисляя все награды ученого (а их, поверьте, одно перечисление займет не одну страницу текста), обратим внимание на наиболее значимые: в 2007 году он был избран академиком (действительным членом) Российской академии юридических наук; в 2012 году стал лауреатом премии Министра внутренних дел Российской Федерации в номинации «Лучший преподаватель образовательных учреждений МВД России в 2012 году»; в 2014 году ему присвоено почетное звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации»; в 2014 году он стал победителем регионального конкурса «Юрист года» в номинации «За вклад в юридическую науку»; в 2020 году — победителем конкурса преподавателей вузов «Золотые имена высшей

школы», реализованного при поддержке Фонда президентских грантов на развитие гражданского общества, в номинации «За вклад в науку и высшее образование»; в 2023 году за образцовое выполнение служебных обязанностей, умелую организацию подготовки научно-педагогических кадров награжден медалью МВД России «За заслуги в научной и педагогической деятельности».

В настоящее время Алексей Андреевич плодотворно занимается научно-педагогической деятельностью, под его редакцией выходят новейшие учебники по юридическим дисциплинам частного правового цикла и монографии по проблемам формирования и развития отраслей права в исторической и современной правовой реальности России [5–7].

Следует отметить, что Алексей Андреевич, как и полагается настоящей творческой личности, помимо своей основной профессиональной стези, имеет увлечения и хобби. Как известно, профессор не равнодушен к спорту, путешествиям по просторам страны.

Алексей Андреевич является прекрасным семьянином, заботливым мужем для своей супруги Татьяны Николаевны (кстати, кандидата экономических наук, доцента) и любящим отцом для дочери Натальи, которая, следует заметить, не пошла по стопам отца, как это часто бывает в нашей среде, а выбрала профессию филолога, успешно окончив Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова и защитив кандидатскую диссертацию.

Мы поздравляем нашего друга, коллегу, соратника Алексея Андреевича Демичева с наступившим юбилеем! Желаем ему неиссякаемого здоровья, творческого подъема, талантливых учеников, радостных событий в жизни, новых достижений и успехов, благополучия в семье, научных свершений!

Список источников

1. Для нас именно эта дата по праву называется — Юбилей (позднелат. *jubilaeus*, от др.-евр. Йобель — юбилейный год), каждый пятидесятый год. Наступление юбилейного года возвещалось протяжным трубным звуком, по-еврейски «иобель», от которого и произошло его название. Это был год восстановления и возвращения. Юбилейный год был прообразом истинного освобождения (Ис.61:2). URL: <https://rus-bibl-enc-nikifora.slovaronline.com> (дата обращения: 10.10.2023).

2. Демичев А. А. Деятельность российского суда присяжных в 1864–1917 гг.: историко-социальные аспекты (на материалах Московского судебного окру-

га): дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1998. 316 с.

3. Демичев А. А. Сравнительно-правовое исследование суда присяжных в России (история и современность): дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2003. 481 с.

4. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: проблемы методологии / под ред. А. А. Демичева. Москва: Русайнс, 2021. 176 с.

5. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12 т. Т. V. Гражданское право России: монография / под ред. А. А. Демичева, Р. Л. Хачатурова. Москва: Юрлитинформ, 2021. 392 с.

6. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12 т. Т. 7. Семейное право России / под ред. А. А. Демичева, Р. Л. Хачатурова. Москва: Юрлитинформ, 2022. 336 с.

7. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12 т. Т. 9. Гражданское процессуальное право в системе отраслей российского права: монография / под ред. А. А. Демичева, Р. Л. Хачатурова. Москва: Юрлитинформ, 2022. 512 с.

References

1. For us, this particular date is rightfully called the Jubilee (Late Latin *jubilaeus*, from ancient Hebrew *Yobel* — jubilee year), every fiftieth year. The coming of the year of jubilee was heralded by a prolonged sound of a trumpet, in Hebrew “*iobel*”, from which its name came.

It was a year of restoration and comeback. The year of jubilee was a type of true deliverance (Isa. 61:2). URL: <https://rus-bibl-enc-nikifora.slovaronline.com> (accessed 10.10.2023). (In Russ.)

2. Demichev A. A. Activities of the Russian jury in 1864–1917: historical and social aspects (On materials of the Moscow Judicial District). Dissertation... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 1998. 316 p. (In Russ.)

3. Demichev A. A. Comparative legal study of jury trials in Russia (history and modernity). Dissertation... doctor of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2003. 481 p. (In Russ.)

4. Chrono-discrete monogeographical comparative law: problems of methodology / ed. by A. A. Demichev. Moscow: Rusigns Publ., 2021. 176 p. (In Russ.)

5. Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia: in 12 volumes. Vol. V. Civil law of Russia: monograph / ed. by A. A. Demichev, R. L. Khachaturov. Moscow: Yurlitinform Publ., 2021. 392 p. (In Russ.)

6. Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia: in 12 volumes. Vol. 7. Family law of Russia / ed. by A. A. Demichev, R. L. Khachaturov. Moscow: Yurlitinform Publ., 2022. 336 p. (In Russ.)

7. Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia: in 12 volumes. Vol. 9. Civil procedural law in the system of branches of Russian law: monograph / ed. by A. A. Demichev, R. L. Khachaturov. Moscow: Yurlitinform Publ., 2022. 512 p. (In Russ.)

Информация об авторах

А. М. Хужин — доктор юридических наук;

И. В. Ильин — доктор юридических наук.

Information about the authors

A. M. Khuzhin — Doctor of Sciences (Law);

I. V. Ilyin — Doctor of Sciences (Law).

**Требования к рукописям статей,
представляемым для опубликования в журнале
«Юридическая наука и практика:
Вестник Нижегородской академии МВД России»**

1. К опубликованию принимаются рукописи статей, соответствующие тематике Журнала.

2. Рукопись статьи должна содержать:

— **универсальный десятичный код (УДК)** (см.: <http://teacode.com/online/udc/>);

— **сведения об авторе на русском и английском языках** (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, рабочий адрес, адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), контактные телефоны);

— **заголовок на русском и английском языках;**

— **аннотацию на русском и английском языках;**

— **ключевые слова на русском и английском языках;**

— **список библиографических ссылок на русском и английском языках** (в журнале принята затекстовая система библиографических ссылок, оформленных в соответствии с ГОСТ 7.0.5—2008, с размещением в тексте номера источника и страницы в квадратных скобках; использование подстрочных ссылок не допускается).

3. Статья объемом **не более 12 машинописных страниц** направляется в редакцию в распечатанном и электронном вариантах (в формате RTF), которые должны быть идентичны.

4. Текст статьи печатается гарнитурой Times New Roman, размер шрифта — 14, интервал — 1,5. Поля — по 2 см с каждой стороны. Нумерация страниц обязательна.

5. Редакция оставляет за собой право осуществлять техническое редактирование (не меняющее смысла) авторского оригинала.

6. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

7. Автор несет ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, наличие сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати. После вычитки отпечатанного текста автор на последней странице собственноручно пишет: **«Рукопись вычитана, цитаты проверены (дата, подпись)»**.

8. При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи в сети «Интернет» (на сайте Нижегородской академии МВД России, сайтах научных электронных библиотек).

9. Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей.

Почтовый адрес:
603144, Нижегородская область,
г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3,
Нижегородская академия МВД России (РИО).
Тел.: 8 (831) 421-73-21.
E-mail: vestniknamvd@mail.ru
Сайт: na.mvd.rf